

ИНСТИТУТ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Алек Д. Эпштейн

**ГЕНЕЗИС И ЗАКАТ
«ЛЕВОГО» ИЗРАИЛЯ**

Москва
2011

Научное издание

Алек Д. Эпштейн

ГЕНЕЗИС И ЗАКАТ «ЛЕВОГО» ИЗРАИЛЯ

М., 2011, 380 с.

Dr. Alek D. Epstein

THE RISE AND THE DECLINE OF THE ISRAELI LEFT

Moscow: Institute of the Middle Eastern Studies, 2011

*Книга публикуется в авторской редакции
и не обязательно отражает позицию
Института Ближнего Востока*

ISBN 978-5-89394-220-0

ISBN 978-5-89394-220-0

© Институт Ближнего Востока, 2011

© Алек Д. Эпштейн, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ОБ АВТОРЕ	5
ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ	6
ВВЕДЕНИЕ	8

Часть I.

«Это наша страна»: создание Государства Израиль как проект социал-демократического сионизма

Глава I. «Левые» силы «государства в пути»	18
«Левые» сионистские организации и причины их возвышения.....	19
Зарождение социалистического сионизма и его идеологические основы	28
«Левый» сионизм в Палестине/Эрец-Исраэль и в диаспоре в конце 1920-х – начале 1930-х годов	42
Политэкономия «левого» сионизма: Федерация профсоюзов и создание инфраструктуры «государства в пути»	53
Глава II. Новая реальность государства: борьба за власть вместо борьбы за идеалы	62
Борьба с партией МАПАМ за монополию в социал- сионистском лагере	64
На море и на суше: гражданская война против наследников Жаботинского.....	77
Конец идеологии: от «левой» партии – к партии власти.....	88

Часть II.

Между борьбой с арабами, борьбой за мир и борьбой за власть: «левые» силы от Шестидневной войны до краха «процесса Осло»

Глава III. «Новые левые»: зарождение и генезис гражданских «левых» организаций.....	100
Новые «левые призыва 1967 года» против правительства социал-демократов	101
«Демократы» против демократии: «новые левые» и травля правительства М. Бегина.....	110
«Это не наша война»: «левый» лагерь в дни Первой Ливанской...	125
Партия Труда в правительстве с «Ликудом»	132
Глава IV. Инициаторы и вдохновители «процесса Осло»: «новые левые» в правительстве И. Рабина – Ш. Переса	140
Случайная победа	140
«Новые левые» и их проект «нового Ближнего Востока»	144

Танго с Арафатом	150
Всеми правдами и неправдами: как утверждались «соглашения Осло»	156
Общественные организации «новых левых» в «эпоху Осло»	161
Глава V. Снова в оппозиции: «левые» в дни первого правительства Б. Нетанияху	169
Глава VI. «Подняться, чтобы разбиться»: «левый» лагерь и крах «процесса Осло»	186
Неудачная попытка достижения урегулирования с Сирией	190
Полный вывод израильских войск из Ливана и его последствия ...	194
Интенсификация переговоров об окончательном урегулировании конфликта с палестинскими арабами	195
Саммит в Кэмп-Дэвиде: зенит и закат «процесса Осло»	204

Часть III.

«Мы потеряли эту страну»: «левые» силы в «правом» Израиле

Глава VII. Идеологическое смятение в «левом» лагере.....	234
Вторая интифада и общественно-политический кризис «левых» сил..	234
Между односторонним размежеванием и интенсификацией отступления	243
«Четвертая власть». «Левая» пресса: от гегемонии – к борьбе за выживание	251
«Новые левые» и палестинцы по обе стороны «зеленой черты»: безуспешные попытки партнерства.....	254
Глава VIII. Внепарламентские «новые левые» общественные движения в битве за выживание	264
Маргинализация протеста: новые радикальные «левые» общественные группы в современном Израиле	264
Каналы финансирования ведущих «левых» организаций	274
Глава IX. От контроля над правосудием – к овладению всей полнотой власти	288
Битва против репрезентативной демократии: от власти избираемой – к власти профессиональных элит	288
Борьба за Министерство юстиции и контроль за избранием судей.	293
Президент и премьер-министр на скамье подсудимых.....	307
Глава X. Властители дум: крах процесса Осло и проблема ответственности интеллектуалов	325
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	342
ПОСТСКРИПТУМ.....	347

ОБ АВТОРЕ

Д-р **Алек Д. Эпштейн** – штатный преподаватель кафедры социологии и политологии Открытого университета Израиля, постоянный приглашенный преподаватель Центра Чейза Еврейского университета в Иерусалиме, Института стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова и Московской высшей школы социальных и экономических наук, эксперт Института Ближнего Востока, специалист по истории и политологии Израиля и арабо-израильского конфликта, интеллектуальной истории, а также социологии образования и изучению процессов миграции и адаптации, автор двенадцати монографий, среди которых «Войны и дипломатия. Арабо-израильский конфликт в XX веке» (Киев, 2003), «Израиль и проблема палестинских беженцев: история и политика» (Москва, 2005), «ХАМАС в региональной политике» (Москва, 2007) и другие, и более чем сотни научных работ, опубликованных в двенадцати странах на семи языках. Он выступал с лекциями во многих университетах в Израиле и в России, участвовал в более чем сотне научных конференций ведущих международных социологических и политологических ассоциаций, а также форумов исследователей иудаики и израилеведения.

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ

Очередная книга д-ра Алека Эпштейна, одного из ведущих политологов Израиля, работы которого тем интереснее отечественному читателю, что многие из них написаны на русском языке, посвящена левому лагерю, сыгравшему историческую роль в становлении и укреплении этого государства. Истоки и эволюция левых политических партий и движений в Палестине, а затем в Государстве Израиль тем важнее для российских специалистов, что происхождение их во многом то же, что у всех левых движений Восточной Европы, включая партии и движения Российской Империи, а затем – возникших на ее руинах социалистических республик. Модель, которую социалистические, социал-демократические и коммунистические партии сформировали в Палестине, дает возможность проследить ход «параллельной эволюции» восточноевропейского социализма вне зоны военного контроля СССР, характерного для стран «народной демократии». Интереснейшие выводы, которые исследование д-ра Эпштейна позволяет сделать в этой связи, выводят его значение далеко за рамки израилеведения как такового.

Однако и в рамках израильской политологии предлагаемая вниманию читателя книга уникальна. Полное неизвестных специалистам деталей исследование левого Израиля, написанное ученым, чьи симпатии принадлежат левому лагерю, но личная честность и академическая объективность заставляют его придерживаться истины, подписывает этому лагерю приговор. Вся деятельность современных израильских «новых левых», вступающая в прямое противоречие с наследием Давида Бен-Гуриона и Берла Кацнельсона, основана сегодня на политической и финансовой поддержке извне. Левые идеи еще сильны в Израиле, но поддержка избирателями и финансовой элитой страны маргиналов из «болтающих классов» практически сошла на нет. Да и такие партии, как «Авода», которые левые избиратели традиционно поддерживали, теряют популярность и голоса. Превратившаяся же из центристской в левую «Кадима», собирая осколки левого лагеря, сформировать

правлящую коалицию не может и, судя по последним тенденциям, не сможет.

Парадоксальным образом наследниками «отцов-основателей» Израиля сегодня являются лидеры правящей правоцентристской коалиции – Биньямин Нетаньяху и Авигдор Либерман. Во многом это связано с попытками давления на Израиль администрации США и активной антиизраильской деятельностью руководства ПНА. Продолжающаяся в вялотекущем режиме гражданская война между движениями ХАМАС и ФАТХ, борьба за власть и коррумпированность в ПНА, замораживание по инициативе официальной Рамаллой мирного процесса означают де-факто отказ от создания палестинского государства в сотрудничестве с Израилем. Это смертельный удар по израильскому левому лагерю, перечеркивающий все объяснения и оправдания его лидеров. В борьбе за выживание Израиль, как это неоднократно было в его истории, выбирает путь, который может вывести его из очередного тупика, куда завело его руководство страны – и это не левый путь. О чем и свидетельствует книга д-ра Эпштейна.

*Евгений Сатановский,
президент ИБВ*

ВВЕДЕНИЕ

Книга, посвященная «левому» Израилю, сразу же провоцирует вопрос о том, какая именно «левизна» имеется в виду. Следует сразу сказать, что с социологической точки зрения в Израиле деление партий на «левые» и «правые» является в известной мере условным, поскольку левые партии уже давно не являются носителями «пролетарской» идеологии, а большинство их сторонников принадлежит к обеспеченному среднему классу.

В идейном плане в качестве «левых» обычно воспринимаются партии, видящие свой идеал в достижении общественного равенства и ратующие за широкие социальные программы, прогрессивное налогообложение, развитый общественный сектор и активное вмешательство государства в социально-экономическую жизнь. В израильском контексте эти воззрения находили выражение в исторической приверженности «левых» идеологии, ставившей во главу угла еврейский сельскохозяйственный труд на своей земле, в их представлении о *киббуцах* и *мошавах* как о воплощенной социальной утопии и стремлении отстоять ведущие позиции Федерации профсоюзов в экономике и в государстве в целом. «Правые» же традиционно выступали против чрезмерного, по их мнению, расширения функций Федерации профсоюзов, лоббировали интересы частного бизнеса, инициировали законодательные инициативы, направленные на создание условий для свободной конкуренции в экономической и социальной сферах. Однако *в Израиле в общепринятые дефиниции вкладывается в настоящее время совсем другой смысл.* Согласно данным исследования, проведенного профессорами Тель-Авивского университета Эфраимом Юхтманом-Яаром и Йохананом Пересом в 1994 году, лишь 30% израильтян, определивших себя в качестве «левых», выступали за то, чтобы страна развивалась по социалистическому пути; среди тех, кто характеризует себя в качестве «центристов» и «правых», сторонников социализма было

23%¹. С тех пор доля убежденных социалистов еще более сократилась. Немаловажно и то, что «правые» партии в Израиле значительно шире используют религиозную риторику, акцентируя в предвыборной пропаганде традиционные ценности иудаизма и «святости» земли Эрец-Исраэль. Известные политологи Ашер Ариан и Михаль Шамир полагают, что в Израиле деление партий на «левые» и «правые» утратило какой-либо смысл, поскольку «левые» партии не являются «пролетарскими», а религиозные партии вообще невозможно включить в эту последовательность².

Так было не всегда: в догосударственный период, когда еврейская община Палестины/Эрец-Исраэль боролась за достижение государственной независимости, «левыми» считались именно социалистические, а «правыми» – именно буржуазно-демократические партии. Позднее, трудно сказать конкретно, когда именно, но точно после Шестидневной войны (1967), определения «левых» и «правых» в Израиле кардинально изменились: линией водораздела стало не отношение к частной собственности и видение оптимальной модели социально-экономического устройства, а позиция по вопросу возможности и целесообразности того или иного территориального компромисса во имя попытки достижения урегулирования с арабами. И по этой оси и «левые», и «правые» партии прошли огромный и при этом достаточно зигзагообразный путь, так что позиции «правого» «Ликуда» сегодня много «левее» программы и политического курса «левой» Партии Труда в период правления Голды Меир (первая половина 1970-х годов), но в общественном сознании это деление остается более или менее неизменным.

Таким образом, книга о «левом» Израиле вынуждает автора по ходу повествования менять объект своего исследования: начав с обзора деятельности социал-сионистских партий, выступавших за строительство в Палестине/Эрец-

¹ См.: Ephraim Yuchtman-Ya'ar and Yochanan Peres. *Between Consent and Dissent: Democracy and Peace in the Israeli Mind*. – Lanham: Rowman and Littlefield Publishers, 2000, с. 87.

² См.: Asher Arian and Michal Shamir. The Primary Political Functions of the Left-Right Continuum // *Comparative Politics*, 1983, vol. 15, с. 139–158.

Израэль общества всеобщего равенства, постепенно перейти к анализу партий и общественно-политических движений, ратующих за «территориальные уступки во имя мира» и отстаивающих тезис, что «только мир принесет Израилю безопасность». Подобная смена объекта исследования вызвана тем, что на протяжении многих десятилетий, предшествовавших израильской победе в Шестидневной войне, практически никто, кроме уж совсем радикальных пацифистских или коммунистически ориентированных деятелей, не имевших никакого политического веса, не выступал с позиций «территории в обмен на мир» или им подобных, и если определять «левых» в Израиле, исходя из отношения к этому принципу, то нижние хронологические рамки настоящей книги следовало бы ограничить 1967 годом.

Однако оправдано ли это? Можно ли сказать, что до 1967 года «левых» в Израиле не было? Конечно, были – более того, они внесли решающий вклад и в строительство «национального очага», и в формирование Государства Израиль таким, каким оно возникло. На протяжении всех лет существования еврейской общинной политики в Палестине/Эрец-Израэль, равно как и на протяжении всего периода собственно израильской истории вплоть до ставшей точкой отсчета новых систем внутриполитических координат Шестидневной войны, «левые» партии занимали ведущее положение. Однако, как указывалось выше, отличительной чертой тех, исторических, «левых» была увлеченность проектом строительства более или менее социалистического общества. Учитывая, что сегодня с подобных позиций выступают лишь три члена Кнессета (Шели Ехимович от Партии Труда, Хаим Орон и Илан Гильон от блока МЕРЕЦ), говорить о существовании в сегодняшнем Израиле «левых» сил можно с крайне большой натяжкой. Экономическая политика правительства Партии Труда и «левого» блока МЕРЕЦ в 1992–1996 годах (это – последний до настоящего времени период пребывания у власти левоцентристской коалиции без участия «правых») практически ничем не отличалась от либерального экономического курса «правых» кабинетов. Историческая связь «левых» партий с Федерацией профсоюзов также подверглась в последние годы значительной ревизии. Достаточно сказать, что бывший в 1995–2006 гг. председателем Федерации профсоюзов Амир Перец основал незадолго до выборов 1999 года самостоятельную партию (получившую два ман-

дата в Кнессете), не вошедшую в правительство, сформированное председателем Партии Труда Эхудом Баракком. Подобная ситуация была абсолютно немыслимой в 1950-е – 1960-е годы, когда Федерация профсоюзов представляла собой стержневой остов всего социал-демократического лагеря, а ее руководители фактически назначались узким кругом лидеров МАПАЙ. В настоящее время Федерация профсоюзов и ее председатель Офер Эйни ведут свою политику, лишь в очень малой степени связанную с той «повесткой дня», которую определили для себя лидеры Партии Труда и «левого» блока МЕРЕЦ. С этой точки зрения, книгу о «левом» Израиле имело смысл, наоборот, закончить примерно 1969 годом, когда всё больше сдвигавшаяся к буржуазно-демократическому центру Партия Труда окончательно подмяла под себя все остальные социал-сионистские партии, фактически оставив Кнессет без «левых». Автору, однако, кажется, что описание трансформаций, которые прошло израильское общество, выразившихся, в частности, в принципиальном изменении границ «левого» и «правого» лагерей, является делом важным и интересным для понимания, вследствие чего настоящая книга покрывает более чем столетний хронологический период: от появления первых левосионистских партий в 1905–1906 годах до настоящего времени. При этом в первых двух главах книги речь идет о «левых», начертавших на своих знаменах принципы социальной справедливости и равенства, при этом ведших крайне жесткую националистическую политику по отношению к арабам, относительно которых не применялись почти никакие из принципов равенства. В третьей главе центр повествования смещается в сторону «левых», стремившихся к мирному сосуществованию с арабами, при том, что их отношение к принципам социальной справедливости могло быть каким угодно, в том числе (и так, как правило, и было) и крайне негативным. Подобный перенос центра тяжести повествования с одного объекта исследования на другой отражает не непоследовательность автора, а, напротив, понимание изменившихся реалий израильского общества, которое бессмысленно силой загонять в прокрустово ложе одних и тех же моделей и дефиниций в 1950-е годы и в наши дни.

Даже принимая во внимание всё вышесказанное, нужно отметить, что социологически «левые» партии с каждым годом все труднее отличить от «правых», и этот процесс в Израиле

происходит аналогично подобному же «размыванию» социальной базы партийного электората в европейских странах. Еще в 1950-е годы в крупнейшей социал-демократической партии Израиля (МАПАЙ, с 1968 года – Партия Труда Израиля) состояли не только рабочие, но и многие представители среднего класса, а националистически ориентированное правое движение «Херут» [«Свобода»] пользовалось значительной поддержкой среди малообеспеченных жителей бедных кварталов и городов на периферии. Будучи умеренной центристской силой, партия Общих сионистов опиралась на поддержку состоятельных слоев общества, а такая элитарная партия ашкеназского истеблишмента, как созданное в 1973 году движение «Рац», ставшее краеугольным камнем основанного в 1992 году блока МЕРЕЦ, все годы своего существования являлась наиболее последовательным защитником прав арабского населения Израиля. Примерно на те же группы населения опирались партии ДАШ [«Демократия и перемены»], «Шинуй» [«Перемена»] и Независимые либералы. Такие движения, как «Рац» и распавшиеся в конце 1970-х – начале 1980-х годов «Шели», «Мокед» [«Фокус»], «Мацпен» [«Компас»] и «Суах» [«Диалог»], прослыли «левыми» не потому, что пользовались сколь-нибудь существенной поддержкой в рабочей среде, а из-за своей так называемой «голубиной» внешнеполитической ориентации, подразумевавшей готовность к значительным территориальным уступкам в надежде на мирное урегулирование с арабами, и бескомпромиссной приверженности антиклерикальной идеологии.

Другой важный вопрос, на который нужно было ответить автору, касался вопроса о том, какие партии и организации имеет смысл рассматривать в монографии, призванной покрыть более чем столетний исторический период. За эти годы в Палестине/Эрец-Исраэль и в Государстве Израиль возникли сотни всевозможных партий и движений, большинство из которых не дожили до сегодняшнего времени. Нужно сразу отметить, что настоящая книга посвящена тем «левым» силам, которые были наиболее влиятельными в каждый из описываемых периодов времени. Это не книга о маргиналах, некоторые из которых были крайне интересными, яркими людьми, ни на что в практической политике, однако, не повлиявшими, поэтому здесь почти не упоминаются ни лидеры компартии Моше Сне (1909–1972), Шмуэль Микунис (1903–1982) и Меир Вильнер (1918–2003), ни Мати

Пелед (1923–1995), Эйби Натан (1927–2008), Ури Авнери и все остальные, кто в одиночку и с риском для своего социального статуса стремился наладить диалог с представителями ООП тогда, когда это было запрещено действовавшим в Израиле законодательством. Об израильских «левых» радикалах нужно написать отдельную книгу, и хочется верить, что она в обозримом будущем появится; пока же можно посоветовать заинтересованному читателю ознакомиться с содержательными трудами по этой теме Григория Косача, Нины Семенченко и некоторых других российских и зарубежных авторов.

Книга же, которую читатель держит в руках, посвящена тем силам в израильском «левом» лагере, которые в разные периоды в наибольшей степени определяли политический курс страны. Представляется, что именно рассмотрение «левого» мейнстрима в разные периоды израильской истории позволяет понять те трансформации, через которые прошла эта молодая, но столь много пережившая страна. После монографии Татьяны Карасовой «Блок МААРАХ в партийно-политической системе Израиля», изданной более двадцати лет назад, еще в 1988 году, когда между СССР и Израилем не было даже дипломатических отношений, о «левом» сионистском мейнстриме на русском языке не выходило практически ничего, и этот пробел никак нельзя признать оправданным. В конечном счете, автору книги и его читателям нужно понять, как случилось, что «левые», вклад которых в создание и строительство Государства Израиль был больше, чем чей-либо другой, к концу первого десятилетия XXI века почти полностью лишились общественной поддержки, имеют в нынешнем Кнессете самое маленькое представительство за всю историю страны, а практически все организации «левого» лагеря уже просто не могут существовать без финансовой поддержки со стороны зарубежных правительственных и неправительственных организаций. Сложно сказать, есть ли у «левого» Израиля будущее и насколько это будущее «левое»; очень может быть, что закат «левого» Израиля – необратимый процесс, и тотальное фиаско коалиции всех «левых» объединений в организации в середине мая 2010 года единственного масштабного митинга, который они в последнее время пытались провести – против еврейского строительства в арабских районах Иерусалима (на митинг пришло менее тысячи человек, в сотни раз меньше, чем на акции протеста поселенцев перед выводом

израильских сил и поселений из сектора Газа и в Северной Самарии в августе 2005 года) – является не разовой неудачей, а свидетельством глубокого отторжения подавляющего большинства израильтян от «левых» партий и организаций. На выборах в Кнессет восемнадцатого созыва, состоявшихся 10 февраля 2009 года, две прошедшие электоральный барьер «левые» партии – Партия Труда (при этом «левизна» этой партии и особенно ее лидера, министра обороны Эхуда Барака, крайне сомнительна) и блок МЕРЕЦ получили всего 16 мандатов (из 120), и ни один опрос, проведенный с тех пор, не предсказывает им лучших результатов на будущих выборах. Нет уверенности, что на будущих выборах блок МЕРЕЦ, баллотируясь самостоятельно, вообще преодолет электоральный барьер.

Эта проблематика представляет большой интерес не только для тех, кто интересуется собственно израильской внутриполитической жизнью, но и для всех, кого заботят процессы, происходящие на Ближнем Востоке. Несмотря на то, что и мирный договор с Египтом (1979), и документы Мадридской международной мирной конференции (1991), и Хевронский протокол (1997), и соглашение Уай (1998) были подписаны тогда, когда у власти в Израиле находились коалиционные правительства правоцентристской ориентации, представляется очевидным, что готовность «левых» сил к территориальным и иным уступкам ради продвижения переговорного процесса с палестинцами и арабскими странами выше, чем готовность «правых». Закат «левых» партий в Израиле может иметь далеко идущие последствия для всего процесса ближневосточного урегулирования. Поэтому вопросы, находящиеся в центре внимания настоящей книги, имеют большую как внутри-, так и внешнеполитическую значимость.

Адекватный анализ происходящих ныне в израильской политике процессов возможен только сквозь призму рассмотрения текущих событий в сравнительно-исторической перспективе. На протяжении десятилетий социал-демократы оставались крупнейшей политической силой Израиля, игравшей центральную роль во всех сформированных в 1948–1977 годах коалиционных правительствах, а также в правительствах Ш. Переса, И. Рабина и Э. Барака, соответственно, в 1984–1986, 1992–1996 и 1999–2001 годах. Более того, на определенном этапе израильской истории основная борьба за голоса избирателей шла не между социал-демократами, с одной стороны, и либералами

или партиями т.н. «национального лагеря», с другой, а между социал-демократами и их оппонентами слева – представителями социалистических партий МАПАМ и «Ахдут ха'авода». Резкий спад популярности «левых» партий в 2000-е годы кардинально меняет всю политическую конфигурацию в Израиле. Хотя Партия Труда и сегодня входит в правительственную коалицию, она является лишь одним из миноритарных партнеров, имея лишь одно место во внутреннем форуме по вопросам внешней и оборонной политики, состоящем из семи министров.

В общем, это – книга о том, как «левые» построили Государство Израиль, со всеми его достоинствами и недостатками, и как они постепенно потеряли казавшуюся им навеки «своей» страну. Это произошло не в одночасье, тому были разные причины, но то, что это произошло, сомнению не подлежит. Эта трансформация никем еще не анализировалась в профессиональной литературе в исторической перспективе; настоящая книга призвана заполнить этот пробел.

* * *

Книга базируется на большом количестве архивных документов как политического, так и правового характера, систематизированных данных социологических опросов, а также исследовательской литературе на трех языках. Будучи человеком гуманистических леволиберальных взглядов, поддерживающим идеи социально-ориентированной экономики, автор работал над этой книгой с болью и грустью. Однако такова уж судьба ученого-политолога: события нужно описывать и анализировать, пытаясь максимально полно оценить их причины, нравятся они тебе или нет. Автор надеется, что на всем протяжении книги ему удалось сохранить профессиональную беспристрастность.

Идея написания этой монографии была подсказана автору президентом Института Ближнего Востока Е.Я. Сатановским, доброжелательная поддержка и беседы с которым были неоценимым подспорьем. Различные темы, поднимаемые в книге, обсуждались автором с коллегами, среди которых нельзя не выделить крупных специалистов, давно и плодотворно занимающихся изучением Израиля: профессора, заслуженного деятеля науки В.П. Воробьева, профессора Т.А. Карасову (Институт востоковедения РАН), профессора И.Д. Звягельскую (МГИМО), профессоров Нижегородского университета О.А. Колобова и

А.А. Корнилова, научных сотрудников Института востоковедения РАН Н.А. Семенченко и Т.В. Носенко, директора Института Ближнего Востока Е.Л. Жигуна и доцента Университета Бар-Илан В.Э. Ханина. Неоценимую помощь в подготовке монографии мне оказал мой очень образованный, трудолюбивый и ответственный ученик и молодой коллега, выпускник кафедр иудаики и политологии Востока ИСАА МГУ С.А. Кожеуров, которому я выражаю свою самую искреннюю признательность. При этом всё, сказанное в книге, – это мой анализ и мое понимание реальности, за которые несу ответственность лишь я один.

Иерусалим, 30 декабря 2010 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

**«Это наша страна»:
создание Государства Израиль как проект
социал-демократического сионизма**

Глава I.

«ЛЕВЫЕ» СИЛЫ «ГОСУДАРСТВА В ПУТИ»

В мае 1948 года политическая карта Ближнего Востока претерпела серьезные изменения: было провозглашено независимое Государство Израиль. Сам факт декларации политической независимости завершил долгий этап становления и развития еврейской общины в Палестине. Еврей-иммигранты, приезжавшие в Палестину с 1880-х годов, были движимы самыми разными мотивами: мессианскими настроениями, стремлением спастись от антисемитизма и частых, особенно в Российской империи, погромов, или же желанием построить собственное государство. Та община, которую создавали эти иммигранты, стала основой для будущего независимого Израиля.

Между тем особенности развития еврейской общины Палестины определялись отнюдь не только внутренней логикой или внутренними противоречиями, но и характером ее взаимодействия, во-первых, с арабским населением страны, а во-вторых, с властями той страны, которой в тот или иной исторический период принадлежала Палестина. Если до 1917 года эта страна была составной частью и провинцией Османской империи, то с 1917 по 1948 год мандат на управление ею находился в руках Британской империи. Более того, прибывавшие в Палестину евреи сталкивались с численно превосходящим их местным арабским населением, настроенным зачастую весьма враждебно. Все эти факторы определили сложный путь, который прошел еврейский *ишув* вплоть до 1948 года. При этом совершенно очевидно, что, развиваясь идеологически обособленно как от арабских жителей страны, так и от османских и британских властей, еврейская община сформировала свою идеологию борьбы за независимость, реализация которой и позволила добиться государственного суверенитета.

В течение тридцати лет британского мандатного правления в Палестине всем общинам – еврейской, мусульманской,

христианской, армянской – была предоставлена, в общем, равная степень автономии, регулировавшаяся одними и теми же законодательными актами. Каждая из двух крупнейших общин Палестины – еврейская и арабская – вынуждена была строить свою политику и координировать свои действия с другой; каждой из общин было предоставлено право создавать и развивать свои институты; в центре идеологии и еврейской, и арабской общины было создание в Палестине своего собственного национального государства. Между тем в мае 1948 года, когда официально истек срок британского мандата на Палестину, было провозглашено только еврейское государство, а не два государства, как то предусматривала резолюция ООН № 181. Более того, к маю 1948 года именно еврейская община обладала большинством необходимых институтов, исполнительных, законодательных, отчасти судебных, жизненно необходимых для создания независимого государства, в то время как арабская община ими не располагала. Таким образом, проследив путь и характер развития еврейской общины Палестины, важно выявить те причины, по которым именно еврейский *ишув* оказался к маю 1948 года наиболее силен и организован, а на его основе возникло Государство Израиль. Крайне важно понять, какие конкретно политические силы стояли в авангарде борьбы за государственность, каковы были их долгосрочные стратегия и тактика.

«Левые» сионистские организации и причины их возвышения

В период британского мандата возникло несколько групп политических партий и течений, которые впоследствии стали основой для политических партий независимого еврейского государства. Их условно можно разделить на четыре группы: первая объединяла в себе различные социалистические течения; вторая группа представляла собой правые и центристские партии, которые в посвященной Израилю научной литературе принято называть «гражданским блоком»; третья состояла из различных религиозных, а четвертая – этнических партий и списков, часть которых участвовала в органах общинного самоуправления еврейской общины непрерывно, а часть – лишь в отдельные периоды. Как же случилось, что

доминировать в еврейской общинной политике Палестины/Эрец-Исраэль практически сразу стали именно «левые», причем никому фактически не удалось даже поставить под сомнение их гегемонию? Как сложилось, что в период между первой и второй мировыми войнами еврейство Палестины/Эрец-Исраэль было едва ли не самым социалистическим обществом на Земле, по крайней мере, за пределами Советского Союза? Почему другие политические силы не вытеснили идейных социалистов на обочину партийно-политической жизни?

Представляется, что тому было несколько взаимодополняющих причин. С социально-демографической точки зрения, переселенцы, прибывавшие в Палестину/Эрец-Исраэль, как минимум, до середины 1920-х годов отнюдь не представляли собой репрезентативную выборку еврейского населения планеты. Их было мало, крайне мало – общая численность первых трех волн *алии* (с 1881 по 1923 гг.) составила лишь около ста тысяч человек, т.е. менее 1% от общей численности евреев мира, оценивавшейся в 1900 году примерно в 10 миллионов 600 тысяч человек³. В эпоху грандиозной массовой эмиграции восточноевропейского еврейства численность переселявшихся в Палестину/Эрец-Исраэль была примерно в двадцать раз меньше численности переселявшихся в США.

Никакого Государства Израиль не было и в помине, условия жизни в провинциальном вилайете Османской империи ни с какой стороны не оправдывали звание «Земли обетованной», вследствие чего *в страну ехали почти исключительно идеалисты, увлеченные силой воображения и верившие в то, что им удастся создать общество справедливости и всеобщего равенства*. Те, кто хотел жить в «нормальном» государстве, до Палестины/Эрец-Исраэль просто не добирались. Сделать выбор в пользу сионизма, требовавшего от евреев не только сменить место жительства, но и язык повседневного общения (переход на иврит был практически ультимативным условием присоединения к т.н. «новому *ишуву*»), могли лишь наиболее романтически настроенные люди, значительное большинство

³ См.: Sergio DellaPergola. *World Jewry Beyond 2000: The Demographic Prospects*. – Oxford Centre for Hebrew and Jewish Studies, 1999, с. 13.

которых находилось к тому же под влиянием утопических идей переустройства мира, излагавшихся русскими народниками, социалистами-революционерами или большевиками. Не забудем и о том, что немалое количество ярких сионистских лидеров, чьи имена остались в истории благодаря их активному вкладу в строительство еврейского национального очага в Палестине/Эрец-Исраэль – Пинхас Рутенберг (1878–1942), Маня Шохат (1879–1961), Йосеф Трумпельдор (1880–1920) и другие – начинали именно в российском революционном движении. *Борьба за реализацию идеалов социалистической революции в Палестине/Эрец-Исраэль была для многих сионистов-переселенцев естественным продолжением их предшествующей общественной деятельности в России.*

Влияние опыта революционного движения в России имело огромное значение. Выражаясь словами видной израильской исследовательницы проф. Аниты Шапира, «Октябрьская революция служила доказательством того, что ход истории можно изменить, не ожидая, когда вызреют исторические процессы. Русские эсеры заявляли, что можно перескочить через капиталистическую стадию (обязательную, согласно марксистской доктрине) и перейти непосредственно от общины – коллективной организации старой русской деревни – к социализму, избежав всех болезней капитализма. Во время второй *алии* эта идея оказала влияние на социалистическую мысль в сионизме: почему бы не построить здесь справедливое общество с самого начала и не обойтись без капиталистической фазы? Некогда идея рабочих поселений базировалась на доктрине эсеров. Ныне Ленин с его историческим скачком через капиталистическую стадию в развитии России словно бы выдал идеологическую печать одобрения: и в стране Израиля общество равенства может быть построено немедленно; сила воли и действие изменят естественный ход истории. ... Религиозно-мессианская концепция «ускорения конца дней» и «кратчайшего пути» к нему облеклась в 1920-е гг. новым, нерелигиозным значением: если большевики сумели «ускорить» создание утопии в России, то и мы можем сделать то же самое в Палестине»⁴.

⁴ Шапира А. Израиль и Россия: история безответной любви // *Вестник Еврейского университета*, 2005, № 9 (27).

Кроме идеологического влияния российского опыта, необходимо отметить и три причины, лежащие в сфере устройства партийно-политической жизни еврейской общины Палестины/Эрец-Исраэль в те годы.

Во-первых, *все этнические и даже религиозные организации и партии* (в том числе, и религиозные сионисты), *осознавая свое положение меньшинств, заведомо не претендовали на лидерство*, отстаивая свое право, что называется, оставаться собой, при этом претендуя на свою долю общественных благ: бюджетных средств, сертификатов на иммиграцию (они распределялись по партиям), постов и должностей в Сионистской организации, Федерации профсоюзов и менее значимых органах общинного самоуправления и т.д. В ходе четырех электоральных кампаний, когда еврейская община формировала свое Собрание депутатов, лишь два этнических политических объединения (Федерация *сефардов* в 1920 году и список выходцев из Германии *«Алия хадаша»* в 1944 году) и одна религиозная партия (ортодоксальная ашкеназская *«Агуддат Исраэль»* в 1920 году) смогли получить более 10% голосов, причем и эти успехи были одноразовыми. Ни разу ни одна из этнических или религиозных организаций не могла претендовать на ведущие позиции, и это касается, в том числе, и сторонников раввина А.И. Кука: на первых выборах в 1920 году религиозно-сионистское движение *«Мизрахи»* получило лишь 2,9% голосов, на вторых выборах в 1925 году – 2,7% (два других списка аналогичной направленности получили в сумме еще 3,0% голосов), на третьих выборах в 1931 году, когда религиозные сионисты, наконец, объединились, – 8,1%, на четвертых выборах в 1944 году, после распада – вновь лишь 3,5% (три других списка аналогичной направленности получили в сумме еще 10,0% голосов).

В последние годы в религиозно-сионистской среде достаточно активно формируется модель истории, в которой место Л. Пинскера как «провозвестника сионизма» занимают хронологически писавшие на несколько десятилетий раньше него раввины Ц.-Г. Калишер и И. Алкалай, более значимым, чем Т. Герцль, объявляется представитель российских палестинофильских организаций в Эрец-Исраэль верующий иудей И.М. Пинес, а наиболее значимой фигурой первой трети XX века выступает раввин А.И. Кук. Нужно прямо сказать, что хотя возникшее в 1901 году движение *«Мизрахи»* хронологически действительно

является старейшей партией в сионистском движении, его политическое влияние в *ишув*е на всем протяжении периода, предшествовавшего созданию Государства Израиль, было весьма ограниченным. Еврейская община подмандатной Палестины/Эрец-Исраэль была и оставалась преимущественно секулярной. Активно участвуя в освоении земли и организации поселений, движение «*Мизрахи*» заняло определенные позиции в политической, образовательной и экономической сферах жизни *ишув*а. Благодаря его усилиям был создан Верховный раввинат, который получил официальное признание мандатных властей, став главной религиозной структурой еврейской общины, обладая, в том числе, и правом развивать систему религиозных школ. Однако, вопреки ожиданиям, Верховный раввинат не стал ведущей силой *ишув*а, оставаясь лишь религиозной, но не политической организацией⁵.

Во-вторых, *праволиберальному блоку очень мешала его внутренняя раздробленность*. Так, на первых выборах в Собрание депутатов в 1920 году центристских списков было целых восемь, и хотя они и получили в сумме 19,9% голосов, ни один из них в одиночку не добился поддержки и 5% избирателей, вследствие чего их влияние было весьма ограниченным. На вторых выборах в 1925 году правоцентристских списков вообще было пятнадцать, причем полученные ревизионистами 6,7% голосов оказались наилучшим показателем в этом секторе. Ведущей же центристской партией были т.н. Общие сионисты. Изначально социальную базу Общих сионистов составляли те члены Сионистской организации, которые не принадлежали ни к одной политической группе и представляли, по большей части, выходцев из среднего класса. Хотя уже в середине 1920-х годов Общие сионисты выступали как консолидированная группа на сионистских конгрессах, впервые в выборах в Собрание депутатов *ишув*а они приняли участие только в 1931 году, когда эти выборы проходили уже в третий раз. Однако уже через четыре года после этого партия раскололась на две группы: первую фактически возглавлял тогда еще проводивший значительную часть времени в Лондоне будущий первый президент Израиля Хаим Вейцман, выразивший

⁵ S. Zalman Abramov. *Perpetual Dilemma: Jewish Religion in the Jewish State*. – Farleigh Dickinson University Press, 1979, с. 124.

готовность сотрудничать с социал-демократами в рамках общей цели – строительства национального очага в Палестине/Эрец-Исраэль; вторая же группа, движимая скорее идеологическими, чем прагматическими соображениями, отказалась от сотрудничества с левоцентристами и даже бойкотировала выборы в четвертое Собрание депутатов в 1944 году⁶.

В-третьих, нельзя не признать, что *выйдя из всех основных органов сионистского движения, как собственно в Палестине/Эрец-Исраэль, так и общих для ишува и еврейства диаспоры, «правые» фактически без боя отдали «левым» возможность добиться полного политического доминирования.* Как отмечает Уолтер Лакер, ревизионисты, собравшиеся на свой учредительный съезд в 1925 году, «считали себя единственными истинными наследниками традиции Герцля – Нордау»⁷, не признавая верной политику руководства Сионистской организации. Одним из главных для ревизионистов был тезис о необходимости пересмотра существовавшей ситуации и включения территории Трансиордании в будущее еврейское национальное государство. Вторым центральным тезисом их программы была необходимость скорейшего массового заселения страны. Так, в 1926 году их лидер В.Е. Жаботинский писал: «Если мы хотим за двадцать пять лет создать прочное еврейское большинство, хотя бы в Восточной Палестине, нам необходимо, чтобы ежегодно в страну иммигрировало в среднем сорок тысяч евреев. Если же включить в расчет еще и территорию к востоку от Иордана, то число еврейских переселенцев должно составлять пятьдесят-шестьдесят тысяч в год»⁸. Массштабы эмиграции оставались более скромными, однако численность сторонников ревизионистов росла, во многом под влиянием шока от кровавых антиеврейских погромов в разных городах Палестины/Эрец-Исраэль в 1929 году (они же привели

⁶ Segev T. *One Palestine, Complete: Jews and Arabs under the British Mandate.* – New York: Metropolitan Books, 2000, с. 518.

⁷ Лакер У. *История сионизма.* – М.: Крон-пресс, 2000 / Пер. с издания на английском языке, опубликованного в 1972 г., с. 495.

⁸ Жаботинский В.Е. Чего хотят сионисты-ревизионисты? [1926] // *Евреи в современном мире: антология документов* / Под ред. П. Мендес-Флора и Й. Рейнхарца – Москва/Иерусалим: Мосты культуры, 2006, с. 550.

к изменениям в настроениях многих членов руководства ВСО: Артур Руппин прекратил свою деятельность в рамках «*Брит шалом*» [«Союза мира»], а Хаим Вейцман в 1931 году не был переизбран президентом ВСО).

Третьи выборы в Собрание депутатов, прошедшие в 1931 году, казались переломными: несмотря на тот факт, что в 1929 году британские мандатные власти запретили В.Е. Жаботинскому въезд в Палестину, популярность его движения несколько не упала. На выборах в Собрание депутатов, состоявшихся в 1931 году, ревизионисты получили 8069 голосов (16%), еще 2121 голоса (4,2%) получил баллотировавшийся отдельно список *сефардских* евреев–сторонников В.Е. Жаботинского, вследствие чего правые стали второй по численности фракцией в представительном органе еврейской общины. Однако вместо того, чтобы бороться за лидирующее положение, В.Е. Жаботинский, в очередной раз чем-то недовольный, в ответ на «неспособность ВСО проявить необходимую дисциплину и предпринять нужные шаги»⁹, в 1935 году выводит ревизионистов из Всемирной сионистской организации, пытаясь создать альтернативную, т.н. Новую сионистскую организацию. Кроме того, ревизионисты вышли из крайне влиятельной в *ишув*е Федерации профсоюзов, основав собственный профсоюз, назвав его Национальной федерацией труда. Ревизионисты вышли из отрядов еврейской обороны «*Хагана*», основав свои – ЛЕХИ (акроним слов «Борцы за свободу Израиля») и ЭЦЕЛЬ (акроним слов «Национальная военная организация»). В четвертых выборах в Собрание депутатов, состоявшихся в 1944 году, ревизионисты вообще не участвовали. *Учитывая разрозненность центристских сил и заведомо секторальный характер этнических и религиозных партий, ревизионисты были фактически единственными, кто мог составить конкуренцию социал-демократическим и социалистическим силам, но уйдя в 1930-е годы в свои собственные, обособленные структуры, сторонники и последователи В.Е. Жаботинского очень облегчили «левым» завоевание ведущих позиций во всех социально-политических и военизированных организациях еврейской общины Палестины/Эрец-Исраэль.*

⁹ Карасова Т. *Политическая история Израиля. Блок Ликуд: прошлое и настоящее.* – М.: Наталис, 2009, с. 45.

Таблица 1

**Процент голосов, полученных «левыми»
сионистскими и другими партиями на выборах
в Собрание депутатов еврейской общины
Палестины/Эрец-Исраэль в 1920-е – 1940-е годы¹⁰**

	I	II	III	IV
Дата выборов	1920	1925	1931	1944
Социал-демократические партии	35,4%	42,6%	53,5%	59,8%
Этнические (общинные) списки	25,0%	16,3%	7,6%	3,1%
«Гражданский блок»	19,9%	24,3%	14,2%	21,9%
Ревизионисты	–	6,7%	16,0%	–
Религиозные партии	19,7%	6,5%	8,1%	15,0%

При этом нужно отметить, что тогдашнее определение «левых» соответствовало принятому в европейских странах: речь шла о сторонниках коллективной (а не частной собственности) на средства производства. В отличие от системы координат, существующей в Израиле в последние десятилетия, в которой континуум от «правых» к «левым» формируется, исходя из отношения к возможностям территориальных уступок в рамках попыток политического урегулирования арабо-израильского конфликта, в догосударственный период принадлежность к «левому» лагерю определялась именно по социально-экономическим критериям. В еврейской общине Палестины/Эрец-Исраэль время от времени появлялись организации, выступавшие за принципиально иную модель арабо-еврейских отношений, однако сторонники модели двунационального гражданского государства были в основном последовательными либералами, а не социалистами, в партийно-политической жизни вообще не участвовали и к левому лагерю, таким образом, не относились. *В то время «левые» в Палестине/Эрец-Исраэль, как и во всем мире, выступали за социалистическую*

¹⁰ Таблица составлена автором на основе сведений, приводимых в книге: «Ишув во времена «национального очага», 1917–1948 гг.», под ред. Б. Элиава (Иерусалим, 1979), с. 157, 170, 184 и 192 [на иврите]. Так как часть бюллетеней признавалась недействительной, сумма в столбцах меньше 100%.

революцию в общественно-экономической жизни, тогда как «правые» отстаивали модель буржуазной демократии.

При этом национально – чтобы не сказать националистически – ориентированными были и те, и другие, ярким примером чего служила невозможность для палестинских арабов стать членами Федерации профсоюзов (Хистадрута), куда их вообще не принимали до 1960 года¹¹, а также ни одной из социал-сионистских партий! Первой – только в 1954 году – их согласилась принимать МАПАМ (она возникла в 1948 году путем объединения считавшихся леворадикальными групп «Ха'шомер ха'цаир» и «Поалей цион-левые», см. в следующей главе книги), а партии «Поалей Цион», «Ха'позель ха'цаир», «Ахдут ха'авода» и МАПАЙ закончили свой исторический путь, так и оставшись сугубо еврейскими национальными партиями. Лишь созданная в 1968 году путем объединения МАПАЙ и нескольких небольших фракций Партия Труда четыре года спустя – в 1972 году¹² – открыла для арабских граждан Израиля возможность вступления в нее. Тот факт, что после провозглашения независимости израильские руководители считали нормальным восемнадцать лет держать сотни тысяч граждан страны арабского происхождения под властью военных администраций, был глубоко укоренен в мировоззрении и практике учреждений политического сионизма, и никакая «левизна» не была этому преградой.

Более того, левая идея имела, с точки зрения многих, глубинные параллели с иудаизмом. Проф. Анита Шапира считает, что «идея бесклассового общества, отменяющего дискриминацию на основе религии, национальности и происхождения – была близка евреям. Еврейская идея *тиккун олам* («исправление мира») была секуляризована революцией – здесь и сейчас»¹³. Берл Кацнельсон (1887–1944), главный

¹¹ См.: Eyal Kafkafi. Segregation or Integration of the Israeli Arabs: Two Concepts in Mapai // International Journal of Middle East Studies, 1998, vol. 30, no. 3, с. 347–367, особенно с. 359–361.

¹² См.: Йоси Амитай. Арабское меньшинство в Израиле: годы военной администрации, 1948–1966 // *Независимость. 50 первых лет /* Под ред. А. Шапира. – Иерусалим: Издательство Центра им. З. Шазара, с. 145 [на иврите].

¹³ Анита Шапира. Израиль и Россия: история безответной любви.

идеолог социал-сионистских партий «Ахдут ха'авода» и МАПАЙ и многолетний ответственный редактор газеты «Давар» [«Слово»], говоря об Октябрьской революции, признавал: «Ни одно движение не было для масс, миллионов людей объектом таких мессианских чаяний, как русская революция. ... У людей не было сомнений по поводу характера режима, справедлив он или нет ... Желание увидеть, как взорвётся старое общество, было столь сильным, что все стремились принять всё хорошее и не хотели видеть плохого. Это было начало»¹⁴. «Тот факт, что Берл использует выражение «мессианские чаяния», а не просто «большие ожидания», указывает на его скрытую систему отсчета – для него основополагающим является подъём квазирелигиозной веры в режим, пообещавший установить справедливый мировой порядок, – подчеркивала А. Шапира. – Режим, ликвидирующий привилегированный класс, перераспределяющий личное и общественное достояние, казался воплощением божьего царства на земле». Так казалось в еврейской общине Палестины/Эрец-Исраэль очень и очень многим.

Зарождение социалистического сионизма и его идеологические основы

Рабочее движение в Палестине/Эрец-Исраэль зародилось еще в период второй волны еврейской иммиграции в страну (1904–1914 гг.). В этот период формировалось поселенческое рабочее движение: были основаны *киббуц* Дгания и первые рабочие *мошавы*; образованы коллективные предприятия в различных отраслях сельского хозяйства и поселенческие коллективы, в которых организовывались общественные кухни, прачечные и клубы для рабочих. В Иерусалиме начала работать кооперативная типография «Ахдут» [«Единство»], а также кооператив «Ха'машбир», предназначенный для обеспечения рабочих основными продуктами питания, цены на которые существенно выросли в годы первой мировой войны.

¹⁴ Берл Кацнельсон. *Изъятые из обращения ценности*: Избранные статьи. – Тель-Авив, 1957, с. 111 [на иврите].

Первые партии социал-демократической ориентации возникли в середине первого десятилетия XX века¹⁵. Старейшая партия – «Организация молодых рабочих в Эрец-Исраэль» (*Хистадрут ха'поалим ха'цеириим бе'Эрец-Исраэль*; сокращенно – «Ха'поэль ха'цаир») – была создана в октябре 1905 года. Ее название – «организация» (а не «партия») – было выбрано не случайно. Партия придавала особое значение социальной роли сельского хозяйства и употреблению языка иврит как важного фактора внутриобщинного сплочения.

В 1906 году в Палестине была основана партия «Поалей Цион» – отделение политического движения с тем же названием, уже несколько лет действовавшего в Европе (включая Россию) и в Америке. Политическая программа «Поалей Цион», зачитанная на тайном собрании нескольких десятков ее членов в еврейской гостинице арабского на тот момент города Рамле, содержала в себе синтез сионизма и марксизма в духе учения Д.Б. Борохова (1881–1917). Как справедливо отмечала проф. Анита Шапира, «марксизм освободил сионизм от провинциализма, присущего национальному движению маленькой нации, и сделал его частью шестивия мирового прогресса. Благодаря своей связи с марксизмом сионизм, в глазах его сторонников, превращался из волюнтаристского движения, судьба которого зависела от силы воли его последователей, в движение, которое с неизбежностью должно было добиться успеха»¹⁶. основополагающий документ «Поалей Цион» начинался с утверждения, что история человечества представляет собой последовательность межклассовых и межнациональных конфликтов. Затем повторялся тезис Д.Б. Борохова о том, что рано или поздно капиталисты начнут вкладывать деньги в Палестину и что на гребне этого процесса возникнет еврейский рабочий класс. Общая программа партии была сформулирована следующим образом:

«1. *Программа-максимум* партии – обобществление средств производства, переустройство общества на социалистических началах; единственный путь, выработанный партией, –

¹⁵ См.: Воробьев В., Бостоганашвили Д. *Политические партии Государства Израиль. Конституционно-правовые основы*. – М.: Издательство МГИМО, 2010, с. 31–37.

¹⁶ Анита Шапира. Израиль и Россия: история безответной любви.

- классовая борьба еврейского пролетариата в рядах всемирной социал-демократии.
2. Важнейшим пунктом *программы-минимум* партии, отличающим ее от других социал-демократических партий, является требование территориальной автономии на демократических началах для еврейского народа как необходимое условие беспрепятственного развития производительных сил.
 3. Эта территориальная автономия может осуществляться только в Палестине, и еврейский пролетариат должен способствовать осуществлению этого пункта своей *программы-минимум*»¹⁷.

Нужно особо подчеркнуть, что *левые теоретики сионизма видели свою задачу не только в борьбе за создание некоего национального политического образования на определенной территории, но и в реализации масштабного проекта в сфере социальной инженерии, который должен был кардинальным образом повлиять на профессиональную структуру и – шире – образ жизни всего народа.* Согласно модели Д.Б. Борохова, еврейское общество в диаспоре представляло собой «перевернутую пирамиду»: в то время как «нормальное» общество представляет из себя широкие слои рабочих, а затем все уменьшающееся число представителей мелкой буржуазии, представителей свободных профессий и крупной буржуазии, у евреев ситуация диаметрально противоположна. С точки зрения Д.Б. Борохова, только эмиграция евреев в Палестину/Эрец-Исраэль позволит им создать «нормальное» общество, причем степень его «нормальности» ставилась в зависимость от уровня его пролетаризации. Не случайно лозунг «Необходимое условие реализации целей сионизма – это покорение еврейским трудом всех профессий, существующих в стране» воспроизводился на первой странице каждого выпуска газеты леворадикального движения «*Ха'шומר ха'цаир*» [«Молодой страж»].

Все направления социалистического сионизма исходят из трех общих положений: структура еврейского общества «ано-

¹⁷ Бер Борохов. Проект программы еврейской социал-демократической рабочей партии “Поалей Цион” // *Евреи в современном мире: антология документов*, с. 474.

мальна», пирамида перевернута острием книзу – огромный обслуживающий сектор, но ни настоящей буржуазии, ни достойного этого имени рабочего класса; эта аномальность неразрывно связана с жизнью в рассеянии, поскольку еврейский пролетариат, вернее, то, что занимает его место, подвергается двойному гнету – в качестве трудящегося класса и в качестве национальной группы; следовательно, она может быть преодолена лишь в нормальных условиях национального государства. Как это удачно сформулировал проф. Эли Барнави, «подобно собственно сионизму, национализму в поисках нации, социалистическому сионизму предстояло создать из ничего рабочий класс, который он должен был возглавлять»¹⁸.

Споры в левосионистских кругах велись о тонкостях: нужно ли стремиться к тому, чтобы евреи в массовом порядке овладевали рабочими профессиями, либо же предпочтительнее отказаться от индустриальной революции и вернуться к простому сельскохозяйственному труду на земле. Сельскохозяйственная альтернатива особенно привлекала членов движения «*Ха'поэль ха'цаир*» [«Молодой рабочий»], воспринявших идеи русских «народников» второй половины XIX века. Крайне значимой фигурой для сторонников движения «*Ха'поэль ха'цаир*» был Аарон Давид Гордон, который более чем кто-либо на долгие годы определил путь этой партии. Во многих работах отмечается, что А.Д. Гордон отвергал марксизм, однако важно подчеркнуть, что причиной этого негативного отношения был исключительно тот факт, что А.Д. Гордон видел в нем продукт городской жизни и индустриального производства, далекий от природы и естественных условий существования. А.Д. Гордон был не только ярким противником частной собственности на землю и средства производства, но, подобно Д.Б. Борухову, требовал изменения личности трудящегося и обновления его отношения к труду, тогда как марксизм, по его мнению, стремился лишь исправить механизм экономической жизни и общественного уклада. А.Д. Гордон полагал, что отношения господства и подчинения не будут устранены из общественной жизни до тех пор, пока из людских сердец не будут выкорчеваны

¹⁸ Барнави Э. Сионизм (течения) // *Евреи и XX век. Аналитический словарь*. – М.: Текст, 2004, с. 221 [Пер. с изд. на франц. яз., опубликованного в 2000 г.]

культ богатства и стремление к эксплуатации себе подобных. Добиться же этого можно не разговорами и партийными заявлениями, а совместной трудовой жизнью людей. Центральной для А.Д. Гордона была «идея труда», требующая радикально изменить отношение к работе: из средства к существованию работа должна стать целью жизни человека, ее органической частью, ее сущностью. Подчеркивая прогрессивную роль всякого продуктивного труда, А.Д. Гордон особо выделял сельскохозяйственный труд как наиболее естественный, служащий непосредственному удовлетворению естественных потребностей человека и требующий от него напряжения всех душевных и физических сил. А.Д. Гордон считал, что только занятие земледелием обеспечивает органическую связь человека с землей и природой. Последователи А.Д. Гордона даже определяли его мировоззрение как «религию труда».

Как справедливо отмечает видный израильский историк проф. Б. Харшав, пропаганда сельскохозяйственного труда среди евреев началась в эпоху *Хаскалы*, со времен книги Ицхака Бера Левинзона (1789–1850) «*Теуда бе-Исраэль*» (1828), и она относилась совсем не только к Эрец-Исраэль. В послереволюционной России десятки и сотни тысяч евреев поселились в деревнях в 1920-е гг., тогда как в Палестине/Эрец-Исраэль в то же время проживало лишь несколько тысяч или десятков тысяч людей, занимавшихся сельскохозяйственным трудом. «Еврейское колонизационное общество» поддерживало сельские поселения в Палестине/Эрец-Исраэль, Аргентине и Бразилии; существовало также движение за расселение еврейских фермеров в Нью-Джерси, Небраске и других американских штатах, с 1908 по 1959 гг. на языке идиш издавался журнал «Еврейский крестьянин»¹⁹. По разным причинам большинство других сельскохозяйственных экспериментов провалилось, и лишь израильское сельское хозяйство не просто выжило, а стало одним из крупнейших достижений еврейского государства. Причины этого – преимущественно идеологического свойства, и они кроются в том особом отношении к труду на земле, которое культивировалось в социал-сионистской среде.

¹⁹ Бенджамин Харшав. *Язык в революционное время*. – (М.: Текст, 2008, с. 106–107 [Пер. изд. на англ. яз., опубликованного в 1993 г.]).

Официальная программа «Поалей Цион» была принята на первом съезде движения, состоявшемся в Яффо в октябре 1906 года. Было заявлено о стремлении к политической независимости евреев Палестины и к созданию социалистического общества. Эти цели разделялись и движением «Ха'поэль ха'цаир», что привело к сближению обеих рабочих партий. Важно отметить и то, что в целом члены этих партий не отличались между собой ни по среднему возрасту, ни по социальному происхождению, ни по уровню образования²⁰. Выбор той или иной партии был зачастую случаен. Обе партии были основаны представителями второй волны еврейской иммиграции в Палестину (1904–1914 гг.). Поначалу обе организации были малочисленны и объединяли сподвижников, хорошо знавших друг друга (что весьма затрудняло присоединение новичков). Вскоре лидеры обеих партий переселились в города, в то время как рядовые сторонники продолжали нелегкую жизнь в сельскохозяйственных поселениях в качестве наемных работников. При этом многие в общине отказывались присоединиться к этим двум партиям, требуя их объединения или создания единого рабочего союза на профессиональной, а не идеологической основе.

Хотя социал-реформистские идеи фигурируют в работах едва ли не всех основных представителей сионистской мысли, в том числе основоположника политического сионизма Теодора Герцля и основоположника духовного сионизма Ахад Ха'ама, важнейшую роль в формировании идеологии социалистических групп сыграли идеи и воззрения двух менее известных мыслителей: Нахмана Сыркина (1867–1924) и вышеупомянутого Дова Бера Борохова (1881–1907), которые полагали, что даже бесклассовое общество, будь такое создано в европейских странах, не снимет проблему антисемитизма. Вместе с тем они полагали необходимым, чтобы в своем собственном национальном государстве евреи создали бесклассовое общество, видя в этом совершенно необходимое условие, вне которого само создание такого государства во многом теряло смысл. *Для «левых» кругов реализация социали-*

²⁰ См.: Йосеф Горный. Изменения в общественных и политических организациях второй волны еврейской эмиграции в Палестину в 1904–1940 гг. // *Ха'ционут* [Сионизм], 1975, № 1, с. 204–247 [на иврите].

стической программы в социально-экономической сфере была не просто доктриной, отличавшей их от идейно-политических противников по внутрипартийной борьбе, но неотъемлемой частью самой сути их идеологии, в которой еврейское государство имело право на существование только в том случае, если в нем будет построено справедливое бесклассовое общество.

Уже Т. Герцль и в «Еврейском государстве», написанном в 1896 году, и в романе-утопии «Возрожденная древняя страна», изданном шесть лет спустя, уделял большое внимание социальным вопросам. Его интересовало не только построение еврейского государства, но и то, чтобы в этом государстве были школы, в которых бы могли учиться все дети, независимо от уровня достатка их родителей²¹. Думая о государстве, существовавшем на тот момент исключительно в его воображении, он уделял внимание рабочим организациям и продолжительности рабочего дня. Он выступал за создание рабочих организаций по примеру европейских, которые бы могли предоставить каждому нуждающемуся простую работу, чтобы «никому не пришлось прибегать к преступлению из-за нужды». В то время, когда рабочие многих стран еще боролись за восьмичасовой рабочий день, Т. Герцль отмечал, что в будущем еврейском государстве он должен быть семичасовым, причем разбитым на две части по три с половиной часа каждая. Т. Герцль обращал внимание на необходимость заботиться о неспособных к труду, освобождении женщин от тяжелых работ, а также об освобождении беременных женщин от любых работ вообще. Знамя, которое он предлагал, явилось отражением его социальных чаяний: «Белый флаг с семью золотыми звездами, где белое поле символически обозначало бы собою новую светлую жизнь, а звезды – наш семичасовой рабочий день, ибо во имя труда евреи едут в новую страну»²².

²¹ Теодор Герцль. *Возрожденная древняя страна* [Altneuland, 1902], цитируется по изданию: *Герцль: личность и деятельность. Сионистская мечта и ее воплощение*. – Иерусалим: Всемирная Сионистская организация, 2004, с. 37–39.

²² Теодор Герцль. *Еврейское государство* [1896] // *Избранное*. – Иерусалим: Библиотека Алия, 1990, с. 100 [Воспроизводится по факсимильному русскому изданию 1896 г.].

В 1898 году – через год после того, как вышла книга Теодора Герцля «Еврейское государство», Нахман Сыркин опубликовал свою работу «Еврейский вопрос и социалистическое еврейское государство». Несколько парадоксальным, на первый взгляд, образом, Н. Сыркин считал антисемитизм конца XIX века следствием эмансипации. Евреи, получив определенные экономические и гражданские права, превратились в серьезных конкурентов для христиан. Сложилась ситуация, при которой эксплуатируемые классы рассматривали евреев как эксплуататоров, при этом буржуазия считала их опасными конкурентами, вследствие чего уровень антисемитизма постоянно рос, проникая во все слои общества²³. Н. Сыркин подчеркивал, что антисемитизм не может остановить даже ассимиляция, к которой склонна еврейская буржуазия, так как даже ассимилированные евреи все равно остаются таковыми в глазах своих соседей. Он считал, что его не сможет остановить и возможная социальная революция, полагая, что с усилением классовой борьбы антисемитизм только усилится. Он будет существовать до тех пор, пока евреи не будут обладать «реально – материальным базисом своего общественного существования – то есть собственным государством и политической мыслью»²⁴. Так от анализа социальной структуры общества Н. Сыркин приходил к необходимости борьбы за создание независимого еврейского государства.

Будучи социалистом, он считал неприемлемым, чтобы это государство было построено на социальном неравенстве. На пути к освобождению угнетаемая нация должна пройти путь национального государства, соглашался Н. Сыркин, но, по его мнению, совершенно невысказано, чтобы люди добровольно согласились построить государство, основанное на неравенстве. С его точки зрения, капиталистическое государство является «плодом неосознанного течения исторического процесса», а

²³ См.: Шломо Авинери. *Основные направления в еврейской политической мысли*. – Иерусалим: Библиотека Алия, 1983, с. 185–187.

²⁴ Нахман Сыркин. *Еврейский вопрос и социалистическое еврейское государство [1898] // Сионизм в контексте истории. Хрестоматия / Под ред. А. Херцберга*. – Иерусалим: Библиотека Алия, 1993, книга 2, с. 126.

социализм – «плод свободного человеческого сознания»²⁵. Эти воззрения разделялись большинством активистов и членов «Поалей Цион», во главе которого стояли будущий второй президент Государства Израиль Ицхак Бен-Цви (Шимшелевич, 1884–1963) и будущий первый премьер-министр страны Давид Бен-Гурион (1886–1973). Подчеркнем: *именно с концепции синтеза сионизма с радикальной социалистической идеологией началась идейно-политическая биография многих будущих высших руководителей Государства Израиль*. Основой их мировоззрения были социалистические идеалы, в соответствии с которыми рабочий класс должен активно участвовать в строительстве национальной экономики и способствовать созданию общества, лишенного классовых противоречий.

Историк Элькана Маргалит писал: «Репатрианты второй волны подготовили организационную и идеологическую почву, на которой создавались и расцветали новые политические структуры еврейского *ишува*, созданные иммигрантами, прибывшими в последующие годы. Принципы «завоевания труда», заселения Эрец-Исраэль, повсеместного создания рабочих поселений, сплочения в одну профсоюзную организацию, объединявшую трудящихся на профессиональной, политической и экономической основе, а также решения о создании организации самообороны (*Ха'шומר* [«Страж»]) и различных организаций взаимопомощи создали ту общественно-политическую инфраструктуру, из которой десятилетия спустя выросло Государство Израиль. Репатрианты третьей волны (1919–1923 гг.), которая состояла преимущественно из радикально настроенной интеллигенции, стремившейся изменить окружающий мир, прибыв в Палестину/Эрец-Исраэль, повсеместно укрепляли и развивали организации, созданные их предшественниками»²⁶.

В 1919 году в результате слияния «Поалей Цион» и непартийных фракций еврейских рабочих была создана партия «Ахдут ха'авода» (в переводе с иврита – «Единство труда»; полное название «Сионистская социалистическая федерация

²⁵ См.: Шломо Авинери. *Основные направления в еврейской политической мысли*, с. 197.

²⁶ Элькана Маргалит. *Ха'шומר ха'цаир – от молодежной группы к революционному марксизму, 1913–1936 гг.* – Тель-Авив, 1971, с. 55–57 [на иврите].

рабочих Эрец-Исраэль – *Ахдут ха-авода*). Первые шаги к образованию партии были предприняты годом раньше солдатами Еврейского легиона. Большинство бойцов легиона принадлежало к так называемой «внепартийной группировке», лидерами которой были Берл Кацнельсон и Шмуэль Явнеэли (1884–1961), тогда как многие другие входили в движение «*Поалей Цион*».

Социалистический, классовый характер новой партии был заявлен уже в первом разделе ее программы:

«Рабочее движение в Эрец-Исраэль является одним из отрядов мирового социалистического рабочего движения, стремящегося полностью освободить человека от гнета существующего порядка, при котором частный капитал управляет жизнью нации, ее экономической и культурной созидательной деятельностью и отношениями между народами и странами. Господствующий строй, который превращает природные богатства, результаты труда поколений людей и достижения человеческого духа, наук и искусств в частную собственность, делает народное хозяйство объектом спекуляций и конкуренции владельцев собственности; угнетает народы; грабит государства и призывает к войнам; неизбежно порождает класс «лишних» трудящихся, не имеющих ничего, и класс правителей и их прислужников, владеющих всем; лишает рабочего его заработной платы, его здоровья, его пищи, его образования, его семьи, его творческой силы и его жизни; эксплуатирует ребенка и будущие поколения»²⁷.

При этом с самого начала новая партия заявила о своем стремлении вступить в Социалистический интернационал (раздел 4, пункт 2 программы). Вместе с тем предполагалось и вступление во Всемирную сионистскую организацию, что было более чем оправдано, принимая во внимание размах той работы – отнюдь не только в идеологической сфере, которую новая партия собиралась вести:

«Рабочее движение Эрец-Исраэль стремится – посредством всенародной, широкой и организованной *алии* – сделать еврейский народ, живущий в Эрец-Исраэль, сообществом сво-

²⁷ «*Ахдут ха'авода*», Предложения Генеральной ассамблеи рабочих Эрец-Исраэль [1919] // *Евреи в современном мире: антология документов*, с. 533.

бодных и равноправных трудящихся, живущим собственным трудом, владеющим своей собственностью и организующим свои работу, хозяйство и культуру.

Реализация этой цели подразумевает:

- а) передачу земли Эрец-Исраэль, ее водных и природных богатств в распоряжение народа Израиля, в вечную собственность всего народа;
- б) создание национального капитала:
 - 1) для обработки земли и создания неотчуждаемых ценностей, которые будут принадлежать нации (дорог, портов, лесов, морских судов, водопровода, освещения, электричества);
 - 2) для национального кредита, который пойдет на развитие национального труда, сельского хозяйства и промышленности с помощью свободных общин рабочих;
- в) переселение (*алию*) пионеров-первопроходцев в нашу страну, которые будут жить в ней трудовой жизнью, прокладывая путь и создавая условия для широкой всенародной *алии*, и будут участвовать в формировании могучего рабочего класса, строящего будущее сообщество трудящихся;
- г) приобщение всей нации к языку иврит и к богатствам культуры; вовлечение трудового общества в культурную жизнь и в культурное творчество»²⁸.

Представляется справедливым мнение тель-авивского историка проф. Йосефа Горного, отметившего масштабность и всеохватность задач, которые сразу же поставила перед собой новая партия: «Если внимательно прочитать программу «Ахдут ха'авода», представленную на конференции Союза сельскохозяйственных рабочих, можно поразиться – насколько всеобъемлющей была забота новорожденной партии о своих членах. Новое движение ставило своей целью обеспечение трудящихся работой, повышение производительности труда, создание кооперативных потребительских организаций, профессиональное и общее обучение, защиту интересов и достоинства трудящихся»²⁹.

²⁸ Там же, с. 534–535.

²⁹ Йосеф Горный. «Ахдут ха'авода», 1919–1930 гг.: идеологическая основа и политическая позиция. – Тель-Авив, 1973, с. 184 [на иврите].

Важно отметить, что основатели «Ахдут ха'авода», среди которых были Давид Бен-Гурион, Берл Кацнельсон, Ицхак Табенкин (1887–1971) и другие, хотели создать нечто большее, чем еще одну политическую партию. Они стремились основать общественно-политическую организацию, охватывавшую в наиболее полной мере все сферы жизни еврейских трудящихся. Интересно отметить, что создатели «Ахдут ха'авода» редко называли свое «детище» партией. По их плану, «Ахдут ха'авода» должна была стать мощной объединяющей силой (отсюда и ее название – «Единство труда»), которая заботилась бы не только о выражении политических позиций своих представителей, но также и об общественных и культурных сферах деятельности. Йонатан Шапира предложил другое, более реалистичное, на наш взгляд, объяснение феномену «Ахдут ха'авода»: «Берл Кацнельсон [бывший фактически главным идеологом новой партии] понимал, что, занимаясь исключительно политикой в обществе, в котором наиболее влиятельные политические учреждения находятся за его пределами [имеется в виду Сионистская организация, глава которой Хаим Вейцман и его аппарат находились в то время в Лондоне], партия никогда не сможет развиться в реально значимую силу. Стало быть, для достижения поставленной высшей цели – создания нового общества, надо было действовать по-другому, не в «партийных» рамках. Необходимо было проникнуть во все сферы жизни еврейского общества Палестины – политическую, общественную, экономическую и культурную, и изменить его структуру изнутри»³⁰.

В конце 1920 года состоялась Учредительная конференция Всеобщей федерации трудящихся Эрец-Исраэль (*Хистадрута*). Конференция, в решениях которой отражалось социалистическое мировоззрение рабочего движения, определила, в частности, основные задачи Федерации профсоюзов: развитие сельскохозяйственных поселений, создание трудовых коллективов в сельском хозяйстве и промышленности, эффективную организацию труда и производства, кооперативное снабжение и взаимопомощь, абсорбцию репатриантов и культурно-просветительскую деятельность. Конференция решила также

³⁰ Йонатан Шапира. *Исторические корни "Ахдут ха'авода"*. – Тель-Авив, 1975, с. 29 [на иврите].

организовать Бюро общественных работ и основать банк «Ха'поалим» [«Банк рабочих»].

Вскоре после Учредительной конференции Федерации профсоюзов Давид Бен-Гурион представил ее экономическую программу. Она стала всеобъемлющей социально-экономической концепцией, главной целью которой провозглашалось создание в Палестине/Эрец-Исраэль общества трудящихся, основанного на принципах равенства, взаимопомощи и кооперации. Программа предусматривала: централизованное планирование и управление всеми предприятиями *Хистадрута*; распространение влияния Федерации профсоюзов на рабочих не только общественно-государственного, но и частного сектора; право собственности *Хистадрута* на средства производства и продукцию; наделение его полномочиями в организации труда и определение уровня заработной платы. *Хистадрут* мог создавать свои самостоятельные предприятия, привлекая рабочих для участия в управлении; в его задачи входила также организация централизованного снабжения.

Программа Д. Бен-Гуриона вызвала резкое противодействие как в его собственной партии – «Ахдут ха'авода», так и в *Хистадруте*. Подвергались критике заложенные в программе жесткие принципы централизма, дисциплины и иерархии; высказывались сомнения в самой возможности ее реализации в качестве единой и всеобъемлющей программы, а также в готовности рабочих ее принять и исполнять; утверждалось, что производительность труда будет снижаться, если прибыль отдельных успешных предприятий будет равномерно распределяться между всеми. Короче говоря, будущего главу первого израильского правительства, которому было тогда 34 года, критиковали за излишнюю «левизну» – видимо, не без оснований, если согласиться с мнением А. Шапира о том, что идея Д. Бен-Гуриона состояла в том, чтобы «сделать *Хистадрут* всеобщей коммуной рабочих Палестины, в духе российского военного коммунизма»³¹.

Важно отметить, что в период британского мандата именно партии получили от британской администрации иммиграционные сертификаты, которые они распределяли в странах диаспоры среди евреев, заинтересованных переселиться в Пале-

³¹ Анита Шапира. Израиль и Россия: история безответной любви.

стину. Выступая в Варшаве 19 апреля 1933 года, Давид Бен-Гурион справедливо отмечал: «Широкие массы стекаются к нам не потому, что привлечены нашей идеологией. Люди стремятся в Эрец-Исраэль и приходят к нам потому, что мы представляем им канал, посредством которого они смогут осуществить репатриацию. Если мы не сможем взять на себя эту функцию, они начнут стекаться в другие места»³².

Молодежи, стремящейся иммигрировать в Палестину, социал-демократические партии предлагали трудный путь, однако они предоставляли также и шанс. Молодежное движение, профессиональная подготовка, разрешение на иммиграцию, трудоустройство, взаимопомощь, прием в общинные сельскохозяйственные поселения (*киббуцы*), а также базовое социальное обеспечение и услуги в сфере здравоохранения – все это создавало фундамент для адаптации на новом месте. Организационные и подготовительные структуры социал-демократических партий в диаспоре укреплялись за счет успехов, достигнутых ими в Палестине; очень важна была также способность профсоюзов и *киббуцного* движения выработать идеологическую программу, мобилизовать человеческие и материальные ресурсы и создать организационную базу для работы в диаспоре. В 1920-е – 1930-е годы на территории Восточной Европы оформилась впечатляющая сеть филиалов социал-демократических партий, управление которыми осуществлялось центральным штабом, расположенным в Палестине.

Обеспечивая рабочих всем необходимым в рамках собственной организации, «Ахдут ха'авода» заручалась их поддержкой и политической верностью. Эта модель «партии, являющейся намного большим, чем просто партией», доминировала в политике еврейской общины Палестины, а затем суверенного Государства Израиль.

Идеологическая основа «Ахдут ха'авода» базировалась на принципах «конструктивного социализма». Согласно этой концепции, цель рабочего класса – построить еврейское государство как бесклассовое общество трудящихся. Доктрина «конструктивного социализма» предполагала возможность построения такого общества в настоящем, не прибегая к классовой борьбе и ее обострению, ведущему к сплочению рабочего класса и к яко-

³² Давид Бен-Гурион. *Воспоминания*, том 1, с. 611.

бы неизбежно вытекающей из этого революции. Соединение идей национализма и «конструктивного социализма» вело к непростой коллизии: деньги на строительство еврейского «государства в пути» давали владельцы капитала, преимущественно из-за рубежа, а неимущий местный пролетариат жертвовал свои силы и энергию, трудясь на земле. Так, согласно противоречившей марксистским догмам концепции «Ахдут ха'авода», еврейское государство в Палестине должно было быть построено на деньги национального капитала. Идеи классовой борьбы были фактически отброшены; при этом лидеры «Ахдут ха'авода» продолжали считать свою партию социалистической.

Для отстаивания интересов рабочих во всем, что касается иммиграции, распределения земель и бюджета, идеологи «Ахдут ха'авода» оперировали понятными и общедоступными формулировками, которые представляли партию как массовую организацию, двери которой были распахнуты для всех желающих. «Ахдут ха'авода» создала беспрецедентную зависимость индивидуума от партии. Можно сказать, что секрет успеха «Ахдут ха'авода» был в ее организационной мощи при крайне нечеткой идеологии.

«Левый» сионизм в Палестине/Эрец-Исраэль и в диаспоре в конце 1920-х – начале 1930-х годов

Основание «Ахдут ха'авода» не отвечало в полной мере надеждам тех, кто стремился к полному объединению левых сил, – ведь движение «Ха'поэль ха'цаир» продолжало оставаться в стороне. Однако в 1930 году произошло объединение двух социал-демократических партий. Кстати, первым представителем социал-демократических сил в Исполнительном комитете Сионистской организации был будущий первый председатель Кнессета Йосеф Шпринцак (1885–1959) – активист «Ха'поэль ха'цаир».

В 1930 году в результате объединения партий «Ахдут ха'авода» и «Ха'поэль ха'цаир» была основана Партия рабочих Эрец-Исраэль (*Мифлегет поалей Эрец-Исраэль*, МАПАИ), на долгие годы ставшей ведущей политической силой еврейской общины Палестины, а затем и суверенного Государства Израиль. Партия пережила слияния и расколы, однако существует до сегодняшнего дня (под названием Партия Труда Израиль, *Мифлегет ха'авода*).

Таблица 2

**Результаты участия социал-сионистских партий
в выборах в Собрание депутатов еврейской общины
Палестины/Эрец-Исраэль**

Блоки и партии	Число депутатов	% поданных голосов
Собрание депутатов I созыва, 1920 год	111 из 314	35,4%
1. «Ахдут ха'авода» [«Единство труда»]	70	22,4%
2. «Ха'поэль ха'цаир» [«Молодой рабочий»]	41	13,0%
Собрание депутатов II созыва, 1925 год	92 из 221	42,6%
1. «Ахдут ха'авода» [«Единство труда»]	54	24,0%
2. «Ха'поэль ха'цаир» [«Молодой рабочий»]	30	14,4%
3. «Маамад ха'поалим» [«Рабочий класс»]	6	2,7%
4. Список <i>киббуцов</i> Израильской долины	2	1,5%
Собрание депутатов III созыва, 1931 год	34 из 71	53,5%
1. МАПАИ	27	42,65%
2. «Рабочие-сефарды»	4	3,3%
3. «Поалей Цион»	1	1,8%
4. Список последователей Б. Борухова	1	1,8%
5. «Ха'шомер ха'цаир»	1	1,6%
6. «Поалей Цион – сефарды»	–	0,5%
7. «Список пролетариев»	–	1,9%
Собрание депутатов IV созыва, 1944 год	103	59,8%
1. МАПАИ	63	36,5%
2. «Левый фронт»	21	12,3%
3. «Ха'тнуа ле'ахдут ха'авода»	16	9,0%
4. «Народный демократический список»	3	1,9%
5. «Национальный рабочий фронт»	–	0,1%

В 1931 году один из лидеров МАПАИ Хаим (Виктор Виталий) Арлозоров (1899–1933) был избран руководителем внешнеполитического отдела Всемирной сионистской организации, а в 1935 году председатель МАПАИ Давид Бен-Гурион, уже возглавлявший созданное в 1929 году при ВСО Еврейское агентство (*Ха'сохнут ха'иехудит*), занял пост председателя Сионистской организации в Иерусалиме.

Вопрос о том, когда именно социал-демократам удалось добиться неоспоримого лидерства в сионистском движении, является дискуссионным в израильской историко-политологической литературе: «правые» обвиняют «левых» в циничном использовании до сих пор не раскрытого, несмотря на все приложенные усилия, потрясшего *ишуве* убийства Хаима Арлозорова в 1933 году, «левые» же убеждают, что на убийстве одного из своих самых ярких лидеров никакого политического капитала не сделали, что перелом будто бы наметился раньше, на XVII Сионистском конгрессе, состоявшемся в 1931 году. Как бы то ни было, нет сомнений, что это произошло уже в начале 1930-х годов, за полтора десятилетия (или даже больше) до создания Государства Израиль. Исходя из этого, утверждение о том, что само создание Государства Израиль было именно реализованным проектом социалистического сионизма, представляется вполне оправданным.

После XV Сионистского конгресса, прошедшего в Базеле в 1927 году, Берл Кацнельсон – главный идеолог социалистического сионизма и ответственный редактор профсоюзной газеты «*Давар*» [«Слово»] провозгласил: «И теперь предстоит захватить сионистское движение, ибо у сионизма нет иного пути, кроме как быть захваченным рабочим движением»³³. Этот призыв был порожден глубоко укорененным в рабочем движении ощущением, что оно может и должно достичь гегемонии в сионистском движении. Год спустя Давид Бен-Гурион, будучи главой Федерации профсоюзов, провозгласил, что существующее в Эрец-Исраэль рабочее движение стало «основной и решающей силой в *ишуве* со всех точек зрения, хозяйственной, культурной, моральной, организационной и политической, силой, которая не имеет себе аналогов ни в Эрец-Исраэль, ни в какой-либо из еврейских общин диаспоры»³⁴. Сторонний наблюдатель воспринял бы это как полностью оторванное от политических реалий притязание: на выборах делегатов на XVI Сионистский конгресс, которые состоялись в 1929 году, даже такая не самая крупная партия, как религиозное движение «*Мизрахи*»,

³³ См.: Берл Кацнельсон. Прошедший Конгресс и его последствия // *Избранные статьи*. – Тель-Авив, 1945, с. 177 [на иврите].

³⁴ См.: Давид Бен-Гурион. Совет профсоюзов, месяц Адар 1928 года // *От класса – к народу*. – Тель-Авив, 1974, с. 200 [на иврите].

в еврейских общинах Польши и Германии набрала большее количество голосов, чем все рабочие партии, вместе взятые³⁵. Однако хотя в этот период еврейская община Палестины/Эрец-Исраэль и насчитывала лишь около ста семидесяти тысяч человек, ей, естественно, отводилась основополагающая роль в реализации программы сионистского движения, вследствие чего ее роль была диспропорционально высока. В соответствии с заключенными в рамках сионистского движения соглашениями голоса избирателей, проживавших на территории Палестины/Эрец-Исраэль, обладали двойным весом! На выборах делегатов на XVI Сионистский конгресс в Палестине/Эрец-Исраэль рабочее движение получило 63% голосов (тогда как «Мизрахи» всего лишь 12%). Таким образом, *система приоритетов, обусловившая ведущее положение представителей политических организаций Палестины/Эрец-Исраэль безотносительно сравнительно небольшой численности еврейского населения этой территории* (в то время не имевшей государственного статуса), *позволила лидерам социалистического сионизма добиться ведущего положения не только в местных, но и в международных еврейских организациях*. В целом же на всем протяжении периода, предшествовавшего созданию Государства Израиль, социал-сионистские партии *ни разу* не получили большинства голосов на выборах делегатов Сионистских конгрессов.

Таблица 3

Процент голосов, полученных «левыми» сионистскими партиями на выборах делегатов Сионистских конгрессов в Палестине/Эрец-Исраэль и в целом в 1930-е – 1940-е годы³⁶

Номер Конгресса	XVII	XVIII	XIX	XX	XXI	XXII
Год	1931	1933	1935	1937	1939	1946
В Палестине/Эрец-Исраэль	62,0%	68,0%	66,8%	69,5%	70,6%	60,5%
В целом	29,0%	44,0%	48,8%	46,3%	46,8%	39,9%

³⁵ Давид Бен-Гурион. *Воспоминания*, том 1, с. 754–755 [на иврите].

³⁶ Таблица составлена на основе протоколов Сионистских конгрессов, хранящихся в Центральном сионистском архиве в Иерусалиме.

В отличие от ревизионистов и религиозных сионистов, центральные органы которых и в 1920-е, и в 1930-е годы оставались в Европе, руководящие структуры основных социал-демократических партий – «Ахдут ха'авода» и «Ха'поэль ха'цаир» – располагались в 1920-е годы в Палестине/Эрец-Исраэль. Здесь формировалась идеология, взращивались партийные лидеры и закладывались основы организационных структур, бывших, как указывалось выше, много более, чем просто партиями. С точки зрения человека, проживавшего в Восточной и Центральной Европе, развернутая рабочим движением деятельность, разумеется, обладала некоей завораживающей спецификой: ставшие легендами киббуцы Дгания и Нахалаль, «Гдуд ха'авода» [«Рабочий батальон»] и отряды еврейской самообороны «Хаганы». Вместе с тем нужно признать и то, что многие участники сионистского движения, испытывавшего постоянные финансовые трудности, считали, что речь идет о несерьезных и достаточно безответственных попытках построить заведомо нереальное общество социальной справедливости для нескольких сот человек, которые приводят к бессмысленной трате ресурсов и не предлагают никаких конструктивных решений для остальных³⁷.

Бескомпромиссное требование о незамедлительной репатриации, а также стремление сформировать в Палестине/Эрец-Исраэль новый тип человека и альтернативное социальное устройство, как правило, формулировались при помощи социалистической терминологии, и зачастую в ее наиболее воинственной форме. Во второй половине 1920-х годов лидеры и активисты «Ахдут ха'авода» открыто говорили о «диктатуре пролетариата». В еще более леворадикальном варианте взяло на вооружение марксистскую идеологию движение «Ха'шомер ха'цаир»³⁸. Профсоюзы, стремясь распространить свою власть на весь рабочий класс, не останавливались и перед использованием насилия для того, чтобы достичь своих целей. Решительность, часто принимавшая агрессивный характер, лишь подчеркивала радикальный имидж, и без того закрепившийся

³⁷ См.: Цахор З. *На пути к руководству ишувом*. – Иерусалим, 1982, с. 279 и далее [на иврите].

³⁸ См.: Маргалит А. «*Ха'шомер ха'цаир*» от молодежной общины – к революционному марксизму. – Тель-Авив, 1971, с. 148 и далее [на иврите].

за рабочим движением. Интересно, что обладая абсолютным большинством в Галилее, в Иорданской и в Изреэльской долинах, сторонники социалистического сионизма в те годы были весьма слабо представлены в городах, не имели реальной точки опоры в религиозной среде, а также не смогли проникнуть в общины выходцев из стран Востока. Иными словами, к концу 1920-х годов в Палестине/Эрец-Исраэль социалистические партии и организации опирались на поддержку почти исключительно секулярных выходцев из России и Польши, прибывших в страну во второй и третьей волнах массовой иммиграции, т.е. с 1905 по 1923 годы.

Несколько парадоксальным образом, собственно в России и Польше социал-сионистские партии пользовались весьма ограниченной популярностью. В еврейском обществе в этих странах было мало рабочих и еще меньше крестьян. Хотя в конце XIX века среди евреев Восточной Европы начались процессы пролетаризации, однако они происходили в ограниченных масштабах и, кроме того, идейная направленность наиболее сознательных участников этих рабочих движений носила, как правило, антиссионистский характер³⁹. Широкая еврейская общественность в большинстве своем принадлежала к нижнему слою среднего класса. Стремившихся к переселению в *киббуцы* в Изреэльской долине было очень немного.

Среди евреев восточной Европы чувство, что только свержение царизма революционным путем может избавить от дискриминации и угнетения, которым они подвергались, стало почти всеобщим; и евреи играли значительную роль в революционном движении. В докладе на IV конгрессе Социалистического интернационала один из первых видных русских марксистов Г.В. Плеханов так оценил еврейское рабочее движение: «Они обнаружили в борьбе со своими эксплуататорами столько стойкости и столько чуткости в понимании социально-политических задач современного рабочего движения, что их, в некотором отношении, можно считать авангардом рабочей армии в России»⁴⁰. Октябрьская революция 1917 года поставила вопрос: может ли

³⁹ См.: Мишкинский М. *Начало становления еврейского рабочего движения в России*. – Тель-Авив, 1980, с. 161 и далее.

⁴⁰ Цит. по: Кременецкий И. *Евреи при большевистском строе*. – Минеаполис, 1999.

социалистическое преобразование восточноевропейских обществ решить еврейскую проблему? В Восточной Европе вопрос о том, должно ли этноконфессиональное меньшинство ассимилироваться или же оно нуждается в собственной национальной территории, был особенно сложным. С рубежа XIX и XX столетий идея культурно-национальной автономии, пропагандировавшаяся «Бундом» – наиболее видной социалистической организацией евреев, – получила значительную поддержку.

Однако большевики (не забудем, что четверо из семи членов первого ленинского Политбюро ЦК партии большевиков были евреями: Л.Д. Троцкий, Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев и Г.Я. Сокольников) и большинство социалистов-евреев в двух рабочих партиях Польши отвергли этот путь решения еврейского вопроса. Тем не менее всем социалистическим партиям на рубеже столетий и позже пришлось считаться с жестко конкурировавшей с ними организацией – Еврейской социал-демократической рабочей партией «Поалей Цион».

На еврейской политической арене в 1917–1918 годах доминировали три главные тенденции⁴¹:

- 1) различные партии, чьи «буржуазные» устремления были более или менее близко связаны с кадетами;
- 2) социал-демократическая, преимущественно меньшевистская, тенденция (левое крыло сионистских партий, как, например, «Поалей Цион», и бундовцы, несмотря на их резкую оппозицию всем формам политического сионизма);
- 3) несионистские группы ортодоксальной или «территориальной» ориентации, т.е. те, кто видел будущее евреев в составе России на условиях национально-культурной автономии без жесткой социалистической ориентации.

Лишь относительно небольшое число людей в конце второго – начале третьего десятилетия XX века поддерживали сионистские партии и группировки. Обнародование 2 ноября 1917 года Декларации Бальфура мало что изменило: многие евреи Великобритании и других стран Запада были воодушевлены ею, однако сами они связывать свою судьбу с Палести-

⁴¹ Излагается (с некоторыми изменениями) по: Mario Kessler. *The Russian Revolution and the Jewish Workers' Movement // On Anti-Semitism and Socialism*. – Potsdam: Trafo Verlag, 2005, с. 47–64.

ной/Эрец-Исраэль не планировали. В Российской империи и Польше евреи в большинстве своем поддерживали местные социалистические или либерально-демократические партии.

Однако существенное ухудшение экономического положения в Центральной и Восточной Европе, а впоследствии и масштабные антиеврейские ограничения и репрессии привели к тому, что многие из тех, кто прежде не задумывались об эмиграции в Палестину/Эрец-Исраэль, стали склоняться к этой идее. Этим людям социал-сионистские партии имели, что предложить, учитывая их фактический контроль над иммиграционными сертификатами. Путь, который они предлагали, был длинным и сложным, но практически единственным реально осуществимым. В Восточной Европе были созданы подготовительные коммуны, куда принимали членов социал-сионистских партий. Молодой человек или девушка, заинтересованные переселиться в Палестину/Эрец-Исраэль, имели основания предполагать, что присоединение к рабочему движению приведет его/ее в подготовительную коммуну, а затем, когда наступит очередь, он/а получит разрешение на репатриацию и по прибытии в Палестину/Эрец-Исраэль сможет построить дом уже в настоящем *киббуце*. Другие возможности носили более ограниченный и куда менее конкретный характер. Рабочие партии «*Ха'поэль ха'цаир*» и «*Ахдут ха'авода*» держали под своим контролем деятельность, связанную с абсорбцией репатриантов, включая и строительство жилья для новоприбывших. Сами иммигранты были зачастую недовольны навязыванием им тех или иных партийных идеологий с первых же дней их пребывания в стране, но что они могли изменить?!

В 1920-е годы на территории Восточной Европы оформилась впечатляющая сеть партийных филиалов, управление которыми осуществлялось центральным штабом, расположенным в Палестине/Эрец-Исраэль. Эта сеть была изначально нацелена на работу со значительно более широкими слоями населения, нежели те, которые образовывали «естественную», с социально-экономической точки зрения, аудиторию рабочего движения. Это положение вещей нашло отражение и в лозунге, выдвинутом Давидом Бен-Гурионом: «От класса – к народу». В 1931 году, говоря о МАПАЙ, он отмечал: «Партия рабочего класса, в отличие от других партий, является не только классовой, заботящейся только об интересах данного класса, но и национальной, ответственной за будущее всего народа и считаю-

щей себя не частью, а ядром будущей нации»⁴². Цель, которую ставил перед сионистским движением Д. Бен-Гурион, – создание рабочего класса как основы будущего государства. «Если хозяйство Эрец-Исраэль будет зиждется на частном капитале и арабском труде, здесь сложится колониальное общество, – справедливо предостерегал он. – Если же оно будет зиждется на коллективно-национальном капитале и еврейском труде, то и государство, которое здесь со временем возникнет, будет преследовать коллективные и национальные интересы»⁴³.

Таким образом, социалистические позиции ведущих лидеров рабочего движения начали приобретать более умеренный характер. Прагматизм, свойственный подходу этих людей к идеологической и организационной борьбе, привел к отказу от радикальных идей, таких как «всеобщая коммуна рабочих Эрец-Исраэль», которая предлагалась Давидом Бен-Гурионом на съезде партии «Ахдут ха'авода» 9 сентября 1921 года. Лидеры еврейских социалистических организаций и партий Палестины/Эрец-Исраэль были готовы умерить свой классовый пафос во имя общенациональных устремлений.

Так ухудшение экономического положения евреев Восточной и Центральной Европы, равно как и усиление антисемитских компонентов в государственной политике отдельных из стран региона подталкивали людей, терявших источники дохода и социальный статус, к сионизму, и в этой ситуации именно инфраструктура, позволявшая организовать переселение в Палестину/Эрец-Исраэль менее чем за десять лет четверти миллиона человек сыграла критическую роль. *Выбирая сионизм с целью иммиграции в Палестину/Эрец-Исраэль, потенциальные переселенцы не имели никаких иных практических возможностей, кроме как связать свою судьбу с социалистическими партиями, создавшими инфраструктуру по организации иммиграции и последующей абсорбции новых жителей страны. Речь шла не об идеологическом выборе, а о единственно возможном с практической точки зрения пути.* Правые и религиозно-сионистские политические организации, деятельность которых велась преимущественно в странах диаспоры,

⁴² Цит. по: Авинери Ш. *Основные направления в еврейской политической мысли*, с. 294

⁴³ Цит. там же, с. 297.

не могли предоставить потенциальным переселенцам тех возможностей, которые имели социал-демократические партии.

Приход к власти в Германии Адольфа Гитлера, естественно, привел к росту количества евреев, вынужденно стремившихся покинуть эту страну. Гитлеровский режим был заинтересован избавиться от евреев, многие евреи хотели уехать, сионистские организации рады были принять их в Палестине/Эрец-Исраэль; интересы сторон неожиданным образом совпали. 25 августа 1933 года между подконтрольным Всемирной сионистской организации Англо-Палестинским банком и Министерством экономики Германии было подписано соглашение, согласно которому деньги от проданного евреями в Германии имущества переходили на счета этого банка, а на них должны были закупаться немецкие товары, предназначенные для последующей продажи в Палестине/Эрец-Исраэль и других странах. Вырученные от продажи средства предназначались для помощи еврейским иммигрантам из Германии. Это соглашение, равно как и два предшествовавших ему менее масштабных договора между теми же сторонами, заключенные в мае и июле 1933 года, встретило серьезное противодействие в еврейских кругах диаспоры как сводящее на нет движение за бойкот нацистского режима, однако оно действовало до 1939 года. За это время из Германии в Палестину/Эрец-Исраэль прибыли более двухсот тысяч человек, которые, в результате, покидали Европу, лишившись всего имущества и сбережений, становясь полностью зависимыми от чиновников социал-сионистского истеблишмента.

Человеком, сыгравшим ключевую роль в переговорах сионистского руководства с представителями Национал-социалистической партии Германии, был Хаим Арлозоров, возглавивший в 1931 году внешнеполитический департамент Еврейского агентства и Всемирной сионистской организации, у которого в 1928–1931 годах был страстный роман с Магдой Квандт (урожденной Беренд), 19 декабря 1931 года ставшей супругой главного идеолога Третьего рейха Йозефа Геббельса и де-факто – первой дамой Третьего рейха⁴⁴. Х. Арлозоров был убит летом 1933 года на глазах своей второй жены, Симы, причем его убийство так и не было раскрыто: Лиза, младшая сестра

⁴⁴ Об отношениях Магды Квандт и Хаима Арлозорова см.: Зигмунд А. *Женщины нацистов*. – М.: Ладомир, 2001, с. 72–73 и 78.

Х. Арлозорова и подруга будущей Магды Геббельс, считала вполне вероятным, что за этим преступлением стоял ревнивый рейхсминистр просвещения и пропаганды. Были и те, кто обвинял в этом убийстве еврейских палестинских коммунистов, возмущенных сотрудничеством Сионистской организации с нацистами. Однако доминирующей (по крайней мере, в то время) стала версия о том, что Х. Арлозоров был убит ревизионистами, которые также были возмущены политическим курсом, частью которого было подписание Сионистской организацией соглашений с нацистской Германией. Двое активистов ревизионистского движения – Цви Розенблит и Авраам Ставский – были арестованы как подозреваемые в убийстве, однако в ходе первого суда был оправдан Ц. Розенблит, а при последующем рассмотрении апелляции – и признанный виновным на первом суде А. Ставский. Убийство фактического министра иностранных дел еврейской общины Палестины/Эрец-Исраэль Х. Арлозорова остается нераскрытым до сегодняшнего дня, однако в 1933 году потрясение было столь велико, что выборы делегатов на XVIII Сионистский конгресс превратились в беспрецедентный триумф возникшей за три года до этого единой социал-демократической партии МАПАЙ. На этих выборах МАПАЙ получила около 44% голосов – в полтора раза больше, чем лишь двумя годами ранее (29%).

При этом ревизионисты потерпели сокрушительное поражение, набрав лишь 14% голосов, в то время как на предыдущих выборах за них проголосовал 21% избирателей. С точки зрения ревизионистских публицистов и историков, обвинение их лагеря в том, что его представители убили Хаима Арлозорова, представляло собой «кровавый навет». Можно, видимо, уже до бесконечности спорить о том, было ли это наветом, однако представляется очевидным, что политические дивиденды с этого Рабочая партия получила в полном объеме. *И соглашения с гитлеровским Министерством экономики, и убийство того, кто наиболее активно готовил эти соглашения, упорочивали экономическое и политическое влияние социал-сионистов, гегемония которых в партийно-политической системе еврейской общины Палестины/Эрец-Исраэль после середины 1933 года сомнению уже не подлежала.*

На двух последующих Сионистских конгрессах руководителям МАПАЙ удалось добиться своего при бурном обсуждении крайне проблематичных вопросов: XIX Конгресс, прошедший

в 1935 году в Люцерне, утвердил соглашение, заключенное с представителями руководства гитлеровской Германии, а XX Конгресс, состоявшийся два года спустя в Цюрихе, уполномочил руководителей Всемирной сионистской организации и Еврейского агентства вступить в переговоры о путях реализации выдвинутого британской Королевской комиссией (известной как Комиссия Пилля) плана раздела Палестины/Эрец-Исраэль, предусматривавшего, в частности, создание независимого еврейского государства, однако лишь примерно на 17% мандатной территории. Противились плану раздела и ревизионисты, и делегаты от религиозного движения «Мизрахи», и часть членов самой МАПАИ, считавшие 17% территории совершенно недостаточными для реализации еврейских национальных чаяний, а также представители крайне левого движения «Ха'шומר ха'цаир», ратовавшие не за раздел, а за создание двунационального арабо-еврейского государства. Если бы ревизионисты в 1935 году не вышли из ВСО в свою отдельную Новую сионистскую организацию, вполне вероятно, что итоги голосования на Конгрессе в Цюрихе были бы другими, однако, в отсутствие почти всех сторонников В.Е. Жаботинского (осталась лишь небольшая группа – т.н. «Еврейская государственная партия»), Д. Бен-Гуриону и поддерживавшему его в этом вопросе Х. Вейцману удалось добиться желаемого результата. Это стало зримым свидетельством того, что *социал-сионисты контролировали уже не только еврейскую политическую жизнь Палестины/Эрец-Исраэль, но и Конгрессы – центральный политический форум сионистов диаспоры*. Как указывалось выше, это стало возможным во многом именно потому, что при выборах делегатов сионистских конгрессов голоса избирателей в Палестине/Эрец-Исраэль получали двойной вес. Таким образом попирался принцип демократического равенства, но только так социал-сионисты, ни разу не выигравшие выборов среди еврейства диаспоры, могли добиться того, чего они стремились добиться.

**Политэкономика «левого» сионизма:
Федерация профсоюзов и создание инфраструктуры
«государства в пути»**

С точки зрения социал-демократических партий, хорошая политическая организация являлась необходимым условием для достойного экономического развития и для защиты собст-

венных интересов. Еврейские рабочие прибывали в Палестину/*Эрец-Исраэль* практически без средств к существованию. Многие из них обращались за помощью к представителям Сионистской организации и других структур, распределявших помощь еврейских филантропов из стран диаспоры. Создание собственной политической организации с расширенными полномочиями, которые бы позволяли ей заниматься и вопросами трудоустройства, и здравоохранения, и обеспечения жильем, было необходимым условием выживания многих рабочих, крестьян и мелких ремесленников в трудных условиях засушливой и бедной природными ресурсами новой страны. Таким образом, экономическая слабость рабочих кругов привела в конечном счете к созданию сильной и разветвленной политической организации⁴⁵.

Однако руководители «левых» сионистов понимали, что отсутствие рычагов экономического влияния станет их ахиллесовой пятой и в политической сфере. *Не имея возможности привлечь частный капитал* (представители буржуазии, по понятным причинам, не были заинтересованы поддерживать тех, кто выступал против частной собственности), *социалисты сделали ставку на то, чтобы добиться контроля над общественной кассой сионистского движения, включая деньги, получаемые из Германии, а также обложить налогом всех еврейских работников, причем в Палестине/Эрец-Исраэль была создана не имеющая аналогов структура – профсоюз, ставший крупнейшим собственником промышленных предприятий.*

В учредительном съезде Всеобщей федерации трудящихся Эрец-Исраэль (*Хистадрута*), прошедшем в здании Технологического университета в Хайфе 4 декабря 1920 года, участвовали всего 87 делегатов, представлявших лишь 4433 избирателя из числа рабочих и крестьян. Отношения между руководством Сионистской организации и лидерами социалистических партий *ишува* были в то время крайне напряженными, главным образом из-за споров о том, как лучше всего распорядиться весьма ограниченным бюджетом, выделявшимся на нужды развития еврейского *ишува*. В конце 1920 года правление Сионистской организации решило отправить в Палестину/*Эрец-Исраэль*

⁴⁵ Цит. по: Авива Халамиш. *От национального очага – к государству*. – Раанана: Открытый университет Израиля, 2006, кн. 2, с. 104.

так называемую «Реорганизационную комиссию», которая должна была переосмыслить деятельность учреждений Сионистской организации в стране. Лидеры рабочего движения категорически отвергли требование этой комиссии прекратить покупку земель в Изреэльской долине. Поскольку в то время в руководстве Сионистской организации не было представителей рабочих кругов *ишува*, они ощущали потребность в создании структуры, которая бы представляла их интересы перед Сионистской организацией и отстаивала бы их позицию⁴⁶.

Можно сказать, что создание *Хистадрута* преследовало две цели. Во-первых, обеспечить достойное каждодневное существование еврейских трудящихся в Палестине/*Эрец-Исраэль* и защитить интересы наемных рабочих в сельскохозяйственных поселениях. Во-вторых, укрепить статус рабочего движения, чтобы оно могло влиять не только на политику иммиграции и заселения Палестины/*Эрец-Исраэль*, но также и на будущий характер еврейского *ишува* в целом. Вторая задача виделась явно более важной. «Я знала многих деятелей рабочего движения, – писала полвека спустя в воспоминаниях Голда Меир (1898–1978). – Основные цели *Хистадрута* они понимали так же, как я, – не столько как защиту ближайших экономических интересов трудящихся, сколько как создание трудовой общины, преданной будущему евреев в Палестине – тех, кто уже там живет, и тех, кто приедет потом»⁴⁷.

Короткий период времени – первые несколько месяцев – во главе *Хистадрута* стоял Давид Закай (Жуховицкий, 1886–1978), никакой карьеры позднее не сделавший и ныне совершенно забытый. В 1921 году начался период руководства Давида Бен-Гуриона. Высшим органом Федерации профсоюзов являлся съезд, делегаты которого избирались на основе всеобщего избирательного права всеми членами *Хистадрута*. Согласно уставу организации, съезд должен был созываться раз в два года. На деле все было иначе: *создав Федерацию профсоюзов, ее руководители не особенно беспокоились о нормах внутрипартийной демократии, и за двадцать восемь лет, прошедших*

⁴⁶ Цит. по: Авива Халамиш. *От национального очага – к государству*. Кн. 2, с. 116.

⁴⁷ Голда Меир. *Моя жизнь*. – Иерусалим: Библиотека Алия, 1983, кн. 1, с. 123.

с 1920 по 1948 год, прошло лишь пять съездов. Первый – учредительный – съезд был проведен в начале декабря 1920 года, второй съезд собрался в январе 1923 года, третий – в июле 1927 года, четвертый – в два этапа – в феврале 1933 и в феврале 1934, пятый – в апреле 1942 года. Не менее важно отметить и то, что на съезде избиралось Правление Федерации профсоюзов, которое, в свою очередь, избирало Исполнительный комитет, а также ревизионную и арбитражную комиссии. Иными словами, *не только у рядовых членов профсоюза, но даже и у делегатов его съездов не было почти никакого влияния на формирование руководящих органов организации, которые формировали сами себя.*

Хистадрут являлся основной профсоюзной организацией *ишува*, объединявшей большинство наемных работников страны, членов *киббуцев*, рабочих поселений и кооперативных предприятий, а также значительную часть лиц свободных профессий. В *Хистадрут* входили местные рабочие советы; каждый такой совет объединял рабочих данного населенного пункта и, что было особенно важно, руководил деятельностью местного бюро по трудоустройству. Таким образом, *контролируя через посредство региональных отделений Федерации профсоюзов сферу трудоустройства, «левые» получили мощнейший рычаг политического контроля и влияния, который они использовали до 1970-х, а в определенной мере – и до конца первой половины 1990-х годов*, пока принятый в 1994 году Закон о государственном страховании здоровья не отменил обязательность членства в профсоюзах для всех застрахованных во Всеобщей больничной кассе («*Клалит*»), а также положил конец бесконтрольному вмешательству профсоюзов в ее бюджет.

Согласно Уставу, сфера ответственности *Хистадрута* включала в себя «экономическую, общественную и культурную жизнь еврейских трудящихся». Фактически Федерацию профсоюзов интересовали все аспекты жизни еврейских трудящихся. В социально-экономической сфере *Хистадрут* видел свою задачу в борьбе за увеличение т.н. рабочей алии и в содействии ее абсорбции, в организации профессиональных объединений во всех отраслях производства, создании и развитии промышленных и сельскохозяйственных предприятий, обществ взаимопомощи (страховых, больничных и пенсионных касс), поселенческих и кредитных фондов и т.п. В культурной сфере *Хистадрут* провозглашал своей целью содействие распространению языка

иврит, издание книг и газет для трудящихся, создание образовательных учреждений, курсов профессиональной подготовки и повышения квалификации. С 1925 по 1969 год при *Хистадруте* действовал рабочий театр «Охэл» [«Шатер»]. Официальным органом *Хистадрута* и наиболее популярной среди его активистов была газета «Давар». Созданное профсоюзами издательство «Ам овед» [«Трудящийся народ»] до сих пор остается одним из крупнейших в стране. В рамках *Хистадрута* действовало также спортивное общество «Ха'позль» [«Рабочий»], сеть ремесленных школ «Амаль» и т.п.

В январе 1923 года на втором съезде *Хистадрута* по предложению Д. Бен-Гуриона было объявлено о создании «Хеврат ха'овдим» [«Компании трудящихся»] – органа, одновременно владеющего и руководящего всеми предприятиями *Хистадрута*. Устав созданной Компании объявлял ее целью «объединение всех еврейских рабочих в стране на кооперативной основе; основание и строительство городов, деревень и жилых кварталов; развитие водного транспорта и рыболовства; создание промышленных предприятий; осуществление строительных работ общественного назначения; создание складов и торговых предприятий для реализации продукции; создание банков и кредитных учреждений». Устав гласил, что «Хеврат ха'овдим» – это кооперативное товарищество, членами которого являются все члены *Хистадрута*. Полномочия «Хеврат ха'овдим» включали: права собственности на дочерние компании; определение уровня заработной платы и цен на продукцию ее хозяйств и предприятий; организацию руководства, контроля и координации действий ее структур. После утверждения этой программы компания «Хеврат ха'овдим» была зарегистрирована в 1924 году как кооперативное предприятие.

Вслед за созданием «Хеврат ха'овдим» в 1924 году для реализации строительных и промышленных проектов общественного назначения была создана строительная компания «Солель боне». Эта компания заменила Управление общественных работ, которое к тому времени погрязло в непрерывных конфликтах между *Хистадрутом* и городскими рабочими.

Создание «Хеврат ха'овдим» и «Солель боне» стало поворотным пунктом в истории *Хистадрута*. Теперь Федерация профсоюзов выступала не только как профессиональная классовая организация, но и как структура первостепенного значения для реализации политических задач социалистического

сионизма. «Во многом *Хистадрут* представлял собой уникальное явление. ... Ошибкой было бы думать, что *Хистадрут*, хоть и назывался Всеобщей федерацией еврейских трудящихся, есть тред-юнион; это значило бы упрощать ситуацию, – писала Голда Меир. – И по идее, и на практике он представлял собой нечто значительно большее. ... У *Хистадрута*, о каком бы проекте ни шла речь, всегда было два критерия: отвечает ли он насущным потребностям нации и приемлем ли он (или необходим) с социалистической точки зрения»⁴⁸.

В период, предшествовавший созданию Государства Израиль, «*Хеврат ха'овдим*» расширялась и укреплялась, ею было создано множество предприятий в самых различных отраслях: «*Кур*» (промышленность), банк «*Ха'поалим*», «*Ха'машбир ха'меркази*» (потребительская компания), «*Тнува*» (сбыт сельскохозяйственной продукции), «*Шикун*» и «*Неве овед*» (жилищное строительство), «*Ха'сне*» (страховая компания), «*Мекорот*» (водоснабжение), «*Авирон*» (авиационная компания), ЦИМ (морские перевозки). Кроме этого, были созданы кооперативы в различных отраслях: кредитные, потребительские, производственные, транспортные и другие. При этом банк «*Ха'поалим*», компании «*Солель боне*», «*Кур*», «*Ха'сне*», «*Шикун*» и «*Неве овед*» находились в собственности «*Хеврат ха'овдим*», а компаниями «*Мекорот*» и «*Авирон*» она владела совместно с Еврейским агентством и частными инвесторами. Однако «*Хеврат ха'овдим*» пыталась поставить под свой фактический контроль и отдельные независимые кооперативные предприятия, не принадлежавшие ей. Основой деятельности компании «*Хеврат ха'овдим*» стал подход, предусматривающий создание крупных предприятий с сильным централизованным управлением, находящимся под контролем политического руководства, направляющего их деятельность, и распределяющего доходы в соответствии со своей системой приоритетов. Такая система управления позволяла не только перераспределять ресурсы от доходных предприятий в пользу убыточных на основе взаимной ответственности между ними, но и оставляла в руках политических лидеров мощнейшие рычаги экономического влияния, что было чрезвычайно важно в условиях очень высокой безработицы. Экономический контроль над предприятиями давал

⁴⁸ Голда Меир. *Моя жизнь*. Кн. 1, с. 123–124.

возможность осуществлять эффективный политический контроль над их работниками.

В политической сфере компания «*Хеврат ха'овдим*» стремилась в первую очередь сохранить авангардную роль рабочего движения в *ишуве* и во Всемирной сионистской организации, помочь лидерам этого движения добиться политической власти и влияния в области экономики, поддерживать рабочих в переговорах с частными предпринимателями. На достижение этих программных целей была направлена деятельность «*Хеврат ха'овдим*» и в период *ишува*, и после создания государства.

Хистадрут проводил политику, направленную на расширение масштабов деятельности, также и в сфере поселенческого движения. Это движение стремилось не столько укреплять и развивать уже имеющиеся поселения, сколько создавать, пусть и не всегда рентабельные, новые поселения во имя «завоевания земли». В результате, с одной стороны, еврейские переселенцы получали контроль над новыми территориями, но с другой, в связи с тем, что многие сельскохозяйственные поселения испытывали острую нехватку материальных и финансовых ресурсов и были не в состоянии успешно развиваться без помощи извне, Федерация профсоюзов, как их основной спонсор, сохраняла фактически тотальный контроль над происходившим в них.

Федерация профсоюзов в Эрец-Исраэль была совершенно особенным, единственным в своем роде объединением трудящихся. Стараясь распространить свою деятельность на все сферы жизни еврейских рабочих, она не раз оказывалась перед разного рода дилеммами. Сначала это была необходимость выбора между классовыми и национальными интересами, затем к этому добавилось противоречие между характером *Хистадрута* как профсоюзного объединения и его деятельностью по трудоустройству безработных. Однако с самого начала в деятельности Федерации профсоюзов доминировали политические интересы. Все имеющиеся у нее ресурсы она использовала для борьбы за создание «национального очага» еврейского народа в Палестине/Эрец-Исраэль, во главе которого стояли бы лидеры социалистических партий. Вклад Федерации профсоюзов в создание инфраструктуры «государства в пути» невозможно переоценить, но это государство могло быть возглавлено только социалистами.

Важнейшей для Федерации профсоюзов была ее деятельность в системе среднего образования. Создав отдельную раз-

ветвленную сеть школ (так называемое «рабочее» направление), *Хистадрут* стремился к тому, чтобы дать учащимся «пролетарское воспитание» путем «формирования независимой активной еврейской личности, проникнутой сионистскими и социалистическими идеалами, готовой воплощать в жизнь цели еврейского рабочего и социалистического движения в Израиле»⁴⁹. Помимо того, что «рабочее» направление давало в своих учебных заведениях общее образование, его руководство гордилось участием своих воспитанников в молодежных движениях и их работой в *киббуцах* и *мошавах*. Над каждым учебным заведением, принадлежащим к этому направлению, развевался красный флаг (после обретения Израилем независимости – два флага: красный и бело-голубой), а день 1 Мая был выходным для преподавателей и учащихся.

В обнародованной еще в 1919 году программе партии «*Ахдут ха'авода*», в частности, говорилось: «Рабочее движение в Эрец-Исраэль является одним из отрядов сионистского движения еврейского народа, стремящегося к вызволению народа Израиля из изгнания. Его чаяния: возрождение народа Израиля, народа, который в массовом порядке возвращается в свою страну, вращается в ее землю, создает ее население и базу для труда на ней и становится свободным народом – хозяином своей страны, говорит на своем языке иврит, распоряжается собственной жизнью, создает и умножает свою материальную и духовную собственность»⁵⁰.

Спустя три десятилетия лидеры социалистического сионизма могли с честью сказать, что, вопреки всему, им удалось реализовать задуманное в полном объеме. Еврейский народ, говорящий на языке иврит, создавший в Палестине/Эрец-Исраэль города и сельскохозяйственные поселения, школы и университеты, поликлиники и больницы, промышленные предприятия и транспортные кооперативы, и многое, многое другое, провозгласил 14 мая 1948 года свою государственную незави-

⁴⁹ Гальперин Н. Наши педагогические программы // *«Гистадрут в 1945–1948 гг. Отчет седьмой конференции Гистадрута*. – Тель-Авив, 1949, с. 366 [на иврите].

⁵⁰ «*Ахдут ха'авода*»: Предложения Генеральной ассамблеи рабочих Эрец-Исраэль // *Евреи в современном мире: антология документов*, с. 534.

симость. Человеком, зачитавшим Декларацию независимости, был Давид Бен-Гурион – первый из соавторов программы и один из лидеров партии «Ахдут ха'авода», а с 1930 года – лидер МАПАЙ, первый генеральный секретарь Федерации профсоюзов, а затем – глава Еврейского агентства (в 1935–1948 гг.). Он и его соратники имели полное право сказать, что это они превратили «национальный очаг» в национальное государство.

Первые полтора десятилетия существования организации во главе Федерации профсоюзов стоял Давид Бен-Гурион, которого в 1935 году сменил Давид Рemez (1886–1951), а в 1944 году – Йосеф Шпринцак. После провозглашения государственной независимости Израиля первый стал премьер-министром и министром обороны, второй – министром транспорта, а затем – просвещения и культуры, третий – председателем парламента (Кнессета). Леви Эшколь (1895–1969), секретарь рабочего совета Тель-Авива в 1944–1948 гг., стал в 1952 году министром финансов, а в 1963 году сменил Д. Бен-Гуриона на посту премьера. Секретарь профсоюза работающих женщин Голда Меир поехала первым послом в Москву, затем стала министром труда, потом министром иностранных дел, генеральным секретарем МАПАЙ, а после смерти Л. Эшколя – главой правительства. Лидеры социал-сионистских партий и Федерации профсоюзов возглавили страну, которую сами и создавали.

Глава II.

НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВА: БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ ВМЕСТО БОРЬБЫ ЗА ИДЕАЛЫ

Провозглашение 14 мая 1948 года государственного суверенитета Израиля поставило руководителей социал-сионистских партий перед принципиально новой ситуацией. Необходимо было руководить уже не общиной, живущей под контролем внешних (британских) институтов власти, а независимой страной, которой, по разным причинам, сразу же была объявлена война всеми граничащими с ней странами. В этой войне Израилю удалось не только выстоять, но и значительно, более чем наполовину, увеличить свою территорию, но и жертвы были немалыми: погиб каждый сотый еврейский житель страны. При этом кардинальным образом изменилась и внутривнутриполитическая ситуация.

Как указывалось в предыдущей главе, гегемония социал-сионистских партий, объединившихся в 1930 году в МАПАЙ, очень облегчалась в связи с тем, что всевозможные конкуренты в разное время вышли из структур, возглавляемых Д. Бен-Гурионом и его соратниками: религиозные ортодоксы не участвовали в выборах в Собрание депутатов начиная с 1925 года, а ревизионисты – с 1944 года; вышли они и из Всемирной сионистской организации. Радикальные «левые» организации (коммунисты, с одной стороны, и либералы-сторонники идеи двунационального государства, с другой) в выборах в Собрание депутатов не участвовали ни разу. Арабские жители страны в период мандата не могли участвовать в выборах в Собрание депутатов, не принимали их ни в одну из еврейских партий, ни в Федерацию профсоюзов. Таким образом, при неучастии в организованной политической жизни евреев-ортодоксов, ревизионистов, коммунистов и арабов социал-сионисты получали значительно больший процент голосов сторонников, чем они на самом деле имели в обществе.

После 1948 года ситуация кардинальным образом изменилась: те, кто раньше во внутривнутрипартийной борьбе не участво-

вал, стали частью нового израильского «политического поля». Учитывая демографические реалии того времени, речь шла о, как минимум, трети жителей Израиля. Впрочем, точно предсказать электоральные потери социал-сионистов при переходе от Собрания депутатов к Учредительному собранию (которое провозгласило себя Кнессетом первого созыва) было невозможно: если численность живших обособленно в своих городах, кварталах и деревнях евреев-ультраортодоксов и арабов была известной, то оценить «на глаз» количество ревизионистов и коммунистов представлялось делом крайне затруднительным. Кроме того, – и это было для Д. Бен-Гуриона и МАПАЙ по-настоящему неприятным сюрпризом, – «левые» движения «*Ха'шомер ха'цаир*» и «*Ахдут ха'авода – Поалей Цион*» объединились в 1948 году в партию МАПАМ (*Мифлегет поалим меухедет*, Объединенная рабочая партия), которая конкурировала на том же самом социал-демократическом поле, где, как казалось с 1930 года, конкурентов не может быть в принципе.

Итак, у МАПАЙ появилось пять новых конкурирующих сил: «левые» социалисты, ревизионисты, коммунисты, религиозные ультраортодоксы и арабы. Для борьбы с ними и сохранения своей гегемонии Д. Бен-Гурион и его соратники использовали широкий репертуар методов, соответствующий особым обстоятельствам каждой из конкурирующих групп. Религиозные ортодоксы и арабы, а в меньшей степени – и коммунисты, были, однако, обособленными с социально-демографической точки зрения секторами, которые стремились сохранить свою автономию, но, понимая расклад сил, не рассчитывали навязать свою волю другим. Их задачей – и это абсолютно верно применительно и к религиозным ортодоксам, и к арабским гражданам Израиля, – было не прийти к власти, а не дать властям полностью нивелировать их особый образ жизни, мировоззрение и модели поведения в общественно-политической сфере. Какова бы ни была их риторика, не рассчитывали прийти к власти и коммунисты, на всем протяжении израильской истории ни разу не получившие более 5% мандатов в Кнессете (6 мест, полученных ими в 1955 году, являются их абсолютным рекордом). Основная борьба поэтому развернулась с теми, кто реально бросал вызов гегемонии МАПАЙ, их политическими оппонентами в еврейском светском социуме.

Борьба с партией МАПАМ за монополию в социал-сионистском лагере

В предвыборной пропаганде МАПАМ представляла себя как единственную альтернативу МАПАЙ, утверждая, что именно ее платформа воплощает истинный моральный кодекс социалистического сионизма. Еще одним доводом, на котором строилась предвыборная пропаганда левосоциалистического блока, был решающий вклад, который ее члены – солдаты и командиры ПАЛЬМАХа – внесли в победу в Войне за независимость. Учитывая, что с МАПАЙ были связаны другие вооруженные силы – «Хагана»⁵¹, – претензии идеологически конкурирующего ПАЛЬМАХа были особенно неприятными, особенно в свете того, что от них никак нельзя было отмахнуться.

ПАЛЬМАХ – ударные отряды еврейской самообороны – были созданы в 1941 году. Чтобы решить проблему финансирования ПАЛЬМАХа, был учрежден новый порядок воинской службы: они половину каждого календарного месяца работали в общинных сельскохозяйственных поселениях (*киббуцах*), а вторую половину посвящали учениям и тренировкам. Это сочетание сельскохозяйственного труда и военной службы нашло выражение в эмблеме ПАЛЬМАХа: два колоса и меч. Несмотря на то, что эти военизированные поселения не имели признанного законного статуса, средства на нужды ПАЛЬМАХа выделяли из своего бюджета национальные учреждения *ишува*.

Объединение военной подготовки с сельхозработами давало следующие преимущества:

1. Содержалась независимая, легко мобилизуемая группа войск.
2. Сельхозработы обеспечивали около 80% бюджета ПАЛЬМАХа.
3. Финансирование, поступающее от учреждений ишува, использовалось на закупку вооружения и военную подготовку личного состава.
4. Сложности с обнаружением группы войск англичанами.

⁵¹ См.: Слуцкий, Иехуда. *Хагана – еврейская боевая организация в Эрец-Исраэль*. – Иерусалим: Библиотека Алия, 1978–1979. В 2-х книгах [перевод с издания на иврите, выпущенного в 1964 г.].

5. Упрощалась вербовка в ряды ПАЛЬМАХа жителей *киббуцов* и *мошавов*.
6. Создавались группы, которые могли бы стать базой для будущих поселений.
7. Учебная программа комбинировала военную подготовку, обучение основам ведения сельского хозяйства, воспитание бойцов в духе ценностей социалистического сионизма.

Со временем ПАЛЬМАХ стал главной военной силой *ишува* во время военных действий 1948–1949 годов. Список тех, кто служил в ПАЛЬМАХе, а потом сыграл ведущую роль в самых разных израильских силовых структурах, – необычайно длинный: начальники Генерального штаба ЦАХАЛа Ицхак Рабин, Давид Элазар, Хаим Бар-Лев, Мота Гур и Рафаэль Эйтан; командующий военно-морским флотом Йохай Бен-Нун; командующий военно-воздушными силами Моти Ход; глава Службы внешней разведки «Моссад» Цви Замир; руководитель Общей службы безопасности (ШАБАКА) Авраам Шалом; командующий силами израильской полиции Герцль Шафир и многие другие. Это была со всех точек зрения военная элита молодой страны. *С точки зрения обеспечения интересов безопасности Государства Израиль, эти элитные подразделения, конечно, имело смысл сохранить, однако, по сугубо внутривластным причинам Д. Бен-Гурион принял решение вначале распустить штаб ПАЛЬМАХа, а потом и его отряды*⁵². Образ Давида Бен-Гуриона часто используется как символ государственного деятеля, для которого нет и не было ничего более важного, чем нужды национальной обороны. Факты, однако, свидетельствуют о другом: *сфера обороны была для него такой же неотъемлемой частью партийного противоборства, как и все остальные*.

Прежде подчинявшийся властям *ишува* ПАЛЬМАХ беспрекословно подчинился новому израильскому правительству и армейскому командованию; что бы кто по этому поводу ни говорил, никакой угрозы гражданской войны со стороны ПАЛЬМАХа не было. Однако ПАЛЬМАХ обладал организационной автономией внутри армии: у него было отдельное командование и

⁵² См.: Меир Паил. *Становление сил еврейской обороны, 1907–1948*. – Тель-Авив: Издательство Министерства обороны Израиля, 1987, с. 132–146.

штаб для организации учений, снабжения и для комплектации личного состава. Кроме того, многие члены ПАЛЬМАХа были близки к *киббуцным* движениям, в особенности к организации «Ха'киббуц ха'меухад», которой руководила левая фракция рабочего движения, взявшая себе известное с 1919 года название – «Ахдут ха'авода». Ранее она была частью возглавлявшейся Д. Бен-Гурионом Рабочей партии (МАПАЙ), но затем, отколовшись от нее, объединилась с другой левой группой – «Ха'шомер ха'цаир», образовав новую партию – МАПАМ. Таким образом, ПАЛЬМАХ мог оказаться каналом влияния социалистической партии МАПАМ – главной соперницы МАПАЙ – на молодое поколение. 14 сентября 1948 года Д. Бен-Гурион встретился в киббуце Наан с группой, состоявшей из всех 64 командиров ПАЛЬМАХа. В своей дневниковой записи глава правительства и МАПАЙ особо отметил, что 60 из них входили в партию МАПАМ; ведя запись заседания, он не оставил без внимания и то, что один из выступавших – Элизер Шохани (1905–1987) – был членом МАПАЙ⁵³. Всё это происходит в самый разгар Войны за независимость, но даже и она не могла отвлечь Д. Бен-Гуриона от заботы о благе возглавлявшейся им партии.

Идеологические споры, инспирируемые теми, кто стремился сохранить идеологическую автономию ПАЛЬМАХа, абсолютно не вписывались в выработанную Д. Бен-Гурионом концепцию государства с как бы деполитизированной армией, и именно необходимостью не допустить ее политизации он обосновывал роспуск обособленного командования ПАЛЬМАХа. Его оппоненты слева, стремясь предотвратить или, по крайней мере, отсрочить этот шаг, указывали на уникальный характер ПАЛЬМАХа как добровольческой военной организации, отличавшейся ярко выраженной сионистской идеологией⁵⁴. Бойцы и командиры ПАЛЬМАХа приняли неизбежное, как только решение правительства было утверждено Временным государственным

⁵³ См.: Давид Бен-Гурион. *Обновленное Государство Израиль*. – Тель-Авив: Ам овед, 1969, с. 270–271 [на иврите].

⁵⁴ См.: Анита Шапира. *Противоречия в армии, 1948 год: борьба Бен-Гуриона за контроль над армией*. – Тель-Авив: Ха'киббуц ха'меухад, 1985, с. 50–57 [на иврите]; Йоав Гелбер. *Роспуск ПАЛЬМАХа*. – Тель-Авив: Шокен, 1986, с. 225–226 [на иврите].

советом. При этом нельзя не упомянуть вероломства Д. Бен-Гуриона: распустив штаб ПАЛЬМАХа, он обязался сохранить отряды ПАЛЬМАХа в качестве обособленных структурных подразделений. Это обязательство, однако, выполнено не было: штаб ПАЛЬМАХа был расформирован 7 ноября 1948 года, а спустя несколько месяцев были расформированы и входившие в его состав бригады.

Однако тезис Д. Бен-Гуриона о необходимости роспуска политизированных военных подразделений во имя деполитизации армии касался исключительно вооруженных отрядов оппозиции. Сам Д. Бен-Гурион, когда дело касалось карьеры офицеров высокого ранга, постоянно прибегал к политическим критериям. Продвижение офицеров, вышедших из организаций ЭЦЕЛЬ и ЛЕХИ (см. ниже), было жестко ограничено. Ветераны ПАЛЬМАХа, в особенности активные сторонники МАПАМ, также подвергались дискриминации в продвижении по службе, хотя и в меньшей степени, при том, что роспуск ПАЛЬМАХа и сопровождавший его накал страстей привели к тому, что многие офицеры, бывшие членами МАПАМ, сами ушли в отставку, включая некоторых из тех, кто сыграл важную роль в Войне за независимость. Д. Бен-Гурион, со своей стороны, способствовал этому процессу: он уволил из армии нескольких офицеров высокого ранга, в том числе бывшего командующего ПАЛЬМАХом Игаля Алона, занимавшего пост командующего Южным округом (вместо него был назначен Моше Даян) и казавшегося, в силу его личной харизмы и незаурядных военных талантов, «естественным» кандидатом на пост начальника Генерального штаба ЦАХАЛа – пост, на который Д. Бен-Гурион категорически отказался его назначать, опасаясь того, что после демобилизации И. Алон сможет претендовать на самые высшие посты в органах власти страны. В итоге он прожил достаточно сложную жизнь, так и не став ни главой Генштаба, ни министром обороны, ни главой правительства, хотя и был заместителем трех премьер-министров: Леви Эшколя, Голды Меир и своего бывшего подчиненного Ицхака Рабина, всегда демонстрировавшего безграничную лояльность Д. Бен-Гуриону – лояльность, которая с карьерной точки зрения сполна себя оправдала.

Итоги прошедших в январе 1949 года первых выборов в независимом Израиле, хоть и разочаровали лидеров МАПАМ (партия получила лишь 14,7% голосов избирателей), позволили ей сформировать вторую по численности фракцию в Кнес-

сете. МАПАМ получила девятнадцать мандатов, а так как спустя некоторое время к ее фракции присоединился член Кнессета Элизер Премингер, избранный по списку Коммунистической партии, численность ее депутатов возросла до двадцати.

Оценивая итоги выборов, Давид Бен-Гурион написал в своем дневнике: «МАПАМ получила гораздо меньше, чем я предполагал». Это, однако, не привело его к мысли о прекращении жесткого прессинга этой партии, лишившейся «жемчужины» в своей короне – ПАЛЬМАХа. *Нанеся во имя борьбы с МАПАМ удар по военным интересам страны, он нанес не менее сильный удар по формировавшейся израильской демократии, отказавшись сформировать с этой партией, наиболее идеологически близкой МАПАЙ в тогдашнем Кнессете, единую правительственную коалицию.* Эти две партии – секулярные, социал-демократические, поддерживавшие идеологию социально ориентированного государства и лоббировавшие интересы профсоюзно-кооперативного сектора, поддержкой которого они обе пользовались, имея в Кнессете первого созыва 66 депутатов (из 120), могли позволить Израилю сформировать устойчивую, внутренне сравнительно гомогенную правительственную коалицию, обеспечив столь желанную стабильность для только вышедшей из войны молодой страны. Д. Бен-Гурион, однако, вновь предпочел соображения внутрипартийной борьбы за власть, оставив идейно близкую МАПАМ в оппозиции, а сформировав коалицию с разношерстным и совершенно чуждым идеологии социалистического сионизма т.н. «Религиозным фронтом» – созданным в первый (и в последний) раз единым блоком ультрараортодоксальных и религиозно-сионистских партий. Так под стабильность израильской демократии была заложена мина, которая взорвалась менее двух лет спустя, приведя (из-за достаточного периферийного повода) к досрочной отставке правительства и новым выборам. Вместо стабильного правительства идейных единомышленников Израиль получил руководство, сформированное по принципу «лебедя, рака и щуки в одной упряжке» – и всё это только ради того, чтобы никто из лидеров МАПАМ не смог претендовать на руководство какими-либо органами исполнительной власти.

Кризис в отношениях МАПАЙ и блока религиозных партий привел к роспуску правительства уже в октябре 1950 года. Задатки этого кризиса были заметны уже в конце 1949 года, когда не прошло предложение депутатов от единого блока религиозных

партий принять закон о соблюдении субботы по всей стране. Ультрарелигиозные группы начали акции протеста с целью предотвратить нарушение субботы. В Иерусалиме были проведены массовые демонстрации против начала сеансов в кинотеатрах до исхода субботы. В этой обстановке члены Кнессета от блока религиозных партий систематически вносили в повестку дня заседаний Кнессета вопросы, касающиеся роли религии в общественной жизни в государстве. Основная борьба развернулась по вопросу образования и воспитания детей новых еврейских иммигрантов, преимущественно из Йемена и других стран арабского Востока. Члены правительства придерживались двух противоположных позиций. По одну сторону были защитники модели «плавильного котла». Ярким представителем этой позиции был сам глава правительства Давид Бен-Гурион, который стремился объединить сотни тысяч репатриантов, прибывающих с разных континентов и являющихся носителями не похожих друг на друга культур, в единый народ и в единое общество посредством единой государственной системы образования. По другую сторону были представители блока религиозных партий, считавшие, что следует сохранить различные направления в системе образования, «опекаемые» различными партиями, как это было в период *ишува*, и распределять по ним детей новых иммигрантов.

Спор о воспитании и образовании детей новых иммигрантов имел не только идеологический, но и важный политический аспект. Так как процент репатриантов среди избирателей постоянно увеличивался, решение этого спора должно было самым серьезным образом повлиять на их электоральные предпочтения. Единая система образования была выгодна Рабочей партии в силу того, что господствующей в такой системе должна была стать выработанная ею идеологическая линия. Представители религиозных партий, со своей стороны, были заинтересованы в сохранении многопрофильной системы образования, ибо в этом случае под их контролем оставалось бы религиозное направление.

Как бы там ни было, в октябре 1950 года первое правительство Израиля объявило о самороспуске, в ноябре было сформировано новое, но и оно просуществовало всего четыре месяца. 5 февраля 1951 года министр образования Давид Ремез отчитывался перед Кнессетом о положении в школьном образовании в поселках и в центрах абсорбции новых имми-

грантов. Развернулось достаточно бурное обсуждение, в конце которого Давид Бен-Гурион категорически отверг возможность изменения правительственной политики в данном вопросе, заявив, что «правительство не готово и не видит смысла в продолжении обсуждения этого вопроса до бесконечности». В конце своей речи он добавил, что «если Кнессет примет решение отвергнуть нашу позицию, это будет означать, что страна встанет перед необходимостью проведения новых выборов».

На голосовании, состоявшемся после этого обсуждения, правительство потерпело поражение: лишь 42 члена Кнессета поддержали позицию правительства, тогда как 49 депутатов проголосовали против него, в том числе представители единого блока религиозных партий. Когда результаты голосования стали известны, Д. Бен-Гурион немедленно объявил президенту Х. Вейцману о своей отставке. Спустя несколько дней, 5 марта 1951 года, после консультации с представителями различных фракций, президент государства направил председателю Кнессета Йосефу Шпринцаку письмо, в котором говорилось: «Представители большинства фракций выразили мнение, что при отсутствии возможности вновь сформировать стабильное правительство, необходимо провести новые выборы в Кнессет». Выборы в Кнессет второго созыва состоялись уже 30 июля 1951 года.

Какие же выводы можно сделать из произошедшего? Сформировав правительство не с идейно близкими представителями социалистической сионистской партии МАПАМ, а с совершенно другими по мировоззрению, образу жизни и устремлениям религиозными депутатами, Давид Бен-Гурион превратил работу первого правительства в непрекращающуюся череду скандалов вокруг вопросов, которые, в общем-то, совсем не имели для израильской государственности судьбоносного значения. Перед страной стояли вопросы, связанные с закончившейся войной, созданием инфраструктуры (жилья и рабочих мест прежде всего), необходимой для приема и интеграции сотен тысяч новых иммигрантов, а также проблемами, связанными с налаживанием отношений с близлежащими арабскими государствами: с января по июль 1949 года со всеми четырьмя пограничными странами Израиль подписал соглашения о прекращении огня, но ни с одной из них не получилось прийти к полноценному мирному соглашению. Вместо того, чтобы тратить все силы на эти проблемы, правительство раз за разом

распадалось из-за того, что детей иммигрантов из Йемена учат не в религиозных, а в интегративных общеобразовательных школах. Трудно представить себе большой абсурд.

Выборы 1951 года позволили МАПАЙ вновь сформировать крупнейшую фракцию в Кнессете (из 45 депутатов), однако этого было недостаточно для формирования однопартийного правительства: израильская партийно-политическая система построена на том, что одобрение парламентом – необходимое условие для формирования высшего органа исполнительной власти страны. Казалось бы, наученный горьким опытом партнерства с идеологически неблизким коалиционным партнером, Д. Бен-Гурион мог бы попытаться договориться с наиболее близкой к МАПАЙ социалистической сионистской партией МАПАМ. Теперь суммарная численность обеих фракций составляла не 65, а только 60 депутатов (фракция МАПАМ сократилась с 19 до 15 мандатов), однако не было никакой проблемы привлечь к такой коалиции фракцию, сформированную Списком *сефардов*, тем более что в первое правительство она входила, а ее лидер – Бехор-Шалом Шитрит (1895–1967) – был министром полиции. В Кнессете второго созыва этот список получил уже не четыре (как в 1949 году), а только два мандата, но и их бы хватило, чтобы коалиция социал-сионистских партий МАПАЙ и МАПАМ могла бы начать работу. Однако Д. Бен-Гурион вновь отказался от ее формирования, опять пригласив в правительство религиозные фракции, которых теперь уже было три (едининый список распался): «*Мизрахи*», «*Ха-поэль ха-мизрахи*» и «*Агуддат Исраэль*». В правительстве, представленном Кнессету 8 октября 1951 года, было тринадцать министров: девять – от возглавляемой Д. Бен-Гурионом МАПАЙ, четыре – от трех религиозных партий. Парламентская база этого правительства была весьма узкой – его поддерживали только 65 членов Кнессета, в том числе пять депутатов от арабских списков. Это правительство тоже сотрясали коллизии по религиозным вопросам, вследствие чего оно просуществовало лишь чуть больше года. 23 сентября 1952 года Ицхак Мер-ир Левин, министр социального обеспечения от партии «*Агуддат Исраэль*», подал в отставку в знак протеста против принятия закона, обязывающего девушек, освобожденных от службы в армии по религиозным соображениям (в Израиле военнообязанными являются представители обоих полов), проходить альтернативную гражданскую службу. После отставки И.М. Левина

представители партии «*Поалей Агуддат Исраэль*» также объявили о том, что они прекращают поддерживать правительство. Таким образом, парламентская поддержка правительства сократилось до шестидесяти членов Кнессета. Спустя два месяца, в декабре 1952 года, оба представителя движения «*Мизрахи*» также вышли из коалиции из-за положения дел в секторе религиозного образования, и это привело к тому, что правительство лишилось поддержки парламентского большинства. 9 декабря 1952 года Д. Бен-Гурион объявил президенту государства о своей отставке. Почти сразу же была сформирована новая правительственная коалиция – на этот раз с участием религиозных партий и правоцентристской партии Общих сионистов, наследницы «гражданского блока» периода *ишува*, но МАПАМ вновь осталась ни с чем. Всего же за четырехлетний период работы Кнессета второго созыва состав правительственных коалиций и распределение портфельей между министрами менялось аж четырежды, Д. Бен-Гурион на какое-то время уходил, а потом возвращался, но ни разу МАПАИ не создала совместного правительства с МАПАМ. Д. Бен-Гурион не только не привлекал депутатов от МАПАМ к работе в правительстве, он еще и поручал Общей службе безопасности тайно подслушивать их внутренние переговоры...

По различным причинам, едва ли не центральная из которых – процесс Сланского в далекой Праге, одним из обвиняемых на котором был член киббуца Мизра, один из основателей движения «*Ха'киббуц ха'арци*» и член ЦК партии МАПАМ Мордехай Орен (1905–1985), приговоренный к 15 годам тюрьмы, из которых он отсидел четыре, по обвинению в диверсионной деятельности и шпионаже против стран «народной демократии», партия МАПАМ в 1954 году распалась. Д. Бен-Гурион, М. Шарет и другие руководители МАПАИ, не особенно разделявшие просоветские симпатии левых социалистов, «на всю катушку» использовали процесс в Праге, одиннадцать из шестнадцати обвиняемых на котором были евреи, как «доказательство» солидарности МАПАМ с преступным антисемитским курсом позднего сталинизма. При этом руководители МАПАИ никак не реагировали на тот факт, что в то же самое время в более близких им США на процессе Розенбергов по весьма сомнительным обвинениям в шпионаже осудили на смертную казнь и длительные сроки тюремного заключения (от 15 до 30 лет) группу из шести человек, среди которых евреями были все

до одного. Горькая ирония судьбы состояла в том, что и Мордахай Орен, и супруги Этель и Юлиус Розенберги принадлежали к самым левым кругам и были безгранично преданы идеям всемирной социалистической революции. Сравнение реакции Д. Бен-Гуриона, М. Шарета, М. Намира и их соратников на процесс Сланского, с одной стороны, и процесс Розенбергов, с другой, отчетливо демонстрирует, что судьба обвиняемых евреев как в Чехословакии, так и в США интересовала их много меньше внутривнутриполитической борьбы в Израиле.

Давид Бен-Гурион лично выступил по этому поводу в Кнессете, резко атаковав МАПАМ. «У меня нет претензий к Компартии, которая громогласно и безоговорочно оправдала этот процесс, – сказал он в начале своей речи, – но поведение МАПАМ, которая пытается усидеть сразу на двух стульях, утверждая, что “наш товарищ Орен” чист, как снег, продолжая при этом клясться в верности “социалистической справедливости”, – это опасное и нетерпимое лицемерие. Невозможно, – продолжал Бен-Гурион, – одновременно защищать и Орена, и “социалистическую справедливость”».

Как справедливо отмечал много лет спустя генеральный секретарь Федерации профсоюзов Ицхак Бен-Аарон (1906–2006), «Бен-Гурион, без сомнения, знал, что левая идеология членов движения *«Ха'шומר ха'цаир»* не возобладает над их верностью сионизму и идеалам первопроходцев. Но это не помешало ему сделать из них сталинистов, то есть представить их почти изменниками. Следует помнить, что во всем, что касалось политической и партийной борьбы, у него не было тормозов по отношению к соперникам – как внешним, так и внутренним. Когда он считал, что следует вести борьбу против политического противника, в особенности внутри рабочего движения, он отбрасывал все ограничения»⁵⁵.

Не имея тормозов и отбрасывая все ограничения, Д. Бен-Гурион менее чем за шесть лет добился того, что партия МАПАМ, созданная с целью стать авангардом социалистического сионизма, распалась надвое (одна фракция сохранила имя МАПАМ, вторая, в которую входили, в частности, известные командиры Войны за независимость Игаль Алон, Израэль

⁵⁵ См.: Ицхак Бен-Аарон. *В центре событий. Записки о борьбе моего поколения*. – Тель-Авив: Ха'киббуц ха'меухад, 1978, с. 231 [на иврите].

Галили, Моше Кармель и другие, вернулась к исторически известному «Ахдут ха'авода»), а часть ее депутатов и активистов ушла в другие фракции: кто-то к коммунистам, а кто-то – в МАПАЙ. На выборах в Кнессет третьего созыва, прошедших в июле 1955 года, «Ахдут ха'авода» и МАПАМ баллотировались друг против друга, получив 8,2% и 7,3% голосов избирателей, соответственно. Получалось, что суммарная численность депутатов от прежней МАПАМ вернулась к показателям 1949 года, но две небольшие фракции из десяти и девяти депутатов, оказавшиеся пятой и шестой по численности фракциями в Кнессете, уже никак не угрожали гегемонии МАПАЙ, получившей в этот раз 40 мандатов. Теперь, когда левые социал-сионисты не представляли ему политической угрозы, Д. Бен-Гурион взял их в правительство, причем обе фракции: и МАПАМ, и «Ахдут ха'авода», чтобы внутренняя напряженность между ними отвлекала их от борьбы с МАПАЙ. Как отмечает видный специалист по политической истории Израиля проф. Йехиам Вайц, «впервые в истории Государства Израиль были подписаны коалиционные соглашения между Рабочей партией и представителями сионистского левого крыла – МАПАМ и «Ахдут ха'авода». Тем самым исполнилась многолетняя мечта левых войти в правительство «трудящихся» во главе с Рабочей партией»⁵⁶. 3 ноября 1955 года это правительство было утверждено Кнессетом; МАПАЙ в нем представляли девять министров, МАПАМ и «Ахдут ха'авода» довольствовались двумя портфелями каждая, получив посты министра здравоохранения, министра экономического развития, министра внутренних дел и заместителя министра сельского хозяйства (всего в правительство, кроме премьера, входило шестнадцать министров, возглавлявших различные министерства, один министр без портфеля и три заместителя министров). Далее левые социал-сионисты уже не покидали правительственные коалиции, формируемые МАПАЙ, постепенно полностью растворившись в ней. В 1965 году в единый предвыборный блок с МАПАЙ вошла «Ахдут ха'авода» (возник т.н. «малый *Маарах*»), в 1968 году этот блок был преобразован в единую Партию Труда. В 1969 году к предвыборному блоку

⁵⁶ См.: Йехиам Вайц. *Политические и идеологические дискуссии*. С. 115–116.

«Маарах» присоединилась и МАПАМ. После этого на протяжении двадцати лет никакие партии, находящиеся на политической оси левее Партии Труда, не имели в Кнессете фракции из хотя бы пяти депутатов, и ни одна из них (Коммунистическая партия, иногда шедшая единым, а иногда двумя отдельными списками; Движение за права гражданина «Рац»; леворадикальный список «Этот мир – новая сила»; леворадикальный список «Шели») никогда не входила в правительство. Таким образом, *подавив и инкорпорировав МАПАМ, с 1968 и до 1992 года Партия Труда оставалась единственной практически значимой политической силой «левого лагеря».*

Таблица 4

Количество голосов и мандатов, полученных партией МАПАМ и ее производными на выборах в Кнессет

	Число поданных голосов	Число мандатов	Место среди других партий
Кнессет I созыва (25 января 1949 г.)	64 018	19	2
Кнессет II созыва (30 июля 1951 г.)	86 095	15	3
Кнессет III созыва (26 июля 1955 г.)			
– МАПАМ	62 401	9	6
– «Ахдут ха'авода»	69 475	10	5
Кнессет IV созыва (3 ноября 1959 г.)			
– МАПАМ	69 468	9	4
– «Ахдут ха'авода»	58 043	7	6
Кнессет V созыва (15 августа 1961 г.)			
– МАПАМ	75 654	9	5
– «Ахдут ха'авода»	66 170	8	6
Кнессет VI созыва (2 ноября 1965 г.)	79 985	8	5

* В следующий раз МАПАМ самостоятельно участвовала в выборах в Кнессет только в 1988 году.

Таким образом, за первый год израильской государственности МАПАЙ удалось не дать МАПАМ усилиться до масштабов, которые могли угрожать ее собственной гегемонии; в следующие пять лет партию удалось не допустить до реального участия во власти и даже поспособствовать ее расколу; после чего в последующие четырнадцать лет удалось интегрировать оба осколка МАПАМ в едином электоральном блоке, возглавляемом Партией Труда. Так за двадцать лет был подтвержден безоговорочный монопольный статус МАПАЙ в социал-сионистском лагере. Д. Бен-Гурион выстроил систему, в которой никто другой не имел права даже претендовать на то, чтобы говорить голосом «левого» сионизма.

Эта система, в конце концов, больно ударила по самому Д. Бен-Гуриону: когда он рассорился со сменившим его в 1963 году во главе партии МАПАЙ и правительства Леви Эшколем и сформировал свой собственный список – РАФИ, – то получил лишь десять мандатов на выборах в Кнессет шестого созыва (1965). Верный ученик Д. Бен-Гуриона в области уничтожения политических конкурентов, Л. Эшколь не взял партию Д. Бен-Гуриона, в которую входили, среди других, Моше Даян, Шимон Перес, Ицхак Навон, Тедди Колек, в правительственную коалицию, и РАФИ осталась в оппозиции. Люди, привыкшие быть в эпицентре принятия ключевых решений, менее всего были готовы отставаться не у дел, и встав перед необходимостью выбора – верность Д. Бен-Гуриону или возвращение во власть, предпочли второе. 12 декабря 1967 года съезд РАФИ проголосовал за вхождение в создававшуюся Партию Труда; из десяти депутатов Кнессета от РАФИ Д. Бен-Гурион оказался *единственным*, кто не голосовал за это предложение. Перед выборами в Кнессет седьмого созыва (1969) 83-летний Д. Бен-Гурион сформировал с другими людьми совершенно новый «Государственный список», который получил лишь четыре мандата и вскоре распался, никоим образом не сумев поколебать монополию на власть Партии Труда.

Удалось ли Д. Бен-Гуриону создать по-настоящему деполитизированную армию? Среди офицеров крайне редко проводятся социологические исследования, поэтому весьма сложно сказать, насколько деполитизированным был и остается ЦАХАЛ. В архиве Иерусалимского университета удалось найти никогда не публиковавшееся исследование, сделанное перед

выборами в Кнессет шестого созыва (1965), в котором приводятся данные социологического опроса относительно электоральных предпочтений офицеров в сравнении с общими итогами голосования (17% офицеров не ответили на вопросы исследователя; учтены только ответы остальных 83%).

Таблица 5

Политические предпочтения армейских офицеров в сравнении с итогами голосования по стране в целом, выборы в Кнессет VI созыва (1965)⁵⁷

	Блок МАПАЙ и «Ахдут ха'авода»	РАФИ	МАПАМ	«Херут»	Либералы	Другие партии
Офицеры ЦАХАЛа	65,1%	20,5%	3,4%	3,6%	1,7%	5,4%
Население в целом	36,7%	7,9%	6,6%	21,3%	7,9%	19,6%

Из представленных данных очевидно, что за правящую партию МАПАЙ и за список РАФИ во главе с Д. Бен-Гурионом проголосовало 44,6% граждан Израиля, но 85,6% кадровых офицеров; за праволиберальные партии отдали свои голоса 29,2% израильтян, но лишь 5,3% офицеров. Это свидетельствует о том, что Д. Бен-Гурион сформировал очень политизированное военное командование; военная элита представляла не столько общество, сколько правящую партию.

На море и на суше: гражданская война против наследников Жаботинского

Если МАПАМ виделась Д. Бен-Гуриону опасностью слева, то ревизионисты – опасностью справа, и трудно сказать, какая из них беспокоила его больше. В силу того, что ревизионисты

⁵⁷ См.: Йорам Пери. *Процесс формирования новой гражданской элиты из отставных офицеров в Израиле*. – Иерусалимский университет: кафедра социологии, 1973 (не публиковалось), с. 93 [на иврите].

долгое время находились вне рамок организаций общинного самоуправления *ишува* и Всемирной сионистской организации, не участвуя ни в выборах делегатов сионистских конгрессов, ни в Собрании депутатов, было крайне трудно предсказать, каковы будут их электоральные результаты на выборах в Кнессет первого созыва. Ревизионистское движение имело свои вооруженные формирования (ЛЕХИ и ЭЦЕЛЬ) и свои школы, готовившие молодую смену: по ним-то Д. Бен-Гурион и нанес основной удар, в два этапа уничтожив их, поставив страну на грань гражданской войны.

После окончания мандата (15 мая 1948 года) была создана единая израильская армия; постановление о создании ЦАХАЛ было принято 26 мая 1948 года. Но на практике ЦАХАЛ не был вполне единым: как указывалось выше, в нем в качестве отдельной административной единицы существовал ПАЛЬМАХ, тесно связанный с партией МАПАМ; существовали отдельные «роты ЛЕХИ». Силы ЭЦЕЛЯ должны были влиться в ЦАХАЛ в качестве отдельных батальонов со своими командирами. Временно сохранялся и штаб ЭЦЕЛЯ, который, впрочем, не осуществлял военного командования, занимаясь вопросами врасставания ЭЦЕЛЯ в ЦАХАЛ, передачей правительству военного имущества и т.п. Тем не менее определенная самостоятельная организационная структура сохранялась, и, как справедливо отмечает израильский военный историк Ури Мильштейн, это очень не нравилось Д. Бен-Гуриону⁵⁸. Наиболее остро «свободная конкуренция» «Хаганы» и ЭЦЕЛЯ существовала в сфере закупки оружия.

ЭЦЕЛЬ организовал собственную систему закупки оружия. Как и «Хагана», он искал оружие преимущественно за рубежом, в Европе. Эмиссары «Хаганы» сумели договориться о поставках оружия из Чехословакии. Чешское оружие, в конечном итоге, позволило выиграть войну. ЭЦЕЛЬ нашел альтернативный источник, договорившись с представителями Министерства иностранных дел Франции. Шмуэль Ариэль, активист молодежного движения последователей В.Е. Жаботинского БЕЙТАР из Румынии, аргументировал свою просьбу о помощи *ишуву* тем, что арабская победа в Палестине грозит Франции ослож-

⁵⁸ См.: Ури Мильштейн. *Рабин. Рождение мифа*. – Иерусалим: Сридут, 1997, глава 41.1.

нениями в ее арабских колониях в Северной Африке. С другой стороны, если евреи победят, они «помогут своим друзьям в регионе, который был ими потерян в последние годы». 25 марта 1948 года Ш. Ариэль составил проект соглашения. ЭЦЕЛЬ обязался «отнестись с пониманием» к интересам Франции и выражал твердую уверенность, что, в случае прихода ЭЦЕЛЯ к власти, будет достигнут эффективный союз между Французской республикой и «Еврейской Палестиной»⁵⁹. Франция обещала бесплатно поставить оружие для двух пехотных дивизий. Корабль должен был предоставить ЭЦЕЛЬ. Десантное судно времен второй мировой войны купили в США за 131 тысячу долларов. Его зарегистрировали в Панаме и назвали «Альталена». Предполагалось, что «Альталена» перевезет все предоставлявшееся оружие за пять рейсов.

Корабль «Альталена» должен был прибыть в Израиль в мае 1948 года вместе с отрядом бойцов, оружием и боеприпасами. Но приобретение оружия и организация отряда заняли несколько недель, и отплытие задержалось. Тем временем 1 июня был подписан договор о включении сил ЭЦЕЛЯ в ряды ЦАХАЛа. Третий пункт договора гласил, что ЭЦЕЛЬ передаст все имеющиеся в его распоряжении оружие и боеприпасы ЦАХАЛу; шестой пункт декларировал прекращение самостоятельной деятельности ЭЦЕЛЯ и его командования в Государстве Израиль⁶⁰. Представители правительства Израиля получили полную информацию о судне и планах отплытия. Из опасения, что корабль будет атакован в открытом море, представители ЭЦЕЛЯ в Париже приложили все усилия к тому, чтобы приготовления к отправке «Альталены» оставались в тайне. Именно поэтому, когда 11 июня 1948 года судно, наконец, снялось с якоря, израильское командование ЭЦЕЛЯ не было об этом извещено даже телеграммой. Но меры предосторожности не помогли: уже на следующий день радио Лондона сообщило, что судно «Альталена» отчалило из французского порта Дюбуа с 940 еврейскими добровольцами и большим грузом оружия и боеприпасов.

⁵⁹ См.: Меир Замир. 61 год «Альталене»: горящий корабль у берега // *Ха'арец*, 21.06.2009 [на иврите].

⁶⁰ См. этот документ целиком в книге: Давид Бен-Гурион. *Обновленное Государство Израиль*, с. 145–146.

Именно 11 июня началось первое арабо-израильское перемирие в ходе Войны за независимость (оно продержалось до 9 июля)⁶¹. Командование ЭЦЕЛЯ, узнавшее из радиосообщения об отправлении корабля, опасалось, что обнаружится факт нарушения условий перемирия, по которым запрещалась переправка солдат и военного снаряжения в Израиль. Поэтому глава ЭЦЕЛЯ Менахем Бегин (1913–1992) решил задержать прибытие «Альталены» к берегам Израиля, и на судно отправили телеграфное сообщение. Но связь с «Альталеной» была неисправной, и телеграмму не получили. 15 июня состоялась встреча М. Бегина и его сподвижников с представителями правительства. М. Бегин сообщил, что судно отчалило без его ведома, и просил совета.

Об этом эпизоде Д. Бен-Гурион записал в своем дневнике 16 июня: «Израэль [Галили] и Школьник [Леви Эшколь] сидели вчера с Бегиним. Завтра–послезавтра должен прибыть их корабль водоизмещением 4500 тонн, на нем 800–900 человек, 5000 винтовок, 250 автоматов «Брен», 5 миллионов патронов, 50 противотанковых гранатометов и другое оборудование. Зипштейн [тогдашний начальник Тель-Авивского порта] полагает, что ночью можно все разгрузить. Но нельзя подвергать риску тель-авивский порт. Нужно высадить их в неизвестной гавани»⁶². На корабль передали требование приближаться как можно быстрее. На этот раз связь сработала исправно.

На следующий день состоялась встреча между представителями ЭЦЕЛЯ и Министерства обороны (напомним, что пост министра обороны Д. Бен-Гурион оставил за собой, и так было на протяжении всех лет его премьерства, до 1963 года). ЭЦЕЛЬ предлагал направить «Альталену» к берегам Тель-Авива, в то время как представители Министерства обороны настаивали на том, чтобы разгрузить корабль в безлюдном месте, в районе рыбацкого поселка Кфар-Виткин, чтобы миновать посты ООН. Кораблю приказали плыть в сторону Кфар-Виткина. На встрече возникли разногласия по поводу распределения груза. М. Бегин требовал перевезти 20% оружия в Ие-

⁶¹ См.: Benny Morris. 1948. *The First Arab–Israeli War*. – New Haven: Yale University Press, 2008, с. 264–272.

⁶² Запись в дневнике Давида Бен-Гуриона от 16 июня 1948 г.; см. также: Давид Бен-Гурион. *Обновленное Государство Израиль*. С. 180.

русалим, чтобы вооружить иерусалимскую дивизию ЭЦЕЛЯ, давно страдавшую от недостатка оружия, и Д. Бен-Гурион дал на это согласие. Второе пожелание М. Бегина состояло в том, чтобы оставшееся оружие было целиком передано для снаряжения дивизий ЭЦЕЛЯ, недавно присоединившихся к ЦАХАЛУ. Но представители правительства не согласились на это, поскольку восприняли требование М. Бегина как попытку создать на базе ЭЦЕЛЯ своего рода «армию в армии». От имени Д. Бен-Гуриона с М. Бегиным встречались Исраэль Галили (1911–1986) и будущий третий премьер-министр Израиля Леви Эшколь (1895–1969), выразившие уверенность, что требования М. Бегина нарушают договор о включении сил ЭЦЕЛЯ в ряды ЦАХАЛА, подписанный менее трех недель назад, 1 июня. М. Бегин, со своей стороны, возразил, что этот договор касался только территории Государства Израиль, но не касался Иерусалима, который, согласно решению Генеральной ассамблеи ООН от 29 ноября 1947 года, является экстерриториальным образованием, имеющим особый статус, на который не распространяется власть израильского правительства. И. Галили и Л. Эшколь категорически отвергли это толкование⁶³.

«Альталена» прибыла к берегам Кфар-Виткина поздним вечером в воскресенье, где 20 июня была встречена М. Бегиным и другими руководителями ЭЦЕЛЯ. Тут же началась высадка пассажиров и отправка их в различные приемные пункты, а затем и разгрузка военного оборудования с помощью людей из рыболовецкого поселка Махморет. Параллельно в Тель-Авиве проводились другие приготовления. Там состоялось еженедельное заседание правительства, на котором обсуждался вопрос прибытия «Альталены». Д. Бен-Гурион со всей решительностью настаивал на том, чтобы потребовать от М. Бегина передачи всего оружия армии ЦАХАЛУ. «Мы должны решить, передать ли власть в руки Бегина, или потребовать прекратить раскольническую деятельность, а если не прекратит – будем стрелять!» – предупредил глава правительства. При этом он отверг все варианты относительно бескровного захвата судна (например, забросав его дымовыми шашками), заявив, что только в случае уничтожения оружия на «Альталене» «удастся

⁶³ См.: Йоси Гольдштейн. *Эшколь. Биография*. – Иерусалим: Кетер, 2003, с. 285 [на иврите].

предотвратить гражданскую войну». По мнению Ури Мильштейна, Д. Бен-Гурион сознательно шел на обострение конфликта, имея целью политически уничтожить М. Бегина; при этом его не останавливал даже тот факт, что под угрозу ставится огромное количество оружия, которое было жизненно необходимо Израилю и которое в любом случае должно было достаться в основном ЦАХАЛу. Сегодня очевидно, что Д. Бен-Гурион приписал М. Бегину намерение, которого у того не было, а именно – использовать оружие, привезенное «Альталеной», для дестабилизации обстановки или даже захвата власти в стране. В результате обсуждения было единогласно вынесено решение уполномочить армию применять силу, если ЭЦЕЛЬ не сдаст всё оружие, доставленное «Альталеной», добровольно⁶⁴.

Выполнение решения было возложено Д. Бен-Гурионом на бригаду «Александрони» под командованием Дана Эвена (1912–1975). На следующий день был окружен весь район Кфар-Виткин. Д. Эвен огласил М. Бегину ультиматум: он требовал сдать все доставленное оружие и боеприпасы и начать переговоры с высшим командованием, пригрозив, что применит силу и возложит всю ответственность за последствия на М. Бегина. На раздумья главе ЭЦЕЛЯ было выделено всего десять минут! М. Бегин отказался выполнять условия ультиматума. Бойцы бригады «Александрони» открыли огонь, началась перестрелка, число убитых и раненых росло. Чтобы предотвратить кровопролитие, по инициативе жителей Кфар-Виткина начались переговоры между заместителем М. Бегина Яковом Меридором (1913–1995) и Д. Эвеном. В результате было заключено общее перемирие с передачей всего имевшегося на местности у обеих сторон оружия командованию ЦАХАЛа. Тем временем М. Бегин поднялся на палубу «Альталены», отплывавшей в сторону Тель-Авива. Он надеялся, что в Тель-Авиве, при посредничестве лидеров партий «гражданского блока», удастся достигнуть договоренности с временным правительством и благополучно разгрузить оставшееся оружие. Но этого не случилось: Д. Бен-Гурион отдал распоряжение и.о. начальника Генерального штаба Игалю Ядину (1917–1984) сосредоточить крупные силы ЦАХАЛа на тель-авивском побережье и силой заставить корабль сдаться.

⁶⁴ См.: Протокол заседания правительства Израиля от 20 июня 1948 г.

На набережной Герберта Самюэля собиралась толпа тельавивцев. Делались попытки прорваться к кораблю. Многих возмущала готовность Д. Бен-Гуриона бессмысленно уничтожить громадные запасы остро необходимого оружия, в том числе тяжелого. Шмуэль Риканати из батальона ЭЦЕЛЯ в бригаде «Гивати» вспоминал: «Годами мы тренировались на каком-нибудь старом маузере, на задание мы шли с наганом и тремя патронами. ... А тут мы привезли на нашем корабле восемь тысяч винтовок, броневики, пулеметы, пушки, противотанковые гранатометы и миллионы патронов. ... В Яффо у нас не было патронов. Мы экономили, взвешивали каждый выстрел. А тут миллионы патронов. Ты представляешь, что они чувствовали? Они шли на задание, получали раны, погибали или оставались калеками, чтобы добыть пару задрипанных пистолетов. И месяц за месяцем бедняки из квартала Ха'Тиква или квартала Шапира давали нам деньги – у них самих порой не было крыши над головой, но они давали деньги на покупку оружия. А тут целый корабль, оружие и патроны без числа. Они шли теперь к морю, не понимая, что это глупость, что нет надежды»⁶⁵.

На место прибытия «Альталены» были привезены пушки. Когда прибывший корабль начал разгрузку, по нему был открыт огонь из крупнокалиберных пулеметов. В четыре часа пополудни Д. Бен-Гурион приказал открыть артиллерийский огонь по «Альталене». Батареей, открывшей огонь, командовал Ицхак Рабин. Один из снарядов попал в цель, и корабль загорелся. Люди стали прыгать в воду, и их товарищи, стоявшие на берегу, направились к ним навстречу в лодках. Несмотря на то, что капитан вывесил белый флаг в знак капитуляции, артиллерийский огонь в сторону невооруженных спасавшихся не прекратился. М. Бегин, находившийся на тонувшем корабле, согласился сойти на берег только после того, как был высажен последний раненый. Перед этим он передал приказ частям ЭЦЕЛЯ в Тель-Авиве не атаковать части ЦАХАЛа. Этим он практически предотвратил гражданскую войну.

Шестнадцать бойцов ЭЦЕЛЯ были убиты в столкновениях. Шестеро пали в районе Кфар-Виткина, десять человек – на тельавивском берегу. Среди погибших был и Авраам Ставский (1906–1948) – активист ЭЦЕЛЯ, вначале приговоренный к смер-

⁶⁵ См.: Ури Мильштейн. *Рабин. Рождение мифа*. Гл. 41.4.

ти за якобы соучастие в убийстве Хаима Арлозорова, а затем оправданный. Из солдат ЦАХАЛа погибли трое: двое в перестрелке в Кфар-Виткине и один – в Тель-Авиве. По распоряжению Д. Бен-Гуриона были арестованы более двухсот бойцов ЭЦЕЛЯ. Большинство было освобождено через несколько недель. Пять человек из высшего командования пробыли под арестом более двух месяцев и были освобождены только 27 августа под давлением общественного мнения⁶⁶.

Эта страшная демонстрация непреклонной решимости любой ценой подавить политическую оппозицию и не допустить никаких проявлений политической автономии в армии показала, что для Д. Бен-Гуриона политические соперники – куда большие враги, чем страны, с которыми воевало Государство Израиль. Ни большое количество оружия, ни судьбы сотен людей, находившихся на «Альталене», не были важны ему в той мере, в какой ему было важно победить «правую» оппозицию. В ситуации, когда только что созданное Государство Израиль в буквальном смысле слова вело войну на выживание, Д. Бен-Гурион вёл и свою войну, войну за гегемонию МАПАЙ против всех ее возможных политических противников. И разгром ПАЛЬМАХа, и варварское и жестокое уничтожение «Альталены» преследовали одну и ту же цель: продемонстрировать непреклонную решимость новой власти биться за эту власть до последнего, причем даже реальная опасность гражданской войны не могла остановить Д. Бен-Гуриона и его ослепленных ненавистью к оппозиции соратников по руководству МАПАЙ.

Даже и после трагедии «Альталены» ревизионисты приняли участие в выборах в Кнессет первого созыва, получив, однако, всего пятнадцать мандатов (14 получило движение «Херут» во главе с Менахемом Бегиным, еще один – «Список борцов» во главе с Натаном Елин-Мором). Политической угрозы для Д. Бен-Гуриона наследники В.Е. Жаботинского в то время не представляли. Д. Бен-Гурион пять раз возглавлял предвыборный список МАПАЙ, который стабильно получал от 40 до 47 мандатов; «Херут» во главе с М. Бегиным в этих электоральных кампаниях ни разу не получил больше 17 мандатов.

⁶⁶ См.: Коган А. Альталена не должна повториться // *Заметки по еврейской истории*, № 21 (27 октября 2002 г.).

Однако это не стало для Д. Бен-Гуриона поводом останавливаться на достигнутом. У ревизионистов уже не было своих вооруженных отрядов, но были, во-первых, свои политические лидеры, во-вторых, своя система школ, и, в-третьих, свой пантеон национальной памяти, осененный именем Владимира (Зеэва) Жаботинского. Д. Бен-Гурион начал борьбу с ревизионистами по всем трем направлениям. Хотя «Херут», начиная с выборов 1955 года, раз за разом оказывался второй по популярности партией, ни один из его лидеров ни разу не приглашался Д. Бен-Гурионом ни на какой пост в структуре исполнительной власти, в дипломатическом корпусе или где бы то ни было еще. Принцип «без «Херута» и МАКИ [коммунистов]», многократно декларированный Д. Бен-Гурионом, ни разу не был нарушен им. Впервые лидеры «Херута» были приглашены в правительственную коалицию уже Л. Эшколем, причем в совершенно чрезвычайных обстоятельствах, за сутки до начала Шестидневной войны.

Таблица 6

**Количество голосов и мандатов,
полученных партией «Херут» на выборах в Кнессет
в эпоху правления Д. Бен-Гуриона**

	Число поданных голосов	Число мандатов	Место среди других партий
Кнессет I созыва (25 января 1949 г.)	49 782	14	4
Кнессет II созыва (30 июля 1951 г.)	45 651	8	5
Кнессет III созыва (26 июля 1955 г.)	107 190	15	2
Кнессет IV созыва (3 ноября 1959 г.)	130 515	17	2
Кнессет V созыва (15 августа 1961 г.)	138 599	17	2

В сфере образования Д. Бен-Гурион действовал не менее решительно, сумев провести Закон о государственном образовании, который был утвержден в Кнессете 12 августа 1953 года 39 голосами «за» при 36 «против» (воздержавшихся не было).

Этот закон упразднял связанные с различными партиями (в том числе, и ревизионистами) «направления» в системе образования, подчиняя все школы Министерству образования страны. Д. Бен-Гурион видел в принятии этого Закона свою победу, значение которой он считал поистине эпохальным: «Немногие дни в еврейской истории могут по своему значению и по своему величию соперничать с 14 мая 1948 года – днем провозглашения государства, но день введения государственного образования правительством Израиля также должен быть записан в нашей истории: изъятие образования из ведома партий и передача его под управление государства – в этом состоит решающий шаг для построения государства и сплочения народа»⁶⁷. При этом нужно отметить, что ревизионисты оказались практически единственными, кто из-за принятия Закона о государственном образовании лишились своих школ: т.н. «рабочее направление», хотя и было расформировано, сохранило свои школы в рамках системы общеобразовательных школ, подчинявшихся Министерству образования, до 1977 года находившегося под безраздельным контролем МАПАЙ/Партии Труда.

Политический характер данного закона наглядно проявился в той удивительной терпимости, которую власти продемонстрировали по отношению к другим направлениям в системе образования: и религиозно-сионистские школы, и учебные заведения ультраортодоксального сектора сохранились в неприкосновенности⁶⁸. Третий параграф Закона подводил формальную базу под государственно-религиозное образование как часть общегосударственной системы образования и предоставлял родителям право выбора между общим государственным и государственно-религиозным образованием. Разделение системы образования на государственную и государственно-религиозную фактически закрепило существовавший до тех пор контроль религиозных сионистов над созданными ими учебными заведениями. Система образования, связанная с «*Агуддат Израэль*», также была узаконена. Дети арабских граждан Из-

⁶⁷ Цит. по: Давид Бен-Гурион. *Звезды и пыль*. – Рамат-Ган: Масада, 1976, с. 131 [на иврите].

⁶⁸ См.: Цви Цамерет. *Развитие системы образования*. – Тель-Авив: Открытый университет Израиля, 2003, с. 94.

раиля продолжали учиться по отдельным программам и подготовленным специально для них учебным пособиям, и хотя иврит изучался как обязательный предмет, языком преподавания оставался арабский. Практически единственными, кто лишились своей сети школ, были ревизионисты; власти делали всё, что могли, чтобы политически «неправильные», с их точки зрения, идеи не передавались следующим поколениям.

При этом когда многочисленные группы репатриантов прямо с кораблей направлялись в города развития, МАПАЙ заботилась о том, чтобы их абсорбция проводилась «по партийному принципу». В соответствии с этим принципом каждой партии предоставлялась определенная квота иммигрантов, которые могли быть направлены в *киббуцы* или *мошавы*, деревни или приграничные поселения, традиционно находившиеся под контролем данной партии. Эта система способствовала закреплению доминирующего положения МАПАЙ⁶⁹.

Борясь с ревизионистами за души будущих поколений, Д. Бен-Гурион боролся с ними и за память о прошлом. Умерший 4 августа 1940 года в пригороде Нью-Йорка от разрыва сердца Владимир (Зеэв) Жаботинский завещал, где бы ни застала его смерть, перевезти прах в Эрец-Исраэль, «когда там будет создано еврейское правительство»; учитывая, что завещание это было написано в Европе в 1936 году, силе веры и пророческому дару В.Е. Жаботинского нельзя не позавидовать. Однако правительство Израиля на протяжении полутора десятилетий правления Д. Бен-Гуриона отказывалось сделать это, словно опасаясь, что лидер ревизионистского движения и из могилы будет угрожать ему. Только 15 марта 1964 года правительство во главе с Леви Эшколем согласилось выполнить просьбу Менахема Бегина и наследников Владимира Жаботинского о перезахоронении его праха в Израиле⁷⁰. В июле 1964 года на горе Герцля в Иерусалиме прошла официальная церемония перезахоронения праха одного из самых ярких деятелей политического сионизма.

В дни трагедии «Альталены», да и впоследствии Государству Израиль очень повезло, что Д. Бен-Гуриону противостоял

⁶⁹ Говард Сакер. *История Израиля от Войны за независимость до Шестидневной войны*. – Иерусалим: Библиотека Алия, 1995, с. 29.

⁷⁰ См.: Йоси Гольдштейн. *Эшколь. Биография*. С. 472.

такой ответственный патриот, как М. Бегин. Охарактеризовав факт обстрела «Альталены» как «преступление, глупость и слепоту», он подчеркнул, что ЭЦЕЛЬ не откроет огонь против «Хаганы» и ЦАХАЛа «ни при каких обстоятельствах»: «Не будет гражданской войны, когда враг стоит у ворот!» Свою речь он закончил словами: «Да здравствует Израиль!» Прошло еще 29 лет, и М. Бегин стал премьер-министром Израиля; Д. Бен-Гуриона к тому времени четыре года как не было в живых, и подобная перспектива не могла привидеться ему даже в самом страшном сне. Бойкотируемый им на протяжении всей его политической карьеры лидер «Херута» занял его место во главе страны.

Конец идеологии: от «левой» партии – к партии власти

МАПАЙ не только формировала все израильские правительства, обладая самой большой парламентской фракцией. Как справедливо отмечает видный американский историк Говард Сакер, «ее лидеры в совершенстве владели техникой установления контроля над профессиональными и иными объединениями с последующей координацией их политики с политической линией партии. Так, с самого начала МАПАЙ прилагала все усилия, чтобы подчинить своему влиянию *Хистадрут*, и в конце концов стала играть доминирующую роль в этой рабочей федерации. МАПАЙ энергично распространяла свои взгляды в *Хеввер хакиббуцим*, самом большом объединении *киббуцев*. К тому же партия сохраняла контроль над исполнительным комитетом Еврейского агентства». МАПАЙ была правящей партией во всех сколько-нибудь значимых органах власти в стране⁷¹.

При этом в 1950-е – 1960-е годы политическая линия МАПАЙ претерпевала определенные изменения. Эта партия по-прежнему рассматривала Федерацию профсоюзов в качестве фундамента своего могущества, по-прежнему выступала за преобладание в экономике крупного общественного – профсоюзного и

⁷¹ Говард Сакер. *История Израиля от Войны за независимость до Шестидневной войны*. С. 29.

государственного – сектора, проявляя в то же время все большую готовность пойти навстречу частной инициативе. С течением времени МАПАЙ постепенно превращалась в социал-демократическую партию «шведского типа», стоящую за смешанную экономику, парламентскую демократию и развитую систему социального обеспечения. Подобно тому, как представители Социал-демократической партии Швеции (Sveriges socialdemokratiska arbetarepartiet) находились у власти практически непрерывно на протяжении десятилетий, возглавляя правительство страны в 1920–1926 и в 1932–1976 годах (а позднее и в 1982–1991 и 1994–2006 гг.), при том, что всеобщие выборы проводились регулярно и в них могли участвовать все желающие, так и МАПАЙ видела себя вечно правящей партией, не мешающей при этом всевозможным политическим аутсайдерам принимать посильное для них участие в электоральных кампаниях.

Однако статус неизменно правящей партии не оставлял МАПАЙ возможности принадлежать к одному из флангов политического поля: власть не может десятилетиями быть «слева» или «справа», ибо именно относительно месторасположения на политической оси власти и определяются в качестве «правых» и «левых» все остальные. Чем больший срок МАПАЙ оставалась правящей партией, тем меньше она могла оставаться «левой».

От традиционных идеологических ориентиров «левых» сил оставалось при этом очень немногое. По словам Бениamina Нойбергера, «если в начале 1950-х годов пролетарская идеология еще давала о себе знать в таких инцидентах, как отказ удовлетворить требование Общих сионистов не вывешивать 1 мая красные флаги в школах, приведший к коалиционному кризису или исключение видного партийного деятеля в связи с его «буржуазным» образом жизни, неприемлемым для «рабочей» партии, то уже в следующем, «прагматичном» десятилетии подобные проявления стали казаться глубоко архаичными»⁷².

Позиция руководства МАПАЙ по вопросам обороны и внешней политики была бесконечно далеко от пацифистской.

⁷² Бениамин Нойбергер. *Политические партии в Израиле*. – Тель-Авив: Открытый университет, 1998, с. 58.

Среди сторонников «жесткой линии» выделялись первый премьер-министр и министр обороны Израиля Давид Бен-Гурион, второй министр иностранных дел и четвертый премьер-министр страны Голда Меир и многолетний министр обороны Моше Даян. «Левые» правительства категорически отказывались признать права палестинских беженцев 1948 года на возвращение; санкционировали проведение в 1953–1955 годах серии жестких карательных «операций возмездия» на территории Иордании, Сирии и Египта; начали в 1956 и 1967 годах войны, направленные на превентивную защиту израильских военно-политических интересов; отказывались принять инициативы У. Роджерса и Г. Ярринга, призывавших вернуть Египту занятый в ходе Шестидневной войны Синайский полуостров; дали согласие на начало активного заселения занятых армией в 1967 году территорий, без предоставления арабским жителям этих территорий израильского гражданства. Как упоминалось выше, арабов до 1958 года вообще не принимали в Федерацию профсоюзов, а до 1972 года – в Партию Труда; за все годы существования «Ахдут ха'авода» в ее первом (1919–1930 гг.) и втором (1954–1965 гг.) вариантах и МАПАЙ (1930–1969 гг.) арабские жители Палестины/Эрец-Исраэль не могли вступить в них. Впервые араб был избран в Кнессет по списку Партии Труда только в 1981 году (это был Хамад Хилайли из Сахнина), первый же арабский министр от этой партии (от других их никогда не было вообще) появился только в 2007 году (им оказался Ралеб Маджадле)⁷³. О чем говорить, если с 1949 по 1966 годы включительно «левые» правительства держали всех арабских граждан страны под режимом военных администраций. Существование подобной формы правления, накладывавшей значительные ограничения на возможность свободного передвижения между различными населенными пунктами и другие общепринятые гражданские свободы, было крайне проблематично как с этической точки зрения, так и исходя из норм международного права. Несмотря на неоднократные предложения об отмене режима военной администрации (обсуждавшиеся в Кнессете с 1951 года), она просуществовала восемнадцать лет – вплоть до декабря 1966 года.

⁷³ См.: Майя Бенгаль и Арик Бендар. Перец решил: первый арабский министр в правительстве // *Маарив*, 10.01.2007 [на иврите].

Д. Бен-Гурион и его коллеги по руководству МАПАЙ придумали и реализовали модель, которая позволяла, с одной стороны, держать сотни тысяч граждан страны (в том числе, и отслуживших в израильской армии друзов и черкесов) под контролем военных комендатур, не позволяя им вступать в правящую партию даже в качестве рядовых членов, а с другой стороны, имитировать видимость демократического равноправия. Чтобы сочетать несочетаемое, была придумана модель «аффилированных партий», привлекавших голоса исключительно арабских избирателей, независимость которых была фиктивной. Как пишет проф. Бениамин Нойбергер, «в 1950-х–1960-х годах наиболее заметную роль в политической жизни израильских арабов играли списки старейшин, связанные с правящей партией – МАПАЙ. Эти списки, существовавшие в 1949–1989 годах, служили интересам конкретных групп и создавались непосредственно перед выборами. Поскольку они учреждались, финансировались и контролировались евреями, их следовало бы называть не «списками меньшинств», а «казенными списками», тем более, что им, вне всякого сомнения, оказывали помощь государственные структуры (такие, как военная администрация или канцелярия советника премьер-министра по делам арабов), партийные органы (например, арабская секция МАПАЙ) и Профсоюзные учреждения (типа арабского отдела Гистадрута). Дабы заручиться как можно более широкой поддержкой, правящая партия не забывала сформировать сразу несколько списков, апеллировавших к представителям различных конфессий (мусульманам, христианам, друзам) и к жителям различных местностей (Галилеи, «треугольника», Негева)»⁷⁴. Таким образом, в Кнессет попали «Демократический список израильских арабов», «Прогресс и труд», «Земледелие и прогресс» и другие лишь номинально самостоятельные партии, никого в реальности не представлявшие.

В большинстве случаев по «спискам меньшинств» в Кнессет проходили либо члены знатных и богатых семейств, землевладельцы (такие, как С. эль-Дин Зуаби, Ф. Хамдан, А. Дахар, А. Джарджура, М. Касис), либо главы кланов (к примеру,

⁷⁴ Бениамин Нойбергер. *Арабское меньшинство: национальная обособленность и политическая интеграция*. – Тель-Авив: Открытый университет, 1999, с. 128–129.

Д. Обейд, Дж. Моды, С. Хнейфес, Э. Нахле). Все они принадлежали к высшему слою арабского социума – хотя и выступали в качестве союзников МАПАЙ, считавшейся рабочей партией. Эти политики примыкали к правящей партии потому, что хотели сохранить традиционный уклад жизни, стабильность в обществе и возможность спокойно сосуществовать с истеблишментом. Структуры, находившиеся в распоряжении МАПАЙ, не без успеха давали ей возможность «подмазывать» арабскую знать: в ход шли как приманки личного характера (их вводили в советы директоров различных компаний, назначали на должности имамов, кади, регистраторов гражданского состояния, обеспечивали кредитом на покупку сельскохозяйственного оборудования), так и рассчитанные на стоявшие за ними коллективы (они получали заверения насчет прокладки подъездных дорог к деревням, подключения их к сети энергоснабжения, строительства амбулаторий, поблажек при выдаче разрешений на поездки и т.п.). При этом парламентарии, избравшиеся по «спискам меньшинств», почти не высказывались не только по поводу внешней политики и арабо-израильского конфликта, но даже и не требовали отмены режима военных администраций⁷⁵.

Поразительным образом даже эти лояльные фракции за все годы их существования ни разу не привлекались МАПАЙ к участию в правительственных коалициях, которые на всем протяжении гегемонии «левых» оставались исключительно мононациональными.

При этом именно «левое» руководство ишува и Государства Израиль взяло курс на игнорирование норм международного права в тех вопросах, которые считало судьбоносными для национальных интересов. Именно в период безраздельной гегемонии «левых» были приняты такие судьбоносные, но крайне сомнительные с правовой точки зрения решения, как начало силовой борьбы за контроль над Иерусалимом, вопреки решению Генеральной Ассамблеи ООН об экстерриториальном статусе города; ведение диверсионной деятельности на территории соседнего государства (в первом случае речь шла о работе, направленной на ухудшение египетско-американских и египетско-британских отношений, во втором –

⁷⁵ Бениамин Нойбергер. *Арабское меньшинство*. С. 133.

о стремлении нагнать страх на работавших в Египте немецких разработчиков вооружения с целью добиться их отъезда из этой страны); реализация проекта создания ядерного оружия вне контроля МАГАТЭ или иных признанных международных структур.

Более того: именно т.н. «левое» правительство приняло после Шестидневной войны решения, направленные на то, чтобы сектор Газа и, как минимум, часть территорий Западного берега остались под израильским контролем⁷⁶. Правительство во главе с Леви Эшколем не выработало никакой связной доктрины относительно будущего статуса Западного берега, ограничившись созданием «временной» военной администрации на контролируемых территориях (эта «временная» администрация существует и поныне). Да и применительно к Синайскому полуострову и Голанским высотам предложение о возвращении их Египту и Сирии при условии подписания мирных договоров вызвало возражения почти половины членов правительства («за» проголосовали одиннадцать человек, «против» – десять⁷⁷). При этом еще в ходе обсуждения на неформальном заседании 13 июня, вероятно, под влиянием позиции Игаль Алона, впервые возникло понятие «обороняемые границы» и было высказано (и в целом поддержано) мнение о том, что река Иордан является западной «оборонной границей» Израиля⁷⁸. Это означало, что кому бы ни принадлежали территории Западного берега, никакая иностранная армия (и, в частности, иорданская) не должна была быть размещена на них. Так появилась доктрина, разделившая понятия «границы государства» и «оборонные границы государства». Эта позиция, столь популярная сегодня у израильских «правоцентристов», была выработана Игалем Алоном, вся политическая жизнь которого прошла в «левых» партиях: МАПАМ, «Ахдут ха'авода», а затем – в блоке «Маарах» и в Партии Труда.

⁷⁶ См.: Алек Д. Эпштейн. *Израиль и (не)контролируемые территории: уйти нельзя остаться*. – Москва/Иерусалим: Институт Ближнего Востока – Мосты культуры, 2008, с. 49–54.

⁷⁷ Данные приводятся по протоколу заседания правительства Израиля от 19 июня 1967 г.

⁷⁸ См.: Анита Шапира. *Игаль Алон. Годы весны*. – Иерусалим: Издательство «Кетер», 2004, с. 490–491 [на иврите].

О восприятии Д. Бен-Гурионом арабов написано много как им самим, так и исследователями его биографии. Представляется очевидным, что Д. Бен-Гурион очень рано, еще до начала войны 1948 года, сформировал чрезвычайно пессимистичное и негативное отношение к арабам, которых он, выражаясь словами израильско-британского политолога Ави Шлаима, воспринимал как «примитивных, свирепых и фанатичных врагов, которые понимали только язык силы». Он часто противопоставлял этот образ с тем, что он считал характеристикой современной и цивилизованной природы еврейского сообщества: «Мы живем в двадцатом веке, они в пятнадцатом»⁷⁹. Вероятно, именно подобный мировоззренческий «ориентализм» был причиной того, что даже когда с арабской стороны и звучали предложения о мирных переговорах (как, например, инициатива Хусни аз-Заима о заключении всестороннего мира между Израилем и Сирией весной 1949 года), Д. Бен-Гурион относился к ним с удивительным равнодушием.

Таким образом, в образе противника для Д. Бен-Гуриона были важны культурная и социальная составляющие, что означает, что пропасть, лежавшая в его глазах между евреями и арабами, была фундаментальной и неизменной⁸⁰. Как справедливо подчеркивает профессор Иерусалимского университета Ури Бялер, Д. Бен-Гурион верил, что основным мотивом конфликта была не непримиримость двух национальных движений, а, скорее, столкновение между «прогрессивными» и «реакционными» силами; к первым он относил Израиль, ко вторым – арабские страны⁸¹. Позиция Д. Бен-Гуриона состояла в том, что арабо-израильский конфликт возникает не из четко определенного и конкретного конфликта интересов, а скорее из глубокой исторической, многомерной, и, возможно, неразрешимой конфронтации.

⁷⁹ См.: Avi Shlaim. *The Iron Wall: Israel and the Arab World*. – London: Penguin Books, 2000, с. 96.

⁸⁰ См.: Ben D. Mor. Strategic Beliefs and the Formation of Enduring International Rivalries: Israel's National Security Conception, 1948–1956 // *International Relations*, vol. 18, no. 3 (2004), с. 309–329.

⁸¹ См.: Ури Бялер. Бен-Гурион и Шарет: две концепции арабо-израильского конфликта // *Дипломатия и конфликт* / Под ред. Б. Нойбергера. – Тель-Авив: Открытый университет Израиля, 1984, с. 191 [на иврите].

Д. Бен-Гурион в полной мере осознавал ту опасность, которой подвергалось Государство Израиль в каждой войне, в которой оно участвовало. В беседе с генералами ЦАХАЛа он подчеркнул: «Мы не должны быть повержены, потому что тогда все это [Государство Израиль] прекратит существование. У нас нет права на поражение. Они могут проиграть, один раз, два... А если они разобьют нас хотя бы однажды – это конец»⁸². Исходя из своего видения ситуации в целом, Д. Бен-Гурион формулировал долгосрочные цели Израиля: еврейское государство не могло надеяться на заключение мира с арабами, но могло пытаться раз за разом подавлять их агрессивные намерения, пока «накопительный эффект» побед не приведет в конце концов арабов к принятию неизбежности факта существования Израиля.

Подобное видение природы конфликта приводило к крайне пессимистичному видению возможностей миротворчества. Д. Бен-Гурион сформулировал это так: «Мы должны оставить нелепую и не подкрепленную ничем иллюзию, что вне Израиля существует сила и воля, способные защитить жизнь наших граждан. Наша единственная защита – наша собственная способность к самозащите»⁸³. Выступая на праздновании Дня независимости в 1955 году, он озвучил свое знаменитое наставление: «Неважно, что говорят гои [т.е. другие нации], а важно, что делают евреи». Очевидно, что подобный изоляционистский национализм менее всего может быть охарактеризован как «левое» мировоззрение.

Говоря о внешней политике руководства МАПАЙ 1950-х – 1960-х годов, нельзя не упомянуть о его сугубо прозападной ориентации (в соответствии с которой оно положительно относилось к тесным связям с США, Францией и даже Англией, отношения с которой казались безнадежно испорченными в годы мандата), а также о поддержке им достигнутого в 1952 году соглашения о репарациях с правительством К. Аденауэра. Как указывает Г. Сакер, «после пражских процессов и московского дела врачи израильские партии, называющие себя сионистскими, уже не могли следовать просоветской линии»⁸⁴. Учитыва-

⁸² Цит. по: Авнер Янив. *Политика и стратегия в Израиле*. – Тель-Авив: «Сифрият поалим», 1994, с. 16 [на иврите].

⁸³ Цит. по: Avi Shlaim. *The Iron Wall: Israel and the Arab World*. С. 97.

⁸⁴ Говард Сакер. *История Израиля от Войны за независимость до Шестидневной войны*. С. 26.

вая, что мир находился в то время в самом разгаре «холодной войны», внешнеполитическую ориентацию руководимых МАПАЙ израильских правительств никак не назовешь «левой». Разрыв дипломатических отношений между Израилем и СССР и странами Варшавского договора после Шестидневной войны довел прозападную (и чем дальше, тем больше проамериканскую) внешнеполитическую ориентацию еврейского государства до крайности.

По вопросам взаимоотношений между религией и государством МАПАЙ придерживалась курса на примирение и компромисс, выражая готовность пойти на значительные отступления от той модели сугубо светского государства, которую традиционно отстаивают «левые» партии. Она противостояла стремлению религиозных ортодоксов превратить Израиль в фундаменталистское государство, но одновременно с этим отказывалась поддержать требования секулярных кругов об отделении религии от государства, введении гражданского брака, признании реформистского и консервативного направлений в иудаизме и призыве учащихся религиозных учебных заведений в армию наравне с их нерелигиозными сверстниками. Более того: в 1950 году МАПАЙ поддержала предложение, согласно которому принятие конституции в Израиле откладывалось на неопределенный срок.

Как указывалось выше, в 1955 году и МАПАМ, и партия «Ахдут ха'авода» вошли в правительственную коалицию с МАПАЙ, в 1965 году «Ахдут ха'авода» вошла в блок с МАПАЙ, который в 1968 году получил название Партии Труда Израиля; годом позже в этот же блок вошла и партия МАПАМ, сохранившая при этом определенную организационную автономию. Создание единого левого блока стало возможным во многом благодаря «поправению» социалистических партий. Партия «Ахдут ха'авода» в середине 1950-х годов придерживалась сугубо просоветской и антиамериканской линии: в своей предвыборной платформе перед состоявшимися в 1955 году выборами в Кнессет третьего созыва партия обвиняла США в том, что они проводят «антиизраильский курс, поощряющий политические нападки на Израиль и акты вооруженной агрессии против него», а правительство страны – в поддержке американского империализма во время войны в Корее; в этом же документе Советский Союз характеризовался как «оплот мира во всем мире». На исходе 1950-х годов симпатии «Ахдут ха'авода»

к Советскому Союзу, равно как и ее антиамериканизм, значительно сократились⁸⁵. Внешнеполитическая ориентация «левых» социалистов, прошедших в 1950-е годы путь от безоговорочного преклонения перед Советским Союзом до призывов к нейтралитету Израиля в международных делах, претерпела после Шестидневной войны дальнейшие изменения. После того, как Советский Союз полностью поддержал арабские страны в ходе Шестидневной войны, партия МАПАМ, расценившая ее – в отличие от Синайской кампании 1956 года – как справедливую и оборонительную, больше не выступала против прозападного курса правительства.

Таблица 7

**Количество голосов и мандатов,
полученных МАПАИ/Партией Труда на выборах в Кнессет
в период ее гегемонии**

	Число поданных голосов	Число мандатов	Отрыв от второй партии
Кнессет I созыва (25 января 1949 г.)	155 274	46	27
Кнессет II созыва (30 июля 1951 г.)	256 456	45	25
Кнессет III созыва (26 июля 1955 г.)	274 735	40	25
Кнессет IV созыва (3 ноября 1959 г.)	370 858	47	30
Кнессет V созыва (15 августа 1961 г.)	349 330	42	25
Кнессет VI созыва (2 ноября 1965 г.)	443 379	45	19
Кнессет VII созыва (28 октября 1969 г.)	632 035	56	30
Кнессет VIII созыва (31 декабря 1973 г.)	621 183	51	12

⁸⁵ Бениамин Нойбергер. *Политические партии в Израиле*. С. 80–81.

Строительство единого блока т.н. «левых» партий привело к практически полной победе центристской, национально – чтобы не сказать националистически – ориентированной, милитаристской, ориенталистской прозападной позиции над идеологическими постулатами «левых» радикалов. Так как малочисленная (ни разу не добившаяся поддержки даже 5% избирателей), существовавшая почти исключительно благодаря советской поддержке, Коммунистическая партия не воспринималась израильским обществом как сколько-нибудь значимая политическая сила, Партия Труда фактически лишилась оппозиции слева. В результате в условиях постепенного роста популярности правоцентристского блока движения «Херут» и Либеральной партии (этот блок, созданный перед выборами 1965 года, добился 26 мандатов в Кнессете), сама Партия Труда стала восприниматься как «левая». В свою очередь, необходимость бороться за голоса избирателей теперь уже не с левыми социалистами (об этой борьбе в первой половине 1950-х годов см. выше), а с правоцентристским блоком, привела к еще большему движению единого блока «левых» партий в сторону политического центра. На фоне блока «Херута» и либералов, вначале называвшегося ГАХАЛ, а потом, после присоединения некоторых других политических групп, «Ликуд», Партия Труда, вероятно, могла считаться более или менее «левой», однако с сущностной точки зрения в политике правительств, ведомых ею, не было практически ничего «левого»: ни в области экономики, ни в сфере внешней политики, ни в том, что касалось гражданского равенства евреев и арабов в Израиле и на контролируемых территориях – ни в чем.

На выборах в Кнессет седьмого созыва, состоявшихся в 1969 году, единственная «левая» партия – созданное Ури Авнери движение «Этот мир – новая сила» – получила только два мандата. Начался продолжавшийся более двадцати лет период, когда имеющих реальное влияние «левых» в израильской политике не было.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

**Между борьбой с арабами,
борьбой за мир и борьбой за власть:
«левые» силы от Шестидневной войны
до краха «процесса Осло»**

Глава III.

«НОВЫЕ ЛЕВЫЕ»: ЗАРОЖДЕНИЕ И ГЕНЕЗИС ГРАЖДАНСКИХ «ЛЕВЫХ» ОРГАНИЗАЦИЙ

Шестидневная война была самой короткой (она началась 5 и закончилась 10 июня 1967 года), но в то же время наиболее судьбоносной из всех войн, которые вел Израиль. За несколько дней в Израиле изменилось почти всё – от самоощущения большинства граждан страны (пессимизм и сомнения сменились безудержной эйфорией) до задач, перед которыми были поставлены органы государственной власти (нужно было выработать какой-то курс относительно судьбы занятых значительных территорий и проживавших на них жителей). Среди прочего в стране в одночасье появились другие «левые», которых интересовали не вопросы социально-экономического равенства внутри еврейского сообщества, а коих заботило, как они верили, «достижение мира». Как справедливо отмечают исследователи, группы «борцов за мир» с арабами существовали в Израиле и до войны 1967 года (достаточно упомянуть в этой связи ассоциации «Брит шалом» и «Ихуд»⁸⁶, а также так называемое «Израильское отделение Интернационала противников войны»⁸⁷), хотя они и были совсем невелики

⁸⁶ См. о них: Йосеф Хеллер. *От “Брит шалом” к “Ихуду”*: *Иехуда Лейб Магнес и борьба за двунациональное государство*. – Иерусалим: Издательство им. Магнеса, 2003 [на иврите].

⁸⁷ См. о нем второй раздел большой статьи: Алек Д. Эпштейн. От пацифизма – к политическому протесту: израильское антивоенное движение в период от основания государства и до Первой ливанской войны // *Национальная безопасность и демократия в Израиле* / Под ред. Б. Нойбергера, И. Бен-Ами и А.Д. Эпштейна. – Раанана: Открытый университет Израиля, 2008, том 2, с. 302–315; Тамар Герман. Проявления пацифизма и антимиитаризма до создания государства и после него // *Война и мир* / Под ред. Ш. Авинери. – Иерусалим: Центр им. З. Шазара, 2010, с. 251–282 [на иврите].

по численности. Основным вопросом, который их объединял в 1948–1967 годах, был вопрос о палестинских беженцах и их праве на возвращение; поднималась и тема отмены режима военных администраций. После захвата новых территорий в 1967 году эти вопросы были оттеснены проблемой более глобальной, касавшейся самого характера Государства Израиль и его границ⁸⁸.

Новые «левые призыва 1967 года» против правительства социал-демократов

В конце 1960-х –1970-х годах в Израиле появились новые секулярные «левые» организации, представлявшие городскую интеллигенцию и средний класс. Эти организации (часть из них, но не все, стали партиями), в отличие от традиционных израильских «левых», описанных в двух первых главах, не выступали за строительство в Израиле социализма, но их отличала ярко выраженная «голубиная» позиция в арабо-израильском конфликте, готовность уйти со всех или почти всех занятых в Шестидневной войне территорий без каких-либо предварительных условий. «Борцы за мир» (Н.А. Семенченко справедливо характеризует их как тех, «чья точка зрения на арабо-израильский конфликт еще до войны 1967 года отличалась от позиции большинства израильтян»⁸⁹) отнеслись к завоеванию Западного берега, сектора Газы, Синайского полуострова и Голанских высот как к фактору, открывающему перед еврейским государством новые возможности диалога о мире с арабами. С этой точки зрения Израиль, заняв достаточно большие территории, обрел козырь, возвращение которого арабам вынудит их пойти на мирное урегулирование. *Лозунг «территории в обмен на мир» подразумевал, что арабы не заинтересованы в мире как таковом,*

⁸⁸ См.: David Hall-Cathala. *The Peace Movement in Israel, 1967–1987.* – Oxford: Macmillan, 1990, с. 29; Семенченко Н. Внепарламентский левый протест в Израиле после войны 1967 г. // *Проблемы и перспективы урегулирования на Ближнем Востоке* / Под ред. И.Д. Звягельской. – М.: Институт востоковедения РАН, 2010, с. 95.

⁸⁹ Семенченко Н. Внепарламентский левый протест в Израиле. С. 95.

но стремятся вернуть утерянные земли, и во имя их возвращения будут готовы даже пойти на мир с ненавистным им еврейским государством. Активисты «борьбы за мир» требовали от руководителей Израиля не упускать такой шанс. Скептики возражали, что заключенный таким образом «мир» заведомо не будет долговечным, ибо, вернув себе утерянные территории, арабские страны потеряют стимул к сохранению и поддержанию мирного договора с Израилем. Кроме того, и это не менее важно, в деятельности «борцов за мир» было глубочайшее внутреннее противоречие: даже полное возвращение территорий тех, у кого они были заняты (Египту, Иордании и Сирии), противоречило требованиям националистических политических организаций палестинских арабов (в частности, ФАТХа и ООП), желавших получить эти земли под свой контроль, а передача каких-либо земель под контроль палестинских движений сопротивления и их руководящих органов в то время совершенно неминуемо подталкивала Израиль к резкому обострению отношений с, как минимум, Иорданией, стремившейся вернуть всё, что было ею потеряно, под свой контроль. Таким образом, отказ Израиля от тех или иных территорий никак не мог гарантировать мир, но имел все шансы способствовать новому витку эскалации региональных отношений на Ближнем Востоке. Понятно, что резко антиизраильская политика и риторика как ООП, так и Хартумского саммита Лиги арабских государств, прошедшего вскоре после Шестидневной войны, сокращали до минимума численность тех израильтян, которые были в принципе готовы к масштабным территориальным уступкам, что очень размывало и без того не особенно широкую социальную базу новых «левых» движений.

Важно отметить, что новая парадигма гражданского левого лагеря («территории в обмен на мир») принципиально отличалась не только от позиции большинства израильтян и, в особенности, веривших в поступь божественного предвидения религиозных сионистов – она не имела почти ничего общего и с позицией леворадикальных миротворцев в ишуве и в Государстве Израиль в предшествующие годы. «Брит шалом» и «Ихуд» выступали за единое двунациональное еврейско-арабское государство, тогда как «борцы за мир», активизировавшиеся после 1967 года, выступали не за мирное

существование евреев и арабов в рамках единого политического пространства, а за размежевание между израильтянами и палестинцами. Политическая доктрина израильских «левых» радикалов поколения «после 1967 года» не имела ничего общего ни с борьбой за социалистическое (или, как минимум, социально ориентированное) государство, ни даже с попытками создания единого гражданского государства, в котором обеспечивается полное равноправие индивидов и групп вне зависимости от их этнической, национальной или конфессиональной идентичности. «Левых» радикалов стало отличать то, что, не отказываясь от присущего Израилю национального (чтобы не сказать, националистического) характера, они были готовы признать и за палестинскими арабами право на реализацию их националистических чаяний. Другие «левые» не признавали и это, выступая за скорейшее возвращение территорий тем странам, под контролем которых они находились до 5 июня 1968 года, именно во имя подавления палестинского национализма и блокирования возможностей создания независимого палестинского государства в обозримом будущем. С этой точки зрения готовность к отказу от контроля над территориями, заселенными миллионом палестинских арабов, должна позволить Израилю как раз сохранить свой национальный характер, не превращаясь ни в режим апартеида, ни в двунациональное государство, где права еврейского социума едва ли превосходят права любых меньшинств в государствах арабского Востока. В любом случае, ни о каком социализме и ни о каком едином наднациональном государстве и общественном пространстве речь уже не шла.

Новые гражданские «левые» организации выдвинули лозунг «территории в обмен на мир», воспринимая его как панацею от всех бед сразу: Израиль, с одной стороны, защищался от обвинений в создании на этих территориях де-факто колониального режима, при котором арабы в принципе лишены гражданских прав (в отличие от арабов, проживавших внутри «зеленой черты»), с другой, – сохранял в неприкосновенности свой преимущественно мононациональный характер, а с третьей, – ничего не теряя в сравнении с ситуацией, при которой он жил в 1949–1966 годах, получал, наконец, долгожданную международную легитимацию в виде мирных договоров с приграничными арабскими странами. Надежд было очень много...

Первое общественное движение «левых» «призыва 1967 года» было создано университетскими интеллектуалами. Растущее разочарование некоторых из них тем, что правящая партия МАПАЙ не только не стремится к реализации принципа «территории в обмен на мир», но и поддерживает строительство на этих землях еврейских поселений, призванных сделать факт израильского контроля над ними необратимым, а возможность их отдачи – сугубо гипотетической, подтолкнуло нескольких профессоров к созданию общественно-политического движения. Внутри партии МАПАЙ не было какой-либо группы политиков, которые бы выступали в поддержку доктрины «территории в обмен на мир». Выдающийся историк Яков Тальмон, видный американист Йехошуа Ариэли, социолог Гад Яцив и другие основатели «Движения за мир и безопасность» выступили как против правительства и руководства МАПАЙ, так и против быстро набравшего силу «Движения за неделимый Израиль», к которому присоединилось немалое количество интеллектуалов «правых» (в новом израильском значении этого слова) взглядов. Главным призывом создававшейся группы стал лозунг «Хватит политики полумира и полувойны, “да” – миру, “да” – безопасности!»⁹⁰.

Формально новое движение было создано 1 июля 1968 года на учредительной конференции в Тель-Авиве. Хотя программные документы движения гласили, что «Государство Израиль должно отказаться от аннексии контролируемых территорий и заключить мир», основатели группы считали себя лояльными гражданами, верными сионистской идеологии, видя свою главную цель в том, чтобы своей деятельностью повлиять на руководство страны, побудив его существенно скорректировать политический курс. Они не только не считали себя «левыми» и маргиналами, но и боялись такого образа.

Выражая в печати свои воззрения, активисты «Движения за мир и безопасность» подвергали критику правительство Партии Труда, которое, по их мнению, «приняло решение ничего не решать». В марте 1969 года движение вместе с журналом «New Outlook» [«Новый взгляд»] провело конференцию, на которой впервые израильские интеллектуалы,

⁹⁰ Тальмон Я. Открытое письмо министру И. Галили // *Маарив*, 16.05.1969 [на иврите].

причислявшие себя к мейнстриму, признали, что корнем конфликта является «противостояние двух народов – еврейского народа и арабского народа Палестины»⁹¹. Пик активности «Движения за мир и безопасность» пришелся на 1968–1973 годы, после чего его деятельность, постепенно затухая, сошла на нет. Несмотря на минимальные успехи в сфере практической политики, именно «Движение за мир и безопасность», ведомое очень узким кругом университетских профессоров, выразило недовольство политикой правившей партии и смогло мобилизовать хоть какую-то общественную поддержку идее ухода Израиля с занятых в ходе Шестидневной войны территорий.

При этом степень этой поддержки руководители движения явно переоценили. Движение приняло решение участвовать в выборах в Кнессет седьмого созыва, состоявшихся 28 октября 1969 года, для чего сформировало список во главе с Гадом Яцивом, позднее ставшим профессором социологии коммуникации. Итоги участия в выборах для «Движения за мир и безопасность» были совершенно провальными: оно получило поддержку лишь 0,37% избирателей, т.е., в среднем, одного из каждых трехсот (!) израильтян, пришедших на избирательные участки (в выборах 1969 года приняли участие 81,7% имевших право голоса, в арабском секторе – 80%)⁹². Таким образом, стало совершенно очевидным, что политическая программа «левых призыва 1967 года» не пользуется практически никакой популярностью в израильском обществе.

Парламентские выборы 1973 года, состоявшиеся спустя два месяца после тяжелейшей для Израиля Войны Судного дня, привели к уменьшению мандатов, полученных Партией Труда, и это несмотря на то, что Давид Бен-Гурион умер, и список во главе с ним, бывший головной болью для Леви Эшколя и его соратников в 1965 и 1969 годах, более в выборах не участвовал. Однако вместо 60 мандатов, которые имели до выборов в декабре 1973 года блок Партии Труда (включая

⁹¹ Mordechai Bar-On. *In Pursuit of Peace: A History of the Israeli Peace Movement*. – Washington DC: US Institute for Peace, 1996, с. 53.

⁹² Данные извлечены из книги Тамар Герман «Выборы и поведение избирателей». – Тель-Авив: Открытый университет Израиля, 2000, с. 130 и 194.

МАПАЙ и «Ахдут ха'авода») и МАПАМ и «Государственный список» Д. Бен-Гуриона, в Кнессете восьмого созыва социал-демократический блок получил только 51 мандат, при этом его отрыв от списка правой оппозиции во главе с Менахемом Бегиним сократился с тридцати мандатов до двенадцати. Потерянные правящим блоком социал-демократов мандаты распределились в основном между правыми партиями, однако некоторая, хотя и очень незначительная их часть, досталась возникшим левым партиям, впервые участвовавшим в выборах⁹³. После того, как в январе 1969 года МАПАМ присоединилась к Партии Труда, создав с ней единый список, возник политический и идейный вакуум, который новые левые движения попытались заполнить. Адвокат Шуламит Алони, публично выражавшая несогласие с политикой кабинета Голды Меир в отношении гражданских прав и чрезмерной, по ее мнению, роли религии в общественной жизни страны, организовала Движение за права гражданина «Рац». Участие в выборах 1973 года принесло новой партии неожиданный успех: она получила 35 023 голоса, что дало три мандата в Кнессете, что было выше всех ожиданий основателей «Раца». В вопросах, касавшихся будущего контролируемых территорий, новая партия занимала – как и «Движение за мир и безопасность» – радикально «левые», с точки зрения тогдашней системы координат, позиции; в вопросах же гражданских прав и экономических свобод «Рац» скорее была центристской партией, критиковавшей правительство за недостаточно либеральную политику в этой области.

В строгом смысле левой стала получившая на выборах один мандат партия «Мокед» [«Фокус»]. Основатель группы Ури Авнери открыто признавал, что, оставаясь на политической арене партия МАПАМ, он бы присоединился к ней⁹⁴. В целом партия «Мокед» стала своего рода прибежищем для тех, кто продолжал верить в идеологию социалистического интернационализма. Внутри основателей новой партии не было единства по социально-экономическим вопросам, но их объединяла уверенность в том, что самое важное, что долж-

⁹³ Asher Arian. *Politics in Israel: The Second Generation*. – Chatham, NJ: Chatham House, 1989, с. 149.

⁹⁴ Mordechai Bar-On. *In Pursuit of Peace*. С. 84.

но делать Государство Израиль, – это стремиться к миру с арабами.

Еще одной левой партией, получившей в 1973 году четыре места в Кнессете, стал РАКАХ – «Новый коммунистический список» (представленный в Кнессете, начиная с 1961 года, он получил четыре мандата лишь с четвертой попытки, и так и не сумел добиться большего). Его образование явилось причиной разочарования молодого поколения арабской элиты в политике правившей партии, которая на протяжении 1950-х и 1960-х годов включала наиболее влиятельных лидеров арабских кланов в курируемые ею «списки меньшинств», предоставляя им разные блага в обмен на полную лояльность⁹⁵. РАКАХ стал, пожалуй, первым независимым национально ориентированным списком израильских арабов, прошедшим в Кнессет (созданному в 1964 году списку «Эль-Ард» было запрещено принимать участие в выборах), хотя среди четверых его депутатов арабами были двое: Туфик Туби и Тауфик Зияд (1929–1994), а двое других – Меир Вильнер и Авраам Левенбраун (1916–1987) – были евреями. Положение этой партии и ее лидеров было крайне проблематичным: они не только выступали за ведение переговоров с Организацией освобождения Палестины, которая в то время воспринималась израильянами как исключительно бесчеловечная террористическая организация (горькая ирония судьбы состоит в том, что 5 июля 1994 года Тауфик Зияд погиб в автомобильной катастрофе, возвращаясь со встречи с Ясиром Арафатом), но и порой вели откровенно враждебную антиизраильскую деятельность. В частности, в 1973 году был осужден на четыре года тюремного заключения сын Авраама Левенбрауна, Рами Ливне, обвиненный в участии в арабско-еврейской шпионско-диверсионной сети, направлявшейся сирийской разведкой. Не скатываясь к огульным обвинениям, является все же очевидным, что *дилемма между лояльностью Государству Израиль, гражданами которого они являются, и борьбой арабского народа Палестины за независимость и реализацию своих коллективных чаяний*

⁹⁵ Moshe Shokeid. Strategy and Change in Arab Vote // *Elections in Israel, 1973* / ed. by Asher Arian. – Jerusalem: Academic Press, 1974, с. 57.

была и остается необычайно сложной для наиболее радикальных активистов «левых призыва 1967 года», а также для всё растущего числа общественно-политических деятелей из среды арабов-граждан Израиля. Список евреев-израильтян, перешедших на другую сторону баррикад, включает имена осужденного в 1973 году на семнадцать лет заключения (из коих он отсидел тринадцать) за шпионаж и сбор информации военного характера по заданию сирийской разведки активиста радикальной троцкистской организации МАЦПЕН и «Красного фронта» Уди Адива, обличителя израильского «режима апартеида», женившегося в 2008 году на палестинке, принявшего ислам и избранного в 2009 году членом Революционного совета ФАТХа Ури Дэйвиса, автора книг «*Israel: An Apartheid State*» (1987) и «*Apartheid Israel: Possibilities for the Struggle Within*» (2003) и других. Среди арабов наибольшую известность получило спешное бегство из Израиля депутата Кнессета Азми Башары после Второй Ливанской войны, в ходе которой он, как установили разведывательные структуры, поддерживал контакты с «Хезбаллой», получая от нее деньги и обсуждая с ее представителями целесообразность обстрелов тех или иных городов на территории Израиля. Кроме вышеупомянутого осужденного сына депутата Авраама Левенбрауна, Рама Ливне, заслуживает упоминания и живущий ныне в США сын Шуламита Алони, Уди Алони, являющийся одним из наиболее активных пропагандистов идеи научного и культурного бойкота Израиля, который он, как и Ури Дэйвис, характеризует как «государство апартеида». В последнее время Уди Алони лично обращался к Леонарду Коэну, Элвису Костелло и другим всемирно известным музыкантам с призывом отменить выступления в Израиле (Элвис Костелло всё-таки отменил его)⁹⁶. Каждый человек имеет право иметь какие угодно взгляды и, в частности, считать делом своей жизни борьбу со страной, в которой он родился и вырос, но путь, пройденный, в частности, детьми депутатов Кнессета Авраама Левенбрауна и Шуламита Алони, в ретроспективе отчетливо свидетельствует, насколько дале-

⁹⁶ См.: Ронен М. Уди Алони – один из лидеров культурного бойкота Израиля / В подборке материалов «Сделанные в Израиле» // *Едиот ахронот – ежедневное приложение «24 часа»*, 24.05.2010 [на иврите].

ко способны были увести те идеи и идеалы, вокруг которых формировались «левые призыва 1967 года».

Как бы там ни было, место, прежде занятое МАПАМ, оказалось пусто, и его стали заполнять другие политические организации. На выборах 1973 года так и не возникло единой «левой» партии, но в Кнессет прошли три «левых» движения: «Рац», «Мокед» и преимущественно арабский коммунистический список РАКАХ. Различные попытки создать коалицию между ними и мобилизовать большую общественную поддержку так и не увенчались успехом. В декабре 1975 года Ури Авнери, Арье (Лёва) Элиав (1921–2010), бывший в прошлом офицером «Хаганы» и военно-морского флота ЦАХАЛа, а с 1965 года – членом Кнессета от МАПАИ/Рабочей партии (в апреле 1975 года он вышел из нее), Симха Флапан (1911–1987), бывший генеральный секретарь партии МАПАМ и редактор журнала «New Outlook», организовали «Совет по вопросам израильско-палестинского мирного урегулирования», главной задачей которого стало продвижение идеи «сосуществования двух суверенных государств, двух народов, каждый из которых имеет право на самоопределение». Попытка объединения оказалась неудачной: Ш. Алони и ее коллеги из партии «Рац» отказались присоединиться к этой инициативе, аргументируя свой отказ недоверием к палестинцам; Л. Элиав и У. Авнери вскоре вышли из «Совета» и образовали собственную партию «Шели» – «Шалом ле'Израэль» [«Мир Израилю»]. Постоянные расколы и полная неготовность идти на уступки друг другу привели к тому, что ни «Рац», ни «Мокед», ни «Совет по вопросам израильско-палестинского мирного урегулирования» не могли добиться никаких успехов в сфере практической политики. Единственным достижением «левых призыва 1967 года» стало основание журнала «Эмда» [«Позиция»], который стал форумом для интеллектуалов, взгляды которых находились значительно левее относительно общественно-политического консенсуса, существовавшего в Израиле в то время.

При этом представляется совершенно очевидным, что, как минимум, до конца 1980-х годов популярность идей «новых левых» в обществе была крайне ограниченной, и все созданные ими списки вместе не составляли 5% списочного состава Кнессета. Реальное политическое влияние «новых левых» было значительно выше.

Таблица 8

**Электоральные достижения блока Партии Труда и МАПАМ
и «новых левых» на выборах в Кнессет в 1969–1988 гг.**

	Мандаты Партии Труда и МАПАМ	Мандаты «новых левых»	Разбивка мандатов «новых левых» по партиям
Кнессет VII созыва (28 октября 1969 г.)	56	2	2 – «Ха'олам ха'зе»
Кнессет VIII созыва (31 декабря 1973 г.)	51	4	3 – «Рац» 1 – «Мокед»
Кнессет IX созыва (17 мая 1977 г.)	32	3	2 – «Шели» 1 – «Рац»
Кнессет X созыва (30 июня 1981 г.)	47	1	1 – «Рац»
Кнессет XI созыва (23 июля 1984 г.)	44	3	3 – «Рац»
Кнессет XII созыва (1 ноября 1988 г.)	39	8	5 – «Рац» 3 – МАПАМ

**«Демократы» против демократии:
«новые левые» и травля правительства М. Бегина**

«Демократическое движение за перемены» (ДАШ) ворвалось на политический небосклон с внезапностью метеора и за несколько месяцев обрело такую популярность, что в результате майских выборов 1977 года его фракция в Кнессете девятого созыва оказалась третьей по численности. В нем сошлись воедино самые разные силы. Одним из его основных компонентов стало движение «Шинуй» [«Перемена»], созданное по инициативе группы бизнесменов, обладателей свободных профессий и университетских преподавателей в 1974 году, вскоре после Войны Судного дня и публикации отчета Комиссии под руководством судьи Шимона Аграната (1906–1992), другим – «Демократическое движение», основанное профессором археологии, генералом в отставке Игалем Ядином (1917–1984) и объединявшее преимущественно военных и хозяйственников, к которым присоединилось несколько представите-

лей академического мира. «Движению за перемены» удалось увлечь за собой широкие круги избирателей, однако амбициозные цели, которые оно ставило перед собой, были достигнуты лишь частично.

Основатели «Движения за перемены» декларировали своей целью создание прагматичной партии, которая не проводит различий между правыми и левыми, а во главу угла ставит эффективность работы органов власти и соблюдение государственными служащими морально-этических норм. «Движение за перемены» не использовало какую бы то ни было социалистическую риторику, однако в описываемый период подобным же образом вели себя едва ли не все партии в Израиле, кроме коммунистической.

«Движение за перемены» изначально создавалось не с целью стать оппозицией Партии Труда, а для того чтобы иметь возможность влиять на проводимую ею политику, борясь за соблюдение морально-этических норм во все более коррумпированных руководящих структурах государственной власти. Сохранявшаяся на протяжении нескольких десятилетий гегемония Партии Труда привела к тому, что вопрос о правящей партии как бы сам собой оказался снятым с повестки дня. Основная цель создателей движения за перемены состояла в том, что бы стать крупнейшим коалиционным партнером Партии Труда. Однако действительность неожиданно оказалась иной: добившись триумфального успеха на выборах и отняв у Партии Труда пятнадцать мандатов (многочисленные опросы свидетельствовали, что почти все избиратели «Движения за перемены» на выборах 1973 года голосовали за список Партии Труда), «Движение за перемены» стало той силой, которая помогла «вечно оппозиционному» движению «*Ликуд*» во главе с Менахемом Бегиним впервые в истории страны добиться победы на всеобщих выборах. Лидеры «Движения за перемены», изначально видевшие себя центральными коалиционными партнерами Партии Труда, неожиданно для себя должны были решать вопрос об участии в отстранении Партии Труда от власти и о вхождении в правоцентристское коалиционное правительство. Партия Труда на семь лет, до 1984 года, оказалась отстраненной от участия в работе правительства.

Приход к власти бывшего командира ЭЦЕЛЯ Менахема Бегина и провозглашение новым правительством, в котором три министерских портфеля, в том числе внутренних дел и образо-

вания и культуры, получили представители религиозных сионистов, курса на сохранение единства и неделимости Эрец-Исраэль, были восприняты «левыми» (как «традиционными», так и «новыми») как катастрофа. Израильские «левые» круги традиционно называют себя «демократическим лагерем», а своих «правых» оппонентов – лагерем «национальным», «националистическим», а в пылу полемики – так и «фашистским» и «нацистским» (аналогичным образом «правые» традиционно обвиняли «левых» в «сталинизме»). Проводившиеся социологические исследования показали, что на самом деле значимость демократических ценностей и процедур достаточно велика и в глазах «левых», и в глазах «правых», что, в общем, логично: была бы ситуация принципиально другой, Израилю бы не удалось стать всего одной из двух (наряду с Индией) стран, получивших независимость в период после второй мировой войны и за все эти годы ни разу не отказавшихся от демократической формы правления. Несмотря на «черные» прогнозы и опасения военного переворота⁹⁷, с одной стороны, и наступления теократического режима⁹⁸, с другой, Израиль был и остается на протяжении всех лет своего существования демократическим государством. Вместе с тем, исследования показывают, что для «правых» традиционно большую значимость, чем демократические ценности и процедуры, имеет экзистенциальный статус земли Эрец-Исраэль, а для новых «левых» – продвижение мирного процесса⁹⁹. Во имя этих, более важных для них ценностей, и израильские «правые», и «левые» готовы пренебречь демократическими нормами и процедурами; и для тех, и для других «демократия» по значимости стоит на втором месте.

Интересно, однако, что «новые левые», само появление которых на политической арене имело целью только и исклю-

⁹⁷ См., например, такие опасения, изложенные в статье социолога из Хайфского университета: Uri Ben-Eliezer. Is a military coup possible in Israel? // *Theory and Society*, 1998, vol. 27, no. 3, с. 311–349.

⁹⁸ См., например, эту точку зрения в недавно опубликованной статье политического обозревателя газеты «Ха'арец»: Gideon Levy. Let's face the facts, Israel is a semi-theocracy // *Ha'aretz* (English edition), 10.12.2009.

⁹⁹ См. подробное обсуждение этой темы в книге: Ephraim Yuchtman-Ya'ar and Yochanan Peres. *Between Consent and Dissent: Democracy and Peace in the Israeli Mind*. С. 33–37, 39–41 и далее.

чительно продвижение некоей идеологии, касавшейся судьбы занятых в ходе Шестидневной войны, чем дальше, тем больше приватизировали «верность демократии», вплоть до того, что созданный в 1992 году предвыборный блок «новых левых» назывался «МЕРЕЦ – Демократический Израиль». На самом же деле демократия устраивала «левых» тогда и только тогда, когда ее воплощение соответствовало их ожиданиям. Приход к власти с девятой попытки в результате победы на всеобщих выборах, прошедших 17 мая 1977 года, «правого» блока «Ликуд» во главе с Менахемом Бегиним воспринимался «левыми» как немыслимое недоразумение, как историческая ошибка, которую никакая «демократия» оправдать не может, и которую, поэтому, нужно постараться исправить как можно скорее. Тот факт, что «Ликуд» получил более чем на сто пятьдесят тысяч голосов больше, чем блок Партии Труда и МАПАМ (583 968 голосов против 430 023), не превращал, с точки зрения многих «левых», Менахема Бегина в легитимного премьер-министра страны; ничто не могло изменить этого.

Нужно было обладать незаурядной фантазией, чтобы спустя менее девяти месяцев после прихода к власти правительства М. Бегина (оно было приведено к присяге 20 июня 1977 года) обвинить его в том, что из-за его деятельности или, напротив, бездеятельности в арабо-израильских отношениях не наступила эпоха мира: во-первых, сложно понять, почему лидер «правых» должен был менее чем за девять месяцев суметь добиться того, чего лидеры традиционных «левых» не добились за 29 лет своего правления, а во-вторых, за эти девять месяцев ситуация неожиданно как раз сдвинулась с мертвой точки: президент Египта Анвар Садат, в общем-то, по одному ему известным причинам принял решение, которое не принимал ни один арабский лидер прежде: начать открытые переговоры о мире с Израилем, в том числе, и на территории самого Израиля. 20 ноября 1977 года Ануар Садат стал первым главой арабской страны, прибывшим в Кнессет в Иерусалим, где его выступление произвело подлинный фурор. При активном посредническом участии США, которые стремились использовать сложившуюся ситуацию для укрепления своего статуса сверхдержавы, в том числе, и в ближневосточном регионе, начались израильско-египетские переговоры, закончившиеся подписанием 17 сентября 1978 года «рамочного соглашения» о мире на Ближнем Востоке («The Framework for Peace

in the Middle East»), а 26 марта 1979 года – полномасштабного мирного договора между Израилем и Египтом, первого подобного соглашения между еврейским государством и какой-либо из арабских стран¹⁰⁰.

В то самое время, пока Менахем Бегин и уполномоченные им официальные лица вели с египтянами (при прямом и опосредованном участии американцев) интенсивные переговоры, подобных которым не было в истории Израиля, группа офицеров-резервистов приняла решение выступить в печати с открытым письмом. Как указывает Мордехай Бар-Он, один из тех, кто подписал его, такой шаг обсуждался, начиная с конца февраля 1978 года постепенно шел процесс сбора подписей, и когда их число достигло 348, в первых числах июля 1978 года, было решено отправить письмо главе правительства и в прессу.

В этом письме не упоминались ни Ануар Садат, ни Египет – речь шла о политическом курсе демократически избранного правительства, которому подписанты отказывали в легитимации: «Правительство, которое предпочтет существование Государства Израиль в границах неделимой Эрец-Исраэль поддержанию мирных добрососедских отношений с соседями, вызовет у нас тяжелые мысли. Правительство, которое предпочтет существование населенных пунктов за пределами “зеленой черты” прекращению исторического конфликта и установлению нормальных отношений в нашем регионе, вызовет у нас вопросы относительно справедливости нашего пути. Политика правительства, которая приведет к продолжению контроля над примерно миллионом арабов, может нанести серьезный урон еврейскому демократическому характеру Государства Израиль и осложнит для нас возможность испытывать чувство солидарности с путем, по которому оно идет»¹⁰¹.

¹⁰⁰ Ход израильско-египетских переговоров подробно и неоднократно описан мемуаристами и исследователями. Наиболее взвешенной представляется монография: William B. Quandt. *Camp-David: Peacemaking and Politics*. – Washington: The Brookings Institution, 1986. «Рамочное соглашение» опубликовано в этой книге на с. 376–387, мирный договор – на с. 397–406.

¹⁰¹ Цит. в переводе на русский язык автора книги по изданию: Мордехай Бар-Он. *Шалом ахиав*. – Тель-Авив: *Ха'киббуц ха'меухад*, 1985, с. 15 [на иврите].

Можно спорить о том, насколько правы авторы и подписанты письма в своих утверждениях, например, о том, что прекращение существования населенных пунктов за пределами «зеленой черты» способно привести к прекращению исторического конфликта и установлению нормальных отношений в ближневосточном регионе. Совершенно очевидно, что разрушение двадцати одного израильского поселения в секторе Газа в августе 2005 года и эвакуация всех их жителей привели к власти исламистский ХАМАС и значительно отдалили любую возможность мирного сосуществования, приведя к многократному увеличению количества ракетных и минометных обстрелов Израиля, с одной стороны, и к сопровождавшейся многочисленными жертвами и разрушениями ответной израильской военной операции «Литой свинец», с другой¹⁰². Понятно, что нет и не может быть уверенности в том, что, выведи Израиль свои силы и поселения из Газы на 27 лет раньше, в 1978 году, как это призывали сделать подписанты письма, это бы кончилось столь же печально; никакого ХАМАСа тогда вообще не существовало. Вместе с тем нет и не может быть никакой уверенности в том, что этот шаг хоть как-то приблизил бы регион к миру.

В целом же подписанты письма излагали как не подлежащие сомнениям три весьма, на наш взгляд, неочевидных тезиса.

Во-первых, они утверждали, что именно стремление правительства Израиля к существованию в тех или иных границах (речь явно шла о нежелании расстаться с теми или иными территориями, занятыми в ходе Шестидневной войны) является причиной отсутствия добрососедских отношений с соседями. Если так, трудно понять, что же мешало установлению подобных отношений на протяжении первых девятнадцати лет существования Израиля, до Шестидневной войны, когда вопрос отступления с каких-либо территорий не стоял на повестке дня.

Во-вторых, они отстаивали мнение о том, что причиной непрекращающегося исторического конфликта, не позволяющей прийти к установлению нормальных отношений в регионе, является политика правительства, направленная на поддержку

¹⁰² См.: Алек Д. Эпштейн. *Израильтяне и палестинцы: от конфронтации – к переговорам и обратно*. – Москва/Иерусалим: Институт Ближнего Востока – Мосты культуры, 2009), с. 146–159.

еврейских населенных пунктов за пределами «зеленой черты». И вновь непонятно, что же помешало прекратить конфликт до 1967 года, когда никаких еврейских поселений за пределами «зеленой черты» не существовало в принципе.

В-третьих, подписанты письма справедливо указывали, что политика, которая приведет к продолжению контроля над примерно миллионом арабов, может нанести серьезный урон еврейскому демократическому характеру Государства Израиль, однако при этом не говорили ни слова о том, что даже полный отказ от контроля над занятыми в ходе Шестидневной войны территориями оставлял в пределах Израиля значительное число арабов: по данным на конец 1975 года, их было 540 тысяч человек; на выборах в Кнессет, состоявшихся в 1977 году, арабские граждане Израиля составляли 9,2% всех зарегистрированных избирателей¹⁰³. Важно отметить, что за двадцать пять предшествовавших лет – с 1950 по 1975 гг. – численность арабских граждан Израиля выросла со 167 тысяч до 540 (т.е., более чем в 3,2 раза), и, несмотря на все волны еврейской иммиграции из стран Северной Африки, Йемена, Аргентины, Советского Союза и США, процент арабов в общей численности населения страны вырос за эти годы с 12,1% до 15,4%. Составляя более 15% населения и имея тенденцию к дальнейшему росту своей численности, арабские граждане уже бросали вызов еврейскому демократическому характеру Государства Израиль, но факт этот подписанты письма странным образом игнорировали вообще. Обвиняя правительство «Лукуда» в стремлении к продолжению контроля, т.е. существования в режиме военной администрации, над примерно миллионом арабов контролируемых территорий, подписанты письма не сказали ни слова о том, как в том же режиме девятнадцать лет жили арабские граждане Израиля при сменявшихся друг друга правительствах, формировавшихся МАПАЙ.

Факт обнародования столь неочевидного по смыслу письма, обвинявшего правительство в том, что оно ведет политический курс, ради ведения которого его и выбрали на всеобщих демократических выборах, да еще и в период беспрецедентной интенсификации политического диалога с крупнейшей

¹⁰³ Данные извлечены из: Ori Stendel. *The Arabs in Israel*. – Brighton: Sussex Academic Press, 1996, с. 40, 149.

страной арабского мира, наталкивает на мысль, что подписантам было не столь важно, что именно было в письме написано и что в это время на самом деле происходило. *Что бы ни происходило, и какую бы политику правительство ни вело, в глазах «левых» оно было нелегитимным просто самим фактом своего существования. Привыкнув за долгие десятилетия, что в выборах разыгрывается не возможность формировать правительство, а исключительно право принять в нем участие в качестве коалиционных партнеров МАПАЙ/Партии Труда, «левые» отказывались признать, что выборы они могут и проиграть.* «Демократы» боролись с результатами демократических выборов, которые были для них неприемлемыми.

При этом авторы обращения, среди которых были люди самых разных профессий, подписались как «граждане Израиля – солдаты и офицеры-резервисты», нарушив тем самым тот принцип, ради которого Д. Бен-Гурион разгонял и ПАЛЬМАХ, и ЛЕХИ: принцип политической нейтральности армии. Сделано это было сознательно: по свидетельству М. Бар-Она, «подписавшиеся решили подчеркнуть их военный статус после сложных сомнений, чтобы предотвратить возможность, что они будут вытеснены на обочину правительственными кругами, которые отмахнутся от них как от группы “леваков”»¹⁰⁴. По словам Юваля Нерия, другого активиста, подписавшего письмо и собиравшего подписи под ним, «премьер-министру будет трудно игнорировать письмо боевых офицеров, которые участвовали в войне, доказали тем самым свою значимость и отдали свой долг обществу»¹⁰⁵.

Это послание действительно не осталось незамеченным: именно то, что все его авторы служили в Армии обороны Израиля, некоторые даже в элитных частях (среди подписантов был один кавалер Ордена мужества, полученного в Войне Судного дня, шесть боевых летчиков, два подполковника, пятнадцать капитанов запаса и т.д.), стало решающим фактором привлечения общественного внимания. Движение «Мир сейчас» нередко называют «пацифистским», что никак не может быть оправдано,

¹⁰⁴ Мордехай Бар-Он. *Шалом ахшав*. С. 15.

¹⁰⁵ Цит. по: Philipp Gillon. Anatomy of a Movement // *Jerusalem Post*, 14.04.1978.

учитывая то, кем и как оно было основано. Представляется верным замечание социолога Михаэля Фейги о том, что создание этого движения было как раз проявлением присущего израильскому обществу «гражданского милитаризма»¹⁰⁶.

На момент опубликования письма ядро движения, которое вскоре после этого получило название «*Шалом ахшав*» [«Мир сейчас»], состояло из нескольких десятков активистов. Никакой четко организованной группы лидеров и руководителей на тот период еще не сложилось. Между тем уже тогда выдвинулось несколько наиболее ярких личностей: Авшалом Вилан (в 1990–1993 годах – генеральный секретарь МАПАМ, в 1999–2009 годах – член Кнессета от блока МЕРЕЦ), Жанет Авиад (социолог, родившаяся в США, преподававшая в Иерусалимском университете, ныне – старший вице-президент и директор израильского отделения филантропического фонда Андреа и Чарльза Бронфмана), Йосси Бен-Арци (преподаватель политической и исторической географии в Хайфском университете, ставший позднее зав. кафедрой, деканом гуманитарного факультета, а с 2005 года – ректором университета), Цали Решеф (адвокат, выходец из известной и состоятельной иерусалимской семьи, вначале ставший пресс-секретарем, а затем юрисконсультом «*Шалом ахшав*», депутат Кнессета пятнадцатого созыва по списку Партии Труда, а в 2009 году безуспешно пытавшийся вновь пройти в парламент по списку от блока МЕРЕЦ), Нафтали Раз (его общественная карьера сложилась не очень удачно; в 2008 году он безуспешно пытался стать главой местного совета иерусалимского пригорода Мевасерет-Цион), Орли Любин (доцент, а в 2002–2005 годах – также глава кафедры литературоведения Тель-Авивского университета, продолжает активную общественно-политическую деятельность в леворадикальных кругах) и некоторые другие. Из рядов движения «Мир сейчас» вышли многие представители политической и университетской элиты Государства Израиль. Кроме вышеупомянутых, в «*Шалом ахшав*» начинали свою политическую карьеру ставший в 1995 году председателем Еврейского агентства, а в 1999 году председателем Кнессета Авраам Бург; ставшая в 1999 году министром абсорбции в правительстве Э. Барака, а в 2006 го-

¹⁰⁶ См.: Michael Feige. Peace Now and the Legitimation Crisis of “Civil Militarism” // *Israel Studies*, 1998, vol. 3, no. 1, с. 85–111.

ду – министром образования в правительстве Э. Ольмерта, профессор политической философии Юли Тамир, в прошлом – супруга одного из основателей движения, Юваля Нерия, до 13 апреля 2010 года бывшая депутатом Кнессета; Хаим Орон, являющийся с 1988 года депутатом Кнессета от МАПАМ, а позднее – блока МЕРЕЦ, который он ныне возглавляет, бывший в 1999–2001 годах министром сельского хозяйства в правительстве Э. Барака; Деди Цукер, член Кнессета от партии «Рац», а затем от блока МЕРЕЦ в 1986–1999 годах; и даже нынешний министр финансов Израиля в правительстве Б. Нетаньяху, многолетний депутат Кнессета от блока «Ликуд» Юваль Штайниц. В движение «Мир сейчас» также входили профессора Шауль Фридландер, Галия Голан и другие. Фактически, *это леворадикальное движение, начавшее свою деятельность с попытки делегитимации демократически избранного «правого» правительства Израиля и ни разу не участвовавшее в каких-либо выборах в качестве самостоятельной политической силы, на четверть века стало одним из основных «кадровых резервов» руководящих органов «левых» партий и движений. Некоторым из активистов, начавших свой путь в движении «Мир сейчас», удалось выйти на самые первые роли в общественно-политической жизни страны, о чем свидетельствуют занимаемые ими посты, среди которых должности председателя парламента, министров, депутатов, руководителей академических учреждений и т.д.*

Структура движения «Мир сейчас» складывалась очень долго, причем на протяжении нескольких лет организация вообще не располагала наемным персоналом, будучи управляемой исключительно активистами-волонтерами. Руководство никогда не пыталось формализовать членство в движении, введя учетные карточки или членские билеты, поэтому не только точное, но даже приблизительное число участников «Шалом ашав» остается предметом споров. Структура движения может быть представлена в виде трех концентрических кругов: первый круг составляли постоянные активисты (в 1978–1983 годах, когда «Мир сейчас» формировался, этот круг состоял из приблизительно пятисот человек: почти все они родились в образованных семьях среднего класса европейского или американского происхождения, и на момент создания организации почти никто из них не был старше тридцати лет); второй круг представлял собой «лояльных участни-

ков» (численность его была значительно больше, от пяти до шести тысяч человек, и он, естественно, был значительно более гетерогенным по своему составу); наконец, третий круг составляли те, кто могут быть определены как «симпатизирующие» (люди, которые время от времени выходили на демонстрации и подписывали петиции, но активно в работе организации не участвовали)¹⁰⁷.

Привлечение того или иного круга зависело от вида деятельности движения: семинары и встречи могли быть организованы и силами активистов, а массовые демонстрации требовали участия максимального числа участников. Интенсивность деятельности «Мира сейчас» носила очень непостоянный характер. За несколькими днями, полными демонстраций, протестов и сбора подписей под воззваниями, могли проходить долгие месяцы бездействия. Движение старалось максимально соотносить свою активность с настроениями в обществе: если после террористических актов или усиления напряженности на границах население готово было поддержать силовые акции и становилось нечувствительным к мирным лозунгам, то лидеры «Мира сейчас» прекращали всякую публичную деятельность, выжидая более благоприятного момента для ее развертывания вновь.

Движение «Мир сейчас» не было идейно монолитным: социалисты и сторонники рыночной экономики, в большинстве своем секулярные, но иногда и религиозные, сторонники переговоров с палестинцами и те, кто поддерживал возвращение Западного берега Иордании, естественно, не могли с легкостью найти лозунги, которые бы объединили их всех. Это привело к тому, что в отличие от «Движения за мир и безопасность» организация «Мир сейчас» не стала принимать разработанных и детализированных программ, которые неизбежно вызвали бы внутренний раскол. «Мир сейчас» ограничился пятью самыми общими и ни к чему не обязывающими лозунгами, которые в разных вариантах и трактовках постоянно озвучивались на организованных им демонстрациях: мир – это главный приоритет Израиля и сионизма; безопасность Израиля зависит от мирного урегулирования, а не от контроля над теми или иными территориями; правительство должно стремиться к уре-

¹⁰⁷ См.: Mordechai Bar-On. *In Pursuit of Peace*. С. 103.

гулированию на основе принципа «мир в обмен на территории»; необходимо остановить строительство поселений; Израиль не может и не должен угнетать другой народ. *Анализируя «процесс Осло» 1990-х годов, представляется очевидным, что в его основе стояли именно пять этих принципов движения «Шалом ахшав», которому удалось превратить свою идеологию в движущую силу внешней политики Израиля на «палестинском направлении».*

В ранний период своего существования движение «Мир сейчас» всячески стремилось достичь двух целей: с одной стороны, создать такой имидж, который бы мог привлечь максимальное количество потенциальных сторонников, а с другой, – так или иначе оставаться в рамках левосионистского израильского политического мейнстрима. Если первая цель достигалась путем выдвижения самых общих лозунгов, то вторая – путем всяческого подчеркивания лояльности государству, патриотизма и верности сионистским идеалам. Любые попытки придать движению маргинальный образ резко отвергались руководством. При этом уже к концу 1978 года критика правительства М. Бегина резко усилилась, а на демонстрациях «Мира сейчас» регулярно звучал лозунг: «Бегин, иди на компромисс или уходи в отставку!». Летом 1980 года прошла массовая демонстрация под лозунгом: «Скажем этому правительству нет! Нам с ним не по пути! Пусть убирается!»¹⁰⁸. В коллективной мифологии израильского «левого» лагеря принято считать, что причиной масштабных антиправительственных выступлений была начатая по решению кабинета М. Бегина 5 июня 1982 года война в Ливане, которую очень многие в Израиле считали неоправданной. Факты, однако, свидетельствуют о другом: противостояние с требованием отставки кабинета началось почти сразу после его прихода к власти, задолго до начала войны в Ливане. Подчеркнем вновь: активисты «Шалом ахшав» требовали от демократически избранного правительства и его главы либо изменить свой политический курс, таким образом неминуемо обманув своих избирателей, либо уйти в отставку, дав возможность «левым» взять реванш и вернуться к власти в ходе досрочных выборов. Нет сомнений, что любые общественные организа-

¹⁰⁸ Mordechai Bar-On. *In Pursuit of Peace*. С. 118.

ции могут желать чего угодно, но глубоко антидемократический характер требований «Шалом ахшав» не может не быть отмечен.

Одним из основных направлений деятельности организации стала борьба с еврейскими поселениями на контролируемых территориях и с поселенческим движением в целом. Эта деятельность продолжается до сегодняшнего дня, и обновленный портал «Это не проблема Обамы, это не проблема остального мира, поселения – это твоя проблема» был запущен движением «Мир сегодня» в 2009 году. С декабря 1978 года, когда Ариэль Шарон, будучи министром сельского хозяйства, начал активно реализовывать поселенческую политику, движение «Шалом ахшав» стало проводить различные акции против строящихся поселений и «правого» религиозно-сионистского «Гуш эмуним» [«Блок верных»]. Однако мотивация среди поселенцев и участников «правых» движений в среднем была значительно выше, чем среди членов «Мира сейчас»: первые реализовывали то, в чем они видели волю провидения, а вторые были вовлечены лишь в ситуативный протест; наконец, «Шалом ахшав» просто организовывал протесты, а «Гуш эмуним» строил новые города и поселки – созидание много более привлекательно для общества, чем разрушение.

Насколько успешна была и остается антипоселенческая деятельность «Мира сейчас»? Ответ на этот вопрос не представляется однозначным. С одной стороны, в апреле 1982 года правительство «Ликуда» во главе с Менахемом Бегиним в рамках реализации израильско-египетского мирного договора ликвидировало все еврейские поселения на Синайском полуострове, а в августе 2005 года правительство «Ликуда» во главе с Ариэлем Шароном разрушило все еврейские поселения в секторе Газа и Северной Самарии, принудительно эвакуировав их жителей. Под давлением американской администрации правительство «Ликуда» во главе с Биньямином Нетанияху приняло 25 ноября 2009 года решение о замораживании нового строительства в поселениях Западного берега (Иудеи, Самарии и Иорданской долины). Всё это свидетельствует о том, что пропагандистские усилия, представляющие еврейские поселения на контролируемых территориях как якобы главное препятствие к мирному урегулированию, приносят свои плоды. Однако, с другой стороны, в ретроспективе очевидно, что за 32 года существования «Мира сейчас» общая численность поселенцев

(в настоящее время – на Западном берегу) выросла во многие десятки раз, достигнув в 2008 году 289 600 человек (против 139 600, не считая нескольких тысяч еврейских жителей Газы, в конце 1996 года и 206 500 – в конце 2001 года). Какому бы давлению ни подвергалось поселенческое движение, и какие бы тяжелейшие кризисы оно ни переживало в 1982 и 2005 годах, никакое внешнее давление не в силах его остановить. Кроме того, тяжелейший опыт 2005 года сделал совершенно очевидным для всех тот факт, что ликвидация Израилем поселений на спорных территориях сама по себе никоим образом не способствует миру: разрушение двадцати пяти населенных пунктов Газы и Северной Самарии и принудительная эвакуация в Израиль их жителей никак не сделала мирное урегулирование ближе¹⁰⁹. С политико-дипломатической точки зрения представляется верным замечание политолога Владимира (Зеева) Ханина о том, что, «заиклившись на проблеме замораживания строительства в поселениях, они [представители американской администрации] из рычага продвижения процесса на израильско-палестинском треке превратили этот вопрос в главное препятствие этому процессу. Арабы, естественно, с готовностью ухватились за требование «полного замораживания еврейского строительства в Иерусалиме, на Голанах и в поселениях Западного берега», отказываясь, до тех пор, пока это не произойдет, предпринять даже символические, минимальные шаги по нормализации отношений с Израилем»¹¹⁰. Так, вместо того, чтобы способствовать движению к мирному урегулированию, жесткая антипоселенческая риторика «Шалом ахшав», поддерживаемая администрацией США и европейскими государствами, стала еще одной «палкой в колеса» этого и без того никуда не продвигающегося «процесса урегулирования». Нет уверенности в том, что антипоселенческая деятельность «Шалом ахшав» принесла мирному процессу больше пользы, чем вреда.

¹⁰⁹ См.: Алек Д. Эпштейн. Третий тайм. Еврейские поселения в Иудее и Самарии после ухода Израиля из Синаи и Газы // *Вести*, 27.10.2005, с. 10–11.

¹¹⁰ Владимир (Зеев) Ханин. Израиль и США: кризис антипоселенческого проекта Белого дома? // Сайт Института Ближнего Востока, 06.10.2009.

Еще одной новой «левой» инициативой, реализованной после выборов 1977 года, стало создание группой преподавателей и выпускников Еврейского университета в Иерусалиме «Кружка 77» в находившейся в шоковом состоянии после поражения Партии Труда. Если «Движение за мир и безопасность» или «Мир сейчас» стремились воздействовать на истеблишмент извне, то в этот раз была предпринята попытка бороться за перемены изнутри. Группа профессоров и их учеников решила не создавать собственную партию или движение, а вступить в Партию Труда, дабы создать внутри нее новую «левую» фракцию. В письме к тогдашнему председателю партии Шимону Пересу они указывали, что главная цель фракции состоит в обновлении идеологического курса партии и кадрового состава ее руководящих органов. Первоначально фракция добилась некоторого успеха: ее представители были кооптированы в ЦК партии, а два наблюдателя участвовали в работе партийного Секретариата.

В целом взгляды членов «Кружка 77» были схожими с мировоззрением активистов движения «Мир сейчас». Они поддерживали достижение территориального компромисса на Синае, Голанских высотах и Западном берегу реки Иордан, но при этом члены «Кружка 77» затрагивали не только вопросы территорий и поселений, но и внутривнутриполитические проблемы: отделение религии от государства, будущее Федерации профсоюзов, обеспечение большей социальной справедливости в духе социалистических ценностей, демократизация формирования предвыборного списка партии.

Между тем, как отмечал один из активистов «Кружка 77» профессор Амнон Села, «партия была куда больше поглощена поддержанием внутренней стабильности, чем обновлением кадров»¹¹¹. В итоге кандидат от «Кружка 77» не смог занять даже должности секретаря иерусалимского окружного отделения партии, не говоря уже о вхождении в Секретариат. Усилению влияния «левой» фракции в Партии Труда мешало не только противодействие аппаратчиков и функционеров, но и слишком «голубиная» программа «Кружка 77», не нашедшая поддержки в руководстве партии. Политическая жизнь «Кружка 77» была недолгой, и никакого серьезного влияния на процессы, происходившие в политической жизни страны, он не оказал.

¹¹¹ Цит. по: Mordechai Bar-On. *In Pursuit of Peace*. С. 129.

«Это не наша война»: «левый» лагерь в дни Первой Ливанской

Начавшаяся в середине 1982 года Первая Ливанская война стала для израильского «левого» лагеря едва ли не более значимой, чем Шестидневная. Война июня 1967 года была, во-первых, очень короткой, во-вторых, ее вело привычное солдатам и офицерам считавшееся «левым» правительство, а в третьих, она была начата в условиях общенационального консенсуса, когда в Израиле значительная часть (если не большинство) населения опасалась подлинной катастрофы, а потому молниеносная победа воодушевила практически всех¹¹².

Первая Ливанская была принципиально другой: во-первых, она оказалась очень долгой, затянувшись на три года, а с учетом того, что части ЦАХАЛа остались в Южном Ливане, – так на восемнадцать лет; во-вторых, само ее начало вызывало сомнения, которые росли с течением времени; в-третьих, ее начало то самое «правое» правительство М. Бегина, которому 348 резервистов-основателей *«Шалом ахшав»* уже выразили свое недоверие, и которое оставалось в их глазах столь же нелегитимным, как и прежде, несмотря на то, что 30 июня 1981 года *«Ликуд»* повторно выиграл выборы, на этот раз – в Кнессет десятого созыва. После выборов 1981 года Партия Труда почти достигла политического паритета с *«Ликудом»*, получив лишь на один мандат меньше, чем правоцентристский блок. Партия Труда увеличила свое представительство в парламенте с 32 до 47 мест. Вместе с тем рост числа мандатов, полученных движением *«Ликуд»*, не позволил Партии Труда вернуться к власти, оставив ее в оппозиции на вторую каденцию подряд. Менахем Бегин вновь сформировал правоцентристское правительство.

Важно отметить, что в обоих важнейших внешнеполитических процессах, инициированных правительством Менахема Бегина, социал-демократы выступили на стороне правительства.

¹¹² Об изменениях общественной атмосферы в Израиле в результате Шестидневной войны см.: Том Сегев. *«1967»*. – Иерусалим: Издательство «Кетер», 2005 [на иврите].

Так было и при утверждении в Кнессете подписанного в Кэмп-Дэвиде мирного договора между Израилем и Египтом, предусматривавшего полное отступление израильских сил с Синайского полуострова, и при первом обсуждении в Кнессете в первой половине июня 1982 года вопроса о начале Израилем военных действий в Ливане; выдвинутый по этому поводу вотум недоверия правительству поддержали тогда только депутаты от Коммунистической партии. Впоследствии многие лидеры Партии Труда выступали за прекращение этой войны, однако сразу после ее начала их позиция была весьма близка позиции правительства.

Поздно вечером 3 июня 1982 года террорист из организации Абу-Нидалья «ФАТХ – Революционный совет» выстрелил в выходявшего из лондонского отеля «Дорчестер» посла Израиля в Великобритании Шломо Аргова (1929–2003), который был ранен в голову. Ш. Аргов так и не пришел в сознание до самой своей кончины. Правительство Израиля, собравшись на чрезвычайное заседание, приняло решение начать военную операцию против сил ФАТХа, сосредоточенных в Южном Ливане в таком количестве, что эту территорию называли «Фатхлендом».

5 июня израильская армия вошла в Ливан, предприняв полномасштабную атаку на силы ФАТХа и других организаций, входивших в состав ООП, которые фактически функционировали как независимое государство. Эта атака, задуманная как 72-часовой блицкриг, обернулась четырехмесячной войной, сменившейся трехлетним израильским военным присутствием в Ливане и еще пятнадцатью годами в т.н. «зоне безопасности» Южного Ливана. Первая Ливанская война, в которой Израиль потерял 659 человек убитыми и в которой были ранены почти четыре тысячи, вызвала раскол в обществе, оставив шрамы, от которых оно страдало долгие годы, подобно тому как в США на протяжении десятилетий ощущались раны от войны во Вьетнаме. Эта военная операция превратилась в самую затяжную войну за всю историю Государства Израиль.

Начало боевых действий поставило перед движением «Мир сейчас» дилемму. С одной стороны, многие подписавшие в 1978 году письмо основатели движения были высокопоставленными офицерами, которые скептически относились к идее организации демонстраций протеста в военное время. С другой стороны, именно офицеры-члены организации «Мир сегодня», осведомленные об истинных масштабах кампании, более

других стремились предотвратить кровопролитие. В итоге, несмотря на определенные колебания, через несколько дней после начала войны в Тель-Авиве прошла антивоенная демонстрация. Ядро демонстрантов составляли не только активисты движения «Мир сейчас», но и члены леворадикальной группы «Сиах» [«Диалог»; одновременно – аббревиатура «Смол Исраэли хадаш» – «Израильские новые левые»]. Возникшая еще в 1968 году, эта группа долгое время занималась изданием англоязычного журнала «Israleft», в котором на английском языке выходили опубликованные ранее на иврите статьи определенной политической направленности. Если движение «Мир сейчас» позиционировало себя в 1970-е годы как часть сионистского мейнстрима, то группа «Сиах», напротив, с самого начала заявила о своей леворадикальной позиции, тем самым сознательно выведя себя за рамки общественного консенсуса. Члены группы предлагали те варианты решения проблем, стоявших перед израильским обществом, которые широкие массы в 1970-е и 1980-е годы заведомо бы не приняли: начало диалога с ООП, создание светского двунационального еврейско-арабского государства на принципах гражданского равенства, независимо от национальности. По словам Джуди Бланк, в то время – одной из ключевых активисток группы «Сиах», «наше различие с движением “Мир сейчас” колоссально... “Мир сейчас” всегда был близок к истеблишменту и стремился повлиять на ситуацию изнутри – мы же маргиналы... Разница между нами не в социальном происхождении, а в жизненной позиции»¹¹³. Группа «Сиах» давно уже не существует, но ее активисты в большинстве своем продолжают свою деятельность: Джуди Бланк, например, является одной из центральных фигур в леворадикальной феминистской организации «Бат шалом» [«Дочь мира»].

Во время ведения боевых действий в Ливане группа «Сиах» создала Комитет против войны, который начал организовывать антивоенные демонстрации. Эти акции протеста стали тем более популярны, принимая во внимание нерешительность движения «Мир сейчас» и его нежелание оспаривать действия армии. Так, демонстрация в Тель-Авиве, собравшая через несколько дней после начала войны около

¹¹³ Цит. по: Mordechai Bar-On. *In Pursuit of Peace*. С. 144.

тридцати тысяч участников, была организована именно активистами Комитета.

Первая же крупномасштабная антивоенная демонстрация, организованная именно движением «Мир сейчас», прошла через двадцать дней после начала войны. Активисты движения всё больше приходили к мнению, что эта война ведется министром обороны Ариэлем Шароном и начальником Генерального штаба Рафаэлем Эйтаном, которые выдают свои политические и военные цели за коллективные цели общества. Акция протеста 26 июня 1982 года, прошедшая под лозунгом «Чего ради мы убиваем? Чего ради нас убивают?», стала трудным шагом для «Шалом ахшав», находившегося под двойным давлением: радикально настроенные активисты не могли простить руководству нерешительность в первые дни войны, а сторонники правительства обвиняли движение в отсутствии патриотизма и пособничестве террористам.

Именно во время войны в Ливане приобрело невиданный прежде размах движение отказа от службы в армии по т.н. «соображениям совести». Как указывалось выше, вопреки повсеместно распространяемому мифу, ЦАХАЛ был и оставался достаточно политизированной армией, однако существовал твердый общественный консенсус относительно того, что в армию по повестке идут все, каких бы идеологий и мнений они не придерживались. Кроме нескольких десятков человек, входивших в т.н. «израильское отделение Интернационала противников войны» и отказывавшихся служить в армии по причинам своего пацифистского мировоззрения, а в 1970-е годы – нескольких десятков активистов компартии и троцкистской группировки «Мацпен», отказывавшихся служить за пределами «зеленой черты»¹¹⁴, в армию шли все, как в дни мира, так и в дни войны.

В течение первых десятилетий израильской государственности феномен идеологически мотивированного уклонения от военной службы был крайне редок, и те, кто отказывался служить, делали это из неприятия войны как таковой. При этом подавляющее большинство израильтян было убеждено в том,

¹¹⁴ См. сборник интервью представителей этих двух групп «отказников»: «*Dissent and Ideology in Israel: Resistance to Draft, 1948–1973*» (London: Ithaca Press, 1975).

что войны в защиту национальных интересов страны справедливой, а всем врагам Израиля должно было быть нанесено поражение. Приоритет коллективных целей общества над личными в сочетании с памятью о беспримечной трагедии Холокоста, когда уничтожаемый еврейский народ не имел вооруженных сил, которые могли бы защитить его, привел к тому, что военная служба имела высокий общественный статус.

Через несколько дней после начала боевых действий несколькими резервистами была подписана петиция с просьбой не отправлять их на фронт, «где уже достаточно убито, завоевано и взорвано». Несколько сотен солдат поставили свои подписи под этой петицией, однако на протяжении первых трех с половиной месяцев войны открытого отказа от службы в рядах ЦАХАЛа не наблюдалось. Общественность узнала о первых отказниках 22 сентября 1982 года, когда представитель пресс-службы армии сообщил, что трое резервистов предстали перед судом за отказ служить в Ливане, который они мотивировали моральными соображениями. Затем становилось известно в среднем о трех отказниках каждый месяц, а максимум был достигнут в мае 1983 года – 27 случаев отказа от службы. Хотя изначально из всех израильских партий против Ливанской войны выступили только коммунисты, лишь менее 10% опрошенных Рут Линн «отказников» заявили о своей политической поддержке именно этой партии. Остальные же голосовали за левые, но сионистские партии¹¹⁵.

Для поддержки тех, кто отказывался принимать участие в боевых действиях в Ливане, была создана группа «Ешь гвуль» [«Есть предел»]. Под предлогом понимания отказа от службы в рядах вооруженных сил в том случае, если боевые действия ведутся не во имя обороны страны, а, как считали основатели группы, на чужой территории и с иными целями. Около двух тысяч солдат и офицеров подписали петицию в поддержку организации «Есть предел». Одним из главных достижений группы стал психологический эффект, который она произвела:

¹¹⁵ См.: Рут Линн. Отказ от участия в военных действиях по морально-нравственным соображениям в ходе Первой ливанской войны // *Национальная безопасность и демократия в Израиле* / Под ред. Б. Нойбергера, И. Бен-Ами и А.Д. Эпштейна. – Раанана: Открытый университет Израиля, 2008, том 2, с. 344–372.

с одной стороны, высшее руководство страны впервые увидело, что общество не готово принимать любой политический курс; с другой стороны, генералитет впервые осознал, что успех кампании зависит не только от тактики и стратегии, но и от сознания солдат и офицеров, их мотивации и лояльности. В целом организация «Есть предел» показала, что непререкаемого ранее общественного консенсуса относительно роли и статуса армии более не существует. Политолог Сарит Хельман справедливо указала в своем исследовании, что отказ от службы в армии в ходе Первой Ливанской войны представлял собой не столько диалог граждан с армией, сколько с органами государственной власти, которым граждане отказывали в доверии и легитимности путем игнорирования рассылаемых ими призывных повесток¹¹⁶. По мнению активистов организации «Есть предел», войну можно было остановить лишь посредством акций протеста, выходящих за пределы дозволенного. По словам одного из руководителей группы, Ишая Менухина, «*Ешь гзуль*» являлась политическим движением, которое ставило перед собой сугубо политические цели, используя как средство для их достижения отказ от военной службы. Мы могли бы определить себя как группа поддержки для тех, кто отказался служить, однако мы преследовали совершенно другую цель – изменение политической линии»¹¹⁷. Таким образом, «*левые*» активисты в массовом порядке использовали вооруженные силы как площадку для своих политических споров с «*правым*» правительством.

Активисты группы «Есть предел» требовали, чтобы за солдатами и офицерами было признано право не выполнять приказ, который они не желают выполнять по морально-нравственным соображениям. Этот вопрос стал еще более актуальным, когда израильская армия начала штурмовать окраины Бейрута. 25 июня 1982 года полковник Эли Гева отказался выполнять приказ вышестоящего командира и попросил снять с него обязанности по командованию бригадой. Свой отказ он

¹¹⁶ См.: Хельман С. *Отказ от военной службы как попытка переосмысления гражданственности*: дисс. на соиск. степени доктора филос. наук. – Иерусалим: Еврейский университет, 1993 [на иврите].

¹¹⁷ Цит. по: Алек Д. Эпштейн. От пацифизма – к политическому протесту. С. 338.

аргументировал нежеланием начинать операцию, которая приведет к убийствам мирных арабских семей и неоправданным жертвам со стороны израильской армии¹¹⁸. Хотя начальник Генштаба Рафаэль Эйтан пытался представить этот беспрецедентный в израильской истории случай как единичный, было очевидно, что полковник Эли Гева стал лишь первым и самым решительным среди многих командиров ЦАХАЛа, не согласных действиями командования. Столь же политически окрашенным проявлением несогласия стала реакция бригадного генерала Амрама Мицны, который 23 сентября 1982 года сообщил об уходе в отставку с занимаемого им поста руководителя военной академии ЦАХАЛа в знак протеста против продолжения боев. Как во многом справедливо отмечал генерал Аарон Ярив, «общественный протест и несогласие внутри армии были вызваны не самим фактом войны, а секретностью и неясностью ее целей, еще менее ясным механизмом, в рамках которого было принято решение начать войну, а также ложью обществу и министрам»¹¹⁹.

По мере того, как солдаты возвращались с фронта, возникали новые протестные группы. Так, в июле 1982 года возникла группа «Хаялим негед штика» [«Солдаты против молчания»], требовавшая отставки Ариэля Шарона с поста министра обороны и немедленного прекращения войны. Действия ЦАХАЛа они называли аморальными, а заявления пресс-службы армии – ложью. Одновременно и параллельно возникла группа солдатских матерей, которые стремились рассказать обществу о событиях в Ливане так, как они знали о них. «Когда правда замалчивается, само молчание становится ложью. Поэтому мы решили организовать группы “Родители против молчания”», – говорила позднее Наоми Бенцур, жена высокопоставленного израильского дипломата, лишившаяся сына¹²⁰. «Родители против молчания» и «Солдаты против молчания» устраивали при поддержке других организаций пикетирование офисов пре-

¹¹⁸ См.: Reuven Gal. *Commitment and Obedience in the Military: An Israeli Case Study // Armed Forces and Society*, 1985, vol. 11, no. 4, с. 553–564.

¹¹⁹ Аарон Ярив. *Война как последнее средство*. – Тель-Авивский университет: Центр стратегических исследований, 1985, с. 15 [на иврите].

¹²⁰ Цит по: Mordechai Bar-On. *In Pursuit of Peace*. С. 152.

мьер-министра и министра обороны, требуя остановить боевые действия. Организованная деятельность противников войны в Ливане оказалась одним из наиболее весомых факторов, заставивших израильское правительство принять решение о прекращении военных действий.

Главная заслуга в прекращении войны принадлежала все же не «левым» радикалам, а тому грустному факту, что израильским силам так и не удалось добиться тех политических целей, которые ставило перед ними правительство. Силы ФАТХа в большинстве своем вынужденно перебазировались из приграничного к Израилю Ливана в отдаленный Тунис, но в связи с этим возник тот вакуум, который и смогла занять возникшая как раз в то время радикальная шиитская организация «Хезбалла» – куда более проблематичная для Израиля, чем ФАТХ. Попавшие в плен в ходе Ливанской войны военнослужащие вынудили Израиль идти на тяжелые, изнурительные и унижительные переговоры с террористическими организациями (и с ФАТХом, и с Народным фронтом освобождения Палестины Ахмеда Джибриля), превратившие бескомпромиссную войну с террором в противостояние, в котором едва ли могут быть победители¹²¹. Вместе с тем это была, пожалуй, первая, пусть и частичная, политическая победа новых «левых призыва 1967 года». На то, чтобы обрести реальное политическое влияние, ушло пятнадцать лет, но желаемый результат был достигнут. Стало ясно, что «новые левые», несмотря на их более чем скромное представительство в Кнессете, – серьезный фактор внутренней политики, который нельзя не учитывать.

Партия Труда в правительстве с «Ликудом»

23 июля 1984 года выборы в Израиле впервые состоялись в условиях ведения страной боевых действий. Их результаты создали серьезные трудности на пути создания правительства. Ни один из двух основных блоков не имел необходимого коли-

¹²¹ См.: Эпштейн А.Д., Варшавер Е. Как начиналась и чем закончилась первая израильская “война против терроризма”: от вторжения в Ливан до “сделки Джибриля” (1982–1985 гг.) // *Евразийские исследования*, 2010, № 1 [9], с. 104–121.

чества депутатских мандатов для формирования кабинета своими силами и не располагал поддержкой мелких партий, которая позволила бы быстро образовать правящую коалицию, опирающуюся на устойчивое большинство в Кнессете. Выборы вновь подтвердили, что при существовавшей политической конъюнктуре мелкие и религиозные партии могут оказывать воздействие на политическую ситуацию в стране в гораздо больших, нежели их реальные возможности, масштабах.

Происходившее после выборов размежевание среди мелких партий не дало существенного перевеса ни одному из блоков. На внутривнутриполитической арене возникла «патовая ситуация», в результате чего получила значительную поддержку идея создания правительства «национального единства» с одновременным участием и Партии Труда, и «*Ликуда*». Собственно говоря, подобное правительство уже существовало в Израиле в конце 1960-х годов, однако тогда его создание стало следствием исключительных событий, приведших к Шестидневной войне. Кроме того, тогда руководящая роль МАПАИ/Партии Труда в составе кабинета никем не оспаривалась; достаточно сказать, что лидер «*Херута*» Менахем Бегин получил в правительстве под руководством Леви Эшколя лишь пост министра без портфеля. В середине 1980-х годов политическая конфигурация в стране кардинально изменилась, и на этот раз речь шла о создании паритетного союза левоцентристской Партии Труда и правоцентристского блока «*Ликуд*». Лидеры обоих блоков восприняли эту идею в целом позитивно, и с начала августа 1984 года тогдашний председатель получившей на выборах 44 мандата Партии Труда Шимон Перес, которому президент Израиля Хаим Герцог поручил формирование кабинета, вступил в переговоры с лидером имевшего 41 мандат блока «*Ликуд*» Ицхаком Шамиром. Однако внутри блоков эта идея вызвала неоднозначную реакцию. Против сотрудничества с правыми выступили представители *киббуцного* движения и фракции МАПАМ. В «*Ликуде*» против идеологических компромиссов ради участия в правительстве выступил Ариэль Шарон.

Переговоры лидеров Партии Труда и блока «*Ликуд*», продолжавшиеся около полутора месяцев, продемонстрировали стремление обеих сторон войти в правительство. Лидеры «*Ликуда*», остававшиеся у власти до формирования нового правительства, учитывали, что, хотя блок Партии Труда и МАПАМ и имеет некоторое преимущество в депутатских мандатах, соз-

дать свое, так называемое «узкое» правительство он при сложившейся расстановке политических сил не в состоянии. Поэтому «Ликуд» повел переговоры с «Мааракхом» в жесткой форме, требуя сохранения за собой основных министерских портфелей, включая и пост премьер-министра.

Существенную роль здесь сыграла позиция Шимона Переса. Для него вопрос об участии в правительстве имел, как тогда казалось, критическое значение для всей его дальнейшей политической карьеры. Соратники по руководству партии не склонны были прощать ему третье подряд поражение на выборах, всерьез рассматривая возможность передачи поста лидера партии более популярным в то время политикам, среди которых выделялись Ицхак Рабин и Ицхак Навон.

В выработанном в результате переговоров коалиционном соглашении вопрос о распределении власти был по настоянию И. Шамира решен на основе полного паритета обоих блоков. Пост премьер-министра в течение первых двух лет должен был занимать Ш. Перес, а И. Шамир – посты заместителя премьер-министра и министра иностранных дел. Затем на основе ротации лидерам предстояло поменяться местами. Министерские портфели и по количеству, и по степени их важности были распределены поровну.

Коалиционное соглашение было основано на четырех принципах: оздоровление экономики страны; вывод израильских войск из Ливана при стремлении к обеспечению безопасности северных границ; улучшение отношений с Египтом на основе Кэмп-Дэвидских соглашений; установление контактов с Иорданией в целях решения палестинской проблемы. Хотя эти принципы повторяли пункты предварительных условий, выдвинутых Партией Труда при вступлении в переговоры о формировании правительства национального единства, в их конкретной интерпретации в коалиционном соглашении были сделаны серьезные уступки. Так, в вопросе о выводе войск из Ливана лидеры Партии Труда согласились с предлагавшимися Ицхаком Шамиром мерами по «обеспечению безопасности северных израильских границ», которые предусматривали сохранение военного присутствия и контроля над приграничной территорией Южного Ливана, что привело к созданию просуществовавшей до 24 мая 2000 года так называемой Зоны безопасности Южного Ливана. По вопросу о налаживании связей с Иорданией была выработана формула, основанная на дальнейшем развитии переговорно-

го процесса путем подключения Иордании к выработанному в Кэмп-Дэвиде рамочному соглашению¹²².

Создание коалиционного двухблокового правительства открыло собой новый этап в политической жизни Израиля, характеризовавшийся нестабильным равновесием между основными политическими группировками. Однако, несмотря на широко распространившееся в то время мнение, что такое правительство не может быть долговечным, так как его громоздкая структура, предстоявшая ротация на посту премьер-министра и неизбежное соперничество между партнерами внутри кабинета сделают невозможным решение наиболее острых политических проблем, правительство национального единства просуществовало полный срок и даже было воссоздано после также закончившихся «ничьей» выборов 1988 года. Оно справилось с задачами смягчения экономического кризиса и вывода основного контингента израильских войск из Ливана, что позволило разрядить тяжелую внутривнутриполитическую атмосферу, которая сложилась в Израиле в результате Первой Ливанской войны.

Начало арабских беспорядков (араб. *интифада*, буквально «отряхивание», «выступление») на Западном берегу Иордана и в полосе Газы сказалось на экономике, внутренней безопасности и политической жизни страны, а также на положении Израиля на международной арене. 9 декабря 1987 года в одном из лагерей беженцев в полосе Газы начались беспорядки, в считанные дни распространившиеся по всей территории Иудеи, Самарии и полосы Газы. Непосредственным поводом для беспорядков послужила дорожная катастрофа в полосе Газы: грузовик, управляемый шофером-евреем, задавил четырех арабов, однако подлинная причина этих беспорядков – нежелание мириться с израильской властью и разочарование в надеждах на поддержку международного общественного мнения, арабских стран и, в значительной степени, ООП. Первоначально руководителям местной инфраструктуры ООП удалось взять события под контроль и даже координировать массовые антиизраильские беспорядки на территориях, перешедших под власть Израиля в 1967 году. Руководители ООП удачно использовали психологические и юридические ограничения, в рамках которых

¹²² *Государство Израиль в 80-е годы. Очерки* / Под ред. Т.А. Карасовой. – М.: Наука, 1992, с. 155–156.

действовал Израиль. Навстречу армии и полиции они посылали женщин и детей, которые забрасывали солдат камнями и выкрикивали оскорбления. Столкновения широко освещались израильской и зарубежной прессой; само присутствие журналистов, особенно корреспондентов телеканалов, стимулировало беспорядки. Транслировавшиеся по всему миру телерепортажи создавали у зрителей впечатление жестоких расправ израильской армии с мирным арабским населением; престиж Израиля в глазах мирового общественного мнения был заметно подорван. В самом Израиле эта ситуация вызвала недовольство: солдаты ЦАХАЛа, подготовленные для войны с вражескими армиями, оказались перед необходимостью «воевать» с бросавшими камни подростками¹²³. В десятках случаев солдаты резервистской, а иногда даже и срочной службы отказывались нести службу на Западном берегу и в полосе Газы, предпочитая отбыть вместо этого заключение в военной тюрьме¹²⁴. Общее число «отказников» от службы на территориях, поддерживаемых теми же леворадикальными организациями, которые выступали против службы в Ливане в ходе войны, достигло двухсот.

Интифада еще более обострила непрекращающуюся с 1967 года полемику по вопросу о будущем Западного берега (Иудеи, Самарии и Иорданской долины) и полосы Газы и усилила поляризацию политических сил в стране: в то время, как «справа» раздавались все более громкие требования покончить с беспорядками и даже осуществить трансфер арабского населения этих территорий в арабские страны, «слева» слышались призывы вступить в переговоры с ООП. Готовность «левых» кругов к переговорам с ООП еще более усилилась после заявления короля Хусейна 31 июля 1988 года об отказе Иордании от каких-либо претензий на территории Западного берега (эти территории были аннексированы Иорданией в 1950 году, утеряны в ходе Шестидневной войны, после чего Хусейн более

¹²³ См.: Пери Й. Влияние интифады на ЦАХАЛ // *«Седьмая война. Влияние интифады на израильское общество* / Под ред. Р. Галя. – Тель-Авив: Ха'киббуц ха'меухад, 1990, с. 122–128 [на иврите].

¹²⁴ См.: Тамар Либес, Шошана Блюм-Кулька. Стреляем и рыдаем? Моральные дилеммы солдат, служащих на территориях // *Седьмая война. Влияние интифады на израильское общество* / Под ред. Р. Галя. – Тель-Авив: Ха'киббуц ха'меухад, 1990, с. 85–105 [на иврите].

двадцати лет пытался вернуть их); из иорданского парламента были выведены представители Западного берега, избранные до 1967 года. Среди сторонников «иорданской опции» решения проблемы контролируемых территорий произошел раскол: одни считали, что в сложившейся ситуации нет иного выбора, кроме переговоров с ООП, другие – что заявление короля Хусейна носит более декларативный, нежели практический характер, и что Иордания продолжает оставаться реальным партнером в возможных переговорах о будущем статусе Западного берега (Иудеи и Самари).

В этой ситуации эффективность работы коалиционного правительства Израиля значительно снизилась. Цели, сформулированные правительством в сфере финансово-экономической стабилизации, были в основном достигнуты, вывод большей части войск из Ливана был завершен в 1985 году, а попытка достижения мирного договора с Иорданией, предпринятая Шимоном Пересом в 1987 году, не получила одобрения бывшего тогда премьер-министром лидера «Ликуда» Ицхака Шамира (в ретроспективе это решение И. Шамира представляется в корне ошибочным). Некоторые министры считали, что заявление короля Иордании Хусейна об отказе от территориальных претензий на Западный берег со всей отчетливостью обозначило необходимость достижения политического урегулирования с палестинскими арабами, признанной политической организацией которых к тому времени стала ООП. Премьер-министр, однако, категорически противился этому, утверждая, что каково бы ни было отношение к ней в мире, ООП была и осталась террористической организацией. Расхождения во взглядах между лидерами Партии Труда и блока «Ликуд» отчетливо проявились в том, что один из лидеров Партии Труда (в прошлом, кстати, – один из создателей блока «Ликуд») Эзер Вейцман встретился с представителями ООП, после чего Ицхак Шамир принял решение о выводе Э. Вейцмана из состава кабинета министров.

Надо сказать, что прямые встречи между руководством ООП и представителями различных израильских общественных групп начались задолго до этого. Путь к этим контактам был долг и непрост. В 1960-е и 1970-е годы, конечно, имели место контакты израильтян с палестинскими арабскими общественными деятелями как на контролируемых территориях, так и в диаспоре. Однако растущее влияние ООП и одновременно ведение ею террористической деятельности привели к сворачиваю

этих связей. В 1970-е годы как официальный Израиль, так и лидеры ООП не желали вести не только прямых, но даже и опосредованных переговоров, рассматривая друг друга как врагов, с которыми можно говорить только на языке силы. Только в 1977 году ООП приняла решение разрешить своим членам контакты с «прогрессивными и демократическими силами в Израиле». Фактически встречи происходили только с антиссионистами или представителями леворадикальных групп (таких, как «Мацпен»). При этом *сам факт этих встреч сохранялся в тайне, ибо, встречаясь с Ясиром Арафатом и другими лидерами ООП, израильские «левые» радикалы явно нарушали законодательство своей страны.* Любые законы можно, разумеется, считать в корне ошибочными, однако, попыток изменить действовавшие в этой сфере правовые нормы практически не предпринималось.

Переломная встреча, информация о которой была опубликована в открытой печати, произошла 18 января 1983 года в штаб-квартире ООП в Тунисе между Ясиром Арафатом и представителями т.н. «Израильского совета за мир между Израилем и палестинцами». Широко освещаемое в СМИ, это событие, однако, не произвело какого-либо впечатления на израильское общество. Наиболее распространенная интерпретация происшедшего состояла в том, что Я. Арафат организовал очередной хитрый заговор и воспользовался добродушием некоторых наивных израильтян. Последующие две встречи (31 августа 1983 года в Женеве и 21 апреля 1984 года в Тунисе), имевшие место между Я. Арафатом и израильскими леворадикальными общественными деятелями Мати Пеледом, Ури Авнери и Яковом Арноном, также не имели успеха¹²⁵. Те или иные встречи проходили и позднее, однако в них ни разу не участвовали члены правительства Израиля. Эзер Вейцман стал первым израильским министром, встретившимся с главой ФАТХа и ООП, и Ицхак Шамир не считал нужным закрывать глаза на то, как член его правительства пренебрегает действующим законодательством.

Протестуя против решения И. Шамира, лидеры Партии Труда приняли решение о выходе из «правительства национального единства». Шимон Перес утверждал, что основная цель его партии – стимулировать мирный процесс и в его от-

¹²⁵ Цит. по: Mordechai Bar-On. *In Pursuit of Peace*. С. 212–213.

существование участие социал-демократов в правительственной коалиции лишено всякого смысла. Полагаясь на обещание поддержки со стороны министра внутренних дел, представителя партии ШАС Арье Дери, Шимон Перес внес предложение о вынесении на голосование вотума недоверия правительству, обвинив последнее в том, что оно не делает всего возможного для «достижения мира». *Это было актом беспрецедентного политического коварства со стороны лидера социал-демократов: первый вице-премьер и министр финансов вносит предложение о вотуме недоверия правительству, в котором он состоит, надеясь после его падения возглавить его.* Ицхак Шамир, не дожидаясь голосования, уволил Шимона Переса из правительства (согласно Основному закону о правительстве в действовавшей в то время редакции 1968 года, после принятия Кнессетом вотума недоверия глава правительства не имел бы права увольнять министров, а само правительство считалось бы «переходным», так что Шимон Перес продолжал бы исполнять обязанности министра финансов в кабинете, который он же развалил). Однако по ряду причин надежды Шимона Переса создать левоцентристский кабинет с участием религиозных партий, но без «Ликуда» не реализовались. Многомесячный период изнурительных коалиционных переговоров привел к созданию «узкой» коалиции правых и религиозных партий. Социал-демократы вновь, как и в 1977–1984 годах, оказались за бортом правительства. Коалиционное правительство «правых» и религиозных партий просуществовало до выборов, прошедших 23 июля 1992 года.

Глава IV.

ИНИЦИАТОРЫ И ВДОХНОВИТЕЛИ «ПРОЦЕССА ОСЛО»: «НОВЫЕ ЛЕВЫЕ» В ПРАВИТЕЛЬСТВЕ И. РАБИНА – Ш. ПЕРЕСА

Случайная победа

Как это ни парадоксально, досрочные выборы 1992 года, в результате которых «правые» партии впервые после пятнадцати лет их нахождения у власти оказались вне правительства, состоялись из-за того, что маленькие праворадикальные партии «Тхия» [«Возрождение»] и «Моледет» [«Родина»] вышли из правительства И. Шамира, считая его недостаточно верным традиционной идеологии ревизионистского движения. Начиная с 1977 года, непрерывно на протяжении пятнадцати лет, «правые» партии были на ведущих ролях в правительстве, причем в течение тринадцати лет лидеры «Ликуда» Менахем Бегин и Ицхак Шамир возглавляли его. Праворадикальные круги, вероятно, не взяли в расчет, что всеобщие выборы можно не только выиграть, но и проиграть, своими собственными крайне недальновидными действиями привести к власти правительство во главе со сменившим Шимона Переса во главе Партии Труда Ицхаком Рабиным.

Перед выборами в Кнессет тринадцатого созыва электоральный барьер был повышен – с 1% до 1,5%. Это чисто техническое изменение, призванное положить конец ситуации, при которой в Кнессете создавались фракции из одного депутата, неожиданно привело к серьезному искажению волеизъявления избирателей. Партии, находящиеся по израильской шкале «левее» Партии Труда, впервые смогли объединиться в единый блок МЕРЕЦ, во главе которого встала многолетний лидер движения «Рац» адвокат Шуламит Алони. В блок, созданный под ее началом, вошли и пробывшая одну каденцию в Кнессете в качестве самостоятельной фракции социалистическая партия МАПАМ, и буржуазно-демократическая партия «Шинуй»; объединяло их исключительно общее видение желаемого развития процесса арабо-израильского мирного урегулирования на основе принципа

«территории в обмен на мир». Парадоксальным образом, именно внешнеполитический конфликт был – и остается – необходимым условием возникновения и существования этого блока; в случае его прекращения невозможно предположить, что могло бы объединять глобализированную городскую интеллигенцию и представителей свободных профессий из «Рац» и «Шинуй» с социалистами-киббуцниками из МАПАМ.

«Правые», однако, объединиться не смогли, и их внутренний раскол имел тяжелейшие для них последствия, о которых они не могли предполагать и в самых страшных снах. Из-за того, что целый ряд маленьких «правых» партий, среди которых «Тхия» во главе с бывшим министром науки и энергетики Ювалем Неэманом и Геулой Коэн, правоцентристская Новая либеральная партия во главе с бывшим министром финансов Ицхаком Модай, а также списки во главе с раввином Моше Левингером, раввином Элизером Мизрахи и другие, не преодолели электорального барьера, многие десятки тысяч голосов сторонников «правых» и «ультраправых» сил не были засчитаны: 31 957 голосов, отданных за «Тхию», 16 669 – за список И. Модай, 12 851 – за список «Геулат Исраэль» [«Избавление Израиля»] Э. Мизрахи, 3 708 – за список «Тора и земля» М. Левингера. Таким образом было потеряно три парламентских мандата! В итоге партии «левого» блока сумели добиться небольшого перевеса и сформировать правительственную коалицию, хотя большинство израильтян голосовало за партии и движения «правой» и религиозной направленности. Полгода спустя представители левого правительства начали тайные переговоры в Осло, впоследствии утвержденные в Кнессете с минимальным перевесом.

Совокупное число мандатов, полученных правым лагерем, сократилось с 52 до 49. При сложившейся расстановке сил возобновление коалиции правых и религиозно-ортодоксальных партий («Агуддат Исраэль», сохранившей свои четыре места, и ШАС, число депутатов которой возросло с четырех до шести) не привело бы к образованию парламентского большинства; это означало, что «Ликуд», находившийся у власти с 1977 года, не мог сформировать правительство.

Поражение «Ликуда» на выборах повлекло за собой отставку Ицхака Шамира с поста председателя партии; Моше Аренс, считавшийся одним из наиболее вероятных его преемников, покинул руководящие органы партии и сложил с себя

полномочия депутата Кнессета (в 1999 году он на короткое время вернулся в правительство, в третий раз в своей жизни заняв пост министра обороны). Борьба между двумя основными претендентами на пост председателя партии, бывшим министром иностранных дел Давидом Леви и его заместителем Биньямином Нетанияху, была острой и довольно «грязной». На состоявшихся 25 марта 1993 года внутривнутрипартийных выборах, правом участия в которых по новому уставу обладали все члены «Ликуда», внушительным большинством голосов (более 52%) Б. Нетанияху был избран председателем партии, которая, однако, оставалась в оппозиции.

13 июля 1992 года Ицхак Рабин сформировал коалиционное правительство. Хотя число полученных «левыми» партиями мест составляло лишь 56 (44 мандата – у Партии Труда и 12 – у блока МЕРЕЦ), вместе с двумя арабскими партиями – Демократическим фронтом за мир и равноправие, основу которого составила Коммунистическая партия Израиля – РАКАХ и Арабской демократической партией, которые ни при каких обстоятельствах не могли поддержать «Ликуд» и его союзников, они образовали в Кнессете так называемый «блокирующий блок» (*гуш хосем*), обеспечивший Партии Труда возможность сформировать правительство. *Однако отношение социал-демократов к арабам как к гражданам третьего сорта не изменилось: с 1972 года арабов принимали в Партию Труда, но их и в 1992 году не были готовы взять в правительство, формировавшееся Партией Труда.* В результате И. Рабин повторил трюк, позволивший Д. Бен-Гуриону сформировать первое правительство Израиля: в коалицию с Партией Труда и блоком МЕРЕЦ была приглашена ультраортодоксальная *сефардская* партия ШАС, готовая, как показали события до и после этого, вступить в любое правительство, в котором ее лидеры получают министерские портфели, а ее *ешивы* и школы – щедрое государственное финансирование. Забегая вперед отметим, что и в 1999 году Эхуд Барак – последний на сегодняшний день премьер от социал-демократов – взял абсолютно идеологически чуждую ему ШАС в сформированное им правительство. Идеология – идеологией, но если правительственную коалицию можно сформировать, просто подкупая коалиционных партнеров, то этот путь казался лидерам социал-демократов наилучшим. Коалиция была «узкой», опиравшейся на поддержку лишь 62 членов Кнессета.

Депутаты от МЕРЕЦ и ШАС, естественно, придерживались диаметрально противоположных взглядов на вопросы, касавшиеся роли религии в общественной жизни. Ни у кого не было уверенности, что ШАС поддержит политику «левого» правительства в вопросе территориальных уступок, поскольку ее электорат в подавляющем большинстве своем выступал против них. Правительство держалось на личной харизме Ицхака Рабина – генерала армии в отставке, начальника Генерального штаба ЦАХАЛА в дни победной Шестидневной войны.

Ицхак Рабин был избран главой Партии Труда и ее кандидатом на пост премьер-министра на предварительных выборах («праймериз»), участие в которых в соответствии с новым Уставом партии было открыто для всех ее членов. И. Рабин получил около 60% голосов, оставив далеко позади своего давнего соперника Шимона Переса и двух других кандидатов – Моше Шахаля и Ору Намир; столь внушительная победа превратила его в признанного лидера партии¹²⁶. Предвыборная кампания Партии Труда в Кнессет 13-го созыва, ведшаяся под лозунгом «Израиль ждет Рабина», подчеркнуто строилась вокруг личности лидера партии как ответственного и энергичного руководителя, исключительно компетентного в вопросах обеспечения национальной безопасности (не забудем, что с 1984 по 1990 гг. он был министром обороны в «правительстве национального единства»). Вследствие этого победа Партии Труда на выборах в Кнессет тринадцатого созыва была в немалой степени личной победой И. Рабина, что еще более увеличило его авторитет в партии и на длительное время приостановило внутреннюю борьбу в ней. Ш. Перес, получивший в правительстве пост министра иностранных дел (этот пост он уже занимал в 1986–1988 гг. в правительстве И. Шамира), значительно уменьшил свою активность в руководящих органах партии, что позволило И. Рабину уделять больше внимания руководству правительством (подобно Д. Бен-Гуриону, на которого он стремился походить, он оставил за собой также второй по важности портфель – должность министра обороны). Отношения между И. Рабином и Ш. Пересом, отличавшиеся в прошлом крайней напряженностью (до этого они восемнадцать лет соперничали за лидерство в партии), приняли форму корректного делового сотрудничества.

¹²⁶ См.: Гольдштейн Й. *Рабин. Биография*. – Тель-Авив: Шокен, 2006, с. 380–381 [на иврите].

«Новые левые» и их проект «нового Ближнего Востока»

Политические условия, сложившиеся после избрания И. Рабина на пост премьер-министра, благоприятствовали «новым левым». Партия Труда была в значительной мере менее враждебна по отношению к ним, чем доминировавший с 1977 года «Ликуд». Партия Труда и «новые левые» во многом опирались на одни и те же, с социально-демографической и социально-экономической точек зрения, сектора общества. Немалое число иностранных спонсоров были готовы вкладывать средства в тот или иной палестино-израильский мирный форум, группу, организацию. Эти иностранные бюджеты стали основным подспорьем финансового благосостояния организаций «новых левых».

Выборы 1992 года были триумфом «новых левых призыва 1967 года». Впервые в истории Израиля двум их представителям – Шуламиту Алони и Йосси Сариду (оба сделали политическую карьеру в движении «Рац») – удалось стать министрами. Всего же блок МЕРЕЦ получил четыре министерских портфеля, включая посты министров образования и науки и культуры. Еще более важным стало то, что в правительство впервые вошли и ментально близкие им представители «левоориентированной» «восьмерки» Партии Труда (Йосси Бейлин, вначале ставший заместителем министра иностранных дел, а затем – министром экономики и планирования; Хаим Рамон, ставший министром здравоохранения и др.), а разделявшие идеи гражданского «левого» лагеря интеллектуалы были привлечены к секретным переговорам с палестинцами.

Выборы 1992 года стали отправной точкой начавшегося в глубокой тайне, но в следующем году ставшего гласным и публичным «процесса Осло». Период 1992–1995 годов был периодом наивысшего триумфа «гражданских левых», сумевших добиться очень многого в направлении реализации своей программы. Однако, действительность развивалась в прямо противоположном направлении относительно надежд, которые питали представители этого лагеря, убеждавшие общество в целесообразности и оправданности территориальных уступок: антиизраильская активность палестинцев, включая террористические акты, сопровождавшиеся человеческими жертвами,

только выросла, а из всех арабских стран в эти годы лишь одна (Иордания) установила с Израилем полноценные дипломатические отношения. Вторым шансом, который израильское общество дало лидеру Рабочей партии Эхуду Бараку, избранному премьер-министром в 1999 году (сильно скукожившийся к тому времени блок МЕРЕЦ второй и последний раз в своей истории вошел в правительственную коалицию), несмотря на все его усилия, не привел к миру ни с палестинцами, ни с какой-либо арабской страной; напротив, именно в период правления Эхуда Барака в сентябре 2000 года палестинцы начали вторую интифаду. «Борьба за мир» гражданских «левых» де-факто окончилась крахом: вместо мира и безопасности она привела к эскалации насилия и тупику в переговорах.

В дни первой интифады инструкции Генерального штаба ЦАХАЛа накладывали достаточно строгие ограничения на пользование огнестрельным оружием при подавлении беспорядков; разрешалось пользоваться резиновыми (позднее, в исключительных случаях – также пластиковыми) пулями, слезоточивым газом и дубинками. Хотя число погибавших в столкновениях с силами ЦАХАЛа и израильянами арабов было немаленьким, оно год от года непрерывно *снижалось*: 305 человек – в 1988 году, 303 – в 1989, 135 – в 1990, 96 – в 1991¹²⁷, что *опровергает аргументы тех, кто говорит, будто «процесс Осло» был следствием неспособности израильских сил безопасности справиться с непрекращающейся волной насилия*. За четыре года «интифады» (с 9 декабря 1987 по конец 1991 года) от рук арабов погибло 84 израильянина, включая как военных, так и гражданских лиц, как в «пределах зеленой черты» (50 погибших), так и на контролируемых территориях (34 погибших), т.е. в среднем 21 человек в год. За 1994 год, сразу после подписания т.н. соглашений Осло от рук арабских боевиков погибло 74 израильянина, а численность погибших в столкновениях с израильянами, включая силы ЦАХАЛа, палестинцев составила 152 человека¹²⁸. Совершенно очевидно, что *ситуация в сфере безопасности в связи с реализацией подписанных 13 сентября 1993 года т.н. соглашений Осло только ухудшилась как*

¹²⁷ Данные предоставлены организацией «Бецедем», занимающейся вопросами соблюдения прав человека на контролируемых территориях.

¹²⁸ Данные предоставлены организацией «Бецедем».

для израильтян, так и для палестинцев: число жертв с обеих сторон в 1994 году было значительно выше, чем в 1990–1991 годах. При этом постоянно росло количество «коллорабационистов» – палестинских арабов, убитых другими арабами по подозрению в сотрудничестве с Израилем, и эту братоубийственную войну не остановили никакие соглашения Осло.

Описание политических процессов, проходящих на наших глазах, – необычайно сложная задача. Любое историческое событие обретает смысл, лишь будучи оцененным в той временной перспективе, которая пока еще отсутствует. Невозможно точно сказать, привел ли мирный процесс 1993–2001 годов к «вечному» дипломатическому тупику или же стал, пусть и в долгосрочной перспективе, началом хотя и зигзагообразного, но полномасштабного политического урегулирования. В настоящее время «процесс Осло» видится тотальным фиаско, но все же существует некоторая вероятность того, что наработки, накопленные в ходе переговоров израильских и палестинских представителей в 1990-е – начале 2000-х годов, будут тем или иным образом востребованы в будущем. Совершенно очевидно при этом, что «процесс Осло» не был навязан Израилю извне (наоборот, переговоры велись в глубокой тайне и от официальных коспонсоров Мадридского процесса, и от соседних арабских государств) и не был вынужденным следствием резкого ухудшения ситуации в сфере безопасности (ситуация в этой сфере была отнюдь не плохой): этот процесс был следствием мировоззрения, согласно которому, приложив некоторые усилия, можно достаточно быстро перестроить весь Ближний Восток, объединив его как с политической, так и экономической точки зрения в некое подобие Европейского Союза. В этом «новом Ближнем Востоке» Израиль, как в силу его центрального географического положения, так и в связи с экономическим и технологическим превосходством над соседними странами, по мнению инициаторов данного проекта, сможет играть ведущую роль.

События последних восемнадцати лет – от июльских выборов 1992 года до настоящего времени – можно поделить на четыре условных периода. Первую фазу открывают выборы, после которых начались тайные переговоры израильтян и палестинцев, приведшие к подписанию в Вашингтоне Декларации о принципах палестино-израильского урегулирования в сентябре 1993 года, завершился этот период в ноябре 1995 года

с убийством премьер-министра И. Рабина. Второй этап начался в середине 1996 года с приходом к власти «правого» кабинета Б. Нетанияху, и длился вплоть до середины 1999 года, когда правительство вновь сформировал ставший лидером Партии Труда Эхуд Барак, во всем пытавшийся идти «путем Рабина». Третий период охватывает каденцию Э. Барака и логически завершается летом 2000 года с провалом саммита в Кэмп-Дэвиде. Четвертая фаза начинается осенью 2000 года с интифады и продолжается по сегодняшний день. Первые три фазы рассматриваются в этой главе, четвертая – в следующей.

Как справедливо отмечает политолог Тамар Герман, в течение всех этих лет наблюдалась устойчивая отрицательная корреляция между успехами дипломатии и популярностью миротворческого движения: *чем больших успехов добивались израильские и палестинские переговорщики, тем большие трудности испытывало внутри Израиля движение «борцов за мир»*; и наоборот, – в периоды стагнации мирного процесса активность и популярность этого движения несколько возрастали¹²⁹. Такая необычная взаимосвязь явилась результатом сложного взаимодействия «левых» радикалов с политической элитой, с одной стороны, и с обществом – с другой. *Основная проблема «левых» радикалов оставалась неизменной: одни их представители стали частью коалиционного правительства, другие за спиной подавляющего числа членов этого правительства вели тайные переговоры с лидерами ООП, но израильское общество в большинстве своем как было, так и осталось враждебным по отношению к «проталкиваемому» ими политическому курсу.*

Так, период с сентября 1993 по ноябрь 1995 года принято считать наиболее успешным этапом мирного процесса. *Однако уже тогда, как показывали социологические опросы, значительная часть израильского общества испытывала серьезное недоверие к проводимой правительством политике.* В среднем лишь около половины населения одобряло курс кабинета И. Рабина: минимальный уровень одобрения правительственной политики (41%) был зафиксирован в январе 1995 года, а максималь-

¹²⁹ Hermann T. *The Israeli Peace Movement: A Shattered Dream*. – Cambridge University Press, 2009, с. 112.

ный (59%) – в ноябре того же года¹³⁰. Важной особенностью общественных настроений того периода стал разрыв между одобрением политики правительства и верой в ее потенциальную успешность. Количество населения, верившего, что мирный процесс действительно приведет к миру и безопасности, колебалось в указанный период между 40% и 56%¹³¹. По данным опросов, проведенных 19 ноября и 13 декабря 1993 года, спустя два – три месяца после церемонии подписания «соглашений Осло» их поддерживали лишь 48% израильтян; 46–47% выступали против, 5–6% не имели однозначной позиции¹³². Столь невысокий уровень одобрения и веры в успех может объясняться эмоциональной неподготовленностью израильского общества к радикальной смене курса и сохранявшимся глубоким недоверием к палестинцам (так, более двух третей респондентов в августе 1994 года согласились с утверждением, что «палестинцы уничтожили бы Израиль, представься им такая возможность»)¹³³.

На протяжении шестнадцати лет, с 1973 по 1989 год включительно, два социологических института – им. Л. Гутмана и «Дахаф» – регулярно опрашивали израильтян о том, на какие территориальные уступки в Иудее и Самарии они готовы пойти во имя достижения мирного урегулирования (в опросных листах не указывалось, с кем, чтобы не отсекать ни сторонников «иорданской», ни «палестинской» опций). Представленные ниже результаты этих опросов отчетливо свидетельствуют, насколько мала была и оставалась общественная поддержка программы новых «левых призыва 1967 года», предусматривавшая уход Израиля со всех или почти всех занятых в Шестидневной войне территорий.

Из данных ряда опросов стабильно вырисовывается одна и та же картина: программу «новых левых», предусматривавшую полный или почти полный уход с Западного берега, поддерживали в среднем не более 15% израильтян, в то время как втрое

¹³⁰ «Индекс мира» – социологический опрос, ежемесячно проводимый Центром по исследованию проблем мира им. Тами Штейнмец Тель-Авивского университета, данные за январь и ноябрь 1995 г. [на иврите].

¹³¹ Там же.

¹³² См.: Ашер Ариан. *Безопасность в тени угрозы. Общественное мнение в Израиле по вопросам войны и мира.* – Тель-Авивский университет – издательство «Папирус», 1999, с. 62 [на иврите].

¹³³ «Индекс мира», данные за август 1994 г. [на иврите].

большее количество граждан страны выступало против каких-либо территориальных уступок вообще. Эти данные стабильны, и ни Первая Ливанская война, ни начало интифады не оказали на них никакого существенного влияния.

Таблица 9

Отношение израильских граждан к принципу «территории в обмен на мир»: ответы респондентов на вопрос о том, каковы могут быть максимально возможные территориальные уступки Израиля в Иудее и Самарии ради достижения мирного урегулирования¹³⁴

	Программа новых «левых призыва 1967 года»		Программа Партии Труда («план Алона»)	Программа «правых»	
	Уйти со всей территории Иудеи и Самарии	Уйти с большей части территории Иудеи и Самарии	Уйти со значительной части территории Иудеи и Самарии	Уйти лишь с малой части территории Иудеи и Самарии, сохранив контроль над большей ее частью	Сохранить контроль над всей Иудеей и Самарией
Декабрь 1973 г.	8%	8%	24%	13%	47%
Январь 1977 г.	5%	7%	26%	21%	42%
Март 1981 г.	3%	4%	19%	23%	50%
Июль 1984 г.	8%	6%	23%	21%	42%
Май 1989 г.	8%	10%	27%	13%	41%

¹³⁴ Данные за 1973, 1977 и 1989 гг. – из архива Института социальных исследований им. Л. Гутмана, за 1981 и 1984 гг. – из архива Института «Дахаф».

«Новые левые» были самопровозглашенным авангардом, не располагавшим общественной поддержкой и поэтому не имевшим шансы реализовать свою политическую программу в рамках демократических правил политической игры. Нужно сказать прямо, что ведение в полной тайне от большинства членов правительства и Кнессета судьбоносных переговоров с представителями ООП о постепенной передаче под их контроль большей части (или даже всей) территории Западного берега и Газы¹³⁵ было для «новых левых» не столько тактическим маневром, сколько вынужденной необходимостью: соблюдая демократические процедуры, они бы никогда не получили мандат от общества на ведение подобных переговоров. Общественное мнение было очень далеко от идей «новых левых», и парламентское представительство блока МЕРЕЦ (10% списочного состава Кнессета в 1992–1996 гг., дни наивысшего электорального успеха этой партии) является наглядным индикатором этого. Из сказанного, разумеется, не вытекает, что большинство всегда право; нередко бывает право как раз меньшинство. Однако демократическая форма правления все же предполагает, что проводимый руководством страны политический курс соответствует чаяниям и ожиданиям большинства населения. «Процесс Осло» чаяниям и ожиданиям большинства израильтян не соответствовал никоим образом.

Танго с Арафатом

«Левые» круги неустанно повторяли, что для любого политического процесса, как и для танго (почему-то всегда упоминался именно этот танец), нужен партнер. Не доверяя палестинским арабам (а выборы на территориях не проходили с 1976 года), они решили самостоятельно выбрать партнера по инициированному ими процессу, сделав ставку на находив-

¹³⁵ Автор анализировал ход этих переговоров в других своих книгах; см.: Алек Д. Эпштейн. *Войны и дипломатия. Арабо-израильский конфликт в XX веке*. – Киев: Дух и литера, 2003, с. 136–148; Алек Д. Эпштейн. *Израильтяне и палестинцы: от конфронтации – к переговорам и обратно*. С. 47–83.

шегося в тунисском изгнании Ясира Арафата и возглавляемую им Организацию освобождения Палестины. В этой связи нельзя не отметить, что в «соглашении Осло» был изначально заложен фундаментальный политический парадокс. ООП была создана в 1964 году, т.е. за три года до Шестидневной войны, и та «Палестина», которую она собиралась «освободить», представляла собой территорию Государства Израиль в пределах так называемой «зеленой черты». В программных документах этой организации откровенно говорилось, что любые тактические шаги с ее стороны будут неизменно подчинены главной цели – уничтожению Израиля. ООП представляла не столько арабское население Западного берега (Иудеи и Самари) и Газы, сколько палестинскую диаспору, в большинстве своем – т.н. «беженцев 1948 года», решить проблему которых Израиль фактически не может иначе, как прекратив свое существование в качестве еврейского государства. Израильские представители, участвовавшие в тайных (а затем – более или менее открытых) переговорах с ООП, понимали это, однако высказывали ряд следующих контраргументов.

Во-первых, следует со вниманием отнестись к шагам, предпринимавшимся на протяжении ряда лет отдельными лицами из руководства ООП (от Исама Сартауи до Махмуда Аббаса) с целью сближения с Израилем. Не следует видеть эти шаги как тактическую уловку, они отражают реальный процесс эволюции, в результате которого ООП постепенно становится умеренным, прагматичным и политически зрелым субъектом международного права.

Во-вторых, именно ООП является единственным признанным представителем «арабского народа Палестины», и без ее участия никакое урегулирование конфликта невозможно.

В-третьих, реальные позиции ООП на переговорах в Осло были мягче, чем декларативная категоричность ее публично озвучиваемых требований.

В-четвертых, ООП ослаблена тем, что, встав в ходе кувейтского кризиса 1991 года на сторону Саддама Хусейна, она лишилась поддержки своих главных спонсоров в Саудовской Аравии и нефтяных эмиратах Персидского залива. Таким образом, сложились объективные условия, в которых ООП заинтересована в выходе из международной изоляции, путь к которому – достижение соглашения с Израилем, что позволяет надеяться на нахождение взаимоприемлемых компромиссов.

В-пятых, получив реальную власть на тех территориях, которые будут переданы ей Израилем, ООП окажется кровно заинтересована в том, чтобы подавить экстремистские организации исламских фундаменталистов; «Получив власть, Арафат расправится с ХАМАСом и “Исламским джихадом” без БАГАЦа [Верховного суда Израиля] и без “Бецелема” [израильская правозащитная организация]», – говорил И. Рабин, как будто выражая печаль, что ему самому приходится считаться с судами и правозащитниками.

Для Партии Труда представить обществу процесс Осло было отнюдь не просто. С одной стороны, социал-демократы находились у власти и выстраивали свою концепцию именно как правящая партия, то есть сознательно делая ее более «центристской» и приемлемой для максимально широкого круга людей. С другой стороны, процесс переговоров с ООП, начатый в 1993 году, основывался ровно на тех принципах, которые Партия Труда в течение многих лет отвергала: на праве палестинцев на самоопределение, признании ООП как единственного законного представителя палестинского народа, на признании палестинцев отдельным народом, в конце концов. Таким образом, перед социал-демократами стояла задача легитимизировать в глазах населения свою политику, не признавая при этом ни прямо, ни косвенно, что их предшествующий курс был ошибочным.

Выстраивая свой нарратив процесса Осло, Партия Труда стремилась всячески отмежеваться от любых связей с «левыми» радикалами¹³⁶. Во-первых, в массовом сознании было глубоко укоренено представление о «леваках» как людях, чуждых патриотизму, и это представляло серьезную опасность для И. Рабина и его окружения. Проведение прямых параллелей между идеями и требованиями «леваков» и политикой правительства могло делегитимизировать весь политический курс кабинета. Во-вторых, Партия Труда не могла позволить укорениться идее, что кто-то другой предложил концептуальные основы проводимой И. Рабиным и Ш. Пересом политики: это могло стать поводом для (на самом деле более чем справедливых) обвинений со стороны «правых» в том, что Партия Труда безвольно следует за некими другими силами. В-третьих, в случае

¹³⁶ См: Hermann T. *The Israeli Peace Movement*. С. 122–126.

успеха мирного процесса все политические дивиденды должны были достаться именно правящей партии, которая не собиралась их ни с кем делить.

Задачей, стоявшей перед Партией Труда, была легитимация и рациональное объяснение проводимой ею политики. И И. Рабин, и Ш. Перес, каждый по своему, представляли начало процесса Осло как «трудный, но необходимый шаг», сделанный в принципиально новых региональных и мировых политических условиях ради обеспечения безопасности (на это делал упор И. Рабин) и экономического процветания Израиля (этот аспект находился в центре внимания Ш. Переса).

Таким образом, их нарратив процесса Осло сводился к тому, что именно Партия Труда, увидев глубокие социально-политические изменения в регионе, приняла прагматичное, хотя и нелегко давшееся решение ради будущего Израиля начать мирные переговоры с палестинцами на основе новых принципов, которые не имеют ничего общего с идеями и лозунгами крикливых «леваков».

Действительность, однако, не особенно соответствовала радужным прогнозам и ожиданиям. Хотя 1993 год воспринимался многими как год мирной эйфории, палестинскими террористами было убито 62 израильтянина – существенно больше, чем в 1992 году (39 человек). В 1994 году сохранялась та же тенденция – все больше и больше жертв палестинского террора (всего за год было убито 74 человека), что вызывало возмущение граждан страны, надеявшихся, что территориальные уступки позволят добиться прекращения актов насилия.

Наглядным индикатором непопулярности политического курса правительства стали муниципальные выборы, состоявшиеся 2 ноября 1993 года, в ходе которых муниципалитет Тель-Авива остался под контролем «Ликуда» (его кандидат, бывший министр полиции в правительстве И. Шамира и брат мужа дочери М. Бегина Рони Мило победил представителя Партии Труда Авиغدора Кахалани), а Тедди Колека (1911–2007), бессменного мэра Иерусалима с 1965 года от РАФИ/Партии Труда, победил кандидат «Ликуда», бывший министр здравоохранения в правительстве И. Шамира Эхуд Ольмерт, в 2006 году ставший премьер-министром Израиля. Успех на муниципальных выборах способствовал консолидации «Ликуда» и укреплению позиций Б. Нетанияху в партии. Руководители Партии Труда, однако, не сделали из поражения на муниципальных

выборах в крупнейших городах страны спустя полтора месяца после заключения договора с ООП никаких выводов.

По мере реализации соглашений с ООП в Израиле нарастала острота гражданского конфликта между сторонниками и противниками уступок Я. Арафату. Все более резкой становилась критика лидеров «правых» партий в адрес премьер-министра И. Рабина, который, со своей стороны, не слишком заботился о том, чтобы его политические шаги, разрушавшие мировоззрение и, по сути дела, уничтожавшие смысл существования сотен тысяч израильтян, были смягчены готовностью к национальному диалогу. Он как будто нарочно дразнил своих противников, демонстрируя пренебрежение к участникам массовых акций протеста, которые проводились тогда «правыми» партиями и сторонниками поселенческого движения. Фраза И. Рабина о том, что «поселенцы могут вертеться как пропеллеры, им это не поможет», навеки войдет в анналы израильской истории как пример циничного пренебрежения по отношению к народу со стороны власти. Ответом на это, естественно, становились все более жесткие лозунги и обвинения в адрес премьер-министра.

Заключенные соглашения предусматривали передачу палестинским формированиям (полиции и многочисленным спецслужбам) десятков тысяч стволов автоматического оружия, значительного числа обычных и даже крупнокалиберных пулеметов, боеприпасов, бронемашин и пр. Это стало поводом для энергичных протестов «правой» оппозиции под лозунгом «Не давайте им оружия!», встретившим массовую общественную поддержку, но кабинет И. Рабина остался верен своему решению. Впоследствии полученное от Израиля оружие составило основу палестинского арсенала в ходе развязанной против Израиля террористической войны.

Многократно повторялось утверждение о том, будто «процесс Осло» принес Израилю грандиозные экономические дивиденды. Анализ, проведенный видным экономистом профессором Элияху Кановским опровергает это мнение. «С начала 1990-х Израиль демонстрировал высокие темпы экономического роста в сравнении с другими странами – около 6% в год. Это было за три года до подписания Декларации принципов [палестино-израильского урегулирования], – отмечает Э. Кановский. – В действительности темпы роста ВВП на протяжении трех первых лет процесса Осло – в среднем 5,7% в год в 1993–1995 гг. –

были несколько ниже, чем в предыдущие три года – 6,4% в год в 1990–1992 гг. ... Соглашения Осло внесли небольшой или вообще незначительный вклад в достижение экономического процветания. Высокие показатели экономического роста, начиная с 1990 г., обусловлены прежде всего крупномасштабной иммиграцией из бывшего Советского Союза. В период массовой иммиграции (почти 200 тысяч человек ежегодно в 1990 и 1991 гг.) уровень безработицы вырос, однако в последующие годы, когда показатели иммиграции откатились к более «привычной» отметке в 75 тыс. чел. в год, уровень безработицы неуклонно сокращался. Улучшение ситуации с безработицей сопровождалось умеренной инфляцией, которая снижалась на протяжении всей первой половины 1990-х годов, опустившись к 1995 году ниже 10%»¹³⁷.

Правительственная коалиция, сформированная И. Рабином и Ш. Пересом по принципу «лебеди, рака и щуки», функционировала, разумеется, с большим трудом¹³⁸. Чтобы оправдать в глазах своих избирателей присоединение к коалиции, в состав которой входил враждебный религиозным партиям блок МЕРЕЦ, руководители партии ШАС потребовали высокую цену. Эту цену пришлось платить прежде всего МЕРЕЦу, который был вынужден отказаться от реализации своих требований в вопросе о светском характере государства. МЕРЕЦ согласился на эту уступку, понимая, что без парламентской поддержки партии ШАС кабинет не сможет осуществить свои планы по продвижению урегулирования арабо-израильского конфликта, в решении которого МЕРЕЦ видел первоочередную задачу «левого» правительства. *В этот момент стало ясно, что «левый» блок МЕРЕЦ превратился в то, что политологи называют single-issue party («партия одной темы»): отказавшись в связи с объединением убежденных социалистов из МАПАМ и не менее убежденных сторонников рыночной экономики из «Шинуй» от какой-либо внятной экономической доктрины, войдя в правительство, МЕРЕЦ отказался и от реализации своей секуляристской доктрины.* Учитывая, что численность арабских

¹³⁷ Eliyahu Kanovsky. Has the Peace Process Reaped Economic Dividends». Paper presented before The Joint Economic Committee. The U.S. House of Representatives, October 21, 1997.

¹³⁸ См.: Гольдштейн Й. Рабин. Биография. С. 389–407.

депутатов в МЕРЕЦе никогда не превышала одного, назвать его партией борцов за межнациональное гражданское равенство тоже довольно трудно. *Фактически, единственное, за что стал бороться «левый» блок – это за уход Израиля со всех занятых им в 1967 году территорий, выражая непонятно на чем базирующуюся уверенность, что в обмен на территории Израиль сможет получить мир.*

**Всеми правдами и неправдами:
как утверждались «соглашения Осло»**

Нельзя сказать, что новых «левых призыва 1967 года» всегда и во всем устраивал политический курс правительства И. Рабина – Ш. Переса; отнюдь нет. Но ситуация сложилась таким образом, что даже тогда, когда «мирный процесс» буксовал и профессиональные «борцы за мир» хотели бы провести ту или иную акцию протеста, дабы привлечь внимание общества к возникшим трудностям, они не делали этого. Любая акция протеста против «левого» правительства, даже если ее удалось бы собрать (гарантий этого не было), могла бы «плить воду на мельницу» «правых». Во времена правительства М. Бегина «новые левые» могли выступать с какой угодно критикой: и переговоры с Египтом, дескать, «ведутся не так», и война в Ливане «начата бездумно и зазря». Но тот «репертуар акций протеста», который годился для борьбы с «чужим и чуждым» правительством, совершенно не годился для той эпохи, когда правительство возглавлял лидер Партии Труда, а четверо министров в нем представляли блок МЕРЕЦ. *Исходя из внутренних тактических соображений борьбы за власть, «левые» радикалы были готовы отказаться не только от борьбы за реализацию желанной им социально-экономической программы или от попыток реализовать свою «секулярную повестку дня», но даже и от акций, имевших целью «подтачивание» «мирного процесса», если им казалось, что эти акции могут усилить «не тех, кого надо» в борьбе за власть.* Ицхак Рабин хорошо помнил, как в 1977 году главный редактор леворадикального еженедельника «Ха'олам ха'зе» [«Этот мир»] Ури Авнери отказался от публикации сенсационного материала о наличии у супруги И. Рабина, Леи, запрещенного тогда израильским законодательством валютного счета в США

(позднее эта информация была опубликована в газете «Ха'арец»), чтобы «не раскачивать лодку правительства Партии Труда и не привести к власти “Ликуд”». И. Рабин и в 1990-е годы знал, что «левые» радикалы не выступят против него, что бы он ни делал, и что жупел «возвращения к власти “Ликуда”» надежно защищал его кабинет от слишком острой критики «слева».

Однако проблемы правительства этим не исчерпывались. В коалиционном правительстве И. Рабина – Ш. Переса ШАС получил посты министра внутренних дел, заместителя министра по делам религий (портфель министра по делам религий остался у И. Рабина, который не хотел и не мог непосредственно руководить министерством, так что фактически оно находилось под контролем ШАС), заместителя министра образования и культуры, заместителя министра финансов и заместителя министра строительства. Учитывая, что в Израиле назначения на посты заместителей министров не являются обязательными (в большинстве министерств таких должностей нет вообще), каждый из этих политических назначенцев оказывался вторым человеком в административной иерархии соответствующих ведомств. Эти назначения дали партии ШАС возможность оказывать широкую финансовую поддержку своим учебным заведениям, взращивая свой будущий электорат. Антираиогиозные высказывания министра образования и культуры, лидера блока МЕРЕЦ Шуламита Алони вызвали два коалиционных кризиса, которые завершились передачей контроля и общего руководства над религиозными школами в ведение заместителя министра по делам религий Рафаэля Пинхаси (2 ноября 1992 года) и заменой Ш. Алони на посту министра образования другим представителем блока МЕРЕЦ, проф. Амном Рубинштейном (8 июня 1993 года; Ш. Алони заменила А. Рубинштейна на посту министра связи, одновременно сохранив за собой полномочия министра культуры). Передача в ведение ШАС религиозных школ означала фактическое признание еще одного – наряду с государственным и государственно-религиозным – направления в среднем образовании. Небесполезно отметить, что легализация еще одного ортодоксального религиозного направления в системе образования произошла в период правления «левого» кабинета.

Желание получить и сохранить власть любой ценой привело к беспрецедентному в израильской истории поспранию мо-

рально-правовых норм: *инициированные «левыми» соглашения «Осло–1» (в 1993 году) и «Осло–2» (в 1995 году) были утверждены в Кнессете благодаря странной поддержке, полученной от идеологически очень далеких от этих инициатив фракций, лидеры которых впоследствии были осуждены судами за совершение тяжких уголовных преступлений и приговорены к реальным срокам тюремного заключения. Необычайно горько признавать это, но факт состоит в том, что имевшие судьбоносную значимость документы при отсутствии достаточной парламентской поддержки утверждались головами подкупленных постами и бюджетными ассигнованиями депутатов, отличавшихся криминальными наклонностями.*

Так, стремление И. Рабина к формированию коалиции без «правых» и без арабов заставило его включить в состав правительства лидера партии ШАС Арье Дери, несмотря на то, что еще в 1991 году юридический советник правительства (являющийся в Израиле высшим руководителем Генеральной прокуратуры) принял решение привлечь его к уголовной ответственности по обвинению в злоупотреблении государственными и общественными фондами. После того, как 20 июня 1993 года против А. Дери было подано обвинительное заключение, 9 августа того же года юридический советник правительства рекомендовал отстранить А. Дери от исполнения обязанностей министра. Нарушив все мыслимые политико-правовые приличия, И. Рабин отказался выполнить это решение, и лишь вмешательство Верховного суда заставило Арье Дери подать в отставку; позднее он был осужден за взяточничество, мошенничество и злоупотребление доверием на три года тюремного заключения¹³⁹. Однако и после отставки А. Дери и последовавшего вскоре за этим выхода партии ШАС из коалиции И. Рабин прилагал все усилия, чтобы удовлетворить требования этой партии и тем самым подготовить почву для ее возвращения в коалицию. Поэтому, формально находясь вне коалиции, ШАС тем не менее сохранил свое влияние. На протяжении полутора лет, до конца февраля 1995 года, И. Рабин, и так являвшийся премьер-министром и министром обороны, сохранял за собой и посты министра внутренних дел и министра

¹³⁹ См.: Приговор Иерусалимского окружного суда по делу 305/93 *Государство Израиль против Арье Дери.*

по делам религий (!) в надежде, что ШАС вернется и снова займет их. Только 27 февраля 1995 года И. Рабин передал портфели министра внутренних дел и министра по делам религий двум политикам из Партии Труда. Всё это время при голосованиях по вотуму недоверия кабинету депутаты от ШАС, как правило, поддерживали правящую коалицию или воздерживались. Голосами фракции, лидером которой был позднее осужденный за взяточничество и мошенничество Арье Дери, в Кнессете осенью 1993 года было утверждено соглашение «Осло-1».

Однако к тому моменту, когда нужно было утверждать заключенное в сентябре 1995 года соглашение «Осло-2», «роман» с ШАС окончательно завершился, и И. Рабин искал в «правом» лагере другое слабое звено, на поддержку которого он мог бы рассчитывать. Таким звеном стала группа из трех депутатов, отколовшаяся от «правой» партии «*Цомет*» [«Перекресток»], созданной и ведомой генералом армии в отставке Рафаэлем Эйтаном (1929–2004); лидером этой группы был Гонен Сегев, ставший в правительстве И. Рабина – Ш. Переса министром энергетики и инфраструктур. Присоединение к «левому» правительству двух перебежчиков из правой партии «*Цомет*», голосами которых осенью 1995 года было утверждено подвергнувшееся острой критике в обществе соглашение «Осло-2», вызвало волну негодования, которое, несомненно, было бы много большим, если бы общество знало, каким человеком является депутат, променявший идеологию на министерский офис. Прошло несколько лет, и в ноябре 2003 года Гонен Сегев был судим за обман кредитной компании, от которой он требовал возврата нескольких тысяч долларов за покупки, якобы сделанные не им, а кем-то, выкравшим у него во время поездки в Гонконг кредитную карточку; судебное следствие установило, что все шесть оспариваемых бывшим министром платежей были сделаны лично им и что имела место попытка неприкрытого мошенничества¹⁴⁰. В апреле 2004 года Гонен Сегев был арестован: на этот раз – за попытку ввоза в Израиль тридцати двух тысяч (!) наркотических таблеток по поддельному дипломатическому паспорту (срок его действия закончился в 2000 году). В результате бывший министр, признавший в суде

¹⁴⁰ См.: Приговор Тель-Авивского мирового суда по делу 5011/04 *Государство Израиль против Гонена Сегева*.

свою вину в надежде на смягчение наказания, был приговорен к пяти годам тюрьмы и еще двум годам условно¹⁴¹. Поданная Г. Сегевом апелляция была единогласно отклонена Верховным судом¹⁴². Голосами фракции, лидером которой был позднее осужденный наркокурьер и мошенник с поддельным паспортом Гонен Сегев, в Кнессете осенью 1995 года было утверждено «соглашение Осло-2».

В 1994 году в Партии Труда разразился кризис, вызванный разногласиями по вопросу о Законе о государственном страховании здоровья. Этот закон был вынесен на повестку дня еще при правительстве И. Шамира, однако его принятию помешало сопротивление Федерации профсоюзов, стремившейся любой ценой сохранить контроль над принадлежавшей ей сетью больниц и поликлиник «Клалит» и оставить в неприкосновенности систему, при которой нельзя было быть застрахованным в этой сети, не являясь членом Федерации профсоюзов, и наоборот. *Эта система, существовавшая более семидесяти лет, позволяла Федерации профсоюзов взимать членские взносы и с тех, кто фактически не имел к ней никакого отношения*; при этом ее органы по своему усмотрению определяли, какая доля т.н. «единого сбора» (который вносили все застрахованные в больничной кассе «Клалит») представляет собой плату за медицинское страхование, а какая – профсоюзные взносы, которые можно использовать для финансирования деятельности *Хистадрута*. Использование значительной части собиравшихся денежных средств не на нужды здравоохранения, а на ведение профсоюзной и политической деятельности, привело к тому, что больничной кассой «Клалит» был накоплен долг, превысивший к 1994 году сто миллионов долларов. Чтобы «залатать» столь существенную дыру, эти деньги руководители Федерации профсоюзов желали получить непосредственно из госбюджета, надеясь на поддержку «своего» правительства. Попытка Хаима Рамона, министра здравоохранения в кабинете И. Рабина, провести Закон о государственном

¹⁴¹ См.: Приговор Тель-Авивского окружного суда по делу 40123/04 *Государство Израиль против Гонена Сегева* от 30 марта 2005 г.

¹⁴² См.: Приговор Верховного суда Израиля по апелляции по уголовному делу 4484/05 *Гонен Сегев против Государства Израиль* (судьи Д. Берлинер, М. Наор и С. Джубран) от 8 августа 2006 г.

страховании здоровья натолкнулась на энергичное сопротивление руководства Федерации профсоюзов. Хотя законопроект был одобрен кабинетом министров и вынесен им на утверждение Кнессета, под давлением руководства профсоюзов специально созванный для этой цели пленум ЦК Партии Труда принял решение о необходимости отклонить его. И. Рабин, никогда не любивший отстаивать точку зрения меньшинства и всегда избегавший «лобовых» столкновений, согласился с решением ЦК своей партии и, вопреки итогам уже прошедшего голосования правительства, снял закон с парламентского обсуждения. В ответ на это Хаим Рамон рискнул – и не прогадал. Он вышел из правительства и в мае 1994 года принял участие в выборах руководства Федерации профсоюзов во главе списка «*Хаим хадашим*» [«Новая жизнь»]. На этих выборах Х. Рамон одержал внушительную победу, став 5 июля 1994 года новым председателем Федерации профсоюзов.

Перемены в *Хистадруте* открыли путь к принятию в Кнессете Закона о государственном страховании здоровья, который вступил в силу 1 января 1995 года. Этот закон спустя семьдесят пять лет лишил, наконец, Федерацию профсоюзов возможности пользоваться деньгами, предназначенными на обеспечение медицинского обслуживания населения, для своих внутриорганизационных и политических нужд. При ознакомлении нового руководства Федерации профсоюзов с делами обнаружили финансовые злоупотребления прежних лидеров, использовавших средства организации на нужды Партии Труда как в самих профсоюзах, так и вне их; дело было передано в полицию. Этот скандал нанес серьезный урон репутации Партии Труда.

Общественные организации «новых левых» в «эпоху Осло»

Всё происходившее заставляло чувствовавших себя весьма уязвимо лидеров социал-демократов всеми силами отбиваться от политических атак оппозиции, которые, в большинстве своем, фокусировались, понятно, на «процессе Осло». Интерпретация этого процесса, выстроенная «правыми», отрицала нарратив Партии Труда как заведомо наивно-нереалистический, делая акцент на якобы принципиальной невозможности разре-

шить арабо-израильский и палестино-израильский конфликт политическими средствами. Кроме того, готовность Партии Труда к территориальным уступкам шла вразрез с представлением партии «Ликуд» (да и большинства граждан страны) о том, что контроль над Западным берегом реки Иордан является важнейшей составляющей национальной безопасности Израиля.

Между тем представлялось весьма сложной задачей возложить вину за подрыв национальной безопасности на такого человека, как Ицхак Рабин. В глазах общества премьер-министр оставался, помимо прочего, и боевым генералом, скрупулезно разбиравшимся в вопросах безопасности и военной стратегии. Логичным выходом из этой ситуации для «правых» стало возложение вины за стратегический просчет на некую силу вне правительства, которая, однако, оказывает сильное и при этом пагубное влияние на политику И. Рабина. Такой силой в рамках выстроенного правыми нарратива процесса Осло стали «новые левые»¹⁴³.

Идеологи «Ликуда» представляли «леваков» (предвыборный слоган партии звучал: «“Ликуд” – против всех левых») как группу активистов, занятых исключительно продвижением абстрактных моралистических идеалов, пренебрегающих историей и традицией еврейского народа, занимающих антипатриотическую позицию и готовых пожертвовать национальными интересами Израиля ради претворения в жизнь своих идей. Именно «новые левые», активисты «движения за мир», представленные в подобном свете, были ответственны за проведение деструктивной, по мнению правых, внешней политики.

Главной проблемой, с которой сталкивались правые, выстраивая свой нарратив, была проблема механизма: им необходимо было объяснить, как небольшая идейно мотивированная группа смогла повлиять на политику кабинета министров и лично премьера. Выход, найденный ими, сводился к тому, что у «движения за мир», формально не представленного в парламенте, все же был покровитель в Кнессете и в кабинете – партия МЕРЕЦ, и именно через нее, как главного коалиционного партнера Партии Труда, «леваки» оказывали свое пагубное влияние на выработку и реализацию политического курса страны.

¹⁴³ См: Tamar Hermann. *The Israeli Peace Movement*. С. 127–130.

«Новые левые», в свою очередь, также должны были предложить свою интерпретацию событий и осветить свою роль в них. Выстраиваемый ими нарратив рисовал «движение за мир» как группу реалистически мыслящих людей (а отнюдь не наивных идеалистов, как утверждали «правые»), которые прежде всех остальных осознали невозможность разрешить конфликт силой и указали на многочисленные моральные и человеческие издержки продолжавшегося арабо-израильского противостояния¹⁴⁴. Несмотря на это, только в начале 1990-х годов истеблишмент и, в меньшей степени, общество осознали ошибочность прежней политики. То есть с начала 1990-х годов руководство страны стало претворять в жизнь те идеи, которые задолго до этого высказывали активисты «движения за мир». В этом смысле нарратив «новых левых» поразительным образом схож с нарративом «правых»: и те, и другие считали именно «движение за мир» автором и вдохновителем реализуемых И. Рабиным идей, – разница состояла лишь в знаке, в оценке этого, является ли это поводом для гордости, как считали «левые активисты», или для позорного обличения, как были убеждены «правые». Свою же главную роль «движение за мир» видело в том, что поддерживало постоянную публичную дискуссию, предоставляя людям альтернативную точку зрения, а также посредством встреч с палестинскими представителями заложило основу, пусть и минимальную, для начавшегося мирного процесса. Более того, по мнению, например, нынешнего председателя блока МЕРЕЦ Хаима Орона, именно активисты движения «*Мир сейчас*» подтолкнули политиков и общество «вернуться на путь истинного сионизма, который ведет к компромиссу, а не бесконечной конфронтации с арабами»¹⁴⁵.

Так или иначе, но в условиях, когда само правительство провозгласило конечной целью мирное урегулирование с палестинцами, перед всеми без исключения «левыми» группами и организациями встал вопрос о будущем: какую роль «движение за мир» должно играть в новых условиях? Выполнило ли оно свою миссию и должно ли поэтому самораспуститься? Кому теперь вообще может быть нужно подобное движение, если оно все же продолжит свою деятельность?

¹⁴⁴ См: Hermann T. *The Israeli Peace Movement*. С. 130–134.

¹⁴⁵ Цитата из выступления Хаима Орона в Кнессете 30 августа 1993 г.

Ответы на данные вопросы варьировались в зависимости от того, насколько умеренной или, напротив, радикальной была та или иная группа. Более умеренные организации приняли решение продолжить свою деятельность, хотя (и об этом уже говорилось выше) и не прибегая более к открытой публичной критике политики правительства, которая бы привела не столько к корректировке курса, сколько к увеличению популярности «правых». При этом время от времени некоторые организации все же осуждали действия кабинета, в особенности его поселенческую политику, противоречившую, по их мнению, «духу соглашений Осло». Более радикальные группы считали «соглашение Осло» важным исключительно с точки зрения начала диалога с палестинцами, но не верили в его успех и не доверяли правительству, которое «стремилось к новой колонизации Западного берега и установлению контроля над этими территориями не силой оружия, а силой рынка и экономики»¹⁴⁶. Радикальные марксистские «левые» группы видели свою цель в разрушении «мифа» о том, что палестино-израильский конфликт является конфликтом двух национальных движений: по мнению их активистов, он представляет собой конфликт колониальной силы и сопротивлявшихся ей палестинцев¹⁴⁷.

На фоне этих дискуссий внутри «новых левых» в 1993–1996 годах параллельно происходили три процесса: во-первых, возникали новые группы и организации; во-вторых, наблюдалась отчетливая тенденция к профессионализации многих общественных организаций, прежде существовавших исключительно на добровольном энтузиазме их активистов; и наконец, в-третьих, имела места трансформация форм деятельности «движения за мир».

Первым процессом было возникновение новых групп и организаций. В начале 1990-х годов начали возникать феминистские группы, которые сочетали в своей программе призывы к «уступкам во имя мира» с положениями об обеспечении полного межгендерного равноправия и улучшении статуса женщин в обществе. Так, в 1994 году возникла существующая по сей

¹⁴⁶ Цит. по: Ариэла Шамди. *Сестры мира: феминистские голоса среди левых*. – Тель-Авив: Реслинг, 2003, с. 134.

¹⁴⁷ Penny Rosenwasser. *Voices from a "Promised Land": Palestinian and Israeli Peace Activists Speak Their Hearts*. – Willimantic, CT: Curbstone Press, 1992, с. 139.

день организация «*Бат шалом*» [«Дочь мира»]. Несмотря на деятельное участие группы в различных форумах и диалоге с палестинскими представителями, отношения между ней и активистками женских палестинских организаций всегда оставались достаточно напряженными. Если для израильских активисток борьба против оккупации территорий и за улучшение статуса женщин в обществе были равно значимыми приоритетами, то для палестинских активисток первое место занимала борьба за национальное освобождение, в то время как их статус в куда менее модернизированном, чем израильское, арабском обществе интересовал их значительно меньше. Всё это осложнялось тем, что израильские активистки выражали готовность критиковать действия своего правительства, в то время как палестинки, участвовавшие в совместной деятельности с ними, всегда выражали полную лояльность руководству ПНА, а также – и это было особенно тяжело для активисток-израильтянок – отказывались от осуждения террористических актов, совершенных палестинскими боевыми организациями. Эти и другие дилеммы привели к расколу группы «*Бат шалом*», из которой вышли более патриотически настроенные активистки. Попытка организации расширить свою социальную базу, включив в программу пункты о социальной справедливости и лучшей социальной политике, также оказалась безуспешной. Потенциальным сектором общества, на который были ориентированы эти лозунги, были еврейские женщины с низших ступеней социальной лестницы, часто «восточного» происхождения (выходцы из стран арабского востока во втором и третьем поколениях), которые, однако, придерживались в основной своей массе «правых» взглядов и не смогли преодолеть своего недоверия к активисткам «*Бат шалом*».

Кроме феминистских групп, в начале 1990-х годов возникли объединения родителей, чьи дети погибли в результате терактов или в ходе прохождения военной службы. Первой подобной организацией стало «Сообщество родителей, лишившихся своих детей», созданное Ицхаком Франкенталем в 1994 году. Главной целью этой группы стало продвижение «идеологии мира» посредством личного примера: потерявшие детей родители показывали, что даже они могут говорить и понимать другую сторону, палестинцев. Сообщество, созданное И. Франкенталем, оказалось очень успешным с точки зрения своего функционирования: оно получало щедрое финансирование, организовало ряд образовательных семинаров, политических акций. «Сообщество родите-

лей, лишившихся детей» было не единственной общественной группой, организованной родителями, чьи дети так или иначе пострадали в ходе палестино-израильского конфликта. Подобными организациями были и движения «Хорим негед штика» [«Родители против молчания»] и «Арба имаот» [«Четыре матери»].

Еще одной бывшей на слуху группой, возникшей уже после убийства И. Рабина, стало движение «Дор шалом», или в полном названии – «Дор шалем дореш шалом» [«Поколение мира», в полном названии «Целое поколение хочет мира»], основанное в ноябре 1995 года. Хотя изначальной целью группы была провозглашена «борьба за мир», практически вся ее деятельность свелась к проведению собраний, на которых участники выражали свою скорбь в связи с убийством И. Рабина. Не чуждые социологического анализа критики «Поколения мира» утверждали, что даже скорбь эта была скорее не по убитому человеку или государственному деятелю, а по тому периоду в истории Израиля, когда у власти находилась исключительно секулярная, ашкеназская, социал-сионистская элита. Между тем «Поколение мира» в определенные периоды своей деятельности было очень популярным в обществе (что стало отчасти результатом стечения обстоятельств, отчасти хорошо организованной PR-кампании): численность его членов достигала 28 тысяч человек¹⁴⁸. Вероятно, в начале второй половины 1990-х годов данная организация стала и наиболее щедро финансируемой группой движения «борцов мир», что, впрочем, не предотвратило очень быстрое затухание всей ее деятельности.

Второй важной тенденцией, помимо возникновения новых общественных организаций, стала профессионализация леворадикальных движений. В изменявшихся условиях, когда израильское общество, особенно его «гражданские левые» круги, становилось все более гедонистическим и все менее склонным к бескорыстному подвижничеству, многие группы, прежде функционировавшие как товарищества, сделали ставку на профессиональных менеджеров и специалистов в области PR, которые бы могли организовывать различные кампании в поддержку хоть «движения за мир», хоть «движения за кока-колу». Имевшие большой опыт группы, такие как «Шалом ахшав», долгие шли к подобной трансформации, в то время как новые практически сразу строили

¹⁴⁸ Hermann T. *The Israeli Peace Movement*. С. 146.

свою структуру на этих принципах, вследствие чего сложно сказать, является ли идеология первичной по отношению к финансовой заинтересованности, либо же та или иная идеология является лишь милой «виньеткой» экономических интересов. Отношения между профессиональными менеджерами и активистами были, естественно, напряженными: постепенно во многих группах власть сосредоточилась именно в руках нанятого персонала, а активисты все больше оттеснялись от принятия решений. Особенно остро стоял вопрос о корректировках программ действий и об определении краткосрочных задач: в то время как активисты предлагали те или иные пути, исходя из идейных соображений, то нанятые PR-специалисты, менеджеры и маркетологи исходили из желания максимально повысить популярность группы, в которой они работали, в глазах населения, стремясь «продать» то или иное движение «борцов за мир» как обычный потребительский товар.

Наконец, третьей тенденцией, наблюдавшейся внутри движения за мир в середине 1990-х годов, стала смена формата деятельности. Если в 1980-х годах основной формой публичной активности движения за мир были акции протеста, то с началом «процесса Осло» они уступили место хорошо организованной «народной дипломатии», различным арабо-еврейским форумам и круглым столам. Нельзя сказать, что такой вид деятельности стал чем-то принципиально новым – еще в 1980-е годы отдельные группы и организации поддерживали «народную дипломатию». Различие же состояло в том, что если раньше встречи, форумы и круглые столы преследовали цель реально понять, как противоположная сторона видит конфликт и реальность вообще, то «народная дипломатия» 1990-х годов носила порой очень натянутый, искусственный характер: тематика встреч ограничивалась бытовыми и узко-специальными вопросами. Более того, все большую роль во внутренней жизни движений «борцов за мир» стали играть не собрания, митинги или дискуссии, а те или иные веб-проекты, рассылка по адресам электронной почты и иные формы интернет-деятельности.

* * *

Несмотря на начавшийся вывод израильских войск из арабских городов Западного берега (Иудеи и Самарии), террористические акты становились все более ощутимыми, из-за чего популярность правительства и лично премьер-министра падала

день ото дня. Острота гражданского конфликта приняла угрожающий характер, и апогеем этого процесса стало убийство И. Рабина на площади Царей Израиля в Тель-Авиве 4 ноября 1995 года. Травмированное убийством израильское общество шатнулось в противоположную сторону, обеспечив беспрецедентный уровень поддержки Ш. Пересу, сменившему И. Рабина на посту премьер-министра. «Правая» оппозиция лишилась возможности оппонировать правительству, и вывод израильских войск из арабских городов, вызывавший прежде столько протестов, в рамках реализации «соглашения Осло–2» прошел почти незаметно. Только в Хевроне ситуация оставалась неизменной, поскольку там ввиду наличия в городе еврейской общины требовалось установить особую форму распределения полномочий между Израилем и палестинской администрацией. До выборов 1996 года израильские силы из Хеврона выведены не были; все остальные города Западного берега были переданы под контроль Палестинской администрации.

Глава V.

СНОВА В ОППОЗИЦИИ: «ЛЕВЫЕ» В ДНИ ПЕРВОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА Б. НЕТАНИЯХУ

Казалось, что негодование израильского общества в связи с убийством Ицхака Рабина не оставляло «Ликуду» шансов выиграть досрочные выборы. Но в феврале–марте 1996 года палестинские боевики взорвали несколько переполненных автобусов в Иерусалиме, Тель-Авиве и Афуле, в результате чего погибло свыше восьмидесяти израильтян, сотни человек были изувечены. Ставшая очевидной взаимозависимость между израильскими уступками и эскалацией палестинского террора, явное нежелание главы Палестинской администрации Ясира Арафата бороться с терроризмом, разнузданная антиизраильская и антисемитская пропаганда в официальных СМИ ПНА – все это обусловило резкую перемену в общественном сознании израильтян, и в ходе первых в истории страны прямых выборов премьер-министра, состоявшихся в июне 1996 года, Биньямин Нетанияху был избран новым премьер-министром Израиля. На выборах в Кнессет Партия Труда получила на два мандата больше, чем «Ликуд», но в условиях прямых выборов главы правительства это уже большого значения не имело. Оказавшись во главе самой большой парламентской фракции, Шимон Перес вновь оказался в оппозиции.

Многие в Израиле ожидали, что победа Б. Нетанияху приведет к ревизии «соглашений Осло» и фактическому отказу Израиля от дальнейших переговоров с лидерами ООП. На первых порах новый премьер-министр действительно воздерживался от контактов с Я. Арафатом, но в октябре 1996 года ситуация изменилась. Палестинцы отреагировали на открытие второго выхода из Хасмонейского туннеля, подземного археологического комплекса в Старом городе Иерусалима, организованным выступлением своих боевых отрядов против израильской армии. «Левые» организации, теперь уже совершенно свободные в своем праве на критику (терять уже было нечего), обвинили премьер-министра в том, что санкционированные им

действия (открытие второго выхода из подземного туннеля) и, главное, его уклонение от встречи с палестинским лидером привели к бессмысленному кровопролитию (тогда погибли четырнадцать солдат ЦАХАЛа и шестьдесят девять палестинских арабов). Когда армия подавила вооруженные выступления палестинцев, Б. Нетанияху отправился в Газу и встретился там с Я. Арафатом. Следующим шагом Б. Нетанияху стало подписание 17 января 1997 года Хевронского протокола, на основе которого большая часть города Хеврона, за исключением пещеры Махпела, где находятся могилы библейских патриархов, и ряда кварталов с еврейскими поселенческими комплексами, была отдана под контроль Палестинской администрации. Таким образом, лидер «правого» блока, выступавший в период своей оппозиционной активности как принципиальный противник «соглашений Осло», продемонстрировал, что он не только не находит возможности денонсировать их, но и продолжает на уровне реальной политики двигаться в том же направлении.

С институциональной точки зрения для «левых» радикалов период правления Б. Нетанияху оказался даже более благоприятным, чем 1994–1995 годы. Напуганные сменой власти в Израиле, многие иностранные спонсоры возобновили ранее сокращенное или вообще приостановленное финансирование групп и организаций, «боровшихся за мир». Кроме того, сами «новые левые» вернулись в свое «нормальное» положение в расстановке общественных сил – в оппозицию. Впрочем, это не помогло «левым» радикалам добиться большей общественной поддержки, и когда активисты «*Гуш эмумим*» на голой земле создавали новые и новые поселения, PR-менеджеры из «*Шалом ахшав*» боролись с ними, создавая новый антипоселенческий Интернет-сайт. *«Левые» движения чем дальше, тем больше становились виртуальными.*

Формирование после выборов, состоявшихся в мае 1996 года, кабинета министров лидером партии «*Ликуд*» Б. Нетанияху стало сильнейшим ударом по «новым левым». Помимо того факта, что теперь им предстояло столкнуться с открытой враждебностью правительства в своей адрес, поражение Шимона Переса и блока МЕРЕЦ (парламентская фракция которого сократилась на четверть) означало, что, несмотря на все усилия «архитекторов Осло», большая часть израильского общества поддерживает идеи правых, а именно – более жесткий курс в отношении палестинцев. По данным опроса, проведенного

в июне 1996 года, три четверти респондентов указали, что правительству необходимо занять более жесткую позицию в переговорном процессе с палестинцами¹⁴⁹.

При этом лидеры «левых» партий не отдавали себе отчета в том, что начался процесс постепенного непрерывного сокращения их электоральной базы, который продолжается с тех пор вот уже полтора десятилетия.

Таблица 10

Сокращение численности депутатов от Партии Труда и блока МЕРЕЦ на выборах в Кнессет в 1990-е – 2000-е годы

	Число мандатов Партии Труда	Число мандатов блока МЕРЕЦ	Общее число мандатов «левых» партий	Снижение (%)
Кнессет XIII созыва (23 июля 1992 г.)	44	12	56	–
Кнессет XIV созыва (29 мая 1996 г.)	34	9	43	–23,2%
Кнессет XV созыва (17 мая 1999 г.)	26	10	36	–16,3%
Кнессет XVI созыва (28 января 2003 г.)	19	6	25	–30,6%
Кнессет XVII созыва (28 марта 2006 г.)	19	5	24	–4,0%
Кнессет XVIII созыва (10 февраля 2009 г.)	13	3	16	–33,3%

¹⁴⁹ «Индекс мира», данные за июнь 1996 г.

С 1992 по 2009 гг. общая численность депутатов Кнессета от «левых» партий сократилась более чем на 71%, упав с 56 до 16! В настоящее время Партия Труда и МЕРЕЦ, вместе взятые, имеют меньше мандатов, чем имела в Кнессете первого созыва одна социалистическая партия МАПАМ, в сравнении же с суммарным представительством МАПАЙ и МАПАМ показатели их политических наследников – Партии Труда и блока МЕРЕЦ – хуже более чем в четыре раза: 16 мандатов в 2009 году против 65 – в 1949. Эти фундаментальные электоральные перемены невозможно объяснить только социально-демографическими переменами в израильском обществе, как это делают отдельные авторы: дескать, в связи с ростом числа *сефардов* и религиозных людей в еврейском обществе естественно растет и электорат «правых» партий, что ослабляет позиции «левых». Факт состоит в том, что на выборах 1965 года блок МАПАЙ и МАПАМ получил 56 мандатов – и двадцать семь лет спустя, в 1992 году, сумма мандатов Партии Труда и блока МЕРЕЦ была ровно такой же, несмотря на все социально-демографические перемены, которые, и в самом деле, невозможно оспаривать.

Те, кто списывают всё на «правых» *сефардов* и религиозных людей, игнорируют две принципиальные перемены.

Во-первых, за эти десятилетия и среди *сефардов* сформировались свои «левоориентированные» элиты: так, Биньямин Бен-Элиэзер – председатель Партии Труда в 2001–2003 гг. – является уроженцем Ирака (его семья прибыла в Израиль в 1950 году, когда ему было четырнадцать лет), Амир Перец – председатель Партии Труда в 2006–2007 гг. – является уроженцем Марокко (его семья прибыла в Израиль в 1956 году, когда ему было четыре года) и т.д. Среди министров от Партии Труда и блока МЕРЕЦ было немало этнических *сефардов*: уроженцы Ирака Моше Шахаль, Шломо Бен-Ами и Ран Козн, уроженец Марокко Шимон Шитрит... Эти люди, двое из которых, повторим, возглавляли Партию Труда, вполне могли побудить избирателей *сефардского* происхождения к массовой поддержке «левых» сионистских партий.

Во-вторых, рост доли *сефардов* и людей религиозных среди избирателей практически уравновешивался ростом числа арабских граждан Израиля, доля которых среди избирателей удвоилась (от 8% на выборах в Кнессет третьего и четвертого созывов до 12% на выборах в Кнессет тринадцатого созыва и до более чем 15% в настоящее время). Едва ли можно обвинять «правых» в том, что арабские граждане в большинстве своем в настоящее время голосуют не за «левые» сионистские партии или «списки

меньшинств», а за националистически и все больше антиизраильски настроенных политиков. Обсуждение подобной трансформации политических симпатий арабских граждан Израиля, крайне проблематичной самой по себе для будущего сосуществования обоих народов в едином государстве, лежит за рамками настоящей книги. Однако совершенно очевидно, что не социально-демографические факторы *per se* вбили один за другой гвозди в крышку гроба «левых» сионистских партий. *Причиной резкого сокращения популярности «левых» партий среди еврейского населения страны было прежде всего отторжение большинства населения от навязанного ему «процесса Осло» и глубочайшее разочарование его ходом и результатами. Именно «процесс Осло» больше, чем любой другой социально-демографический или политический фактор, объясняет катастрофическое сокращение электоральной базы «левых» партий, менее чем за двадцать лет растерявших почти три четверти своих избирателей.* «Раскрутив» «процесс Осло», «левые» партии сделали себе политическое хакари. Сказанное, разумеется, не означает, что попытки мирного урегулирования палестинской проблемы не должны были предприниматься (или что они не должны предприниматься в будущем), однако *в демократическом обществе власть не может навязывать обществу политический курс, который это общество, в значительном большинстве своем, считает неприемлемым. Партия Труда и блок МЕРЕЦ пренебрегли этим основополагающим демократическим принципом, узнав после этого на себе, что пословица «что посеешь, то и пожнешь» отнюдь не утратила актуальности.*

В 1996 году это понимали в «левом» лагере очень немногие. Победа чуждого им Б. Нетанияху над Ш. Пересом в 1996 году казалась им столь же случайной и априори несправедливой, как и победа не менее чуждого М. Бегина над Ш. Пересом в 1977 году, а потому доминирующим настроением было стремление как можно скорее свалить ненавистного демократически избранного премьер-министра, в надежде «вернуться к естественному ходу вещей» на новых выборах. Всё десятилетиями списывалось исключительно на невезение. «Говоря о личности Шимона Переса, профессиональные политики любят рассуждать о том, что у него нет харизмы. Для любого политика понятие «харизматичность» весьма многопланово, – писали известные израильские политические обозреватели Илан Кфир и Бен Каспит в 1998 году. – Для Переса это во многом верно в той части, которая на простом язы-

ке называется элементарным везением. А точнее, отсутствием такого»¹⁵⁰. Когда вся проблема состоит как будто в одном лишь «отсутствии везения», и так на протяжении четверти века (!), есть о чем задуматься. Подобно тому, как «левые» не услышали «звон колоколов истории» в 1977, они не услышали его и в 1996. Активисты «левых движений», надеясь на более успешные результаты в скором будущем, задавались скорее тактическими, а не стратегическими вопросами. Движение «борцов за мир» пыталось выработать новый формат деятельности, чем дальше, тем больше ориентируясь на зарубежных спонсоров.

Едва ли не самым существенным просчетом «левых», сделанным многими группами и организациями «борцов за мир», стала неверная трактовка сложившейся ситуации. Старт «процесса Осло» рассматривался ими как начало принципиально новой эпохи, нового пути, свернуть с которого уже невозможно¹⁵¹. Казалось, что даже если у власти окажутся «правые» правительства, они вынуждены будут, соблюдая подписанные Израилем международные договоры, следовать «модели Осло», и мирное урегулирование, пусть и несколько позже, но все же будет достигнуто. Отказ в кредите доверия Партии Труда и блоку МЕРЕЦ рассматривался как исключительно временное явление. При этом считалось, что идея мирного, политического (а не силового) решения, равно как и идея создания Палестинского государства, настолько укоренились в умах людей, что обратить «процесс Осло» вспять просто невозможно¹⁵². Активисты «движения за мир» пребывали в уверенности, что рано или поздно общество осозна-

¹⁵⁰ Илан Кфир, Бен Каспит. *Эхуд Барак. Израильский солдат номер один*. – Тель-Авив: Альфа тикшорет, 1998, с. 376.

¹⁵¹ Этот тезис представлен, например, в написанной в середине 1990-х годов книге профессора кафедры международных отношений Иерусалимского университета А. Селы (Avraham Sela. *The Decline of the Arab-Israeli Conflict*. – Albany: State University of New York Press, 1998), а также во многих других публикациях. Профессор кафедры политологии того же университета М. Хофнунг назвал период, начавшийся в 1992 году, как «Post-Likkud era»; см.: Menahem Hofnung. *Democracy, Law and National Security in Israel*. – Boston: Dartmouth, 1996.

¹⁵² Лили Галили. Уход без проведения границ // *Ха'арец*, 08.09.1997 [на иврите].

ет бессмысленность силового пути и вновь поддержит предлагаемый ими путь политического и территориального компромисса. Несмотря на то, что такая интерпретация событий не подтверждалась практически никакими социологическими опросами того периода и оказалась неверной в исторической перспективе, она была чрезвычайно распространенной среди «левых».

Из данных опросов 1990-х годов очевидно, что тот путь, к которому неминуемо вел «процесс Осло» (вариант конфедерации с Иорданией исключался, ибо представители Иордании практически не участвовали в этих переговорах) – создание независимого Палестинского государства, – в среднем поддерживали не более 20–25% граждан страны (речь в данном случае идет о еврейском социуме). Около 30% выступали при этом за аннексию в той или иной форме территорий Западного берега и Газы, а еще около 30% – за предоставление жителям этих территорий той или иной формы автономии, которая бы, однако, не привела их к обретению государственной независимости. *Продвигавшаяся новыми «левыми призыва 1967 года» «логика Осло» как была, так и оставалась на протяжении всех 1990-х годов чуждой для большинства израильтян.*

Слабость «левых» движений проистекала также из их организационных особенностей, во-первых, и особенностей менталитета их активистов, во-вторых. Поражение на выборах «левых» партий совпало с ослаблением традиционно поддерживавших их общественных структур – профсоюзов, *киббуцного* движения и бойскаутских молодежных организаций. Резкий рост насилия и террора, сопровождавшие «процесс Осло», деморализовали многих из тех, кто, в принципе, был не против попытки достижения политического урегулирования с палестинцами. Кроме того, «левые» движения в отличие от тех или иных «правых», поселенческих и религиозных организаций пользовались поддержкой почти исключительно в северных и центральных районах Тель-Авива и нигде, кроме как в Тель-Авиве, собрать представительный митинг были не в состоянии. При этом потенциальные участники акций новых «левых» в подавляющем большинстве своем были морально не готовы прибегать к крайним формам протеста. Перекрывать дороги, вступать в стычки с полицией, идти на конфронтацию с армией с риском получить травму или оказаться в камере предварительного заключения – все эти действия, столь типичные для многих десятков тысяч убежденных в своей правоте сторонников «правых» движений, были заведомо неприемлемыми для подавляющего большинства «левых».

Таблица 11

Поддержка израильским обществом различных путей решения проблемы контролируемых территорий в 1990-е годы¹⁵³ (%)

	1990	1993	1994	1995	1996	1997	1998
Аннексия территорий Иудеи, Самарии и Газы и трансфер их жителей	13	13	15	15	9	7	10
Аннексия территорий, но без трансфера их жителей, хотя и без предоставления арабам полных гражданских прав	20	14	15	14	11	12	16
Аннексия территорий, с предоставлением живущих на них арабам полных гражданских прав	8	7	5	7	4	5	4
Сохранение израильского контроля над территориями без их аннексии и без изменения статуса их жителей	9	7	–	–	–	–	–
Предоставление палестинским арабам Западного берега и Газы той или иной формы автономии	24	28	36	25	28	32	30
Возвращение большей части контролируемых территорий Иордании	19	19	14	8	4	5	4
Создание конфедерации между Иорданией и ПНА	–	–	–	18	22	11	11
Создание Палестинского государства	7	7	15	13	22	28	25

¹⁵³ Данные извлечены из: Ашер Ариан. *Безопасность в тени угрозы*. С. 102.

Внутри самого движения «борцов за мир» происходили сразу несколько процессов, связанных с попытками найти выход из сложившейся ситуации. Первым явлением, характеризующим «левый» лагерь во второй половине 1990-х годов, стал переход части его активистов из общественной сферы в политическую, а вторым – создание рядом видных политиков, в прошлом активно продвигавших «мирный процесс», своих «карманных» общественных организаций. Так, движение «*Дор шалом*» [«Поколение мира»], изменив одну букву в своем названии, вследствие чего слово «мир» из него исчезло и оно стало называться «*Дор шалем*» [«Целое поколение»], всерьез обсуждало возможность участия в парламентских выборах, дабы получить в Кнессете собственную фракцию и через нее продвигать свои идеи. Именно в этом движении, функционировавшем на средства бывшего в 1986–1993 годах главой Объединения промышленников Дова Лаутмана (он также на протяжении многих лет возглавлял совет директоров Тель-Авивского университета), началась политическая карьера Талья Зильберштейна – одного из самых влиятельных политических консультантов в Израиле в последние годы, непосредственно работавшего с тремя главами правительств страны: Эхудом Бараком, Эхудом Ольмертом и Биньямином Нетанияху. В итоге, опасаясь провала, движение «*Дор шалем*», хотя и сделало сына Ицхака Рабина Юваля своим председателем, отказалось от участия в выборах, однако сам прецедент показателен. При этом, как указывалось ранее, ряд активистов «*Шалом ахшав*» стали активными политическими деятелями, попав в Кнессет: Деди Цукер, Цали Решеф, Юли Тамир и другие.

Более заметной на внутриизраильской и международной арене была обратная тенденция – стремление высокопоставленных политиков, по тем или иным причинам оставшихся не у дел, создавать свои общественные организации, через которые они могли сохранять ту или иную степень вовлеченности во внутри- и внешнеполитические процессы, а также получать финансирование своей деятельности. Так, после поражения на выборах 1996 года Шимон Перес основал «Центр мира Шимона Переса» («The Peres Center for Peace»), декларируемая цель которого состояла в «претворении в жизнь проекта “Нового Ближнего Востока”, где процветали бы экономическое сотрудничество и мир между народами». Костяк новой группы составили отставные политики и государственные деятели,

которые лишились своих постов после поражения Партии Труда на выборах. Такой состав нового общественного движения вызвал у многих израильтян вопросы и сомнения в этичности самого начинания, которое представлялось как попытка обойти результаты народного волеизъявления и сохранить влияние, но уже находясь вне парламента. С самого начала «Центр Переса» выбрал своей основной формой деятельности не организацию уличных протестов и митингов, а проведение форумов, конференций и семинаров, на которых его сотрудники разъясняли бы преимущества политического курса основателя организации. Задача эта оказалась тем более несложной, что в международный совет «Центра Переса» входили и входят многие известные общественные и политические деятели (среди них – бывший госсекретарь США Уоррен Кристофер, бывший председатель Европарламента Симона Вейль, бывший президент Польши Александр Квасьневский, бывший президент Кипра Георгиос Василиу, бывшая глава Бундестага Рита Зюсмут, Лауреат Нобелевской премии мира южноафриканский епископ Десмонд Туту, знаменитый перуанский писатель Марио Варгас Льюса и многие другие)¹⁵⁴, которые своим авторитетом обеспечивали солидные спонсорские ассигнования. На этой почве между уже существовавшими группами и движениями «новых левых» и «Центром Переса» не раз возникали конфликты, так как поток финансирования, особенно из-за границы, в значительной мере переориентировался именно на эту новую структуру.

Второй организацией, созданной в 1995–1996 годах отставными политиками, стала «Копенгагенская группа» (полное название – «Международный альянс в поддержку мира между Израилем и арабами»)¹⁵⁵. В ее состав входили многие видные деятели как из Израиля, так и из Египта и Иордании, интеллектуалы, бывшие высокопоставленные дипломаты, представители СМИ, среди которых выделялись бывший генеральный директор израильского МИДа Давид Кимхи (1928–2010), видный египетский интеллектуал д-р Луфти аль-Хули (он ушел из жизни в 1999 году), бывший командующий ВВС Иордании генерал

¹⁵⁴ Список членов Международного совета «Центра Переса» (International Board of Governors of the Peres Center for Peace) получен в самой организации.

¹⁵⁵ Tamar Hermann. *The Israeli Peace Movement*. С. 153–156.

Ашан Шудром, президент Университета Аль-Кудс в Иерусалиме Сари Нуссейба и некоторые другие. В отличие от многих других организаций, выступавших за мирное урегулирование с палестинцами, «Копенгагенская группа» на регулярной основе приглашала для обсуждений представителей категорически не принимавших «процесс Осло» Народного фронта освобождения Палестины, Демократического фронта освобождения Палестины и ХАМАСа. «Копенгагенская группа» получала немалое финансирование из внешних источников, но никакой массовой деятельности при этом не вела; как выразился Давид Кимхи, «стоять на улице с плакатом – очень непривычное занятие»¹⁵⁶. Поэтому организация сосредоточилась на проведении конференций и форумов, а также лоббировании «мирного процесса» в высших властных эшелонах Израиля и арабских стран.

Деятельность «Копенгагенской группы» была в целом неудачной. Израильские средства массовой информации, за исключением газеты «Ха'арец», практически игнорировали ее, в арабских же странах «Международный альянс в поддержку мира» встретил скорее враждебность и непонимание, а участвующие в нем арабские представители клеймились чуть ли не как предатели. В целом практически незамеченная израильскими СМИ «Копенгагенская группа», несмотря на солидный состав ее участников, оказалась неспособна повлиять на ситуацию, и ее деятельность не принесла практически никаких результатов.

Формирование «Копенгагенской группы» под патронажем министра иностранных дел Дании и главного редактора одной из ведущих датских газет «Politiken» создало нетривиальную модель: *никем не избранные и никем не уполномоченные общественные деятели, оппозиционные политике демократически избранного правительства Израиля, выступая сузубо в личном качестве, при поддержке и на средства иностранных общественно-политических структур, вели переговоры с арабскими общественными и политическими деятелями об условиях, масштабе и параметрах израильских территориальных и иных уступок*. Относиться к этому можно по-разному: кто-то увидит в этом торжество «народной дипломатии», вы-

¹⁵⁶ См.: David Kimche. Winning over public opinion // *Middle East Round Table*, August 2003, № 1 (5).

теснящей таким способом «неповоротливую» дипломатию официальную, тогда как кто-то другой задастся вопросом, а не подпадает ли всё это под статью «измена родине». У разных людей будет, естественно, разное к этому отношение, но сам факт подобного формата переговоров нельзя не отметить.

Вторым характерным явлением внутри израильского движения за мир стала окончательная переориентация с уличных протестов на виртуальную деятельность в сети Интернет. Главными причинами использования Интернета во все возраставших масштабах стала потеря внимания со стороны средств массовой информации к «левым» радикалам, с одной стороны, и нежелание большинства их молодых сторонников хоть что-либо делать без материального вознаграждения, с другой. Широкомасштабное освещение является необходимым элементом успеха любого публичного протеста, однако, во второй половине 1990-х годов даже те издания и теле- и радиоканалы, которые традиционно поддерживали «левых», стали все больше дистанцироваться от движения «борцов за мир» и вообще от всего, что связано с «левым» радикализмом¹⁵⁷. В этих условиях именно создание сайтов в сети Интернет, массовая рассылка на адреса электронной почты стали дешевыми и до определенной степени эффективными заменителями уличным протестам.

Такая трансформация имела как положительные, так и отрицательные последствия. С одной стороны, Интернет позволил многим группам обрести относительно дешевый способ донести свои идеи до населения, что снижало их затраты. Кроме того, создание веб-сайта или осуществление рассылки по электронной почте требуют иных, менее технически и организационно сложных навыков, чем организация публичной акции. Наконец, информация, переданная по Интернету, доходит до адресата значительно быстрее и практически не поддается цензуре. Между тем перенесение основной деятельности в виртуальное пространство имело и серьезные отрицательные последствия для «левых» сил: письма, получаемые через электронную почту, зачастую «тонут» в огромном массива спама, рассылаемого всевозможными заинтересованными лицами и

¹⁵⁷ См.: Омри Долев. Целое поколение в поисках себя // *Ха'ир*, 29.03.1998 г. [на иврите].

организациями, не говоря уже о том, что ставка на Интернет привела к изоляции движения «борцов за мир» от основной массы неподписанного на рассылки «левых» населения, ограничив деятельность движения «борцов за мир» только сегментом его реальных или потенциальных сторонников.

Третьим важным процессом, происходившим внутри движения за мир в 1996–1999 годах, стало возникновение новых групп, которые, однако, рассматривали мир не как конечную цель, а как необходимое условие для достижения декларируемых ими целей. Первой такой организацией стал возникший в 1998 году «Профиль хадаш» [«Новый профиль»], главным лозунгом которого была демилитаризация израильского общества¹⁵⁸. Как отмечали видные израильские социологи проф. Дан Хоровиц и проф. Моше Лиссак, обязательная воинская служба – как срочная, так и резервистская – сопряжена не только с личным риском для жизни каждого солдата и офицера, но и с известными ограничениями свободы слова и свободы передвижения, а также финансовыми издержками. Вместе с тем служба в армии сопряжена в Израиле (во всяком случае, так было до сих пор) с различными социальными «вознаграждениями», так как повышает общественный статус прошедших ее молодых людей, становясь для них своего рода «входным билетом» на отдельные престижные должности и связанные с секретностью работы как в государственном, так и в частном секторе. Более того, служба в армии воспринимается многими в Израиле как необходимый этап формирования гражданского статуса личности, не пройдя который невозможно стать «настоящим израильянином»¹⁵⁹. Именно против этого и выступали основатели группы, ставившие своей целью построение в Израиле открытого гражданского общества, не зависящего от силовых структур и навязываемых ими мировоззрения и системы

¹⁵⁸ Информация об этой организации была получена автором в ходе встречи с одним из ее основателей, Шахаром Шницером.

¹⁵⁹ См.: Dan Horowitz. The Israel Defence Forces: A Civilized Military in a Partially Militarized Society // *Soldiers, Peasants and Bureaucrats* / ed. by R. Kolkowocz and A. Korbonski. – London: George Allen, 1982, с. 77–106; Moshe Lissak. Convergence and Structural Linkages Between Armed Forces and Society // *The Military, Militarism and the Polity* / ed. by M. Martin and E. Steth. – New York: Free Press, 1984, с. 50–62.

ценностей. Для того, чтобы такое общество могло сформироваться, важно добиться отмены обязательной воинской повинности, для чего необходимо урегулировать палестино-израильский и, шире, арабо-израильский конфликт. Надо сказать, что это крайне сложное для достижения условие – урегулирование арабо-израильского конфликта – было, возможно, все равно недостаточным для того, чтобы организация «Новый профиль» смогла достичь своих целей. По данным опроса, проведенного в еврейском секторе населения в 1998 году, т.е. ровно в год основания организации, лишь 21% израильтян поддерживали идею о том, что «в эпоху мира» страна перейдет на контрактную армию, основанную на принципе добровольного призыва; 44% были уверены, а 35% склонялись к тому, что обязательный призыв и в этом случае стоит сохранить. Впрочем, пока эта «эпоха мира» не наступила, за переход к контрактной армии высказались всего 9% опрошенных, тогда как 64% выступали за ультимативное сохранение обязательного призыва (еще 27% склонялись к этому)¹⁶⁰. Таким образом, хотя с формальной точки зрения достижение мирного урегулирования не являлось конечной целью организации, оно было необходимым условием для успеха борьбы за демилитаризацию общества. «Новый профиль» стал первой леворадикальной группой, которая отказалась от какой-либо формальной организационной структуры: единственным назначаемым функционером был ответственный за финансы, вся же остальная работа строилась на индивидуальной основе. Этим основатели группы стремились избежать выстраивания иерархии и внутренней борьбы за статус, престиж и влияние.

В связи с тем, что «Мир сейчас», «Центр мира Шимона Переса» и другие организации всё больше занимались всем сразу и ничем конкретно, а их аппарат решал свои собственные проблемы, становясь практически недоступным для рядовых активистов, с одной стороны, и тех, кому требовалась помощь, с другой, постепенно стали появляться группы, ориентированные на продвижение какой-либо одной, более узкой, темы. Такой группой стал «Общественный комитет против разрушения домов» (The Israeli Committee Against House Demolitions), зарегистрированный Уполномоченным по регистрации

¹⁶⁰ См.: Ашер Ариан. *Безопасность в тени угрозы*. С. 68.

товариществ при Министерстве внутренних дел Израиля (ныне – при Министерстве юстиции) 17 августа 1998 года¹⁶¹, и стремившийся бороться самыми разными средствами против разрушения домов арабов, построенных без получения принятых в таких случаях разрешений от органов государственной и муниципальной власти. По мнению членов группы, подобная практика систематического разрушения домов представляла собой наиболее brutальный символ оккупации, унижение человеческого достоинства и просто ничем неоправданную жестокость в отношении нуждающегося населения. Деятельность «Общественного комитета» сконцентрировалась на двух параллельных направлениях: юридическом и протестном. В рамках первого активисты движения подавали иски в суды с требованием объяснить, почему разрушение того или иного возведенного строения столь необходимо в том или ином конкретном случае. Было подано несколько петиций в Верховный суд, который в ряде случаев удовлетворил иски «Комитета», запретив разрушение домов. Между тем, несмотря на эти локальные успехи, Верховный суд так и не вынес столь ожидаемого активистами группы решения – о неправомерности политики разрушения домов как таковой. В рамках протестного движения члены «Комитета» пытались на местах остановить израильскую технику и не допустить разрушения домов. Эта тактика принесла значительно меньше плодов, так как в большинстве случаев протест не имел никакого влияния, а иногда преграждавшие путь бульдозерам люди даже привлекались к суду за противодействие исполнению судебного решения. В 2004 году в США было создано отделение «Комитета», исполнительный комитет которого возглавляет адвокат Том Стерн из города Дарем в штате Северная Каролина, а директором является Эллис Кристалл – преподаватель отделения английской языка и литературы и сравнительного литературоведения Университета штата Северная Каролина.

Кроме того, чрезвычайно успешной во второй половине 1990-х годов была организация «Арба имаот» [«Четыре матери»],

¹⁶¹ Из документов этого «Комитета» (товарищество №58-032-757-5) следует, что он был зарегистрирован по адресу проживания одного из его членов, Яакова Манора, в обычной городской квартире в многоквартирном доме по ул. Арлозорова, 44 в Кфар-Сабе. Я. Манор проживает там до сих пор.

которая ставила своей главной целью добиться вывода израильских войск из Южного Ливана¹⁶². Организация возникла достаточно спонтанно – после того, как 4 февраля 1997 года в воздухе столкнулись два вертолета, на которых солдаты ЦАХАЛа направлялись в Южный Ливан, и 73 военнослужащих погибли, матери четырех из них – Рахель Бен-Дор, Мири Сэла, Ронит Нахмиас и Захара Антаби – решили объединить усилия и начать общественную кампанию, целью которой был вывод всех израильских сил с территории Ливана. В общественном сознании эта группа приобрела образ очень влиятельной организации; так, в опросе, проведенном в мае 2000 года, когда было реализовано принятое незадолго до этого правительством Эхуда Барака решение о полном выводе сил ЦАХАЛа из Ливана, 36% респондентов высказали мысль, что «Четыре матери» сыграли важную роль в решении о выводе израильских войск из Южного Ливана, а еще 19% опрошенных подчеркнули, что у группы есть, пусть и ограниченное, но все же заметное политическое влияние¹⁶³. Основательницы и активистки «Четырех матерей» стремились создать не просто еще одну феминистскую леворадикальную группу, каковой была, к примеру, «*Бат шалом*» [«Дочь мира»], а как бы политически нейтральную организацию матерей. Мотив матери, который, с одной стороны, не представлял никакой угрозы в сознании мужчин (в отличие от феминистского мотива), а с другой, – был приемлем абсолютно для всех сегментов общества, предопределил те успех и влияние, которыми пользовалась группа в израильском обществе. Одновременно эта «общеприемлемость» стала предметом критики со стороны леворадикальных групп. Так, активистки группы «*Нашим бе'шахор*» [«Женщины в черном»] обвиняли «Четыре матери» в чрезмерной размытости и недостаточной радикальности программы, «в принесении гражданственности в жертву материнству». При этом группа «Четыре матери» стала одной из немногих неправительственных некоммерческих организаций, которая могла, получая щедрые ассигнования из-за рубежа (прежде всего из стран Западной

¹⁶² См.: Dafna Lemish, Inbal Barzel. “Four Mothers”. The Womb in the Public Sphere // *European Journal of Communication*, 2000, vol. 15, no. 2, с. 147–169.

¹⁶³ «Индекс мира», данные за май 2000 г.

Европы), не опасаться за свой статус в обществе. В то время как другие общественные организации периодически подвергались общественной критике за получение денег из-за границы, «Четыре матери», в целом, пользовались доверием населения, независимо от источника их финансирования.

Разумеется, не «Четыре матери» развалили первое правительство Биньямина Нетанияху, однако в этом случае пословица о том, что «капля камень точит», представляется в высшей степени верной. На протяжении трех лет его правления в обществе неуклонно росло недовольство премьером и его кабинетом. Правительство «*Ликуда*» не раз балансировало на грани падения, а едва ли не еженедельные голосования по вотумам недоверия кабинету стали рутинной частью работы Кнессета. В последние месяцы пребывания Б. Нетанияху у власти в СМИ постоянно обсуждался вопрос о досрочных выборах. И все же решение о проведении в мае 1999 года внеочередных выборов стало, по выражению одного израильского журналиста, «долгожданной неожиданностью».

Б. Нетанияху, объявляя о роспуске Кнессета и досрочных выборах, явно переоценил свои позиции, считая, что его достижения во внутренней политике – значительное сокращение бюджетного дефицита, падение инфляции с 12% до 4%, эффективная борьба с террором, а также жесткий стиль в переговорном процессе – принесут ему новую победу. Однако зигзагообразная внешняя политика, раздражавшая и «правых», и «левых», а также неприемлемый даже для соратников стиль руководства и бесконечные скандалы в правительстве привели к поражению Б. Нетанияху на выборах. За нового лидера Партии Труда Э. Барака проголосовали 17 мая 1999 года 1 миллион 791 тысяча избирателей (56,1%), за Б. Нетанияху – почти на четыреста тысяч человек меньше (1 миллион 402 тысячи человек, или 43,9%). При этом и Партия Труда, и «*Ликуд*» получили значительно меньше голосов, чем прежде; в сумме восемнадцать мандатов получили три партии, позиционировавшие себя как центристские: Партия Центра, «*Шинуй*» и список преимущественно русскоязычных израильтян «*Израэль ба'алия*» (ИБА) во главе с Натаном Щаранским.

Глава VI.

«ПОДНЯТЬСЯ, ЧТОБЫ РАЗБИТЬСЯ»: «ЛЕВЫЙ» ЛАГЕРЬ И КРАХ «ПРОЦЕССА ОСЛО»

Поражение Б. Нетанияху на выборах в 1999 году открыло новую страницу в истории «процесса Осло» и движения «борцов за мир». Эхуд Барак победил Биньямина Нетанияху с отрывом, более чем в десять раз превышавшим отрыв Б. Нетанияху от Ш. Переса за три года до этого. Вместе с тем более внимательное изучение протоколов Центральной избирательной комиссии Израиля показывает, что никакого общественного консенсуса вокруг кандидатуры Эхуда Барака не было. В столице страны – Иерусалиме – он проиграл Биньямину Нетанияху с разгромным счетом (35,4% против 64,5%), во всех городах, южнее Гуш-Дана (кроме Эйлата и Арада), Э. Барак тоже проиграл (в самом крупном городе юга страны – Беэр-Шеве – за него проголосовали только 45,0% избирателей, против 54,9% за Б. Нетанияху, в Ашдоде соотношение было 41,0% против 58,9%, в Ашкелоне – 39,5% против 60,4%, в Сдероте – 29,2% против 70,7% и т.д.), равно как и в большинстве населенных пунктов на севере страны: 31,3% против 68,8% за Б. Нетанияху в Твери, 26,3% против 73,6% в Бейт-Шеане, 28,8% против 71,1% в Цфате, 43,1% против 56,8% в Мигдаль-Ха'эмеке, 38,4% против 61,5% в приграничном городе Кирыят-Шмона. Даже в центре страны Э. Барак проиграл Б. Нетанияху в Хадере, Нетании и Ор-Акиве. Действительно, Э. Барак буквально нокаутом разгромил Б. Нетанияху в поселке миллионеров Кфар-Шмарьяху (90,5% против 9,4%), а также добился большинства голосов в Тель-Авиве, Хайфе и их пригородах¹⁶⁴, но все же этим Израиль не ограничивается. Эхуд Барак и его приближенные изрядно потрудились для создания образа «премьер-министра, избранного всем народом», но образ этот,

¹⁶⁴ Результаты голосования по населенным пунктам приводятся по данным протоколов Центральной избирательной комиссии Израиля.

как и остальные образы политической мифологии, очень далек от действительности.

Приход к власти Э. Барака во главе Партии Труда вызвал волну энтузиазма среди «левых» активистов. Между тем короткая – лишь чуть более полутора лет – каденция Э. Барака обернулась ни чем иным, как крахом всего каркаса «мирного процесса». Нет единой точки зрения на то, какая дата может служить своего рода водоразделом, точкой невозврата в неудаче «процесса Осло»: июль 2000 года (провал саммита в Кэмп-Дэвиде), конец сентября 2000 года (начало второй интифады) или же февраль 2001 года (приход к власти Ариэля Шарона). То, что именно Эхуд Барак и члены его команды, довели переговорный процесс с ООП до своего логического конца, закончившегося новым витком масштабного насилия, сомнению не подлежит.

Начало правления Э. Барака было, между тем, временем огромных надежд для «левых» сил. Наиболее привлекательным и для израильского общества в целом, и для движения «борцов за мир» стал образ Э. Барака как приверженца «дела Рабина», мирного процесса и при этом боевого генерала и недавнего начальника Генерального штаба, очевидно компетентного в вопросах военной стратегии и безопасности. Более того, социальное происхождение нового премьер-министра (секулярный «левый», выросший в *киббуце* Мишмар-Ха'шарон) позволяло активистам движения за мир надеяться на большую степень благосклонности с его стороны. Отчаяние и фрустрация, в которой многие активисты движения пребывали с момента убийства И. Рабина, сменилась надеждой на позитивные перемены.

У Э. Барака были изначально другие планы. Во-первых, сам он по мировоззрению отнюдь не был «левым» радикалом, и та или иная версия «плана Алона»¹⁶⁵ нравилась ему куда

¹⁶⁵ План политического урегулирования конфликта между Израилем и его соседями был разработан заместителем премьер-министра Игалем Алоном (1918–1980) сразу после Шестидневной войны и предусматривал сохранение под израильским контролем «пояса безопасности» вдоль реки Иордан, отрезающего гористую центральную часть Западного берега и занимающего примерно треть его территории; остальную часть территории Западного берега

больше, чем идея о полном уходе Израиля со всех занятых в ходе Шестидневной войны территорий. Во-вторых, по сугубо электоральным причинам Э. Барак не хотел связывать себя в общественном сознании с «леваками», он понимал, что его единственный шанс прийти к власти и удержаться там состоит в позиционировании себя в качестве прагматичного центристского государственного деятеля, легитимация которого укоренена в армии, а не в организациях «отказников» от службы. Имея пять орденов, полученных за боевую доблесть (больше, чем получил кто-либо из солдат и офицеров ЦАХАЛа за все годы его существования), Эхуд Барак именно в этом качестве идеально отвечал тому духу «гражданского милитаризма», который существовал и существует в израильском обществе. Если по данным массовых опросов 1994–1995 годов (а именно тогда Эхуд Барак начинал свою политическую деятельность в высших эшелонах власти страны) индекс общественного доверия к Кнессету составлял лишь 41%, к правительству – 40%, к политическим партиям и движениям – 21%, а к армии – 90%¹⁶⁶, то непонятно, зачем Эхуду Барак было отказываться от своего естественного – и при этом столь популярного в обществе – источника легитимации во имя идентификации с куда менее популярными структурами и идеями.

этим планом предусматривалось вернуть Иордании. Предполагалось также, что Израиль оставит за собой Голанские высоты, подступы к Рафияху и прибрежную полосу между Эйлатом и Шарм аш-Шейхом. Официально ни одно из правительств Израиля не приняло план Алона, однако фактически до 1977 года именно параметры плана Алона определяли направления развития поселенческой деятельности на контролируемых территориях. После заключения израильско-египетского договора о мире, по которому весь Синайский полуостров (включая подступы к Рафияху и прибрежную полосу до Шарм аш-Шейха) был возвращен Египту, и создания десятков еврейских поселений в районах Западного берега, которые, согласно плану Алона, должны были быть возвращены Иордании, значение этого документа постепенно сошло на нет. О разных версиях «плана Алона» см.: Алек Д. Эпштейн. *Израиль и (не)контролируемые территории*. С. 58–65.

¹⁶⁶ См.: Ephraim Yuchtman-Ya'ar, Yochanan Peres. *Between Consent and Dissent: Democracy and Peace in the Israeli Mind*. С. 39.

Несмотря на фактический отказ Э. Барака от сотрудничества с «левыми» движениями «борцов за мир», многие активисты полагали, что его победа на выборах 1999 года всё изменит принципиальным образом. Некоторые представители движения «борцов за мир» зашли настолько далеко, что заявили о невозможности «внепарламентских движений. Поскольку внепарламентские группы неформальны, они имеют мало шансов повлиять на лидеров страны. “Мир сейчас” попытался представить альтернативную программу действий, но провалился»¹⁶⁷.

Представляется, что *активисты «движения за мир» не осознавали, что с учётом общественных настроений, они являлись для Эхуда Барака не подспорьем, а балластом.* Едва ли новоизбранного премьер-министра сильно порадовало объявление в четверть полосы на первой странице приложения к газете «Ха'арец», опубликованное т.н. «Советом за мир и безопасность» в день оглашения Центризбиркомом результатов выборов: «Эхуд Барак, мы поздравляем Вас с победой на выборах. Мы горды, что сотни наших членов мобилизовались во имя борьбы за успех пути мира. Мы ожидаем от Вас начать со всей энергией мирный процесс и прийти к комплексному урегулированию с нашими соседями, потому что мир – главный компонент безопасности»¹⁶⁸. Едва ли только что избранному премьер-министру, до этого возглавлявшему, среди прочего, военную разведку и Генеральный штаб, было приятно, когда ему объясняли, что есть главный компонент безопасности, что ему нужно начинать и кому он якобы обязан своим избранием.

Израильское общество было глубоко расколото, и политика Э. Барака в первые месяцы его нахождения у власти также вызвала неоднозначную реакцию. Решение, принятое премьер-министром – сделать ставку на переговоры с Сирией в ущерб продвижению на палестинском направлении, – находило одобрение лишь у 17% израильтян, в то время как 58% желали, чтобы переговоры с Сирией и палестинцами шли одновременно. Наконец, разногласия имелись и в вопросе о том, каковы же взгляды и программа нового премьер-министра. Лишь около половины опрошенных в августе 1999 года евре-

¹⁶⁷ Далия Шхори. Кнессет – сейчас, мир – потом // *Ха'арец*, 01.02.1999 [на иврите].

¹⁶⁸ *Ха'арец*, 20.05.1999 [на иврите].

ев-израильтян охарактеризовали Э. Барака как «левого», чуть менее трети – как «умеренного центриста», а 10% вообще называли его «правым»¹⁶⁹.

Неудачная попытка достижения урегулирования с Сирией

Сразу после того, как он был избран на пост премьер-министра и сформировал правительство, Эхуд Барак заявил о своем стремлении добиться комплексного мирного урегулирования – и в отношениях с Сирией, и с Ливаном, и с палестинцами. По его словам, он чувствовал, что Израиль и Ближний Восток «вот-вот врежутся в айсберг, что может произойти катастрофа, и что политические лидеры несут моральную и политическую ответственность за то, чтобы попытаться ее избежать»¹⁷⁰. Времени было не так уж и много: максимум полтора года, остававшиеся до конца второго президентского срока Б. Клинтона, ибо какая администрация придет к власти в США после выборов и каковы будут ее ближневосточные ориентиры, было на тот момент совершенно неясно. Нельзя было сбрасывать со счетов и факторы регионального значения: в тот момент, когда Иран, Ирак или любая другая мусульманская страна Ближнего Востока обзавелась бы ядерным оружием, или когда исламские фундаменталистские организации пришли бы к власти в государствах, граничащих с Израилем (будь то в Египте, Иордании или в Ливане), ситуация бы изменилась кардинальным образом.

Возможно, наибольшее беспокойство палестинцев вызвало первоначальное решение Э. Барака сосредоточиться на переговорах с Сирией за счет приостановки переговоров с ними – решение, которое Я. Арафат расценил как тройной удар. Палестинцы увидели в этом, во-первых, инструмент давления, предназначенный изолировать их; во-вторых, тактику проволок, из-за которых будет потеряно драгоценное время; в-третьих, публичное глумление над ними с целью «поставить

¹⁶⁹ «Индекс мира», данные за август 1999 г.

¹⁷⁰ Benny Morris, Ehud Barak. Camp David and After // *The New York Review of Books*, vol. 49, no. 10, 13.06.2002.

их на место»¹⁷¹. Годами Сирия ничего не предпринимала для улучшения отношений с Израилем: с ее стороны не было ни признания еврейского государства, ни согласия на двусторонние контакты, ни даже приостановки поддержки организаций, продолжающих вооруженную борьбу против Израиля. В то же время ООП признала Израиль, имели место бесчисленные переговоры представителей сторон «с глазу на глаз», а израильские и палестинские службы безопасности работали рука об руку. Несмотря на все это, Хафез Асад, а не Ясир Арафат, был первым лидером, расположения которого искало новое израильское правительство.

В марте 2000 года, после провала Женевской встречи между Б. Клинтон и Х. Асадом, стало ясно, что Сирия следует своим курсом, не совпадающим с планами и надеждами израильтян и американцев. «Только тогда Э. Барак предпочел дать «полный вперед» на переговорах с палестинцами, отведя лишь несколько месяцев на достижение постоянного соглашения, – отмечают Х. Агха и Р. Малли. – Но к тому времени настрой другой стороны уже стал невосприимчивым»¹⁷².

Э. Барак не отрицает того, что прежде всего он стремился достичь мирного соглашения с Сирией. Свою позицию он аргументирует следующим образом: «Я всегда поддерживал стратегию «прежде всего Сирия», потому что у Сирии есть сильная армия, оснащенная большим количеством химического и биологического оружия, а также ракетами для его доставки. В определенных обстоятельствах это может являться угрозой самому существованию Израиля. Учитывая сложившуюся региональную обстановку, можно с крайне высокой степенью вероятности предположить, что заключение мирного соглашения с Сирией сразу приведет и к мирному договору с Ливаном. Более того, несмотря на все сложности сирийско-израильских отношений, проблемы, существующие между двумя странами, решить все же проще, чем проблему палестинскую. Если мы договоримся о мире с Сирией, способность палестинцев обострять и расширять конфликт будет резко ограничена. С другой стороны, решение палестинской

¹⁷¹ См.: Hussein Agha, Robert Malley. Camp David: The Tragedy of Errors // *The New York Review of Books*, vol. 48, no. 13, 09.08.2001.

¹⁷² См. там же.

проблемы не ограничит способность Сирии угрожать существованию Израиля»¹⁷³.

По словам Э. Барака, подобным же образом рассуждал и И. Рабин. Но Э. Барак подчеркнул, что придя к власти, он сразу же сказал Я. Арафату, что стремится к миру с Сирией, однако переговоры с ней будут вестись не в ущерб переговорам с палестинцами. До этого полномочный представитель прошлого премьер-министра Израиля Биньямина Нетанияху Рональд Лаудер провел интенсивные тайные переговоры с сирийцами¹⁷⁴, которые «казались очень интересными. Казалось, что дело идет к прорыву в двухсторонних отношениях. Было бы крайне безответственно не изучить сложившуюся ситуацию и возможности, которые открывались в этой связи», – убежден Э. Барак¹⁷⁵.

Инициатива Б. Нетанияху – Р. Лаудера предполагала отход Израиля с Голанских высот до линии, проходящей в нескольких десятках метров к востоку от реки Иордан и озера Кинерет. Внутри правительства существовала мощная оппозиция столь далеко идущим уступкам; в частности, против них резко выступали Ариэль Шарон, бывший тогда министром иностранных дел, и Ицхак Мордехай, тогдашний министр обороны. Э. Барак предложил тогдашнему президенту Сирии Х. Асаду более выгодные условия соглашения, чем те, на которые было готово пойти правительство Б. Нетанияху. По сути, он предложил вернуться к линии границы, фактически существовавшей 4 июня 1967 года [то есть накануне начала Шестидневной войны],

¹⁷³ Morris B., Barak E. Camp David and After.

¹⁷⁴ Согласно сообщениям израильских газет, в августе – ноябре 1998 года Рональд Лаудер совершил десять челночных перелетов по маршруту Иерусалим – Дамаск и согласовал черновик мирного договора между Израилем и Сирией, согласно которому Израиль должен был отойти к линии размежевания 1923 г., т.е. уйти со всей территории Голанских высот, сохраняя при этом полный контроль над озером Кинерет. По не до конца известным причинам, переговоры были прерваны, и мирное соглашение между двумя странами так и не было подписано. См.: Эйтан Амит. Все Голаны в обмен на мир // *Едиот ахронот* [Последние известия] – пятничное приложение, 13.04.2001, с. 1 и 6–9 [на иврите].

¹⁷⁵ Morris B., Barak E. Camp David and After.

что предусматривало отступление Израиля к реке Иордан и почти к береговой линии северо-восточного побережья Кинерета. Х. Асад, который в то время был уже тяжело болен¹⁷⁶, не принял этих условий, сообщив о своем несогласии президенту Б. Клинтону в ходе их встречи в Женеве 26 марта 2000 года. По словам Э. Барака, «Х. Асад хотел, чтобы Израиль заранее отказался от всех своих требований. Только в этом случае он был готов начать серьезные переговоры. Я не мог на это пойти. Нам же нужно продолжать жить на Ближнем Востоке и после этого, а если бы мы пошли на такие серьезные уступки в качестве предварительного условия начала переговоров, все бы считали нас слабыми и безвольными; это бы лишь подняло «планку требований» к нам в будущем»¹⁷⁷.

Э. Барак считает «лишенными всякого основания» утверждения о том, будто его стремление продвинуться максимально далеко в процессе урегулирования с Сирией привело к игнорированию им переговоров на палестинском направлении. Однако факт состоит в том, что возможное подписание израильско-сирийского мирного договора и, как следствие, реанимация нереализованного израильско-ливанского соглашения 1983 года поставили бы палестинцев в принципиально иное положение, чем то, что существовало прежде. Израиль имел бы договоры о мире со всеми граничащими с ним арабскими странами, и палестинцам пришлось бы отстаивать свои интересы в обстановке относительной международной и региональной изоляции. Естественно, такая перспектива никак не радовала их. Кроме того, не следует забывать, что при определенном раскладе израильско-сирийские переговоры могли занять длительное время, на всем протяжении которого палестинцам оставалось бы лишь терпеливо ожидать своей очереди. Учитывая, что с момента подписания «соглашений Осло» и до избрания Э. Барака премьер-министром минуло шесть лет, готовность палестинского руководства к дальнейшему ожиданию была минимальной.

¹⁷⁶ Хафез Асад, бывший президентом Сирии с 1971 г., скончался 10 июня 2000 г. в возрасте 69 лет. Его преемником на посту президента стал его младший сын Башар Асад.

¹⁷⁷ Morris B., Barak E. Camp David and After.

Полный вывод израильских войск из Ливана и его последствия

Говоря выше о движении «Четырех матерей», мы уже упоминали о решении Израиля полностью выполнить резолюцию № 425 Совета Безопасности ООН, которая относилась к Южному Ливану. Однако *решение правительства Э. Барака о полном выводе израильских сил из Южного Ливана, которому в «левом» лагере аплодировали стоя, в тех обстоятельствах загнало Израиль в ловушку на «палестинском направлении»*. Полный вывод израильских войск с Синайского полуострова (в рамках мирного договора) и из Южного Ливана (в одностороннем порядке) создал стандарты, от которых невозможно было отмахнуться. Если «Хизбалла» – вооруженная организация, которая находилась в состоянии войны с Израилем, добилась полного ухода Израиля с оккупированных им территорий, то, несомненно, национальное движение, в течение многих лет ведущее мирные переговоры с Израилем, должно было ожидать не меньшего. Так рассуждали едва ли не все палестинские лидеры.

Об этом говорил М. Аббас (Абу Мазен) на встрече с Э. Бараком, на которой присутствовал и наиболее доверенный представитель И. Рабина и Я. Арафата, принимавший активнейшее участие и в переговорах 1999–2000 годов, Йосси Гинносар (1946–2004). По свидетельству Й. Гинносара, М. Аббас прямо сказал Э. Бараку, что проведенный им в мае 2000 года полномасштабный вывод израильских сил из Ливана оказал крайне негативное влияние на настроение «палестинской улицы». «Многие у нас говорят: Израиль сдался той силе, которая наносит ему наиболее болезненные удары, но не согласен уступить ни в чем тем, кто пытается строить партнерские отношения с ним», – говорил М. Аббас¹⁷⁸. В этой фразе, по крайней мере сегодня, отчетливо слышится предостережение, касающееся разочарования палестинцев от политического диалога, и их намерение начать новый этап вооруженной борьбы как

¹⁷⁸ См. интервью Рами Таля с Йосси Гинносаром: «Рабин и Арафат беседовали через меня один на один» // *Едиот ахронот* [Последние известия] – пятничное приложение, 09.01.2004, с. 4–8 [на иврите].

инструмента достижения своих целей. Пройдет менее четырех месяцев, и именно это случится, но на том этапе Э. Барак не отдавал себе в полной мере отчета относительно влияния вывода войск из Ливана на израильско-палестинские отношения.

«Став премьер-министром, я пообещал вывести войска в течение года, – напоминает Э. Барак. – Свое обещание я выполнил»¹⁷⁹. Несомненно, палестинцев вдохновила успешная партизанская война «Хизбаллы» в 1985–2000 гг., которая в конце концов привела к полному уходу израильских войск из Ливана, а также картина порой хаотичной эвакуации в конце мая; об этом они говорили в первые месяцы интифады. «Но если бы мы не вывели войска, все могло бы быть гораздо хуже, – утверждает Э. Барак. – Нам бы пришлось вести борьбу одновременно на нескольких фронтах, на Западном берегу и в Газе, и параллельно с этим – в Южном Ливане. «Хезбалла» получила бы международное признание в борьбе с иностранным захватчиком. Отсутствие международной легитимности после отхода Израиля к международной границе ограничило размах деятельности «Хезбаллы». «Если бы мы оставались в Ливане, в ходе операции «Защитная стена» [в апреле 2002 года] нам бы пришлось мобилизовать не тридцать, а сто тысяч солдат-резервистов», – добавляет Э. Барак. Однако он признает, что спорадические атаки «Хезбаллы» все же могут привести к крупномасштабной израильско-ливанско-сирийской конфронтации, с целью избежать которой и выводились из Южного Ливана израильские войска»¹⁸⁰.

Влияние же полного вывода войск из Ливана на провал саммита в Кэмп-Дэвиде и на вспышку второй интифады в своем масштабном анализе произошедшего Э. Барак даже не рассматривал.

Интенсификация переговоров об окончательном урегулировании конфликта с палестинскими арабами

В своей статье «Кэмп-Дэвид: трагедия ошибок» Хусейн Агха и Роберт Малли утверждают, что корень проблемы состоит в том, что «каждая сторона прибыла в Кэмп-Дэвид со своим видением ситуации, что выразилось в диаметрально противо-

¹⁷⁹ Morris B., Barak E. Camp David and After.

¹⁸⁰ См. там же.

положных подходах израильтян и палестинцев к переговорам»¹⁸¹. По их мнению (и это мнение представляется вполне адекватным), Эхуд Барак руководствовался тремя принципами. В кратком изложении эти принципы могут быть представлены следующим образом. Во-первых, Э. Бараком двигала глубокая антипатия к концепции «постепенных шагов», которая лежала в основе заключенных в 1993–1998 гг. соглашений между Израилем и ООП. По его мнению, вывод израильских войск из части сектора Газы и Западного берега в предыдущие семь лет вынудил Израиль заплатить высокую цену без получения чего-то осязаемого взамен и без знания объема конечных требований палестинцев. Во-вторых, аксиомой для Э. Барака было то, что палестинское руководство если и пойдет на исторический компромисс, то только после того, как оно перепробует и найдет безрезультатными все другие возможности, как дипломатические, так и силовые. Этот анализ лег в основу третьего принципа Э. Барака: израильская делегация была убеждена, что общественность одобрит даже такое соглашение с палестинцами, которое будет сопровождаться значительными по своим последствиям уступками, коль скоро оно будет окончательным и принесет стране спокойную и нормальную жизнь.

Но Э. Барак и его соратники также чувствовали, что наилучший способ обеспечить поддержку возможного соглашения израильской общественностью – это свести к минимуму какие-либо политические трения в процессе его достижения. Премьер-министр Ицхак Рабин был убит именно из-за чувства отчуждения от процесса Осло, которое испытывали сотни тысяч израильских граждан. Э. Барак решил не повторять эту ошибку. Он отказался от ряда промежуточных шагов, даже тех, которые Израиль должен был предпринять в соответствии с уже заключенными соглашениями, включая передислокацию войск на Западном берегу, передачу под палестинский контроль трех деревень, примыкающих к Иерусалиму, а также освобождение палестинских заключенных, арестованных за действия, совершенные до соглашения в Осло. С точки зрения Э. Барака, если бы израильтяне и палестинцы достигли окончательного соглашения, эти и им подобные «маленькие» шаги были бы сделаны в рамках договора о всеобъемлющем урегулировании. С другой

¹⁸¹ См.: Agha H., Malley R. *Camp David: The Tragedy of Errors*.

стороны, если бы стороны не достигли окончательного соглашения, то и эти шаги оказались бы ненужными. Более того, уступки палестинцам стоили бы Э. Бараку ценного «политического капитала», который он решил сэкономить до финального, самого критического момента. Лучший путь, – считал он, – объединить все уступки Израиля и все получаемые им выгоды в одном обширном «пакете», который и был бы представлен израильтянам на общенациональном референдуме. «Соглашение Осло» было «ставкой на успех», своего рода отсроченным чеком, подписанным двумя сторонами, желающими сделать трудные предварительные шаги в ожидании и в надежде на достижение всеобъемлющего соглашения. Подход Э. Барака был продиктован стремлением застраховаться от провала и нежеланием идти на «промежуточные» уступки из опасения, что стороны не смогут достичь соглашения о полномасштабном урегулировании, и тогда любые уступки с израильской стороны окажутся бессмысленными. Другими словами, сосредоточенность Э. Барака на идее достижения всеобъемлющего соглашения только увеличивала в его глазах значение – и стоимость – «малых» шагов. Именно потому, что он хотел продвинуться на насколько возможно большую дистанцию по пути к окончательному соглашению (например, по вопросам территориального компромисса или по Иерусалиму), он не хотел двигаться ни на дюйм в вопросах, относящихся к промежуточным соглашениям (среди них: освобождение палестинских заключенных, будущее еврейских поселений, передислокация войск, передача под палестинский контроль деревень в районе Иерусалима).

Э. Бараку хотелось завершить то дело, которое начал И. Рабин, подписавший в 1993 году «соглашение Осло», предусматривавшее взаимное признание Израиля и ООП и частичный уход Израиля с Западного берега и из сектора Газа. Он считал, что формальный мирный договор не обязательно приведет к окончанию конфликта, но официальное мирное соглашение имеет большую значимость; по его мнению, оно бы действовало как «пацифистские наручники»¹⁸², сковывающие поползновения к насилию и террору. По словам Э. Барака, «официальные договоры, поддерживаемые международной обще-

¹⁸² Morris B., Barak E. Camp David and After.

ственностью, обладают своей собственной динамикой, они снижают вероятность крупномасштабного конфликта. Не двигаясь в сторону мирного урегулирования, мы рисковали со всей силы налететь на айсберг»¹⁸³.

Настойчивость Э. Барака на проведении саммита на высшем уровне в Кэмп-Дэвиде и время его проведения, естественно, были связаны между собой. Э. Барак был готов к участию израильских представителей в предварительных дискуссиях, которые на самом деле проходили в Стокгольме за несколько месяцев до Кэмп-Дэвидской встречи в верхах, однако он не считал, что результатом этих дискуссий станет реальный прогресс. По его мнению, только на встрече на высшем уровне можно было обеспечить все необходимые «ингредиенты» успеха: драму абсолютно полного предложения по принципу «все – или ничего»; перспективу, что Я. Арафат может потерять поддержку США; разоблачение палестинской тактики, предусматривавшей израильские уступки, которые становились отправной точкой следующего раунда переговоров. После переговоров в Кэмп-Дэвиде Э. Барак надеялся представить израильскому народу полную картину сделанных им уступок и достигнутых им соглашений.

Почти во всех действиях Э. Барака Я. Арафат усматривал цель либо заставить его «проглотить» навязываемую ему сделку, либо мобилизовать мировое общественное мнение на изоляцию и ослабление палестинцев, если они откажутся дать на эту сделку согласие. Заявленная Э. Баракком точка зрения, согласно которой альтернативой соглашению была бы ситуация, намного более мрачная, чем существовавший статус-кво, создавала атмосферу давления, которая только подтверждала подозрения Я. Арафата. И чем сильнее было давление, тем более упорным было убеждение палестинцев, что Э. Барак пытается «водить их за нос». Более того, шаги, предпринятые Э. Баракком уже после своего избрания, когда переговоры были в самом разгаре, интерпретировались палестинцами как попытки ослабить их, навязывая несправедливые правила урегулирования.

С точки зрения Я. Арафата, промежуточные и постоянные соглашения были неразрывно связаны между собой; разговаривая с президентом Б. Клинтоном, он охарактеризовал их как

¹⁸³ См. там же.

«неотъемлемые части друг друга». Невыполненные промежуточные обязательства не просто сеяли сомнения в искренности намерений Израиля; в глазах Я. Арафата они напрямую влияли на баланс сил, который должен был существовать на момент начала переговоров о постоянном урегулировании. Простой пример: в связи с тем, что Израиль продолжал удерживать земли, которые предполагалось передать палестинцам в ходе промежуточной фазы урегулирования, палестинцы вынуждены были обсуждать данный вопрос также и в ходе переговоров о постоянном урегулировании. И поскольку Э. Барак заявил, что невыполненные промежуточные обязательства должны быть быстро забыты в случае успешного завершения саммита, Я. Арафат опасался, что они могут быть столь же быстро забыты в случае его провала.

Предложение Э. Барака означало отказ не только от предусмотренных промежуточными соглашениями территориальных уступок, но и от дальнейшего вывода израильских войск, решения вопроса о выводе израильских сил из трех деревень в окрестностях Иерусалима (по свидетельству И. Гинносара, Э. Барак дал палестинцам подобные обязательства, однако впоследствии взял свои слова обратно¹⁸⁴), освобождения заключенных и от других «промежуточных» обязательств. Более того, оно означало неизбежный протест палестинцев против создания новых поселений на контролируемых территориях, которые Э. Барак считал подлежащими аннексии Израилем в рамках постоянного урегулирования.

В ходе предварительных переговоров Я. Арафат изложил несколько условий, на которых он согласился бы принять участие в переговорах на высшем уровне. Во-первых, он добивался проведения дополнительных подготовительных переговоров, чтобы быть уверенным, что саммит не закончится провалом. Во-вторых, он требовал, чтобы вывод израильских войск с 1/3 палестинских территорий состоялся до Кэмп-Дэвида – условие, которое из-за несогласия с ним Соединенных Штатов трансформировалось в требование, чтобы США гарантировали этот вывод даже в том случае, если Кэмп-Дэвидские переговоры не приведут к соглашению (данное требование Я. Арафат называл «гарантиями безопасности»). Третье палестинское

¹⁸⁴ См. интервью Рами Таля с Йосси Гинносаром, с. 7–8.

требование состояло в том, чтобы в случае провала саммита США сохраняли нейтральную позицию и не обвиняли в произошедшем палестинцев. Администрация США в общем разделяла взгляды Я. Арафата. С американской точки зрения, наиболее обоснованным в позиции палестинцев было то, что без дополнительной подготовительной работы риск провала был слишком велик.

В июне 2000 года, говоря о возможном саммите, Б. Клинтон добился от Э. Барака обязательства, гласившего, что уход израильтян с 1/3 территорий Западного берега произойдет как в случае достижения финального соглашения между израильтянами и палестинцами, так и без него. Б. Клинтон сказал Я. Арафату, что поддержал бы «существенный» вывод израильских войск и в том случае, если бы саммит в Кэмп-Дэвиде провалился. Б. Клинтон призвал Э. Барака начать саммит с серии жестов доброй воли в отношении палестинцев. Наконец, накануне саммита в Кэмп-Дэвиде Б. Клинтон заверил Я. Арафата, что не станет обвинять палестинского лидера, если встреча не будет успешной.

Однако соглашаясь с требованиями палестинской стороны по существу, США практически сразу самоустранились от борьбы за их реализацию. Израильские войска так и не были выведены с 1/3 территорий Западного берега, ни один из невыполненных пунктов промежуточных соглашений так и не был реализован. Что же было причиной такого расхождения между обещаниями и их выполнением? Следует отметить, что рассуждения Э. Барака и предложенный им график были в глазах США абсолютно логичны. Поскольку стороны не совершили никаких направленных на укрепление взаимного доверия шагов перед саммитом, поскольку правительство Э. Барака было на грани коллапса, и поскольку Э. Барак был готов сделать в ходе саммита в Кэмп-Дэвиде уступки, которых он не делал раньше, то как мог президент Б. Клинтон сказать ему «нет»? Что было бы выиграно в ходе дополнительного ожидания? Определенно, перспектива, предложенная Я. Арафатом – еще одни томительно долгие переговоры по поводу частичного вывода войск, – радовала американцев куда меньше. При этом наиболее вероятной была, как предсказывали многие аналитики, угроза военной конфронтации между израильтянами и палестинцами, вполне возможная, если бы Я. Арафат реализовал свой план одностороннего провозглашения государства 13 сентября

2000 года. Что же касается невыполненных промежуточных соглашений, официальные лица США считали, что какова бы ни была степень разочарования и раздражения палестинцев, их отношение кардинально изменится перед лицом выгодного для них финального соглашения. Как следствие, официальные лица США, начиная с президента, предпочли использовать свои рычаги давления на Израиль с тем, чтобы достичь продвижения по вопросам окончательного соглашения, а не для того, чтобы заниматься промежуточными шагами.

Как отмечают Х. Агха и Р. Малли, «то, что США направили приглашения сторонам участвовать в Кэмп-Дэвидском саммите, несмотря на отказ Израиля выполнить ранее принятые на себя обязательства, усилило подозрения Я. Арафата о существовании американо-израильского сговора»¹⁸⁵. Это, в свою очередь, способствовало еще большему ужесточению позиций, которые отстаивали палестинские руководители. По мнению тех же авторов, «Я. Арафат потратил намного больше времени на терзания о возможном «заговоре», нежели на раздумья по поводу существования соглашения. Будучи сосредоточен на потенциальных ловушках, он не смог увидеть потенциальных возможностей. Он никогда не понимал, как далеко был готов пойти премьер-министр Израиля, как много были готовы сделать США. Потратив десятилетие на строительство отношений с Вашингтоном, Я. Арафат оказался неспособным использовать их, когда нуждался в этом больше всего»¹⁸⁶.

«Левые» не осознавали, что «кредита взаимного доверия» между сторонами не было, что палестинцы не верили Э. Бараку и не рассчитывали прийти к мирному соглашению в ходе переговоров с ним; с их точки зрения, его целью было оказать давление на них, понизить «планку» их ожиданий, ухудшить те условия, на которые они могли претендовать. Короче говоря, все то, что, по мнению Э. Барака, свидетельствовало о серьезности его намерений, палестинцы считали доказательством обратного. По этим причинам Я. Арафату казалось, что Кэмп-Дэвид – средоточие всех его худших кошмаров, предназначенное увеличить давление на палестинцев, чтобы достичь быстрого соглашения, в то же время повышая

¹⁸⁵ См.: Agha H., Malley R. *Camp David: The Tragedy of Errors*.

¹⁸⁶ См. там же.

политическую и символическую цену, которую они вынуждены будут платить в случае несогласия с планом израильского правительства.

Поведение палестинских участников переговоров, находившихся к тому же под влиянием тактики Э. Барака, считавшего, что Я. Арафат всего лишь хочет добиться от Израиля новых и новых уступок, чтобы затем начать новые переговоры с более удобных стартовых позиций, вело к губительным результатам. Взаимная и тем самым укрепившаяся подозрительность привела к тому, что Э. Барак скрывал свои реальные конечные предложения (правила «конца игры»), ожидая, пока произойдет сдвиг в позиции Я. Арафата, который, в свою очередь, также не желал идти на уступки до того, как сможет увидеть те контуры «конца игры», которые готовили ему израильтяне (и американцы). Стратегия Э. Барака состояла в том, что его твердость неизбежно должна привести палестинских участников переговоров к определенной гибкости, которая, в свою очередь, оправдывает дальнейшие уступки со стороны Израиля. Вместо этого стиль ведения Э. Барак переговоров в сочетании с нежеланием Я. Арафата маневрировать и искать компромиссы приводил к обратному результату. Представляя исходные позиции как свою «красную черту» уступок, а затем изменяя их, израильтяне провоцировали недоверие палестинцев; последовательно отодвигая «красную черту», они еще более возбуждали аппетит палестинской делегации.

Палестинцев и израильских «левых» радикалов возмущало, что несмотря на продолжавшиеся переговоры, правительство Э. Барака не отказывалось от политики расширения еврейских поселений на Западном берегу (в Иудее, Самарии и в Иорданской долине). Действительно, в период правления Э. Барака численность поселенцев росла даже быстрее, чем в годы правления Б. Нетанияху. Э. Барак не видел причины без крайней необходимости настраивать против себя обладающих определенным электоральным весом и большой степенью общественной мобилизации поселенцев. По его мнению, поскольку новые поселения строились на земле, которую Израиль, в конечном счете, все равно аннексировал бы по соглашению о постоянном урегулировании (по крайней мере, по любому соглашению, которое он был бы готов подписать), Э. Барак не видел вреда для палестинцев в продолжении такого строительства.

Хусейн Агха и Роберт Малли отмечают: «В Газе и на Западном берегу наследие соглашений Осло выглядело как череда обещаний, чье выполнение было отложено или отменено. Шесть лет спустя после соглашений в Осло на территориях существовало еще больше израильских поселений, свобода передвижения палестинцев ограничивалась все чаще, а экономические условия их жизни становились все хуже. Палестинские интеллектуалы, представители служб безопасности, журналисты, бизнесмены, политические активисты, поддержка которых жизненно важна для успеха любых миротворческих усилий, были огорчены результатами мирного процесса, полны сомнений в искреннем желании Израиля выполнять подписанные соглашения, а также разочарованы риторикой и действиями Э. Барака»¹⁸⁷.

Постфактум Эхуд Барак выдвигал небесспорные объяснения своей позиции, и «левые» радикалы потом многократно ставили ему это в вину. По его словам, «во время его пребывания на посту премьер-министра новые поселения не создавались, а ряд незаконных поселенческих форпостов, напротив, был демонтирован». «Став премьер-министром, – вспоминает Э. Барак, – я сразу же пообещал Я. Арафату: никаких новых [еврейских] поселений [на контролируемых территориях] создаваться не будет. Одновременно я сказал ему, что мы будем уважать обещания предыдущего правительства и уже заключенные контракты, связанные с расширением существующих поселений. Я сказал, что суды в любом случае заставили бы нас уважать существующие договоренности и прежние решения правительства. Но я сказал Я. Арафату и нечто значительно более существенное. Я хотел договориться о всеобъемлющем мирном урегулировании в течение последующих шестнадцати месяцев. Дома и иные объекты, которые строились в поселениях на контролируемых территориях, либо должны были бы остаться на территории, которая в рамках двусторонних соглашений будет признана израильской, либо должны были бы оказаться на территории Государства Палестина, в этих домах могли бы поселиться возвращающиеся беженцы. В любом случае, палестинцы бы ничего не потеряли»¹⁸⁸.

¹⁸⁷ См. там же.

¹⁸⁸ Morris B., Barak E. Camp David and After.

Однако Э. Барак не мог не осознавать, что даже если все это и звучит логично, существует и психологическое измерение, которое данный аргумент не нейтрализует: палестинцы просто видели каждый день, как все больше и больше «их» земель занимают и становятся «израильскими». Э. Барак не упоминает о том, что согласился на расширение существующих поселений во многом для того, чтобы «усыпить бдительность» своих потенциальных будущих противников, чье недовольство могло бы помешать ему продвигаться в работе над мирным соглашением, которое должно было в итоге привести к уходу Израиля с большей части занятых в 1967 году территорий. Представляется, что председатель Партии Труда во многом стал жертвой своего же политического маккиавелизма.

* * *

Как бы то ни было, после провала попыток достичь мирного соглашения с Сирией и вывода войск из Ливана Эхуд Барак сфокусировался на попытке завершить «процесс Осло», достигнув полномасштабных и окончательных соглашений с Палестинской администрацией. Совершенно очевидно, что прошедший в июле 2000 года саммит в Кэмп-Дэвиде является этапной вехой и в истории арабо-израильского конфликта, и в истории Государства Израиль, и в истории израильских «левых». Именно поэтому он заслуживает максимально тщательного рассмотрения.

Саммит в Кэмп-Дэвиде: зенит и закат «процесса Осло»

*Израильская перспектива:
масштабные уступки ради достижения
окончательного «пакетного» соглашения*

В отношении того, что произошло на Кэмп-Дэвидском саммите в июле 2000 года и на израильско-палестинских переговорах в последующие месяцы, израильтяне (и многие принимавшие участие в переговорах представители США) убеждены: Эхуд Барак сделал «беспрецедентные предложения», однако натолкнулся на бескомпромиссное «нет» Ясира Арафата. Иными словами: Израиль сделал «великодушное предложение», которое палестинцы, «еще раз пользуясь случаем упустить историческую возможность», отвергли. Профессор политологии

Иерусалимского университета Шломо Авинери высказал общее мнение, написав: «Э. Барак, который немного вышел за рамки своего мандата и утратил в ходе переговорного процесса поддержку парламентского большинства, сделал палестинцам самое великодушное предложение из всех, когда-либо представленных израильскими политиками»¹⁸⁹. В провале переговоров о достижении соглашения об окончательном урегулировании все израильтяне и многие американцы, без заметных расхождений во мнениях обвиняют Ясира Арафата. Далее логика событий развивается по нарастающей; делаются максимально широкие умозаключения: во-первых, что у Израиля нет партнера по мирному процессу; во-вторых, что с Я. Арафатом в принципе невозможно прийти к соглашению об урегулировании конфликта.

Палестинские представители оспаривают этот тезис, заявляя, что «для столь сложного процесса такой вывод представляется крайне поверхностным. Он игнорирует комплексную историю и динамику палестино-израильских переговоров, не объясняет, почему то, что многие рассматривают как «великодушные израильские предложения», палестинцы не считают ни «великодушными», ни «израильскими», ни вообще «предложениями». В результате вместо детального и реалистичного анализа делаются поспешные выводы об Я. Арафате как единственном виновнике произошедшего, – выводы, которые оказывают деструктивное влияние на современную ближневосточную политику»¹⁹⁰.

Однако невозможно не признать: *в 2000 году Э. Барак нарушил все мыслимые табу и зашел в своих уступках так далеко, как не заходил или не мог зайти в прошлом ни один израильский премьер-министр.*

Назначенный Э. Бараком министром внутренней безопасности (а впоследствии – министром иностранных дел) Шломо Бен-Ами вспоминал: «В одну из первых встреч Э. Барак показал мне карту, которая включала Иорданскую долину, это было что-то вроде расширенного плана Алона. Он гордился тем, что его карта оставляет в руках Израиля около трети территории. Если я не ошибаюсь, она давала палестинцам всего 66% [тер-

¹⁸⁹ Шломо Авинери. До компромисса еще очень далеко. Израиль при Шароне после Кэмп-Дэвида // *Международная политика* (Германия), (2001), № 8.

¹⁹⁰ См.: Agha H., Malley R. *Camp David: The Tragedy of Errors*.

ритории Западного берега]. Эхуд был убежден, что эта карта чрезвычайно логична, и пытался убедить и меня, что каждый, кто увидит ее, поймет, что она предлагает прекрасный и приемлемый компромисс. Он весь витал в этом. В нем было некое «wishful thinking» – принятие желаемого за действительное – и какой-то наивный патернализм»¹⁹¹.

Следует отметить, что не только Э. Барак, но и другие министры изначально рассчитывали, что масштабы требуемых израильских уступок будут значительно меньше тех, которые были включены в обнародованные в декабре 2000 г. «параметры Клинтона». Хаим Рамон полагал, что палестинцам будет передано 70% территорий Западного берега, еще 20% (прежде всего территорию Иорданской долины) Израиль сможет сохранить под своим контролем на протяжении 20–30 лет, а 10% – аннексировать. Шимон Перес выступал с идеей раздела территории Западного берега между Палестинским государством и Израилем в соотношении 80% к 20%¹⁹². Однако позиция Э. Барака (равно как и некоторых других членов правительства) менялась разительным образом. Вступив в должность с обещанием сохранить Иерусалим как «вечную и неделимую столицу» Израиля, Э. Барак закончил тем, что выразил согласие на палестинский суверенитет сначала над некоторыми, а затем над всеми арабскими районами Восточного Иерусалима. Изначально твердый в неприятии принципа, гласящего, что Израиль должен обменять те из оккупированных территорий Западного берега, которые он планирует сохранить под своим контролем, на земли в пределах границ 1967 года, Э. Барак в конце концов подошел близко к этой идее. После первоначальных высказываний о Палестинском государстве на 80% территории Западного берега он постепенно дошел до начала, а затем и до середины 90-процентного диапазона.

Накануне Кэмп-Дэвида израильские участники переговоров следующим образом описывали своим американским собеседникам минимальные требования Израиля, от которых он не сможет

¹⁹¹ «День, когда умер мир». Беседа корреспондента газеты «Ха'арец» Ари Шавита с Шломо Бен-Ами // «Ха'арец» [Страна], 14.09.2001, еженедельное приложение; перевод на русский язык: «Время искать» (Иерусалим), 2001, № 5, с. 52.

¹⁹² См.: Шломо Бен-Ами. *Фронт без тыла. Путь к границам мирного процесса*. – Тель-Авив: *Едиот ахронот*, 2004, с. 241 [на иврите].

отказаться ни при каких условиях: аннексия не менее 10% территории Западного берега; суверенитет над, как минимум, частью Иорданской долины; отказ от каких-либо территориальных обменов: указанная аннексия территорий должна быть произведена без передачи Израилем палестинцам каких бы то ни было районов в пределах «зеленой черты». На открытии Кэмп-Дэвидского саммита Э. Барак предупредил американцев, что может принять палестинский суверенитет над какой-либо частью Восточного Иерусалима не иначе как чисто символически, передав им «место, где может опереться нога». Э. Барак заявлял, что, если Я. Арафат будет настаивать на передаче будущему Палестинскому государству 95% территории Западного берега, никакого соглашения достигнуто быть не может. В то же время Э. Барак дал понять американцам, что Израиль, вероятно, сможет проявить больше гибкости, если Я. Арафат всерьез готов прийти к соглашению об окончательном урегулировании. Таким образом, напряженность и неопределенность сопутствовали всему ходу переговоров.

Постепенные изменения в позиции Э. Барака могут быть объяснены тем фактом, что каждое новое его предложение основывалось не столько на твердых убеждениях относительно того, что Израиль должен удержать, сколько на изменчивой информации о том, что он мог бы получить взамен. Э. Барак, по-видимому, укрепился во мнении, что, услышав привлекательные предложения, палестинцы не будут иметь другого выбора, кроме как принять их.

Свидетельство Гилады Шера, бывшего начальником канцелярии Э. Барака, позволяет понять ту стратегию переговоров, которую выбрал премьер-министр: израильская делегация будет готова обсуждать любые, самые рискованные идеи до тех пор, пока действует правило: ничего не согласовано, пока все не согласовано. Э. Барак стремился достичь двух целей: добиться согласия палестинцев на прекращение конфликта (*end of conflict*) и на прекращение дальнейших претензий (*finality of claims*), и ради этого он был готов пойти на беспрецедентные уступки¹⁹³. Однако он настаивал на том, что эти уступки могут рассматриваться только как единый пакет, неприятие которого палестинцами в целом дезавуирует все его составляющие.

¹⁹³ См.: Гилад Шер. *На расстоянии вытянутой руки. Мирные переговоры 1999–2001: свидетельство очевидца*. – Тель-Авив: Издательство «Едиот Ахронот», 2001, с. 20–21 [на иврите].

*Палестинская перспектива:
все возможные территориальные уступки
уже были сделаны в Осло*

В Израиле и в США палестинских лидеров постоянно критиковали за неспособность к компромиссу и нежелание ответить взаимностью на беспрецедентные уступки Э. Барака, направленные на достижение мирного урегулирования. Однако сами палестинские лидеры – и это было неприятным сюрпризом для многих израильских «левых» – считали, что именно они и пошли на принципиальные уступки, согласившись на то, на что они согласились в Осло, и никакие другие уступки делать не планировали.

Несмотря на все разговоры о мире и перемирии, большинство палестинцев больше вынужденно, чем по доброй воле принимало решение о двух государствах в Палестине; они были готовы признать существование Израиля, но не его моральную легитимность. Война за всю Палестину была окончена, потому что она была проиграна. В Осло и далее, как виделось им, шли переговоры не об условиях мира, а об условиях капитуляции. Этот подход объясняет точку зрения палестинцев, что соглашения в Осло – сами по себе компромисс, согласие уступить Израилю 77% территории подмандатной Палестины (протицируем официальный документ Палестинской администрации, в котором упоминается, что это «на 23% больше, чем Израилю было гарантировано в 1947 г. в соответствии с планом ООН по разделу Палестины», а далее говорится: «Но этот крайне щедрый компромисс был проигнорирован в Кэмп-Дэвиде. Палестинцев попросили «пойти на компромисс в отношении компромисса» и сделать дальнейшие уступки в пользу Израиля»¹⁹⁴). Палестинцы были очень чувствительны к израильской терминологии. Заявления, что Израиль «предлагает» землю, является «великодушным» или «делает уступки», казались им вдвойне неправильными – одним махом утверждающими права Израиля и отрицаю-

¹⁹⁴ Организация освобождения Палестины. Палестинская национальная администрация. Департамент ведения переговоров. «Наиболее часто задаваемые вопросы о переговорах в Кэмп-Дэвиде и ответы на них» / Пер. на рус. яз. // *Время искать* (Иерусалим), 2002, № 7, с. 86.

щими права палестинцев. С точки зрения палестинцев, землю не «давали», а возвращали.

Палестинцы ступили на путь мирного урегулирования, исходя из того, что: это приведет к реальному улучшению условий их жизни на протяжении промежуточного периода; этот промежуточный период будет относительно коротким, около пяти лет; соглашение о постоянном урегулировании будет основано на резолюциях ООН №242 и №338.

Но, как утверждает официальный пресс-релиз Палестинской администрации, «Мирный процесс не принес подобных результатов. Напротив, палестинцы еще больше страдают от весьма обременительных ограничений на их передвижение по территориям и от серьезного ухудшения экономического положения. Израильские колонии расширяются беспрецедентными ранее темпами, а Западный берег и сектор Газа становятся еще более изолированными друг от друга, особенно в связи со строительством объездных дорог и умножением числа израильских военных пропускных постов. Намеченные сроки выполнения различных пунктов соглашений постоянно нарушались Израилем. В итоге палестинцы так и не ощутили хоть какого-либо улучшения в том, что касается их повседневной жизни.

Однако обстоятельством, окончательно подорвавшим поддержку мирного процесса в палестинской среде, была та форма, в которой Израиль представил палестинцам свои предложения. Еще до начала переговоров о постоянном урегулировании Э. Барак публично и неоднократно предупреждал палестинцев, что его «предложения» будут последним словом израильской стороны. И если они не будут приняты, Израиль серьезно рассмотрит вопрос об «одностороннем отделении» (выражение, используемое израильтянами для обозначения навязанного, а не достигнутого путем переговоров решения). Палестинцы почувствовали себя обманутыми Израилем, который в начале переговорного процесса обязался прекратить оккупацию палестинских земель – в соответствии с резолюциями ООН №242 и №338»¹⁹⁵.

Палестинцы считали, что принятие «рамочных принципов», выдвинутых американскими посредниками, даже в качестве

¹⁹⁵ Там же, с. 85.

«основы для дальнейших переговоров», представляет опасность само по себе. Эти предложения рассматривались как явно недостаточные: в них замалчивался вопрос о беженцах, обмен территориями был неравноценным, а Храмовая гора, равно как и большая часть Восточного Иерусалима, должна была остаться под израильским суверенитетом.

Принятие этих предложений в надежде, что затем Э. Барак пойдет дальше, представляло опасность выхолащивания палестинской позиции: от требований выполнения в полном объеме резолюций ООН об уходе Израиля с оккупированных территорий и о возвращении беженцев – в сторону расплывчатых «рамочных» формулировок, предложенных Соединенными Штатами. Без гарантии подписания соглашения это было равносильно тому, чтобы палестинцы поставили на карту свою самую ценную «валюту» – международную легитимность.

Палестинцы считали, что они выдвинули предложения, принимающие в расчет израильские интересы. Не признавая законности существования израильских поселений, они принимали принцип, гласящий, что ради их сохранения Израиль аннексирует некоторую часть территории Западного берега в обмен на эквивалентную часть территории Израиля, которая должна была быть передана палестинцам. Настаивая на неотъемлемом праве палестинских беженцев вернуться в дома, покинутые в 1948 году, они были готовы увязать осуществление этого права с созданием реального механизма его реализации, предоставляя беженцам альтернативы, пока ограничивается число возвращающихся собственно в Израиль. Настаивая на требовании об уходе Израиля со всех земель, оккупированных в 1967 году, они были готовы – в очевидное нарушение этого принципа – обсуждать корректировку границ в районе Восточного Иерусалима, даря Израилю суверенитет над еврейским кварталом Старого города, Стеной плача и новыми еврейскими кварталами Иерусалима, находящимися на контролируемых территориях. С их точки зрения, этих уступок было более чем достаточно.

*Американская перспектива:
прагматичное посредничество*

Несмотря на эти компромиссы, палестинцам никогда не удалось избавиться от имиджа «непримиримых». Принципиальная слабость палестинцев состояла в том, что *на всем протяжении Кэмп-Дэвидского саммита они не смогли ни принять*

американские или израильские идеи, ни представить свои собственные ясные и аргументированные контрпредложения. Это подчеркивал и министр иностранных дел в правительстве Э. Барака Шломо Бен-Ами: «Встречные палестинские предложения отсутствуют; их никогда не было и никогда не будет»¹⁹⁶.

США играли в переговорах несколько различных ролей, сложных и часто противоречивых: роль «главного гаранта» предполагаемого мирного соглашения; роль защитника мирного процесса; роль стратегического союзника Израиля, его политического и культурного партнера. Предложения, которые выдвигались Соединенными Штатами, несли в себе отпечаток каждой из этих ролей¹⁹⁷.

Как от «гаранта» урегулирования, от президента Б. Клинтона ожидали представления черновика итогового соглашения, которое Я. Арафат не смог бы отвергнуть. Действительно, это намерение было предпосылкой привлечения Э. Барака к саммиту. Но способность США играть эту роль была крайне затруднена двумя другими их ролями.

Во-первых, политическая и культурная близость США и Израиля привели к острой чувствительности американской администрации к израильским внутренним проблемам и преувеличенной оценке уступок, о готовности пойти на которые сообщили израильские представители. Американские официальные лица были застигнуты врасплох, когда Э. Барак заявил, что он может согласиться на раздел Старого Города и на палестинский суверенитет во многих арабских предместьях Иерусалима, — реакция, которая не столько соответствовала тому, каким должно быть «справедливое решение», сколько выражала сомнение в том, что израильская общественность сможет согласиться с таким развитием событий. Американская делегация часто размышляла, сможет ли Э. Барак убедить свой народ поддержать сделанные им предложения. Этот вопрос редко ставился на обсуждение, если вообще затрагивался, в отношении Я. Арафата.

Второе неудобство США проистекало из их стратегического союза с Израилем. Одним из следствий этого было «правило

¹⁹⁶ Беседа Ари Шавита с Шломо Бен-Ами, с. 55.

¹⁹⁷ Приводимый ниже анализ в целом базируется на статье: Agha H., Malley R. *Camp David: The Tragedy of Errors*.

играть без сюрпризов» – американское обязательство заранее обсуждать с израильскими представителями свои предложения, идеи и концепции. Это возымело обратный эффект. Палестинцы считали, что любая идея, выдвинутая представителями США, как бы она ни была представлена, на самом деле инициирована Израилем. Но именно поэтому каждая такая идея вызывала со стороны палестинцев подозрение и отчужденность.

Однако на самом деле обнаружилось значительные различия в подходах США и Израиля. Снова и снова – и обычно без ведома палестинцев – президент Б. Клинтон пытался убедить Э. Барака принять те предложения, которые он прежде отвергал, в том числе: принцип обмена землями; палестинский суверенитет над, по меньшей мере, частью Восточного Иерусалима и (это обсуждалось уже после Кэмп-Дэвида) над горой Харам аль-Шариф; а также значительное сокращение территории Западного берега, подлежащей аннексии Израилем. Разочарованный Э. Барак заметил президенту, что по наиболее значимым вопросам США находятся намного ближе к позиции палестинцев, чем к позиции Израиля. Это было только одним из отражений широких расхождений между израильскими и американскими позициями. Однако эти разногласия систематически игнорировались как палестинцами, так и представителями арабских стран.

Неспособность уловить сложности в отношениях между американцами и израильянами дорого обошлась Я. Арафату. Неспособность палестинцев выдвинуть ясные предложения лишила американцев инструмента, который они ощущали полезным для дальнейшего давления на израильянов, и побуждала их поставить под сомнение серьезность палестинцев и наличие у них подлинного стремления к соглашению. Как президент Б. Клинтон неоднократно говорил Я. Арафату во время саммита в Кэмп-Дэвиде, он не ожидал, что тот с ходу согласится на американские или израильские предложения, но рассчитывал, что Я. Арафат сможет выдвинуть встречные идеи, которые бы заставили израильского премьера сделать еще несколько шагов в сторону требований палестинцев.

В конце концов, на пути переговоров, как его представляли себе американцы, – занять позицию, близкую к израильской подлинной «красной черте», представить ее палестинцам, получить от них контрпредложения и передать их израильянам, – на этом пути был совершен не один ошибочный оборот. *Пере-*

говоры начались без реального представления о том, где Израиль видит «красную черту», продолжались без того, чтобы палестинцы выдвинули встречные контрпредложения, и закончились без достижения соглашения.

Палестинцы буквально провоцировали гнев президента Б. Клинтона. Когда председатель Законодательного совета ПНА А. Курей (Абу Алла) отказался работать над картой возможного территориального размежевания, аргументируя это тем, что Израиль сначала должен признать, что любое территориальное соглашение должно быть основано на границе, существовавшей 4 июня 1967 года, президент взорвался. «Не просто скажите израильтянам, что их карта вас не устраивает. Предложите что-то лучшее!». Когда Абу Алла уклонился от конкретного ответа, президент рассвирепел: «Это – обман. Это – не серьезные переговоры на высшем уровне. Я не хочу, чтобы Соединенные Штаты покрывали вероломные переговоры. Давайте разведем ся по домам!»¹⁹⁸.

Об этой сцене вспоминал и Шломо Бен-Ами: «Я не забуду той встречи в присутствии Б. Клинтона, М. Олбрайт и С. Бергера, когда я предложил начать обсуждение на гипотетической базе границ 1967 года, без обязывающих деклараций. Абу Алла совершенно категорически отказался работать в таком режиме. Он настаивал на том, чтобы мы сначала признали границы 4 июня. Через некоторое время Б. Клинтон вскипел и ужасно раскричался. Он говорил Абу Алле, что это не речь на ассамблее ООН и что палестинцы должны выдвигать собственные позитивные предложения. Б. Клинтон кричал, что никто не может получить все, что хочет, что он и сам не отказался бы от третьей каденции, но знает, что это невозможно. Он весь покраснел, и кончилось тем, что он в гневе встал и вышел. Абу Алла обиделся до глубины души. С этого момента и дальше чуть ли не все, чем он занимался в Кэмп-Дэвиде, – это прогулки по площадкам для гольфа»¹⁹⁹.

В самый разгар саммита, 18 июля 2000 г., Б. Клинтон «медленно» – чтобы избежать взаимонепонимания – зачитал Я. Арафату документ, заранее одобренный Э. Бараком, где бы-

¹⁹⁸ См.: Ross D. *The Missing Peace. The Inside Story of the Fight for Middle East Peace.* – New York: Farrar, Straus and Giroux, 2004, с. 668–669.

¹⁹⁹ Беседа Ари Шавита с Шломо Бен-Ами, с. 54–55.

ли изложены основные пункты будущего соглашения. Этот план предусматривал следующие шаги:

- а) создание демилитаризованного палестинского государства на 92% территории Западного берега и 100% сектора Газа, с некоторыми территориальными компенсациями для палестинцев за счет территории Израиля в пределах «зеленой черты»;
- б) демонтаж большей части еврейских поселений, созданных на занятых в 1967 г. территориях, при сосредоточении основной массы поселений на 8% территории Западного берега, которые будут аннексированы Израилем;
- в) создание палестинской столицы в Восточном Иерусалиме, где некоторые арабские районы станут суверенной палестинской территорией, а другие будут пользоваться «функциональной» автономией;
- г) палестинский суверенитет над половиной территории Старого Города в Иерусалиме (мусульманский и христианский кварталы) и режим «доверительной опеки», хотя и не суверенитет, над Храмовой горой (горой Харам аль-Шариф);
- д) возвращение палестинских беженцев в создаваемое в рамках мирного соглашения Государство Палестина, но без «права на возвращение» в Израиль;
- е) проведение международным сообществом масштабной кампании помощи для облегчения процесса реабилитации беженцев.

Я. Арафат отказался принять предложенный план. Б. Клинтон разозлился, ударил кулаком по столу и без обиняков сказал Я. Арафату: «Вы ведете свой народ и весь регион к катастрофе». На следующий день американцы получили от палестинской делегации официальный отказ. Формально саммит продолжался еще несколько дней, но по существу он закончился. Позднее Б. Клинтон писал: «На девятый день [саммита] я снова попытался убедить Арафата, но он опять ответил отказом. Израиль пошел гораздо дальше, чем он, а Арафат даже не хотел принять его предложения как основу для будущих переговоров. ... На тринадцатый день переговоров ... делая последнюю уступку, я предложил ему [Я. Арафату] попытаться уговорить Э. Барака на полный суверенитет для палестинцев над пригородами Восточного Иерусалима, ограниченный суверенитет над его внутренними районами и «опеку»

над Храмовой горой. Арафат опять ответил «нет». Это было досадно и очень грустно»²⁰⁰.

К концу саммита разъяренный Б. Клинтон говорил Я. Арафату: «Если израильтяне способны на компромиссы, а Вы – нет, то я уеду домой. Вы провели здесь четырнадцать дней и сказали «нет» в ответ на все выдвинутые предложения. Такие вещи не могут остаться без последствий; провал будет означать конец мирного процесса... Позволим аду вырваться на свободу со всеми неизбежными последствиями»²⁰¹.

Фактически в этом Б. Клинтон поддержал Э. Барака, приравняв значение провала Кэмп-Дэвидского саммита к краху всей системы палестино-израильских отношений, выстроенных за предшествующие годы. Ход последующих событий показал правоту этой позиции президента.

Впрочем, как верно отмечают Х. Агха и Р. Малли, «отношения между Б. Клинтоном и Э. Бараком не поддаются упрощенной классификации. Президент США был полон теплоты и личного обаяния; премьер-министр Израиля был главным образом склонен к холодной, логической аргументации. Там, где тактика президента была безгранично приспособляемой к реакции других, каждый шаг Э. Барака, казалось, был продуман и зафиксирован. В Кэмп-Дэвиде Б. Клинтон дал Э. Бараку такой совет: «Вы искусней и опытней меня в ведении войны. Но я искуснее в политике. И я научился на своих ошибках». Однако при всех своих сложных личностных чертах Э. Барак считался привилегированным партнером США благодаря своей решимости достичь соглашения об окончательном урегулировании и риску, на который он был готов пойти, чтобы этого добиться. Как признался президент Б. Клинтон за три недели до начала саммита в Кэмп-Дэвиде, он считал Э. Барака политически неопытным, неловким, малоконтактным и в чем-то саморазрушительным политиком. Но он был убежден, что Э. Барак искренне хочет достичь исторического соглашения»²⁰². Еще в июле 1999 года, во время их первой встречи, Э. Барак очертил Б. Клинтону свое видение всеобъемлющего арабо-израильского мирного урегулирования. Э. Барак предусмотрел де-

²⁰⁰ Клинтон Б. *Моя жизнь*. – М.: Альпина бизнес букс, 2005, с. 1024.

²⁰¹ См.: Agha H., Malley R. *Camp David: The Tragedy of Errors*.

²⁰² См. там же.

тали, касающиеся стратегии переговоров, их графика, и даже тех сумм из американских фондов, которые потребовались бы для обеспечения безопасности Израиля, расселения беженцев, а также выделения экономической помощи палестинцам и Сирии. Это выглядело как слова серьезного политика, осознающего свою историческую миссию²⁰³. И это давало Э. Бараку тот самый кредит доверия, в котором в итоге американцы отказали Я. Арафату. По мнению Вашингтона, Кэмп-Дэвид стал примером политического мужества Э. Барака и политической пассивности Я. Арафата, принятия риска одной стороной и неготовности к риску – другой.

Именно этот вывод сквозит в статье, написанной в сентябре 2001 года Денисом Россом: «Э. Барак и Б. Клинтон были готовы делать все необходимое для того, чтобы палестино-израильское мирное соглашение было заключено. Оба лидера всерьез взялись за эту задачу. Никто из них не боялся рисков, возникающих при попытке бросить вызов истории и мифологии. Можно ли то же самое сказать об Я. Арафате? К сожалению, нельзя. Его поведение в Кэмп-Дэвиде и после него невозможно объяснить исключительно тем, что он подозревал, что для него приготовлена ловушка. Его ошибки нельзя объяснить исключительно тем, что он «был настолько сконцентрирован на потенциальных ловушках, что не смог увидеть открывавшиеся возможности».

На всем протяжении процесса Осло председатель Палестинской администрации Я. Арафат вел себя крайне пассивно. Его стиль поведения состоял в том, чтобы не реагировать на выдвигавшиеся израильянами и американцами идеи, при этом не предлагая своих. Это – неплохая тактика, особенно для слабой стороны, которая считает, что она мало что может дать. Если это была лишь тактика, то от нее следовало бы отказаться в тот момент, когда на стол были выложены серьезные идеи и предложения. Мы не обсуждаем сейчас вопрос о том, насколько «щедрыми» были предложения, с которыми выступили израильяне. Нам важно понять, отреагировал ли Ясир Арафат хоть раз – не только в Кэмп-Дэвиде, но и позднее – на возможности завершить конфликт, прийти к всеобъемлющему соглашению об уре-

²⁰³ О первой встрече Б. Клинтона и Э. Барака см.: Dennis Ross. *The Missing Peace*. С. 497–501.

гулировании, когда такие возможности появлялись? Объективный анализ ситуации показывает, что он этого не сделал»²⁰⁴.

По свидетельству Э. Барака, аналогичным образом оценивал произошедшее и президент Б. Клинтон. После того, как 26 июля 2001 г. в «*The New York Times*» была опубликована статья Деборы Зонтаг «Поиски мира на Ближнем Востоке: как и почему они провалились», бывшему премьер-министру Израиля позвонил Б. Клинтон. По словам Э. Барака (не доверять которому в этой связи нет никаких оснований), Б. Клинтон сказал ему: «Что это такое? Почему она превращает сделанные нами [то есть США и Израилем] тактические ошибки в причину провала переговоров? Истина о саммите в Кэмп-Дэвиде состоит в том, что там впервые в истории конфликта президент США представил сторонам свое предложение, основанное на резолюциях Совета Безопасности ООН №242 и №338 и очень близкое к требованиям палестинцев, а Я. Арафат отказался принять его даже как основу для переговоров, «вышел из игры» и сознательно вернулся на тропу террора. Такова правда, все остальное – измышления»²⁰⁵. Похожим образом цитирует слова Б. Клинтона и Д. Росс: «Я. Арафат пробыл там [в Кэмп-Дэвиде] четырнадцать дней и ответил отказом на все выдвигавшиеся предложения»²⁰⁶.

Что же более всего поразило делегацию израильского левого правительства в ходе переговоров?

*Непризнание палестинскими лидерами
исторической связи еврейского народа с Эрец-Исраэль*

В своей цитированной выше статье американский дипломат Д. Росс, бывший специальным представителем президента Б. Клинтона по вопросам ближневосточного урегулирования, признался: «Я не принадлежу к числу тех, кто считает, что председатель Палестинской администрации Я. Арафат в принципе выступает против мирного урегулирования. Я не считаю, что палестинские представители не шли ни на какие уступки. Но ни в Кэмп-Дэвиде, ни в течение шести месяцев после него Я. Арафат ни разу не продемонстрировал способ-

²⁰⁴ См.: Ross D. Camp David – Letter to the Editors // *The New York Review of Books*, vol. 48, no. 14, 20.09.2001.

²⁰⁵ Morris B., Barak E. Camp David and After.

²⁰⁶ См.: Ross D. *Camp David – Letter to the Editors*.

ность заключить соглашение о постоянном урегулировании. Для этого ему было необходимо пересмотреть свое видение ситуации и отказаться от мифов, вокруг которых он строил свою борьбу в предшествующие годы, – и этого он сделать не смог или не захотел»²⁰⁷. Д. Росс приводит характерный пример: «В Кэмп-Дэвиде Я. Арафат только повторял старые мифологемы и изобретал новые, например, о том, что Храм находился не в Иерусалиме, а в Наблусе (Шхеме). Едва ли человек, который стремится завершить конфликт, станет отрицать основу веры другой стороны»²⁰⁸.

Об этом же говорят и Б. Моррис и Э. Барак: «Он [Я. Арафат] не признает существования еврейского народа как нации, признавая лишь еврейскую религию, потому что она упоминается в Коране, и потому что он в детстве видел, как евреи молились у Стены плача. Именно это является причиной того, что в ходе саммита в Кэмп-Дэвиде (и после него) Я. Арафат требовал полного палестинского суверенитета над районом Храмовой горы [Харам аль-Шариф – «Величественное святилище»] в юго-восточной части Старого города Иерусалима. Я. Арафат утверждает, что там никогда не было никакого еврейского Храма, и это является микрокосмом отрицания им исторической связи евреев с этой территорией и их права на владение какой-либо частью Эрец-Исраэль».

В ходе одной из их встреч Б. Клинтон рассказал Э. Бараку, что в период пребывания в Кэмп-Дэвиде он посетил воскресную службу, во время которой священник читал проповедь; в ней упоминался царь Соломон²⁰⁹, построивший Первый Храм. Вечером того же дня президент США встречался с Я. Арафатом и, среди прочего, заговорил об этой проповеди. Я. Арафат сказал: «Там ничего этого нет», то есть на Храмовой горе нет следов иудейского Храма. Б. Клинтон не удержался и ответил: «Не только евреи, но и я тоже считаю, что в земле находился храм Соломона»²¹⁰. Но позиция Я. Арафата от этого не изменилась.

²⁰⁷ Там же.

²⁰⁸ См. там же.

²⁰⁹ Соломон (ивр. Шломо) – легендарный царь объединенного Израильско-Иудейского царства (ок. 967 – ок. 928 гг. до н.э.), строитель Иерусалимского храма.

²¹⁰ Morris B., Barak E. Camp David and After.

К похожему же выводу относительно доминирования мифологем в политическом сознании Я. Арафата пришел и Ш. Бен-Ами. По его словам, «Я. Арафат – не светский политический лидер. Он религиозный человек. Он все время представлял себя таким современным Саладином. Поэтому и реальные темы распределения территорий его не очень интересуют. В Кэмп-Дэвиде было видно, что он не ищет реальных решений, а фокусируется на мифологических темах: право на возвращение, Иерусалим, Храмовая гора. Он витает в высших слоях исламского этоса, палестинского этоса, этоса беженцев. Речь Арафата тоже никогда не бывает конкретной. Его фразы не соединяются друг с другом и не имеют завершения. Есть слова, есть фразы, есть метафоры. А четкой позиции нет. Невозможно вернуться домой с четко сформулированной позицией Арафата по тому или другому вопросу. Есть только коды. Поэтому в конце процесса ты вдруг понимаешь, что не продвигаешься в переговорах, потому что ведешь разговоры с мифом»²¹¹.

*Искажение палестинскими лидерами
сути израильских предложений*

Главный аргумент, выдвигаемый палестинцами и их сторонниками, гласит, что Израиль предложил палестинцам не государство, расположенное на единой территории, но набор «бантустанов» или «кантонов». Официальный документ Палестинской администрации о переговорах в Кэмп-Дэвиде гласит: «Израильские предложения в Кэмп-Дэвиде ... не предусматривали жизнеспособность палестинского государства и его независимость, поскольку палестинская территория разделялась на четыре кантона, полностью окруженных израильской территорией и поэтому контролируемых Израилем. ... Израильские предложения разделяли Палестину на четыре отдельных кантона, окруженных израильской территорией: Северная часть Западного берега; Центральная часть Западного берега; Южная часть Западного берега; сектор Газа. Для перемещения из одного кантона в другой потребовалось бы пересекать суверенную израильскую территорию, что поставило бы под израильский контроль передвижение палестинцев внутри их собственной страны. Подобные ограничения распространялись бы не только

²¹¹ Беседа Ари Шавита с Шломо Бен-Ами, с. 60.

на передвижение людей, но также и на перемещение товаров и услуг, а это означало бы полное подчинение палестинской экономики израильскому контролю. И, наконец, Кэмп-Дэвидские предложения позволили бы Израилю регулировать не только внутripалестинские перемещения людей и товаров, но также и международные сообщения. Такое Палестинское государство имело бы меньше суверенитета и жизнеспособности, чем бантустаны, созданные в прошлом Южно-Африканским правительством в рамках политики апартеида»²¹².

Израильские официальные лица категорически отвергали подобную трактовку событий, обвиняя палестинцев в заведомом и сознательном искажении израильской позиции. По словам Э. Барака, «это – одно из самых очевидно лживых утверждений, выдвинутых с целью обелить палестинских лидеров и отвести от них обвинения в провале саммита в Кэмп-Дэвиде. Палестинцам было предложено создание независимого государства на 92% территории Западного берега; подобное предложение никак не могло, что называется, почти по определению, предполагать расчленение этой территории на отдельные кантоны. Западный берег и сектор Газа, действительно, находятся на достаточно большом расстоянии друг от друга, но с этим ничего нельзя поделать; но и в этом случае, согласно проекту мирного договора, эти территории предполагалось соединить мостом. На Западном берегу палестинцам была обещана территория, представлявшая собой один непрерывный массив, за исключением очень узкой полоски, тянущейся от Иерусалима через Маале-Адумим к реке Иордан, которая должна была остаться под контролем Израиля. В этом месте непрерывность палестинской территории могла бы быть обеспечена с помощью тоннеля или моста. Поэтому утверждения палестинской стороны, будто «израильские предложения разделяли Палестину на четыре отдельных кантона, окруженных израильской территорией», представляют собой сознательное искажение истинного положения вещей»²¹³.

Ш. Бен-Ами также категорически отвергает палестинскую интерпретацию. По его словам, «когда появилось это смехотворное заявление, будто мы предлагаем палестинцам кантоны

²¹² «Наиболее часто задаваемые вопросы о переговорах в Кэмп-Дэвиде и ответы на них», с. 82 и 83.

²¹³ Morris B., Barak E. Camp David and After.

без территориальной непрерывности, я поехал к Х. Мубараку и показал ему карту. Кажется, это была все еще карта с 8 процентами [территории Западного берега, контроль за которой сохранялся за Израилем] против 92 [будущему Палестинскому государству]. Х. Мубарак ее с интересом рассмотрел и вслух спросил, почему же тогда они [палестинцы] говорят, что не имеют [территориальной] непрерывности»²¹⁴.

Э. Барак полагает, что «ложь Я. Арафата о якобы предлагавшихся палестинцам «бантустанах» связана с его опасениями касательно того, что когда трезвомыслящие палестинские граждане узнают о реальном содержании предложений Б. Клинтона и ознакомятся с картой, на которой показано, что представляют собой предлагавшиеся палестинцам 92% территории Западного берега, главе Палестинской администрации будет крайне трудно объяснить своему народу, почему он отказался от реализации этих предложений»²¹⁵. Вполне вероятно, что эта интерпретация соответствует действительности.

*Продолжение террористической деятельности
параллельно с ведением переговоров*

Однако в своем восприятии тактики и стратегии поведения Я. Арафата Э. Барак пошел еще дальше. «В ходе интенсивных контактов с ними, я пришел к выводу, что палестинцы являются продуктом культуры, в которой ложь не звучит диссонансом. У них не возникает проблем, когда они лгут, как это происходит в иудео-христианской культуре. Правда не имеет для них особого значения, – говорит Э. Барак. – Они считают себя представителями национального движения, которым все позволено. Такого понятия, как «правда», для них не существует. Заместитель директора Федерального бюро расследований США однажды сказал мне, – продолжает Э. Барак, – что существуют общества, в которых детекторы лжи оказываются бессильными; это общества, в которых ложь не создает когнитивного диссонанса (именно на этом явлении основана работа детекторов). Я столкнулся с этим лично в ходе наших переговоров с палестинцами. Так, в октябре 2000 года, вскоре после начала нынешней инти-

²¹⁴ Беседа Ари Шавита с Шломо Бен-Ами, с. 62.

²¹⁵ Morris B., Barak E. Camp David and After.

фады, я встретился с тогдашним Государственным секретарем США Мадлен Олбрайт и Ясиром Арафатом в резиденции американского посла в Париже. М. Олбрайт пыталась добиться соглашения о прекращении огня. Я. Арафат согласился позвонить командирам своей полиции на Западном Берегу и в Газе, в том числе Туфику Тирауи, чтобы они проследили за выполнением условий перемирия. В этот момент я вмешался и сказал Я. Арафату: «Но не эти люди организуют террористические акты. Если Вы всерьез стремитесь к перемирию, позвоните лучше Маруану Баргути и Хуссейну аль-Шейху²¹⁶». Я. Арафат посмотрел на меня невинным взглядом так, как будто бы я произнес клички двух медведей с Северного полюса, и спросил: «Кому?» Я повторил имена, на этот раз с более четкой арабской интонацией. Я. Арафат снова переспросил: «Кому?». Его помощники не смогли удержаться и рассмеялись. Я. Арафат, вынужденный перестать притворяться, согласился позвонить названным мною активистам руководимой им самим партии. Разумеется, они поняли, что Я. Арафат не имеет к их деятельности никаких претензий, и антиизраильский террор продолжался»²¹⁷.

«Я. Арафат постоянно лжет, а его обвинения в адрес Израиля превосходят все мыслимые параметры, – отмечали Б. Моррис и Э. Барак. Так, 6 февраля 2002 года в интервью газете «Аль-Иттихад» он обвинил службы безопасности Израиля в организации – с целью провокации – террористических актов против израильских же солдат и гражданских лиц; вину за совершенный палестинским смертником страшный террористический акт в клубе «Дельфинарий» в 2001 году, в результате которого погибло двадцать пять молодых израильтян, Я. Арафат

²¹⁶ Маруан Баргути и Хуссейн аль-Шейх – жители Рамаллы, соперничающие между собой лидеры террористической группировки «Танзим» и партии ФАТХ на Западном берегу Иордана, непосредственно организовавшие многочисленные террористические акты против израильтян. В 2002 году М. Баргути, член Законодательного совета от Рамаллы и генеральный секретарь ФАТХа на Западном берегу, был арестован израильскими войсками; в 2004 году он был приговорен израильским судом к пожизненному заключению по обвинению в организации многочисленных актов насилия, повлекших человеческие жертвы. Х. аль-Шейх ныне занимает высокий пост в ПНА на Западном берегу.

²¹⁷ Morris B., Barak E. Camp David and After.

также возложил на солдата израильской армии. Я. Арафат постоянно говорит всем, кто готов его слушать, что израильские войска применяют «ядовитый газ» и «радиоактивные материалы» против мирных палестинцев»²¹⁸.

«Перед западной аудиторией Я. Арафат обычно говорит о своем стремлении к миру или, говоря его словами, «к миру смелых». Перед арабами он говорит только о борьбе, установлении палестинского флага над стенами Иерусалима, подобно тому, как это сделал в 1187 году Саладин²¹⁹, победив крестоносцев, и принесении в жертву «миллиона шахидов» (то есть террористов-смертников) ради «освобождения всей Палестины». Пора уже миру судить об Я. Арафате по тому, что он делает, а не по его фальшивой риторике. Пора уже западным лидерам относиться к Я. Арафату и его сообщникам так, как относятся к лжецам и террористам – именно такого отношения они на самом деле заслуживают», – завершают свой анализ Э. Барак и Б. Моррис²²⁰.

Факт состоит в том, что *после подписания «соглашений Осло» палестинский террор не прекратился; после 13 сентября 1993 года (дата проведения церемонии взаимного признания Израиля и ООП, прошедшей в Белом Доме) и до августа 2000 года включительно от рук палестинских террористов погибли 256 израильтян – как военных, так и гражданских лиц*²²¹. Не прекратились и масштабные акты насилия, причем не только на контролируемых территориях Западного берега и Газы, но и внутри суверенной территории Государства Израиль. Так, 6 апреля 1994 года израильский автобус был взорван в центре Афулы; 7 человек погибли, еще один умер от ран девятнадцать дней спустя. Через неделю, 13 апреля 1994 года, другой автобус был взорван в центре Хадеры; погибли пятеро израильских граждан. 19 октября 1994 года был взорван автобус в центре Тель-Авива; во время этого террористического акта

²¹⁸ Morris B., Barak E. Camp David and After – 2 // *The New York Review of Books*, vol. 49, no. 11, 27.06.2002.

²¹⁹ Саладин (араб. Салах-ад-Дин, 1138–1193) – египетский султан с 1175 г., основатель династии Айюбидов. Возглавлял борьбу мусульман против крестоносцев, в 1187 г. взял Иерусалим.

²²⁰ См.: Morris B., Barak E. Camp David and After – 2.

²²¹ Данные МИД Израиля.

погибли 22 человека. 21 человек погиб в результате взрыва, устроенного палестинскими боевиками на перекрестке Бейт-Лид возле Нетании 22 января 1995 года; 24 июля 1995 года шесть израильских граждан погибли во время взрыва автобуса в Рамат-Гане. 45 человек погибли в двух взрывах, произошедших в иерусалимском автобусе 18-го маршрута 25 февраля и 3 марта 1996 года, еще 13 израильтян погибли при взрыве палестинским террористом-смертником автобуса в Тель-Авиве 4 марта 1996 года. 30 июля 1997 года террористы взорвали рынок в центре Иерусалима; погибли 16 израильтян, были ранены 178. 4 сентября того же года палестинцы заложили три бомбы на пешеходной улице в центре Иерусалима; погибли пять человек, были ранены 181. *Продолжение террора в период ведения переговорного процесса, в годы, когда были подписаны договоры «Осло-I» и «Осло-II», Газа – Иерихонское соглашение, Парижское соглашение по экономическим вопросам, Хевронский протокол и Соглашение в Уай-Плантейшн, вызывало обоснованное возмущение израильского общества и его политических лидеров, отказывавшихся понимать логику действий правительства, видевшего своим партнером по переговорам палестинское руководство, для которого дипломатическая и террористическая деятельность были двумя сторонами одной медали.*

Нужно прямо сказать, не боясь обвинений в «ориентализме», что одним из важнейших факторов, предопределивших крах переговоров в Кэмп-Дэвиде, стали различия политической культуры и организации форм управления в Израиле и в Палестинской администрации. Как отмечает израильский политолог Д. Полисар, «как и в отношении полицейского характера созданного им государства, так и в том, что касалось форм работы правительства, деятельность Я. Арафата представляла собой значительный отход от моделей, принятых в демократических странах. ... Основывая Палестинскую администрацию, Я. Арафат создал систему, базирующуюся на покровительственных связях, которая дала ему возможность предоставить рабочие места и различные привилегии своим сторонникам, одновременно сосредоточив весь контроль над процессом принятия решений в своих руках. Административный аппарат, созданный Я. Арафатом, со всех точек зрения подходил для обеспечения его неограниченной диктатуры. Я. Арафат лично назначил все двадцать четыре члена кабинета Палестинской администрации,

назначив себя его председателем»²²². К похожим выводам о характере политической культуры в Палестинской национальной администрации пришли российские политологи К.И. Поляков и А.Ж. Хасянов: «Главной сложностью формирования системы исполнительной власти ПНА стал выбор модели устройства автономии, который делался под определенного человека – председателя Исполкома ООП Я. Арафата. В результате она почти точно копировала авторитарный стиль руководства, который был характерен для деятельности «туниской» штаб-квартиры ООП»²²³. Эти особенности внутривластного устройства Палестинской администрации не могли не повлиять на ведение ее лидерами внешнеполитической деятельности.

Израильские участники переговоров могли выступать с теми или иными предложениями и идеями, коллегиально обсуждая их между собой, при этом принимая во внимание необходимость последующего утверждения любых подписанных соглашений полным составом правительства и Кнессетом. Однако еще перед саммитом правительственную коалицию покинули партии «Исраэль ба'алия» и ШАС (а впоследствии – и Национально-религиозная партия), а тогдашний министр иностранных дел Давид Леви ушел в отставку, – все это не могло не приниматься в расчет израильскими участниками переговоров. Более того, Эхуд Барак обещал представить проект достигнутого соглашения на всенародный референдум (хотя в Израиле никогда прежде не проводились никакие референдумы), участники переговоров никогда не забывали об этом сами и напоминали об этом американцам²²⁴. Таким образом, необходимость принимать во внимание общественное мнение в Израиле, а также (пусть и в меньшей мере) позиции депутатов избранного органа репрезентативной власти влияла на членов израильской делегации.

Их партнеры по переговорам находились в принципиально ином положении: члены палестинской делегации сверяли свои

²²² Полисар Д. *Выбирая диктатуру. Ясир Арафат и формирование органов власти Палестинской администрации*. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2003, с. 32.

²²³ Поляков К.И., Хасянов А.Ж. *Палестинская национальная автономия: опыт государственного строительства*. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2001, с. 73.

²²⁴ См.: Шломо Бен-Ами. *Фронт без тыла*. С. 134.

позиции только с позицией самого Я. Арафата. Палестинский лидер, в свою очередь, мог принять практически любое решение, и никакая структура власти Палестинской администрации реально не могла бы изменить или отменить его. Поэтому одной из наиболее серьезных проблем, с которой столкнулись израильтяне и американцы, была проблема неготовности принимать на себя персональную ответственность за какие-либо возможные уступки кем-либо из членов палестинской делегации. Во многом поэтому Ш. Бен-Ами написал, что метод ведения переговоров в Кэмп-Дэвиде был ошибочным: «Вместо того, чтобы проводить обсуждения в группах и представлять их результаты на утверждение лидеров, нужно было вести переговоры между лидерами, которые затем давали бы указания группам, какие взаимопонимания отработать»²²⁵. Необходимо было изначально согласовать контуры соглашения с самим Я. Арафатом, не надеясь на то, что более прагматично и умеренно настроенные палестинские лидеры (как, например, Саиб Арикат, Набиль Шатат и Махмуд Аббас) смогут «подвести» председателя ООП к тем решениям, которые он самостоятельно не был склонен поддерживать. Надежды Э. Барака на то, что палестинские руководители среднего звена выработают с их израильскими коллегами взаимоприемлемые контуры соглашений по всем наиболее сложным вопросам, которые ему и Я. Арафату останется лишь утвердить, оказались беспочвенными.

Враждебное отношение палестинского общества к переговорам с Израилем еще более обостряло напряжение, и без того существовавшее среди палестинских участников переговоров. Каждый из палестинских участников переговоров боялся, что его имя будет ассоциироваться с уступками, которые подорвут его статус в элитных группах и среди широких слоев населения Палестинской администрации. После подписания соглашения в Уай-Плантейшн (1998) Махмуд Аббас (Абу Мазен) подвергся остракизму якобы за предательство дела борьбы за освобождение из израильских тюрем палестинских заключенных. После демонстрации, организованной под руководством Мухаммеда Дахлана и Хасана Асфура у его дома (который в ходе этой акции был забросан камнями), М. Аббас вынужден был покинуть Газу и переселиться на Западный берег. И хотя все решения,

²²⁵ Беседа Ари Шавита с Шломо Бен-Ами. С. 59.

касавшиеся деталей соглашения, подписанного в Уай-Плантейшн, принимались и утверждались лично Я. Арафатом, тот факт, что даже второй человек в палестинской иерархии (кем был на тот момент М. Аббас) не застрахован от угроз в свой адрес в случае возможных уступок на палестино-израильских переговорах, не мог не влиять на формирование максимально жесткой позиции членов палестинской делегации в Кэмп-Дэвиде. Израильские участники переговоров чувствовали и понимали это, но ничего не могли с этим поделать²²⁶.

Что же происходило? Действуя, по всей видимости, на свой страх и риск, без какой-либо центральной цели, каждый из палестинских участников переговоров вел свою игру, что, естественным образом, отрицательно влияло на возможность достижения всеобъемлющего компромисса в абсолютно закрытой атмосфере Кэмп-Дэвида. Так, например, по свидетельству Ш. Бен-Ами, Саиб Арикат говорил: «Я не знаю, каковы границы мандата, предоставленного мне на этих переговорах. Я понятия не имею, чего хочет Я. Арафат...»²²⁷. Деннис Росс, один из руководителей американской миротворческой команды, отмечал: «Я. Арафат не предпринимал ничего, чтобы сдержать конкуренцию между фракциями в его делегации. По сути, он поддержал тех членов палестинской делегации, которые заняли наиболее непримиримые позиции и блокировали усилия других участников переговоров, пытавшихся найти способы сблизить позиции сторон»²²⁸. В отсутствие внутреннего единства и сплоченности палестинские участники переговоров были неспособны на рывок, на какое-либо принципиально новое видение возможностей урегулирования конфликта.

В итоге переговоры закончились крахом, а глава распавшегося из-за самого факта ведения этих переговоров «левого» правительства пришел к следующим выводам:

«Приходится признать, что поведение Я. Арафата в Кэмп-Дэвиде было спектаклем, целью которого было спровоцировать

²²⁶ Гилад Шер. На расстоянии вытянутой руки. С. 39.

²²⁷ Шломо Бен-Ами. Фронт без тыла. Путь к границам мирного процесса. – Тель-Авив: Издательство «Едиот ахронот», 2004, с. 239 [на иврите]. Ш. Бен-Ами сообщает, что эти слова были сказаны Саибом Арикатом Гиладу Шеру.

²²⁸ См.: D. Ross. Camp David – Letter to the Editors.

Израиль пойти на максимально возможные уступки без серьезных намерений заключить мирное соглашение и договориться об окончании конфликта. Я. Арафат не был искренен в своем стремлении достичь соглашения, на самом деле он вообще не вел переговоры. Я. Арафат отвечал отказом на любые израильские и американские предложения, при этом не делал никаких контрпредложений. Я. Арафат не был готов пойти на исторический компромисс подобно тому, как это сделал в 1977–1979 гг. тогдашний президент Египта Анвар Садат, ставший первым арабским правителем, подписавшим мирный договор с Израилем. Вместо этого Я. Арафат продолжает строить планы уничтожения Израиля, вводя в заблуждение и израильских, и западных лидеров.

Я. Арафат и его соратники хотят создать Палестинское государство на территории всей Палестины. То, что мы считаем очевидным – что должны существовать два государства для двух народов – они отвергают. Их план – создать Государство Палестина, не приходя к завершению конфликта, чтобы оставить возможность для выдвижения в будущем все новых и новых требований. Пока они готовы договориться о временном перемирии, так называемой «худне», подобно тому, как пророк Мухаммед заключил с лидерами Мекки в 627–629 гг. соглашение о перемирии, которое впоследствии вероломно нарушил. Они будут пользоваться терпимостью и демократией в Израиле сначала для того, чтобы превратить его из «еврейского демократического государства» в «государство всех его граждан», а потом существующие демографические тенденции приведут к возникновению государства, в котором мусульмане, а не евреи, будут составлять большинство населения. Этот процесс приведет к уничтожению Израиля как еврейского государства. Я. Арафат считает себя новым Саладином, возглавившим борьбу мусульман против «новых крестоносцев», а именно очередным эфемерным государством крестоносцев Я. Арафат считает Израиль. С точки зрения Я. Арафата, палестинские беженцы 1948 г. и их потомки, количество которых приближается к четырем миллионам, являются главным демографическим и политическим оружием для подрыва легитимации самого существования еврейского государства и его разрушения изнутри. Я. Арафат считает, что Израиль не имеет права на существование, и хочет его уничтожить»²²⁹.

²²⁹ Morris B., Barak E. Camp David and After.

Так думал не только Эхуд Барак. Статья известного журналиста Амнона Данкера, опубликованная в газете «*Маарив*» вскоре после провала саммита в Кэмп-Дэвиде, отчетливо демонстрирует смену настроений в лагере, который лишь по привычке продолжал называть себя «левым»: «Израильские “голуби” должны быть вооружены железными когтями, если они будут нести в своих клювах оливковые ветви, их превратят в жаркое. Нам необходимо жить, а для этого – бороться, иногда жесткими и жестокими методами. Я все также отношу себя к “голубям” и понимаю все те моральные дилеммы, которые встают передо мной, но я категорически отказываюсь от пустых демонстраций, мягкотелой позиции и кидания заезженных лозунгов как средств борьбы»²³⁰. Даже те, кто все еще называли себя «левыми», были готовы поддержать силовые методы израильского правительства, осознав, что с началом палестинцами в сентябре 2000 года второй интифады «процесс Осло» завершен.

В этих условиях граница между «левыми» и «правыми» в их отношении к палестино-израильскому конфликту стала едва заметной. Оба лагеря практически в равной мере разочаровались в переговорном процессе, а взаимная критика перестала быть конструктивной и превратилась в обвинения в стиле «мы же говорили, а вы не слушали». Идеологические различия между традиционными «левыми» и «правыми» постепенно стирались, и оба лагеря все более сближались в своих представлениях о сути палестино-израильского конфликта.

«Левым» радикалам было необычайно трудно осознать, что же именно произошло в Кэмп-Дэвиде. Многие активисты, десятилетиями выступавшие за то, чтобы правительство Израиля сделало палестинцам предложения, подобные тем, что были сделаны Эхудом Бараком в Кэмп-Дэвиде, будучи уверенными, что это приведет к достижению мира, воспринимали провал саммита как нечто необъяснимое, нелогичное и невозможное.

К сожалению, в связи с его безвременной кончиной полиция и следственные органы Израиля не смогли закончить следствие, начатое против Йосси Гинносара, активнейшего участника израильско-палестинских переговоров, параллельно обслуживавшего тайные счета Палестинской администрации на суммы в сотни

²³⁰ Данкер А. Размышления убежденного «левака» // *Маарив*, 10.09.2000 [на иврите].

миллионов долларов. Жажда наживы, которая привела Й. Гинносара, в прошлом – заместителя начальника Общей службы безопасности и одного из ближайших соратников премьер-министров Ицхака Рабина и Эхуда Барака, к ведению многомиллионных заведомо незаконных коммерческих сделок с теми же людьми, с которыми он вел политические переговоры от имени Государства Израиль, по мнению многих специалистов, непосредственно угрожала интересам безопасности страны. 5 декабря 2002 года в газете «*Маарив*» была опубликована подробная информация о том, что Йосси Гинносар выполнял функции доверенного аудитора как самого Ясира Арафата, так и его главного финансового советника Мохаммада Рашида, помогая им перевести на тайные счета сотни миллионов долларов, переведенных зарубежными спонсорами на нужды палестинского народа. Суммы, прошедшие через руки Й. Гинносара от имени Я. Арафата, достигали 300 миллионов долларов и были размещены на секретных счетах в швейцарских банках. Эти средства, возможно, предназначались для использования руководством Палестинской администрации, однако из Швейцарии они были переведены неизвестному получателю. Неизвестно также, на какие нужды их в дальнейшем использовали; не исключено, что в конечном счете эти деньги пошли на закупку оружия и финансирование террора. Эти переводы осуществлялись со значительной прибылью для вовлеченных в эти сделки израильтян и палестинских официальных лиц, использовавших гуманитарную помощь международного сообщества в целях собственного обогащения. Партнер Й. Гинносара, бизнесмен Азрад Лев, передавший информацию об этом средствам массовой информации, заявил: «Я осознал, что оккупация развращает, но столь же коррумпированным является и «мирный процесс»²³¹. Известный израильский журналист Дан Маргалит охарактеризовал это дело «жаждой наживы, способной привести к краху системы власти»²³². Хотелось бы верить, как бы трудно это ни было, что данный пример – единичный, и что «левыми» активистами движет идеология, а не одна лишь жажда наживы.

²³¹ См.: Бен Каспит. Папка Гинносара // *Маарив – еженедельное приложение*, 06.12.2002, с. 1–10 [на иврите].

²³² См.: Дан Маргалит. Жажда наживы и крах системы власти // *Маарив*, 06.12.2002, с. 1 и 8 [на иврите].

Начало второй интифады сопровождалось и массовыми демонстрациями в населенных арабами городах и деревнях Израиля. Реакция властей на это была жесткой и стремительной – для разгона демонстраций были брошены большие силы полиции, результатом чего стала гибель тринадцати арабских граждан и одного еврея, которого закидали камнями. Израильское еврейское население воспринимало происходящие события как последнее доказательство, если таковое вообще требовалось, враждебности арабских граждан страны, их ментальной и идеологической солидарности не со своими согражданами-евреями, а с палестинцами и их готовности в любой момент стать «пятой колонной». Арабские граждане Израиля, напротив, в массе своей рассматривали события как вящее доказательство враждебности израильского еврейского большинства и его неготовности считать их полноценными гражданами страны²³³.

Для израильского движения «борцов за мир» противостояние между еврейским и арабским сектором общества стало серьезным ударом. Если «новые левые» стремились следовать ими же сформулированным программным документам, то им необходимо было поддержать арабов-граждан Израиля в их борьбе. В то же время такая поддержка в существовавшем тогда общественном климате означала полный разрыв с подавляющей частью еврейского населения страны²³⁴. Трудность заключалась еще и в том, что многие «левые» активисты были глубоко шокированы действиями израильских арабов, особенно тем уровнем насилия, к которому они прибегали (перекрытие дорог, забрасывание людей и автомобилей камнями). Насилие, которое использовали арабы-граждане страны, привело, в частности, к тому, что некоторые активисты оставили «левое» движение и перешли в «правый» лагерь.

Общее описание того состояния, в котором находилось «движение за мир» к концу правления Эхуда Барака, можно описать как смятение, дезориентация и неразбериха. При этом для израильского общества вторая интифада стала своего рода

²³³ См.: Алек Д. Эпштейн, Григорий Меламедов. Двунациональное еврейское государство и проблемы арабоязычного населения Израиля (к выводам Госкомиссии под председательством Теодора Ора) // *Ближний Восток и современность*. Вып. 20. М., 2003, с. 17–34.

²³⁴ Tamar Hermann. *The Israeli Peace Movement*. С. 184.

возвращением к «нормальному» состоянию. С точки зрения большинства населения, реальность стала, хотя и значительно менее безопасной, но куда как более привычной: палестинцы прибегают к насилию и убивают, израильтяне борются с терроризмом и внешней угрозой, убивая в ответ. Тезис Э. Барака о том, что Израиль предлагал Я. Арафату всё, но Я. Арафат отказался, а значит, у Израиля нет партнера по переговорам с палестинской стороны, был воспринят подавляющим большинством населения как правдивый и адекватный.

Предложения «левых», которые сводились к продолжению переговоров, несмотря на развязанную интифаду, были крайне непопулярными. Общество не приняло их. В связи с распадом правительства на 6 февраля 2001 года были назначены досрочные выборы премьер-министра. В условиях нарастающего конфликта с палестинцами Эхуд Барак шел на них, все больше теряя поддержку избирателей. Дополнительному падению популярности Эхуда Барака способствовало и то, что даже теперь, когда палестинцы ответили войной на его «щедрые предложения», он продолжал отчаянный поиск путей к примирению. С этой целью в Табу (Египет) отправилась израильская делегация, которая вела переговоры с представителями Я. Арафата даже в январе 2001 года. Подвело Э. Барака и то, что в день голосования подавляющее большинство арабских граждан страны не явилось на избирательные участки. Выборы выиграл с огромным отрывом (свыше 25% от общего числа поданных голосов) А. Шарон, незадолго до этого сменивший Б. Нетанияху на посту председателя «Ликуда».

«Левые» пришли к власти в 1999 году, чтобы довести «процесс Осло» до конца. Они сделали для этого всё, что могли, но, как оказалось, от них не так много зависело. Крах инициированного ими самими «процесса Осло» похоронил надежды «левых» сил удержаться у власти.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

**«Мы потеряли эту страну»:
«левые» силы в «правом» Израиле**

Глава VII.

ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ СМЯТЕНИЕ В «ЛЕВОМ» ЛАГЕРЕ

Вторая интифада и общественно-политический кризис «левых» сил

После того, как два левоцентристских правительства, возглавлявшихся опытными генералами И. Рабином (1992–1995) и Э. Баракком (1999–2001), не принесли Израилю ни обещанного мира, ни обещанной безопасности, израильское общество разуверилось в возможностях мирного урегулирования конфликта. Как следствие, массы избирателей отвернулись от гражданского «левого» лагеря: численность депутатов блока МЕРЕЦ сократилась до 5 мандатов в 2006 году и до 3 мандатов – в 2009 году, а численность парламентской фракции близкой ему Партии Труда упала до 19 мандатов в 2006 году и до 13 мандатов – в 2009 году. Самые известные политики, в 1990-е годы более всего ассоциировавшиеся с «левым» лагерем (Шуламит Алони, Йосси Сарид, Авраам Бург, Йосси Бейлин, Амнон Рубинштейн, Ран Козн, Хаим Рамон, Офир Пинес и другие), – все без исключения – покинули политическую арену и ушли из Кнессета, вследствие чего гражданский «левым» лагерь переживает жесточайший кризис лидерства.

Присоединение Партии Труда к правительствам Ариэля Шарона (в 2001–2002 и 2005 годах) и Биньямина Нетанияху (начиная с 2009 года) полностью лишило ее возможности представлять себя в качестве альтернативы правоцентристскому блоку «*Ликуд*». Еще более важным является то, что «левые» силы лишились той внятной политической программы, которая позволяла им именовать себя «лагерем мира»: в условиях нынешнего доминирования исламистского движения ХАМАС в секторе Газа, а во многом – и на Западном берегу Иордана есть лишь призрачные шансы на достижение палестино-израильского мирного урегулирования. Доминирование не готового ни к какому долгосрочному урегулированию с Израилем ХАМАСа в палестинском социуме способствовало рез-

кому ослаблению присущего многим израильтянам (в особенности городской интеллигенции и среднему классу) «чувства вины за оккупацию», которая ныне повсеместно воспринимается как неизбежная даже среди тех, кто считает ее злом. Строительство Израилем «разделительной стены», серьезно ухудшающее жизнь палестинских арабов Западного берега, равно как и беспрецедентно жестокая по израильским меркам широкомасштабная военная операция в Газе в декабре 2008 – январе 2009 года не сопровождались ни отказом израильских солдат и офицеров от службы (что было нередким явлением в дни Первой Ливанской войны и первой интифады), ни всплеском солидарности с вполне реальными страданиями палестинцев, ни ростом сторонников левого блока МЕРЕЦ.

Среди политологов до сих пор распространено мнение, основанное на достаточно поверхностном рассмотрении результатов парламентских выборов, согласно которому израильские избиратели стабильны в том, что касается их политических симпатий. Однако социологические исследования уже в середине 1970-х годов говорили о подвижности избирательных предпочтений. Исследования недавно скончавшегося политолога Ашера Ариана показали, что за период, прошедший с выборов 1965 года до выборов 1969 года, 25% опрошенных решили поддержать другую партию, для периода с 1969 по 1973 год эта цифра составляла 32%, а с 1973 по 1977 год – 50%²³⁵. При этом, однако, большинство избирателей не переходило из одного блока в другой, отдавая предпочтение иным партиям и движениям похожей политической ориентации. Поражение Партии Труда на выборах 1977 года не было следствием массового оттока избирателей от социал-демократов к правому блоку «Ликуд»: парламентская фракция «Ликуда» увеличилась лишь на четыре человека, в то время как фракция Партии Труда сократилась на девятнадцать мандатов! Оставшиеся пятнадцать мандатов получило созданное незадолго до выборов центристское Движение за демократию и реформы, и именно его успех, ставший, как показало время, пирровой победой (Движение просуществовало всего одну парламентскую каденцию), предрешил падение Партии Труда с пьедестала власти. С тех

²³⁵ Ариан А. *Политика и государственный строй в Израиле*. – Тель-Авив, 1986, с. 259 [на иврите].

пор минуло более тридцати лет, однако «маятниковое» голосование израильских избирателей стало еще более распространенным. Анализ результатов выборов 2001 года показывает, что *премьер-министра Э. Барака поддержали менее половины тех избирателей, которые проголосовали за него на всеобщих выборах за год и девять месяцев до этого.*

Ариэль Шарон был избран премьер-министром через полгода после краха саммита в Кэмп-Дэвиде, четыре с небольшим месяца спустя после начала второй интифады. Совершенно очевидно, что голосуя в поддержку его кандидатуры, граждане Израиля голосовали за смену курса, против продолжения «процесса Осло». Следует отметить, однако, что А. Шарон ни тогда, ни перед парламентскими выборами, прошедшими в январе 2003 года (их возглавляемая им тогда партия «Ликуд» также выиграла с огромным перевесом над конкурентами), не обнародовал какой-либо стратегической программы действий на «палестинском направлении». А. Шарона выбрали не в знак поддержки той или иной его программы, а как протест против череды уступок, сопровождавших весь «процесс Осло» начиная с 1993 года, – уступок, которые вместо долгожданного и столь вожделенного мира принесли Израилю лишь новый виток террора и насилия.

Нельзя сказать, что, став главой правительства, Ариэль Шарон принялся реализовывать некий «стратегический» план. Скорее напротив, его деятельность отличалась известным непостоянством. Так, изначально он выступал против строительства «разделительной стены» между Израилем и территориями, населенными палестинскими арабами, а впоследствии стал одним из самых горячих сторонников этого проекта. А. Шарон на протяжении долгого времени взвешивал возможность изгнания Я. Арафата, однако, вопреки многочисленным декларациям отдельных членов правительства и депутатов и предостережениям самого премьера, решение по этому вопросу так и не было принято. Еще менее ожидаема была выдвинутая им в декабре 2003 года и реализованная, несмотря на значительное сопротивление, в августе 2005 года программа вывода всех израильских сил и поселений из сектора Газа и Северной Самарии²³⁶.

²³⁶ См.: Алек Д. Эпштейн. Инициативы Израиля на «палестинском направлении» в период правления Ариэля Шарона // *Палестино-израильский конфликт в зеркале общественного мнения и междуна-*

Однако прежде всего правительству Ариэля Шарона нужно было что-то делать в сфере обеспечения личной безопасности израильских граждан. Начавшаяся как серия спорадических вспышек насилия, вторая интифада постепенно переросла в полномасштабное восстание. Официальная позиция Палестинской администрации состоит в том, что террористические акты против гражданского населения внутри «зеленой черты», то есть на территории собственно Израиля, являются нелегитимными, и после каждого взрыва в тель-авивском или хайфском кафе палестинское руководство заявляло, что оно осуждает насилие и кровопролитие. При этом террористические акты против военных и гражданских лиц на контролируемых территориях (на Западном берегу и в Газе) воспринимаются едва ли не всеми палестинцами как совершенно легитимное средство национально-освободительной борьбы. Сегодня в палестинском социуме нет сколько-нибудь влиятельных политических сил, которые выступают против права палестинских организаций на проведение террористических актов на территориях, считающихся ими оккупированными Израилем. Террористические атаки и нападения с палестинской стороны сменялись военными операциями, проводимыми ЦАХАЛом при поддержке других силовых структур: «Защитная стена» (29 марта – 10 мая 2002 года) – на Западном берегу; «Радуга в облаках» (18–25 мая 2004 года), «Дни воздаяния» (30 сентября – 15 октября 2004 года) и «Первый дождь» (23–24 сентября 2005 года) – в секторе Газа... Когда Ариэль Шарон предложил многоопытному политику Давиду Леви пост министра регионального сотрудничества в своем правительстве, то последний язвительно ответил, что лучше было бы поговорить о poste «министра по развитию новых видов вооружений», – и этот диалог адекватно отражает и положение дел, и состояние умов в Израиле в начале XXI века.

Руководителям Партии Труда было очень дискомфортно находиться в правительстве во главе с «*Ликудом*», тем более учитывая, что пост премьер-министра занял самый ненавидимый «левыми» израильский политик – Ариэль Шарон. Кроме того, Устав Партии Труда, принятый много лет назад, требует

проведения внутривыборных выборов председателя в течение года после каждых не выигранных «левыми» всеобщих выборов, что в последние годы в условиях постоянных фиаско на раз за разом проходящих досрочно голосованиях навязывает социал-демократам крайне неприятное состояние непрекращающейся предвыборной кампании. После того, как Эхуд Барак, проиграв выборы Ариэлю Шарону, объявил о временном уходе из политики, исполнителем обязанностей председателя Партии Труда стал Шимон Перес, который и вошел в правительство А. Шарона в качестве вице-преьера и министра иностранных дел. Затем в сентябре 2001 года в Партии Труда прошли выборы, на которых между собой боролись два кандидата: Авраам Бург, близкий к «новым левым», и Биньямин Бен-Элиэзер, считавшийся наиболее «правым», милитаристки настроенным среди членов парламентской фракции социал-демократов. После подсчета голосов было объявлено, что выборы с небольшим перевесом выиграл А. Бург, однако его оппонент не признал поражения, долго оспаривал во всевозможных инстанциях протоколы с разных участков (преимущественно в арабском и друзском секторах), вследствие чего на 51 избирательном участке было назначено переголосование, которое прошло в декабре. После того, как были подведены итоги «второго тура» голосования, председателем Партии Труда был объявлен Б. Бен-Элиэзер. Однако избран он был менее чем на год, в ноябре 2002 года должны были состояться новые выборы, где против Биньямина Бен-Элиэзера выступили депутат Кнессета Хаим Рамон (в прошлом бывший министром здравоохранения и министр внутренних дел) и генерал в отставке, мэр Хайфы Амрам Мицна. Двое последних на тот момент не входили в правительство, и оба они резко критиковали Б. Бен-Элиэзера за то, что он «превратил Партию Труда в спицу в колеснице *“Лукуда”*».

30 октября 2002 года, за три недели до запланированных выборов председателя Партии Труда, Биньямин Бен-Элиэзер объявил о выходе из коалиционного правительства во главе с Ариэлем Шароном. Вместе с ним правительство покинули все министры от социал-демократов: возглавлявший внешнеполитическое ведомство Шимон Перес, министр транспорта Эфраим Снэ, министр промышленности и торговли Далия Ицик, министр науки, культуры и спорта Матан Вильнаи и министр сельского хозяйства Шалом Симхон. Причины развала прави-

тельства национального единства лидерами Партии Труда так и не были внятно озвучены; вероятно, их и не было. Формально речь шла о разногласиях, касавшихся проекта государственного бюджета, однако тот факт, что в тот момент Закон о бюджете вносился в Кнессет для голосования только в первом чтении, равно как и то, что впоследствии, уже выйдя из правительства, депутаты от Партии Труда проголосовали за него, не позволяет воспринимать всерьез их декларации и заявления. Наиболее вероятной причиной подобного шага был ошибочный расчет Б. Бен-Элиэзера добиться большей личной популярности среди членов партии. Согласно Уставу Партии Труда, ее председатель (равно как и депутаты Кнессета) избирается прямым голосованием всех членов партии, общая численность которых составляет около 150 тысяч человек. С огромным трудом выиграв внутренние выборы в 2001 году, Б. Бен-Элиэзер не сумел упрочить свое положение лидера Партии Труда. Перед назначенными на 19 ноября 2002 года новыми внутрипартийными выборами его публично поддерживали лишь Эфраим Снэ, депутат Вайцман Шири и Эхуд Барак, причем поддержка последнего сыграла на тот момент скорее негативную роль. Многие представители «левого» лагеря не простили Э. Бараку провала переговоров с палестинцами и электорального фиаско 2001 года и опасались, что Э. Барак попытается использовать шестидесятипятилетнего (в то время) Б. Бен-Элиэзера как некую промежуточную фигуру для последующей попытки повторного восхождения к вершинам партийного (и государственного) Олимпа. Как бы там ни было, большинство министров и депутатов Кнессета от Партии Труда либо не выражали публичную поддержку ни одному из кандидатов (так, в частности, поступил Шимон Перес), либо поддержали соперников Б. Бен-Элиэзера. Следует отметить, что большая часть так называемых «голубей» Партии Труда, выступавших за масштабные территориальные и демографические уступки Израиля палестинцам, и среди них Йосси Бейлин и Авраам Бург, изначально поддерживали Хаима Рамона, однако, исходя из того, что результаты опросов общественного мнения сулили (как выяснилось позднее, справедливо) сокрушительную победу Амраму Мицне, в итоге предпочли выступить в его поддержку.

Показательно, что и Х. Рамон, и А. Мицна выступали против участия Партии Труда в правительстве во главе с А. Шаро-

ном. Свою позицию они аргументировали тем, что в таком правительстве Партия Труда теряет свое политическое лицо: невозможно состоять до выборов в одном правительстве с «*Ликудом*», волей-неволей вырабатывать и проводить в жизнь общий политико-экономический курс, а потом в ходе предвыборной пропаганды убеждать избирателей в своем отличии от «*Ликуда*». По мнению Х. Рамона и А. Мицны, Партия Труда должна была перестать быть придатком «*Ликуда*» в правительстве А. Шарона, чтобы предложить израильским гражданам альтернативу как в области внешней политики, так и в социально-экономической сфере. Результаты опросов общественного мнения, согласно которым он значительно отставал от А. Мицны, привели Б. Бен-Элиэзера к оказавшемуся ошибочным – и для него лично, и для возглавлявшейся им партии – решению о борьбе с Х. Рамоном и А. Мицной на «их же поле», т.е. к попытке бороться за голоса противников участия Партии Труда в правительстве. По этому вопросу в Партии Труда не было единства мнений. Так, согласно опросу, проведенному тель-авивским институтом «*Дахаф*» уже после выборов, 67% сторонников Партии Труда считали, что создание правительства национального единства с «*Ликудом*» предпочтительно для страны, и лишь 16% отметили, что предпочитают правое правительство без участия представителей Партии Труда²³⁷. Согласно результатам другого опроса, проведенного социологическим институтом «*Галь хадаш*» [«Новая волна»] через месяц после выборов, 52% сторонников Партии Труда выступили за ее вхождение в правительство А. Шарона (против высказались 46% опрошенных)²³⁸. Однако Б. Бен-Элиэзер решил, что причина популярности А. Мицны состоит именно в его бескомпромиссном противостоянии политическому курсу Ариэля Шарона, и начал – с громкого выхода из правительства – борьбу с мэром Хайфы на его «идеологической территории».

Как указывалось выше, этот расчет оказался ошибочным: Б. Бен-Элиэзеру не удалось переломить неблагоприятные для себя тенденции общественного мнения, и на состоявшихся

²³⁷ См.: Хеми Шалев. Мечтает о переменах // *Маарив* – еженедельное приложение, 31.01.2003, с. 12–13 [на иврите].

²³⁸ См.: Хеми Шалев. Блюдо Арика // *Маарив* – еженедельное приложение, 28.02.2003, с. 10–11 [на иврите].

19 ноября 2002 года выборах председателя партии он получил лишь 38,2% голосов, в то время как А. Мицна – 53,9%, а Х. Рамон – 7,2%. За семь лет, прошедших с момента убийства И. Рабина, в Партии Труда четвертый раз сменился лидер: на смену Ш. Пересу, Э. Бараку и Б. Бен-Элиэзеру пришел Арам Мицна. Потеряв пост министра обороны, Б. Бен-Элиэзер менее чем три недели спустя лишился и поста председателя партии. Избиратели же так и не поняли этих метаний.

Нужно сказать, что непрерывно ведя избирательную кампанию по выборам собственного председателя, в ходе которой одни ее лидеры обвиняли во всех смертных грехах других, Партия Труда все больше теряла общественную поддержку. Общество же в рассматриваемый период стало все более поддерживать идеи, отстаиваемые «правыми»: 82% опрошенных в мае 2001 года израильтян считали, что «мирный процесс» нанес урон их чувству личной безопасности и защищенности, 60% выразили мнение, что палестинскому руководству доверять никак нельзя²³⁹.

В целом динамика изменения в общественном мнении была весьма неблагоприятной для «борцов за мир». По мере того, как интифада продолжалась, все большее число граждан Израиля готовы были поддержать и оправдать любые действия армии и других силовых структур, если они приведут к улучшению ситуации в сфере безопасности. Почти 90% опрошенных в апреле 2002 года поддержали ввод войск в палестинские города, а в июне того же года 70% опрошенных выразили желание, чтобы армия Израиля и впредь оставалась на палестинских территориях²⁴⁰. Фактически, израильское общество предоставило правительству А. Шарона полный карт-бланш в его политике на «палестинском направлении». Новый премьер-министр и члены его кабинета не только не вели никакого диалога с движением «борцов за мир», но просто не обращали внимания на те небольшие демонстрации, которые активистам движения удавалось все же время от времени выводить на улицы.

Важно отметить, что, выбрав своим председателем А. Мицну, Партия Труда продемонстрировала удивительное

²³⁹ Индекс мира, данные за май 2001 г.

²⁴⁰ Индекс мира, данные за май–июнь 2002 г.

равнодушие к мнению широких слоев общества. Так, опрос, проведенный в конце февраля 2003 года, показал, что общество в целом предпочитает видеть на посту председателя Партии Труда кого угодно, только не А. Мицну: по популярности он уступал 5–7% голосов и Беньямину Бен-Элиэзеру, и Аврааму Бургу, и Матану Вильнаи. На вопрос, поддерживают ли они замену А. Мицны другим политиком на посту председателя Партии Труда, большинство опрошенных ответило положительно (48% – «за» при 44% – «против») ²⁴¹. На выборах 2003 года Партия Труда показала худший (на тот момент) результат в истории, получив ровно вдвое меньше мандатов, чем «Ликуд». Однако лишь 8% избирателей Партии Труда выразили мнение, что это электоральное фиаско обязывает А. Мицну уйти в отставку ²⁴².

В 2003 году Партия Труда проиграла «Ликуду» не только в целом по стране, но и во всех четырех крупнейших городах, в том числе в городе, которым десять лет руководил А. Мицна – Хайфе (22,3% проголосовали за Партию Труда, 28,2% – за «Ликуд»), а также в Тель-Авиве (22,6% отдали голоса за партию Труда, 28,4% – за «Ликуд») и Беэр-Шеве (10,0% проголосовали за партию Труда, 35,7% – за «Ликуд»), мэрами которых были политики, избранные по спискам и при поддержке Партии Труда. В Иерусалиме партия Труда уступила «Ликуду» втрое (9,0% против 27,8%), в религиозном секторе – вчетверо (2,0% против 8,4%), в населенных пунктах на контролируемых территориях и на Голанских высотах – в семь раз (4,0% против 28,6%) ²⁴³.

Парадоксальным образом беспрецедентное поражение Партии Труда на выборах не привело к кардинальной «переоценке ценностей» среди ее руководства и избирателей. В этих условиях едва ли стоит удивляться тому, что и в ходе последующих выборов 2006 и 2009 годов Партия Труда получила меньше двадцати мандатов, постепенно превратившись в одну из достаточно многочисленных партий, представленных

²⁴¹ См.: Север Плоцкер. Новые выборы в течение года – двух // *Едиот ахронот* – еженедельное приложение, 24.01.2003, с. 18–19 [на иврите].

²⁴² См.: Хеми Шалев. Мечтает о переменах. С. 13.

²⁴³ Данные Центральной избирательной комиссии по выборам депутатов Кнессета 16-го созыва.

в Кнессете, но не имеющих никакого шанса на то, чтобы претендовать на руководство органами законодательной и исполнительной власти страны. Из партии, выбирающей себе коалиционных партнеров, социал-демократы стали партией, борющейся за право войти в чужое правительство («Кадимы» или «Ликуда»). В межминистерском форуме по военно-политическим вопросам в сформированном после выборов 2009 года правительстве Б. Нетанияху из семи человек Партию Труда представляет лишь один – Эхуд Барак; «Ликуд» представляют четыре министра, еще двое – от партии «Наш дом – Израиль» и ШАС.

Между односторонним размежеванием и интенсификацией отступления

После того, что произошло на саммите в Кэмп-Дэвиде и после него, «левое» движение было расколото. Различные группы в израильском гражданском «левом» лагере, исходя из порой противоположного понимания политических тенденций в международной и региональной политике, сформулировали в 2002–2003 годах три плана, каждый из которых предлагался как панацея для выхода палестино-израильского диалога из кризиса: план Гилада Шера и Ури Саги; план Сари Нуссейбы и Ами Аялона; и так называемое «Женевское соглашение». Эти планы сильно отличались друг от друга, поскольку исходили из разных предпосылок.

Первый – план Ури Саги (бывшего начальника военной разведки Израиля, впоследствии, когда Эхуд Барак был премьер-министром, возглавлявшего израильскую делегацию на переговорах с Сирией) и Гилада Шера (адвоката, во время правления Эхуда Барака возглавлявшего израильскую делегацию на переговорах с палестинцами, а также являвшегося начальником канцелярии премьера)²⁴⁴. Когда 6 февраля 2001 го-

²⁴⁴ См. текст этого документа в переводе на русский язык в книге: *«Программы урегулирования палестино-израильского конфликта: три года после переговоров в Кэмп-Дэвиде и Табе»* / Под ред. А.Д. Эпштейна. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004, с. 149–170.

да Э. Барак проиграл А. Шарону на всеобщих выборах, официальная позиция Израиля состояла в том, что все предложения, которые обсуждались в Кэмп-Дэвиде и Табе, аннулированы, поскольку палестинцы их отклонили. У. Саги и Г. Шер решили исходить из другой предпосылки, а именно: наработанный опыт нужно сохранить. Данный план строился на следующем тезисе: переговоры в Табе и в Кэмп-Дэвиде показали, что с палестинской стороны у Израиля нет серьезного партнера, искренне стремящегося к урегулированию. Никто из обладающих реальной властью палестинских руководителей не готов идти на какую бы то ни было форму мирного сосуществования с Израилем. По мнению представителей израильского «правого» лагеря, переговоры для палестинцев – только фикция, а финальная цель остается неизменной: рано или поздно «сбросить Израиль в море». Это – горькая реальность, – в целом согласились с подобной оценкой У. Саги и Г. Шер. – С другой стороны, – констатируют они, – на палестинских территориях едва ли не самая высокая в мире рождаемость. Сегодня, если взять всю территорию Палестины, то соотношение евреев и арабов практически один к одному, и доля арабского населения будет расти и в дальнейшем.

Следует отметить, что начиная с создания Государства Израиль по Закону о возвращении, который распространяется только на евреев и членов их семей, в страну прибыло более двух с половиной миллионов человек. При этом в 1949 году арабы составляли 14% населения Израиля, а сегодня составляют более 20%. Иными словами, в долгосрочной демографической перспективе влияние арабской рождаемости оказывается куда сильнее, чем последствия еврейской иммиграции. Очевидно, что крайне трудно, если вообще возможно, сохранять национальный характер государства, когда эта нация является меньшинством. Фактически У. Саги и Г. Шер пытались найти ответ на две угрожающие Израилю проблемы: демографическую и «антидемократическую». С их точки зрения, для сохранения своего еврейского национального характера, с одной стороны, и, с другой, – чтобы не превратиться в государство апартеида, Израилю нужно как можно быстрее отделиться от максимально большего числа палестинских арабов. Иными словами, Израиль сам не заинтересован в контроле над территориями, населенными палестинскими арабами, вне зависимости от того, настроены ли палестинские лидеры на достижение

всеобъемлющего или хотя бы промежуточного мирного урегулирования. Гилад Шер и Ури Саги утверждали: Израиль не меньше палестинцев заинтересован в размежевании, имеющем демографические предпосылки и неизбежно основанном на территориальном компромиссе, однако на палестинской стороне нет достойного партнера, который всерьез заинтересован прийти к мирному соглашению. Как и в Южном Ливане, Израиль и на Западном берегу и в Газе (не забудем, что документ был обнародован в 2003 году, когда в секторе Газы существовало более двадцати еврейских поселений) должен действовать по модели одностороннего размежевания, – утверждали Г. Шер и У. Саги. Их план исходил из предпосылки, что израильтянам и палестинцам вместе не ужиться, как показали и закончившиеся крахом переговоры в Кэмп-Дэвиде и Табе, и непрекращающийся террор. У нас нет иного выбора, кроме как решать проблему в одностороннем порядке, – заявляли Г. Шер и У. Саги. – На территориях по другую сторону разделительного забора палестинцы смогут создать свое государство – их судьба более не будет зависеть от Израиля.

Важно отметить, что некоторые наиболее тяжелые для Израиля вопросы предлагалось решить в ходе будущих переговоров, если на палестинской стороне когда-нибудь появится партнер по мирному диалогу. Речь идет о ряде территорий, которые Израиль, согласно плану Г. Шера и У. Саги, не аннексирует, но и не передает палестинцам: во-первых, это – представляющая собой зону безопасности Иорданская долина, где палестинцам пока не передано никаких территорий, кроме анклава Иерихона, во-вторых, шоссе № 443, так называемая «вторая дорога» из Иерусалима в Тель-Авив. Под контролем Израиля на нынешнем этапе (но без обязательств по отношению к поселенцам на длительный срок), согласно этому плану, должны остаться поселения Бейт-Эль и Офра, а также город Кирьят-Арба и еврейский район Хеврона – как места, обладающие особым историческим значением для еврейского народа.

Этот план предлагалось реализовать в течение двух периодов по полтора года каждый, причем подчеркивалось, что если когда-нибудь у палестинцев появится руководство, которое захочет вести с Израилем переговоры о постоянном мирном урегулировании, подобная инициатива будет только приветствоваться. Однако, – повторяли авторы плана, – Израиль

не может и не должен быть заложником палестинского и исламского радикализма.

Об окончательном урегулировании в плане сказано следующее: район Иерусалима в будущем станет двумя столицами – Иерусалим и Эль-Кудс, причем между ними будет проведена четкая государственная граница. В рамках промежуточного урегулирования никаких изменений в Иерусалиме не предусматривалось. Право беженцев на возвращение в пределы Государства Израиль не признавалось. Говорилось, что палестинские беженцы и их потомки могут быть натурализованы в тех странах, где живут сейчас, или в Палестинском государстве, когда оно будет создано, или в любых странах, которые будут готовы их принять.

По целому ряду позиций план Гилада Шера и Ури Саги принципиально отличался от «Женевского соглашения», инициированного Йоси Бейлиным и Ясером Абед-Рабо²⁴⁵, и плана организации со странным названием «Национальный призыв» Ами Аялона и Сари Нуссейбы²⁴⁶. Эти документы предусматривали модель двустороннего урегулирования, исходя из предпосылки: «У нас должен быть партнер, и мы его найдем». Однако оба эти плана были подготовлены людьми, не занимавшими в то время никаких официальных постов ни с израильской, ни с палестинской стороны.

Прежде всего важно подчеркнуть, что если план Ури Саги и Гилада Шера оставлял конкретные решения судьбоносных вопросов палестино-израильского конфликта «на потом», декларируя только израильскую позицию, то в данных проектах речь шла о попытке решить самые сложные вопросы и по ним прийти к взаимоприемлемому соглашению.

«Женевское соглашение» представляется документом, который едва ли когда-либо будет принят большинством израильского общества. Оно содержит ряд принципиальных уступок с израильской стороны, значительно более серьезных, чем даже те, на которые правительство Э. Барака пошло в Кэмп-Дэвиде и в Табе. *Как и в случае с «Копенгагенской группой»*

²⁴⁵ См. текст этого документа в переводе на русский язык там же, с. 115–148.

²⁴⁶ См. текст этого документа в переводе на русский язык там же, с. 109–114.

в начале второй половины 1990-х годов, участники «Женевских соглашений» с израильской стороны действовали по зову души, велению сердца и при поддержке европейских спонсоров без того, чтобы получить хоть какой-то мандат в своей собственной стране. Это соглашение предполагает практически полную эвакуацию всех еврейских населенных пунктов, находящихся за «зеленой чертой»; единственное, что остается за Израилем, – Маале-Адумим, Гиват-Зеэв, поселения в районе Гуш-Эцион, а также поселения Элькана, Альфей-Менаше и Модииин-Илит. В отличие от плана Г. Шера и У. Саги, «Женевское соглашение» предусматривает эвакуацию и Ариэля, и поселений в Иорданской долине. При этом в «Женевском соглашении» нет никаких обязательств по палестинской борьбе с террором. В главе «Безопасность» там сказано дословно следующее: «Стороны выступают против террора и насилия в любых проявлениях и будут проводить политику противодействия террору и насилию. Кроме того, стороны будут воздерживаться от любых действий, которые могут способствовать распространению радикальных настроений и могут привести к вспышке террора и насилия». По этому соглашению палестинцам обещан полный раздел Иерусалима и создание двух отдельных муниципалитетов. Столица каждого из государств должна располагаться в находящейся под ее контролем части Иерусалима. Здесь подразумевается и раздел Старого города: еврейский квартал – Израилю, арабо-христианский и мусульманский – Палестинскому государству. Более того, под палестинский суверенитет должен, согласно «Женевскому соглашению», перейти и армянский квартал. В случае реализации этого документа предполагается также раздел Храмовой горы: участок у Стены Плача должен остаться под контролем Израиля, а сама гора перейти под палестинский суверенитет.

Не менее важно и то, что согласно этому документу, Израиль в течение двух с половиной лет обязуется освободить всех палестинских заключенных, вне зависимости от тяжести совершенных ими преступлений, в том числе лидеров террористических организаций и убийц (глава 15 «Палестинские заключенные», параграфы 1а, 1б, 1в).

Еще одна глава «Женевского соглашения» фактически декларирует признание израильской ответственности за возникновение проблемы палестинских беженцев (глава 7, статья 10а). В этом документе говорится, что беженцы при желании могут

вернуться в одно из следующих мест: в Израиль; в независимое Палестинское государство, когда оно будет создано; на те территории в пределах «зеленой черты», которые Израиль готов передать палестинцам (речь идет о землях, примыкающих к сектору Газы и в пустыне Негев) в соотношении один к одному; в любое государство, которое захочет их принять. Кроме того, им предлагается пройти процесс натурализации там, где они живут. Касательно возвращения в Израиль сказано, что эта возможность будет зависеть от Государства Израиль, которое само определит, какое количество беженцев и их потомков (а нужно отметить, что подавляющая часть нынешних палестинских беженцев, согласно статистике ООН, родились в странах палестинской диаспоры уже после войны 1948 года) оно готово принять, и заявит о своем мнении на международной конференции. «При определении этой квоты Израиль учтет то количество беженцев, которое готовы принять третьи страны». Представляется важным, что палестинцы (хотя и не официальные их представители) впервые подписались под тем, что Израиль сам может определять, сколько беженцев ему принять. Как утверждали Йосси Бейлин и другие члены самоназначенной израильской делегации, Израиль должен будет принять примерно 40–50 тысяч человек. Плюсом для Израиля является то, что палестинцы лишаются возможности требовать от Израиля неограниченного права на возвращение. Минус состоит в том, что предполагалось создание специального фонда компенсаций за лишения, перенесенные теми, кто оказался в положении беженцев, и Израиль должен быть «основным спонсором этого фонда». Данное обязательство, будь оно реализовано, станет тяжелой и едва ли оправданной нагрузкой на бюджет страны.

«Женевская инициатива» была чрезвычайно успешной с медийной точки зрения. Прежде всего обширные связи и возможности ее основателей позволили им нанять команду профессионалов в области общественных связей; кроме того, в отличие от многих других инициатив, «Женевское соглашение» стало предметом активных обсуждений в политическом руководстве Израиля, хотя и удостаивалось, как правило, сугубо негативных откликов; наконец, основатели группы приложили немало усилий, чтобы заручиться поддержкой уважаемых политических деятелей, таких как бывший президент ЮАР, лауреат Нобелевской премии мира Нельсон Мандела и Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан. Предлагаемое соглашение было на-

печатано миллионным тиражом на разных языках; почти каждая семья получила в свой почтовый ящик брошюру, включавшую полный текст предлагаемого документа с картами. Хотя этот документ как проект любого международно-правового соглашения был слишком длинен и труден для прочтения специалистами, почти все израильтяне наверняка знали о факте его существования.

Реакция в СМИ и среди политиков на «Женевское соглашение» была самой разной. «Правые» называли Йосси Бейлина не иначе как «предателем» (впрочем, не впервые), призывая судить его за государственную измену. «Левые» же полагали, что бывшие государственные деятели сделали важный и нужный шаг к мирному урегулированию, доказав, что достижение соглашения между израильтянами и палестинцами в принципе возможно. Критики обращали особое внимание на источники финансирования группы, готовившей «Женевское соглашение»: среди ее спонсоров были швейцарские и японские фонды, а также структуры Евросоюза. Политические противники называли Й. Бейлина и членов его группы агентами иностранного влияния и проводниками чужих интересов.

Внутри левого лагеря также не было единства мнений относительно того, поддерживать ли «Женевское соглашение». Камнем преткновения стал вопрос о праве палестинских беженцев на возвращение. Такие видные интеллектуалы и политики, как бывший министр иностранных дел профессор Шломо Бен-Ами и бывший генеральный директор Министерства иностранных дел профессор Шломо Авинери выражали беспокойство ссылкой на резолюцию ООН №194 и пунктами о возможности возвращения некоторого числа беженцев. Напротив, представители радикального антиссионистского крыла «борцов за мир» критиковали активистов группы Й. Бейлина за чрезмерную приверженность еврейско-израильским стереотипам и догмам и непонимание реальных устремлений палестинцев.

Успешность «Женевской инициативы» измерить достаточно трудно. С одной стороны, она приобрела несомненную известность, причем как внутри самого Израиля, так и за его пределами; она организовала хорошо функционирующую и не знающую финансовых проблем сеть представительств; она включает в себя не только израильтян, но и палестинцев. С другой же стороны, проект, разработанный группой, так и не стал частью официальной программы какой-либо партии, кроме,

быть может, стремительно теряющего популярность блока МЕРЕЦ; щедрые ассигнования и профессионалы в области PR так и не смогли добиться увеличения поддержки «Женевского соглашения» в израильском обществе.

Третье соглашение – «Декларация принципов» Сари Нуссейбы и Ами Аялона – во многом похоже на предыдущие документы. Подобно плану Г. Шера и У. Саги, оно не предусматривает права палестинских беженцев на возвращение в Израиль. Однако если «Женевское соглашение» говорит о разделе Старого города между двумя автономными муниципалитетами, то соглашение С. Нуссейбы – А. Аялона призывает создать единый орган управления в Старом городе Иерусалима. При этом сам Иерусалим должен стать общей столицей Израиля и Палестины, которые, как ожидается, будут поддерживать ту или иную форму добрососедского существования. Инициаторы соглашения подчеркивали, что они приветствуют максимально широкое вовлечение в управление городом международных дипломатических структур.

Все эти проекты проектами и остались, и в этом состоит сложность существования израильского «левого» лагеря в последние десять лет: их идеи не востребованы ни израильским, ни палестинским обществом, их электоральные показатели ухудшаются раз от раза, и хотя мир между Израилем и палестинцами выглядит сегодня, после победы ХАМАСа на вторых выборах в Законодательный совет ПНА в январе 2006 года и после захвата им в июне 2007 года всей полноты власти в секторе Газа, еще более далеким и недостижимым, чем прежде, никто не заинтересован в какой-либо помощи со стороны организаций и движений «лагеря мира». Те израильские «левые», которые остались «левыми», фактически перестали быть релевантными. Те же, кто имеет влияние на происходящее, фактически переориентировались на совершенно другую идеологию. Когда Эхуд Барак, будучи министром обороны в правительствах Эхуда Ольмерта и Биньямина Нетаньяху, руководит действиями армии в ходе бомбардировок строившегося сирийского ядерного реактора (6 сентября 2007 года), затем – самой масштабной и кровавой военной операцией, которую Израиль когда-либо проводил в Газе (в декабре 2008 – январе 2009 гг.), а затем – захватом кораблей международной флотилии, пытавшейся прорвать морскую блокаду Газы (31 мая 2010 года), резонно спросить, что же должны делать «правые», если так ведет себя лидер крупнейшей «левой» партии страны.

«Четвертая власть».
«Левая» пресса: от гегемонии –
к борьбе за выживание

Сионизм с самого своего возникновения был движением идеологическим, для которого вопрос массовой мобилизации сторонников имел поистине судьбоносное значение. Успех сионистского проекта зависел от решимости евреев диаспоры сменить место своего проживания, перебравшись в Палестину/Эрец-Исраэль, а также от их готовности перейти с тех языков, которые они использовали в повседневном общении, на иврит. Обе эти задачи были необычайно сложными, и до провозглашения независимости Государства Израиль на территорию, где сионизм планировал еврейское государство создать, переселились не более 5% мирового еврейства. Однако задача «левого» сионизма была еще более трудной: его лидерам нужно было не только убедить своих потенциальных сторонников иммигрировать и сменить язык, но и принять мировоззрение, которое везде в мире, кроме как в Советском Союзе после Октябрьской революции, считалось маргинальным.

В этих условиях контролируемые средства массовой информации были совершенно необходимым инструментом мобилизации «левыми» сионистами общественной поддержки, как в странах диаспоры, так и собственно в Палестине/ Эрец-Исраэль, где отнюдь не все евреи были сторонниками социалистического пути развития. Поэтому уже в 1907 году, когда сионизм не имел еще практически никакого признания, за десять лет до «декларации Бальфура», социалистическое движение «*Ха'поэль ха'цаир*» [«Молодой рабочий»] основало одноименную газету. На протяжении пятнадцати лет, до 1922 года, ее редактором был уроженец Украины Иосиф Аронович (1877–1937). В числе сотрудников «*Ха'поэль ха'цаир*» были один из основоположников идеологии социалистического сионизма Аарон Давид Гордон (1856–1922), известный общественный деятель Моше Смилянский (1874–1953), видные писатели Йосеф-Хаим Бреннер (1881–1921) и Шмуэль-Йосеф Агнон (1888–1970) и другие. В 1910 году другое социал-сионистское движение – «*Поалей Цион*» [«Рабочие Сиона»] основало газету «*Ха'ахдут*» [«Единство»]. Редакторами ее были будущий пер-

вый премьер-министр независимого Израиля Давид Бен-Гурион (1886–1973); будущий второй президент Государства Израиль Ицхак Бен-Цви (1884–1963) и его супруга Рахель Янаит-Бен-Цви (1886–1979). Тот факт, что столь влиятельные люди работали в области СМИ, показывает, какая большая роль отводилась прессе как коллективному организатору подъема социалистического сионизма.

С ростом еврейской общины и по мере размежевания политических сил возросла роль печати в борьбе между различными партийными группировками. У «левых» было немало своих изданий. В 1925 году была основана газета «*Давар*» [«Слово»], ставшая рупором руководства Федерации профсоюзов и Рабочей партии. Вплоть до своей смерти ее главным редактором был известный сионистский лидер и публицист Берл Кацнельсон (1887–1944), а в 1944–1952 гг. этот пост занимал будущий третий президент Государства Израиль Залман Ша-зар (1889–1974). В 1943 году леворадикальное движение «*Ха'Шомер ха'цаир*» [«Молодой страж»] основало газету «*Мишмар*» [«Дозор»], которая под названием «*Аль ха'мишмар*» [«На страже»] через пять лет превратилась в орган социалистической партии МАПАМ. В период с 1943 по 1948 годы редактором газеты «*Аль ха'мишмар*» был Мордехай Бентов (1900–1985), позднее на протяжении шестнадцати лет являвшийся членом Кнессета от МАПАМ, с 1955 по 1961 гг. – министром экономического развития, а с 1966 по 1969 гг. – министром строительства Израиля. Кстати, именно в этой газете в 1980-е годы начали свою карьеру нынешний глава пресслужбы израильской армии бригадный генерал Ави Беняху и член Кнессета от Партии Труда Шелли Ехимович. Движение «*Ха'Шомер ха'цаир*» выпускало и журнал «*Аль ха'хома*» [«На стене»], редактором которого был известный писатель Моше Шамир (1921–2004). В результате расколов в израильском рабочем движении возникли еженедельники «*Маавак*» [«Борьба»] (в 1952 году) и «*Смол*» [«Левые»] (в 1954 году), а также ежедневная газета «*Ла'мерхав*» [«Вширь»], выходившая в 1947–1971 годах под эгидой левоцентристской партии «*Ахдут ха'авода*». «*Коль ха'ам*» [«Голос народа»], орган Коммунистической партии, после одиннадцати лет нерегулярного издания, начал с 1947 года выходить регулярно (просуществовал до 1975 года); впоследствии на смену ему пришла газета «*Зо ха'дерех*» [«Наш путь»]. Рупором «новых» левых на протя-

жении ряда лет был издаваемый нынешним лидером «Гуш шалом» [«Блок мира»] Ури Авнери еженедельник «Ха'олам ха'зе».

Ведущее положение занимала газета «Давар», бывшая фактически официозом социал-сионистского истеблишмента. В разное время при ней выходили многочисленные издания-«спутники», имевшие целью идеологическую обработку новых иммигрантов и евреев стран диаспоры: «Davar: Palestine Labour Weekly» – еженедельник на английском языке; «Давар» на немецком языке; «Хеге», а затем «Омер» – первая в Палестине/Эрец-Исраэль ежедневная газета на «облегченном» иврите и так далее. С 1934 года выходил также специальный ежемесячный журнал для женщин, называвшийся «Двар ха'поэлет» [«Слово работницы»], а с 1931 года – и детский еженедельник «Давар ле'еладим» [«Слово – детям»]. Существовали и издания на венгерском, румынском, русском и иных языках; без чуткого идеологического присмотра не был оставлен никто.

Эти издания сыграли важную роль в развитии израильской общественной мысли и культуры, став для немалого числа интеллектуалов, писателей и критиков основным источником дохода: Шмуэль-Йосеф Агнон и Иосиф-Хаим Бреннер, Авраам Шлионский и Моше Шамир и многие другие писатели, составляющие сегодня «пантеон» основателей новой литературы на иврите, именно в этих газетах и журналах получали, порой, свои единственные гонорары. Однако ситуация менялась, как с точки зрения векторов развития израильской культуры, так и с точки зрения трансформации идейно-политических предпочтений израильского общества и его читающего «среднего класса». Кроме того, с появлением в стране телевидения, в особенности коммерческого, а позднее и кабельного, возможности существования СМИ, основанных на принципе партийной идеологической индоктринации сузились еще более.

Популярность партийной прессы у читателей шла на спад, и из всех упомянутых выше социал-сионистских изданий до настоящего времени не дожило ни одно. Израильтяне были чем дальше, тем меньше готовы читать «идеологически выдержанную» прессу «левых», предпочитая им плюралистичные по своему характеру издания, представляющие палитру различных мнений и взглядов. Все эти издания – «Маавак», «Смол», «Ла'мерхав», «Коль ха'ам», «Зо ха'дерех», «Ха'олам ха'зе», «Двар ха'поэлет» и другие – прекратили свое

существование; последними (в 1995–1996 гг.) закрылись «Давар» (к тому времени переименованная в «Давар Ришон» [«Первое слово»]) и «Аль ха'мишмар». На протяжении многих лет, при отсутствии Интернета и телевидения, печатные СМИ «левого» лагеря были основным каналом формирования общественного мнения в Израиле. Однако постепенно ситуация изменилась, став к настоящему времени практически противоположной: «левой» партийной прессы в стране не осталось вообще, а из всех печатных СМИ (не на арабском языке) леворазориентированной можно считать только существующую с 1919 года газету «Ха'арец» [«Страна»]. В настоящее время «Ха'арец» по тиражу занимает лишь четвертое место среди ежедневных газет на иврите, уступая и «Едиот ахронот» [«Последние известия»], и «Маариву», и новой газете «Израэль хайом» [«Израиль сегодня»] (ее первый выпуск вышел 30 июля 2007 года), причем и «Ха'арец» делает в последнее время существенные шаги в направлении большего идейно-политического плюрализма. Так, одним из ее постоянных колумнистов в последние годы является Исраэль Харэль – религиозный сионист, многолетний председатель Совета поселений Иудеи, Самарии и Газы. У израильской прессы традиционно существует «левый» имидж, однако многочисленные перепечатки статей Амиры Хесс, Алуфа Бена, Гидеона Леви и некоторых других постоянных авторов «Ха'арец» не должны вводить в заблуждение: *от былого могущества и влияния «левых» в СМИ не осталось и следа*, эти авторы представляют очень узкую группу населения и имеют крайне ограниченное влияние на формирование общественного мнения.

«Новые левые» и палестинцы по обе стороны «зеленой черты»: безуспешные попытки партнерства

Давно отошли в прошлое те времена, когда арабов, живущих в Государстве Израиль, не принимали ни в партии, ни в Федерацию профсоюзов. На сегодняшний день 30% членов Партии Труда – арабы, друзы и бедуины, и их голоса порой оказывают решающее влияние на происходящие в партии процессы. Так, в 2001 году именно эти голоса решили исход противостояния между Авраамом Бургом и Биньямином Бен-Элизером,

а в 2005 году – между Амиром Перецем и Шимоном Пересом. Несколько парадоксальным образом партия, в составе которой исторически состоит больше генералов ЦАХАЛа, чем в любой другой, в выборах своего председателя больше любой другой израильской партии (не включая, разумеется, собственно арабские секторальные) зависит от арабских граждан страны.

Вопрос о том, каковы должны быть отношения между евреями и арабами внутри социально-политических структур Израиля, является сегодня для «левых» ключевым. *Хотя ни одну арабскую секторальную партию никогда не включали ни в одну правительственную коалицию, это исключение арабских представителей из высших структур исполнительной власти не должно вводить в заблуждение: без поддержки арабского электората никаких политических перспектив у «левого» лагеря в сегодняшнем Израиле нет. Поэтому для израильских «левых» вопрос о том, какова будет политическая ориентация израильских арабов, – это вопрос их собственного политического выживания.*

В целях борьбы за политическую поддержку со стороны израильских арабов некоторые представители «новых левых» кругов готовы пойти чрезвычайно далеко. Как честно признает Илан Паппе, «некоторые постсионисты призывают создать двунациональное или единое светское и демократическое государство. Эти политические убеждения превратили постсионистов в союзников палестинского меньшинства в Израиле. Более того, единственная возможность постсионизма превратиться в важную политическую силу зависит от такого союза. До сегодняшнего дня такого союза не существует, и поэтому постсионизм не смог стать политическим вызовом классическому сионизму»²⁴⁷. Обратим на это внимание: во-первых, арабских граждан Израиля Илан Паппе называет «палестинским меньшинством», подчеркивая, что их общность с жителями территорий, подконтрольных ПНА, больше, чем их общность с другими гражданами Израиля, а во-вторых, именно это меньшинство, точнее – союз с ним Илана Паппе и его единомышленников, объявляется совершенно необходимым услови-

²⁴⁷ См.: Илан Паппе. Израильское общество между пост-сионизмом и неосионизмом. С. 78.

ем политического успеха той идеологии, которую они заинтересованы продвинуть.

Понятно, что арабские граждане Израиля не будут голосовать за «правые» сионистские партии – многие друзья традиционно голосуют за *«Ликуд»*, но ни среди арабов-мусульман, ни среди арабов-христиан, ни среди бедуинов такая возможность даже не рассматривается. Однако *проблема для «левых» сионистских и даже постсионистских сил, как для Партии Труда, так и для блока МЕРЕЦ, состоит в том, что и они практически перестали восприниматься как реальная электоральная «опция» в арабском секторе, за них уже почти никто не голосует.* Например, в ходе всеобщих выборов 2006 года в арабских городах Израиля подавляющее большинство избирателей поддержало арабские националистические партии РААМ и БАЛАД, а также коммунистов. Так, в Умм-эль-Фахме (12 584 проголосовавших) и в Назарете (23 812 проголосовавших) победили коммунисты, получив 57,3% и 43,8% голосов, соответственно. В арабском городе Бака-эль-Гарбия (7 880 проголосовавших) победил список РААМ (34,4%). В Кфар-Кане (6 055 проголосовавших) победил другой арабский националистический список – БАЛАД (38,2%). Даже в считающейся символом арабско-еврейского сосуществования деревне Абу-Гош (1 693 проголосовавших) к западу от Иерусалима более двух третей проголосовали за арабские националистические списки: БАЛАД (37,7%) и РААМ (29,9%). В населенном бедуинами городе Рахат (9 865 проголосовавших) также победил арабский список РААМ (54,5%)²⁴⁸. Ни Партия Труда, ни МЕРЕЦ нигде не добились минимально значительного успеха.

Арабские граждане Израиля голосуют сегодня почти исключительно за политиков, соревнующихся между собой в антисионистской риторике, отрицающей само право Государства Израиль на существование в том качестве, в котором оно, собственно, и было создано. Израиль выиграл немало войн, однако не сумел добиться признания легитимности своего существования среди широких слоев арабского социума где бы то ни было, включая его собственных граждан.

Надо сказать, что со временем ситуация существенным образом изменилась к худшему. До начала первой волны ин-

²⁴⁸ Данные Центральной избирательной комиссии Израиля.

тифады в декабре 1987 года политические ориентиры арабских граждан Израиля были куда менее радикальными. Как отмечает хайфский политолог Дан Шифтан, «арабские депутаты Кнессета так же гордились своей национальностью, беспокоились за судьбу своих соплеменников и критиковали политику Израиля, как и их преемники сегодня, но при этом предыдущее поколение арабских депутатов в целом выражало лояльность государству и даже иногда проявляло понимание нужд еврейского большинства. Например, депутат от Коммунистической партии Тауфик Туби проработал в составе Кнессета сорок лет и всегда был известен как бескомпромиссный защитник прав арабского населения. Но при этом он сам называл себя патриотом Израиля и настаивал на том, что не существует никаких противоречий между его арабской национальностью и израильской гражданской идентичностью. ... Его позиция была ярким примером взглядов, распространенных среди арабских лидеров в Израиле в течение длительного времени: будущее арабского большинства зависит от того, насколько оно примет основные принципы проживания в еврейском государстве»²⁴⁹.

Но во второй половине 1980-х на политической сцене появилось новое поколение арабских парламентариев. В то время как первое поколение арабских общественных деятелей, оставшееся в стране по окончании Войны за независимость 1948 года, выросло в условиях правления военной администрации и серьезных трудностей в области экономики и образования, их преемники, появившиеся на политической арене в 1980-е годы, фактически выросли уже в другом Израиле и восприняли совсем другие политические идеи. В позициях таких известных арабских деятелей, как Азми Бишара, Ахмед Тиби, Мухаммед Бараке и Абдул-Малик Дехамше, была заметна не только растущая самоуверенность, но также и готовность пропагандировать радикальные взгляды, несмотря на риск конфронтации с еврейским большинством. Эти тенденции достигли своего апогея в дни Второй Ливанской войны, когда председатель арабской партии БАЛАД Азми Бишара, будучи членом Кнессета, обсуждал с представителями «Хизбаллы», как именно тем

²⁴⁹ Дан Шифтан. Палестинский вызов еврейскому государству: новая идеология израильских арабских политиков // *Ближний Восток и современность*. Вып. 18. – М., 2003, с. 136–137.

имеет большой смысл обстреливать ракетами Государство Израиль, причем А. Бишара получил за свои консультации денежные переводы. *Речь идет не только о поддержке, но и в оплачиваемом соучастии в ведении войны против Государства Израиль со стороны депутата его парламента.* Когда детали его контактов с «Хизбаллой» стали известны спецслужбам, Азми Бишара, опасаясь преследований, банально бежал из страны. Тут уже ни о какой поддержке ни левосионистских, ни постсионистских идей говорить, понятно, не приходится.

Можно было бы предположить, что история разрыва связи Азми Бишары с Государством Израиль станет серьезным уроком для арабских политиков и общественных деятелей в Израиле, став своего рода «красной лампочкой», зримо демонстрирующей опасность приближения черты, пересекать которую нельзя ни в коем случае. Этого, однако, не произошло. Спустя менее чем полгода после Второй Ливанской войны общественно-политические лидеры арабского национального меньшинства в Израиле сформулировали свои претензии к еврейскому государству в документе под названием «Будущее палестинских арабов в Израиле»²⁵⁰. Этот документ, подписанный, среди прочих, Комитетом местных советов арабских населенных пунктов и Высшим координационным советом арабов Израиля, вызвал настоящую бурю у еврейской общественности. Весьма поучительно, например, открытое письмо профессора Шимона Шамира, состоявшего в Комиссии Ора, расследовавшей подавление арабских беспорядков в 2000 году, и известного своими призывами к прекращению дискриминации арабского сектора. Письмо было напечатано арабской газетой «Ас-Санара». «Трудно избавиться от впечатления, что вашим тенденциозным определением вы пытаетесь лишить самоидентификации евреев этой страны. Составленный вами документ вызывает даже у дружелюбно настроенного еврея чувство страха.

²⁵⁰ Этот и другие аналогичные документы, опубликованные арабскими организациями в Израиле в 2006–2007 гг., анализируются в статьях: Amal Jamal. The Political Ethos of Palestinian Citizens of Israel: Critical Reading in the Future Vision Documents // *Israel Studies Forum*, 2008, vol. 23, no. 2, с. 3–28; Dov Waxman, Ilan Peleg. Neither Ethnocracy nor Bi-Nationalism: In Search of the Middle Ground // *Israel Studies Forum*, 2008, vol. 23, no. 2, с. 55–73.

Единственный путь к достижению ваших прав лежит через еврейское общество. Документ, который вы составили, не приближает, а наоборот, отдаляет решение этой задачи», – писал профессор Ш. Шамир.

Известный израильский политический аналитик Зеэв Шиф, на протяжении многих лет писавшей в отнюдь не самой «правой» израильской газете «Ха'арец» отмечал, что «документ носит реваншистский характер, так как пытается пересмотреть исход Войны за независимость. Здесь компромисс неуместен». Меморандум «Будущее палестинских арабов в Израиле» призывает к отмене еврейского характера Израиля. Предлагается создать независимое Палестинское государство, в котором не останется ни одного еврейского поселения и фактически ни одного еврея, а рядом с ним, на месте Израиля, должно появиться двунациональное арабо-еврейское государство. Нынешний Израиль составители документа считают «колониальным» и «недемократическим». В документе рассказывается о «тирании еврейского большинства», для прекращения которой «евреи должны будут отказаться от своих привилегий». «Согласно этому документу, арабы фактически отделяются от Израиля, – с горечью отметил З. Шиф. – Так что надежды на то, что арабское меньшинство станет “мостом мира” между евреями и палестинцами, по-видимому, следует признать не оправдавшимися. И пусть израильские арабы не удивляются потере многих бывших друзей»²⁵¹.

Увы, тенденции антиизраильской радикализации среди израильских арабских политиков продолжают углубляться. Выступая на круглом столе «Выборы 2009 года и их значение для арабского сектора», член Кнессета и глава списка ТААЛ шейх Ибрахим Сарсур отметил, что «израильтяне не признают истинную природу сосуществования, из этого ... проистекает природа оккупации»; «израильтяне не признают того факта, что арабы являются единым народом, который объединяют этнический, культурный и религиозный аспекты, которые являются цементирующим основанием существования арабской нации на вечные времена»; а также указал на то, что «экономические, социальные и иные права арабов ущемляются в прямом или косвенном виде». Никаких претензий к палестинской

²⁵¹ Зеэв Шиф. Выстрелили себе по ногам // *Ха'арец*, 26.01.2007 [на иврите].

стороне или к руководству самих израильских арабов член Кнессета шейх Ибрахим Сарсур не высказал, возложив всю ответственность за трудности продвижения мирного процесса исключительно на Израиль.

На первый взгляд, именно арабы-граждане Израиля и палестинцы на территориях Западного берега и сектора Газа должны симпатизировать устремлениям «новых левых». Будь всё то, к чему призывали «новые левые», одобрено правительством, израильские переговорщики стали куда как более восприимчивы к интересам и нуждам палестинцев и голосу израильских арабов. Между тем, несмотря на логичность и вероятную продуктивность диалога между движением «борцов за мир» и израильскими арабами и палестинцами, подобный политический альянс так и не возник.

Первой причиной тому было «ориенталистское» двуличие многих «новых левых», для которых реальный *смысл борьбы за создание Палестинского государства состоял в том, чтобы появилась возможность отгородиться от арабов «железной стеной»*, ничего о них более не зная и при этом не испытывая дискомфорта от ощущений, связанных с ролью «их» Израиля как оккупационной державы. Эти «борцы за мир» ничего не хотели и не хотят знать ни об истории, ни о культуре арабов, они хотят превратить Израиль в своего рода остров, не имеющий ничего общего с тем регионом, в котором он находится. Поэтому они вели и ведут деятельность, нацеленную исключительно на еврейский сектор израильского общества, самоустранившись от какого-либо взаимодействия с арабами. Второй причиной отказа от активной работы с арабами-гражданами Израиля было очень распространенное и, как показало время, в корне ошибочное представление значительной части «левых» активистов, что с урегулированием арабо-израильского и тем более палестино-израильского конфликта внутренние трения между еврейской и арабской частью израильского общества рассосутся сами собой. Между тем происходило прямо обратное: чем больше израильтяне принимали концепцию «двух государств для двух народов», тем громче и отчетливее звучали требования сохранения «еврейского характера» Израиля, в то время как идея «государства всех граждан» находила все меньше сторонников.

Кроме того, серьезным препятствием на пути развития диалога между арабскими гражданами Израиля и движением «бор-

цов за мир» стала непривлекательность для этой группы населения программы движения и ключевых вопросов, им поднимаемых. Так, арабы-граждане Израиля были минимально заинтересованы в обсуждении вопроса о праве на отказ от военной службы по морально-пацифистским соображениям, ибо обязательный призыв в ЦАХАЛ на них, согласно Закону о военной службе от 1986 года, и так не распространялся; столь же мало интересным оказывался для них вопрос о наилучшем обеспечении национальной безопасности Израиля перед лицом угрозы со стороны арабского мира: они этой угрозы не ощущали и, более того, чувствовали себя частью этого мира. Еще одним фактором, создававшим определенную степень отчужденности, стало в целом положительное отношение большинства «новых левых» к сионизму, который в сознании как арабских граждан Израиля, так и палестинцев на контролируемых территориях, воспринимался как причина их бесчисленных бедствий. Наконец, арабы-граждане Израиля в целом вполне осознавали, насколько маргинально движение «борцов за мир» в израильском обществе в целом, и не видели смысла в поддержке проекта, казавшегося им весьма малоперспективным.

Израильскому движению «борцов за мир» не удалось наладить сколько-нибудь значимого взаимодействия и с палестинцами Западного берега и Газы²⁵². Парадоксальным образом именно израильтяне вновь проявляли куда большую инициативу, иногда даже закрывая глаза на очевидное нежелание палестинцев вступать в сотрудничество или же на их эмоциональную неготовность к нему. Зачастую стремление различных израильских общественных групп к продвижению мира встречало очень сдержанную, чтобы не сказать равнодушно-отчужденную реакцию со стороны палестинцев.

С одной стороны, несмотря на тот факт, что активисты «левых» движений предлагали палестинцам самые разнообразные формы сотрудничества, в сознании последних эти активисты принадлежали к «оккупантам», а потому не заслуживали доверия. С другой же стороны, на возросшую враждебность повлияло нежелание (и неспособность) леворадикальных движений организовать массовые акции протеста с целью

²⁵² Walid Salem. Joint Activism in Jerusalem: Is a Joint Community-Based Agenda Possible? // *Palestine-Israel Journal*, 2007, vol. 14, no. 4, с. 69.

оказать давление на израильское правительство и заставить его полнее и быстрее выполнять те или иные пункты «соглашений Осло». Объяснения лидеров «левых» движений о невозможности и политической нецелесообразности таких протестов, которые бы стали косвенной критикой Партии Труда, оказались недостаточными и мало убедительными для палестинцев, которые в итоге почувствовали себя преданными в критический момент²⁵³.

Еще одним препятствием на пути развития взаимодействия с палестинцами стала крайняя малочисленность арабских общественных групп, готовых вступить в контакт с израильскими миротворческими организациями. Даже те немногочисленные группы, которые поддерживали диалог с израильской стороной, часто не называли себя в открытую «сторонниками мира» (а если слово «мир» все же так или иначе фигурировало в программных документах этих организаций, то отражало оно скорее не их реальные устремления, а желание произвести впечатление на потенциальных иностранных спонсоров). Более того, на первом месте для палестинских групп стояло не дело мира, а лояльность палестинскому руководству, и все они никогда не отваживались публично критиковать политику палестинских лидеров, какой бы она ни была. Это очень контрастировало с тем, как вели себя израильские «борцы за мир», провозглашавшие примат универсальных ценностей (справедливости, ненасилия, права на самоопределение) и готовые самым жестким образом критиковать свое правительство, особенно если оно возглавлялось представителями «Лукуда». Так, ни одна палестинская общественная организация никогда не называла Ясира Арафата «убийцей» или «террористом», в то время как израильские «левые» радикалы нередко называли так Ариэля Шарона.

Ситуация еще более ухудшилась с началом т.н. *интифады аль-Акса*, когда палестинцы ожидали от израильского движения «борцов за мир» организации массовых демонстраций и открытого столкновения с пришедшим к власти А. Шароном. Когда же ничего подобного не произошло, у палестинских групп не осталось никакого желания продолжать сотрудничество с израильскими «левыми» радикалами. Окончательный разрыв был свя-

²⁵³ Tamar Hermann. *The Israeli Peace Movement*. С. 251.

зан с тем, что в начале 2000-х годов большинство палестинских общественных групп выдвинуло требования признания, а в перспективе – и фактической реализации права на возвращение арабских беженцев 1948 года и их потомков. Ни то, ни другое требование не было приемлемым для подавляющего большинства израильтян, в том числе и считающих себя «левыми», ибо признание факта ответственности Израиля за исход палестинцев и их права на возвращение означают фактическое уничтожение еврейского характера Государства Израиль. Такая позиция лишь укрепила палестинцев в их восприятии израильских «левых» как части «оккупационной системы»; части, которая в некоторых параметрах отлична от мейнстрима, но концептуально ничем от него не отличается. В начале 2000-х годов перед «новыми левыми» встала фактически неразрешимая дилемма: или потерять большую часть своих и без того немногих сторонников в Израиле, или потерять большую часть и без того немногих сторонников среди палестинцев.

Они потеряли и тех, и других.

Глава VIII.

ВНЕПАРЛАМЕНТСКИЕ «НОВЫЕ ЛЕВЫЕ» ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДВИЖЕНИЯ В БИТВЕ ЗА ВЫЖИВАНИЕ

Маргинализация протеста: новые радикальные «левые» общественные группы в современном Израиле

Вторая интифада стала сильным ударом по умеренным группам движения «борцов за мир», ударом, от которого они так и не оправились; для радикальных же организаций она предоставила новые возможности и перспективы. Вместе с тем нужно иметь в виду, что *все эти группы были крайне малочисленными; их репрезентация в Интернет-пространстве и в СМИ во много раз превышает их реальный и политический, и общественный вес.* Представленная ниже информация о наиболее известных израильских леворадикальных группировках, действующих в последние годы, демонстрирует это со всей определенностью.

Возникшая в октябре 2000 года группа «*Таайуш*» (интересно, что хотя инициаторами создания группы были евреи, ее название взято из арабского языка, на котором это слово означает «партнерство», «сотрудничество», «жизнь вместе») является ярким примером того, как леворадикальные активисты смогли «перестроиться» в соответствии с новыми реалиями. Членами группы «*Таайуш*» являются и евреи, и арабы-граждане Израиля, и палестинцы. Новую организацию ее основатели представили как «народное движение против расизма, сегрегации и дискриминации, борющееся за подлинное партнерство арабов и евреев».

Постепенно общие формулировки, в которые основатели группы облекли ее цели, приобрели конкретность. Так, активисты движения предложили четыре основные цели: во-первых, полное гражданское равенство арабов и евреев в Израиле; во-вторых, уход Израиля с Западного берега (из Иудеи, Самарии

и Иорданской долины) и эвакуация оттуда всех еврейских поселений и их жителей; в-третьих, возвращение Израиля к границам, существовавшим 4 июня 1967 года; и наконец, в-четвертых, «справедливое» решение проблемы беженцев (какое именно решение считать справедливым, сказано не было). «Таайуш» позиционирует себя как организация, проводящая акции гуманитарного характера: доставку продовольствия, медикаментов, одежды палестинцам на Западном берегу и т.д. Однако гуманитарными акциями деятельность «Таайуш» явно не ограничивается. Эта организация регулярно устраивает акции против строительства т.н. разделительной «стены безопасности», против любых шагов, обеспечивающих жизнедеятельность еврейских поселений в Иудее, Самарии и Иорданской долине (в октябре 2009 года, например, «Таайуш» поставила палатку солидарности в Хевроне против существования там еврейских кварталов), в январе 2010 года члены «Таайуш» проводили шумную кампанию против «еврейского поселенчества» в Восточном Иерусалиме²⁵⁴. Отношение к еврейскому присутствию в той или иной части столицы страны – Иерусалима как к незаконному поселению, понятно, оставило «Таайуш» мало точек соприкосновения с подавляющим большинством титульной нации страны, равно как и с диаспорой, ибо если еврейский народ не имеет права жить в Иерусалиме, что тогда, вообще, остается от сионизма как идеи и идеологии?!

Несмотря на трудность объединения евреев и арабов в рамках одной группы – задачи, которая после начала второй интифады многим казалась невыполнимой в принципе, – группа «Таайуш» сумела это сделать, ставя себе в заслугу и то, что ей удалось наладить некоторый диалог с отдельными представителями арабского населения Государства Израиль. Опасаясь обвинений в политической неблагонадежности и предательстве, с одной стороны, и при этом не очень доверяя еврейским политическим активистам, с другой, а также опасаясь репрессий со стороны властей, с третьей, имеющие израильское гражданство арабы, которых многие в «левом» лагере хотели бы видеть «мостиком» между евреями-израильтянами и палестинцами, почти не участвуют ни в какой деятельности

²⁵⁴ Данные о деятельности организации базируются на информации, непосредственно распространяемой ее активистами.

леворадикальных организаций. Еврейские активисты «*Таайуш*» считали своим важным достижением, что им удалось привлечь некоторое количество арабских граждан Израиля к своей деятельности. Для того, чтобы заслужить доверие этой категории граждан, члены «*Таайуш*» 1 октября 2001 года провели акцию памяти арабов, погибших за год до этого в столкновениях с полицией в ходе разгона масштабных демонстраций, а 20 октября 2001 года – траурное шествие в память о погибших в ходе трагических событий в Кфар-Касеме за сорок пять лет до этого²⁵⁵. Солидаризируясь с болью арабских жителей Палестины по обе стороны строящейся Израилем разделительной стены, еврейские активисты «*Таайуш*» надеялись привлечь их в свои ряды.

Однако, несмотря на все усилия, количество членов группы оставалось крайне небольшим, исчисляясь десятками, а не сотнями и уж тем более не тысячами. За внешним фасадом «единства в борьбе» в «*Таайуш*» скрывались значительные трудности: время от времени между членами группы возникали трения, а декларируемый идейный плюрализм (среди членов группы есть как те, кто определяют себя как «сионисты», так и «несионисты» и «антисионисты») постоянно грозил превратить группу в сообщество одиночек с плохо понятным общим знаменателем; группа так и не смогла создать никакого позитивного образа в глазах общественности, которая воспринимала ее членов как антипатриотов, отстаивающих интересы тех, чья цель – вооруженная борьба с Израилем до его полного исчезновения как еврейского государства; наконец, «*Таайуш*» так и не добилась, видимо, главного, чего можно ожидать от общественного движения, – группа никоим образом не изменила общественные настроения, общий климат и ценности социума²⁵⁶.

Еще одной радикальной группой, начавшей свою деятельность в 2000-е годы, стало т.н. израильское отделение между-

²⁵⁵ Об этих событиях см.: Игаль Илем. Заведомо неправомерный приказ: трагедия в Кфар-Касеме и проблемы отношений между евреями и арабами в Израиле // *Национальная безопасность и демократия в Израиле* / Под ред. Б. Нойбергера, И. Бен-Ами и А.Д. Эпштейна. – Раанана: Открытый университет Израиля, 2008. Т. 2, с. 258–284.

²⁵⁶ Tamar Hermann. *The Israeli Peace Movement*. С. 195–196.

народной организации «*Индимедиа*» (сокращение от английского «*Independent Media Center*»). В целом идея создания некой леворадикальной организации, которая бы предоставляла обществу альтернативную, отличную от официальной, информацию о событиях в Израиле, не нова. Еще в мае 1973 года Эйби Натан (1927–2008), бывший в дни Войны за независимость летчиком израильских ВВС, а позднее ставший одним из известнейших «борцов за мир», основал радиостанцию «*Коль ха'шалом*» [«Голос мира»], вещавшую с корабля в нейтральных водах напротив тель-авивского побережья под девизом: «*Peace is the word, and the voice of peace is the station. Twenty four hours a day*». Эта радиостанция, просуществовавшая до ноября 1993 года, стала первым масштабным информационно-агитационным проектом лагеря «борцов за мир». В 1984 году начала работу «Группа альтернативной информации», ставшая на долгие годы главным местом встреч и форумом обмена мнениями для радикальной части этого лагеря. Отличие между «Группой альтернативной информации» и «*Индимедиа*» состояло в том, что первая была ориентирована на печатные средства массовой информации, в то время как созданная в августе 2000 года новая организация делала ставку уже на Интернет.

Сайт группы существует до сих пор и обновляется ежедневно, предоставляя информацию на иврите и на английском языке о событиях в Израиле и на территориях Западного берега и Газы, которые не нашли, как казалось активистам, должного отражения в ведущих СМИ. При этом трудно найти более радикально антиизраильский сайт, в котором бы на языке иврит граждане призывались к солидарности против «фашистских тенденций» в деятельности Кнессета – парламента, избираемого, как известно, в ходе свободных многопартийных выборов. Этот же сайт призывает израильтян поддержать инициированный Палестинской администрацией в начале 2010 года бойкот израильской продукции²⁵⁷. Очевидно, что будучи частью международной сети «*Independent Media Center*», «*Индимедиа*» испытывает сильное влияние радикальной антиизраильской политики международного руководства сети, но, очевидно, что под лозунгом борьбы с «фашистскими тенденциями» в избираемом

²⁵⁷ Объявление «Призыв к бойкоту» на сайте «*Индимедиа*», 25 июля 2010 г.

самими гражданами парламенте много сторонников не соберешь, как и под знаменами бойкота товаров, производимых гражданами собственной страны. Небезынтересно отметить, что на сайте «*Индимедиа*» не указано вообще никаких имен, адресов или телефонов редакции, а сообщения в основном представлены как анонимные. Естественно, информационно-аналитический ресурс, не предоставляющий читателям никакой информации о себе, не может пользоваться доверием со стороны общества и других СМИ.

Среди новых групп «борцов за мир», возникших в период второй интифады, следует отметить две новые женские организации – «*Коалиция женщин за мир*» и «*Maxcom Watch*», название которой трудно перевести на русский язык дословно, по сути же – это группа самоназначенных наблюдателей за происходящим на контрольно-пропускных пунктах израильской армии на территориях Западного берега (а в прошлом – и сектора Газы).

«*Коалиция женщин за мир*» стала, видимо, первой организацией, объединившей не отдельных людей, а другие группы. В нее входили «*Дочь мира*», «*Пятая мать*» (обыгрывалось название организации «*Четыре матери*», выступавшей во второй половине 1990-х годов за скорейший вывод израильских войск из Ливана), «*Женщины в черном*», «*Новый профиль*» и ряд других групп. Каждая из перечисленных групп сохраняла внутреннюю автономию и могла действовать независимо от остальных, но при этом они все объединились в «*Коалицию*» для совместного продвижения ряда ключевых целей, добиться которых в одиночку, по их мнению, было значительно труднее, чем сообща. «*Коалиция женщин за мир*» отстаивает ценности радикального феминизма и антимилитаризма, выступая при этом за полный уход Израиля со всех занятых им в ходе Шестидневной войны территорий. Своими главными целями «*Коалиция*» провозглашает прекращение оккупации палестинских территорий, содействие созданию Палестинского государства при одновременном уходе Израиля к границам 1967 года, признание Иерусалима столицей обоих государств, а также широкое вовлечение женщин в политический процесс. С точки зрения активисток «*Коалиции*», необходимо отказаться от «*мужского взгляда*» на палестино-израильский конфликт, посмотреть на него глазами женщин и осознать, что ни один конфликт не может быть разрешен силой.

В 2006 году «Коалиция женщин за мир» выпустила брошюру, в которой представляла свое идеологическое кредо. В этом документе был раздел, который назывался «Пересматривая понятие безопасности». С точки зрения авторов, «безопасность» – это эвфемизм, используемый для «оправдания всех военных действий и оккупации палестинской территории». Далее в брошюре говорится: «Проект “Пересматривая понятие безопасности” анализирует этот термин, исходя из самой широкой феминистско-гражданской перспективы, оспаривая узкое милитаристское толкование безопасности. Безопасность в ее гражданских формах включает такие аспекты, как экономическая безопасность (работа, крыша над головой, доступность медицинского обслуживания), безопасность в семье и в общине (защита от полового насилия, от преступлений, обеспечение безопасности детей в школе), безопасность, связанная с окружающей средой (чистая вода в кране, чистый воздух), и т.д.».

Парадоксальным образом в таком бесконечно расширительном толковании термина «безопасность» феминистки, выступающие с антимилитаристских позиций, как раз смыкаются с «ястребами», также считающими едва ли не всё на свете частью «безопасности». Не представляется очевидным, что этот подход конструктивен для «левых» сил, которым, может быть, стоило бы как раз ставить под сомнение возможность обеспечения безопасности исключительно военными методами, а не вести пропаганду, способствующую расширению сверх всякой меры границ «дискурса безопасности». Доступность медицинского обслуживания, как и чистая вода в кране, имеют мало отношения к непосредственному обеспечению безопасности, и если нет желания поручить спецслужбам контроль за сферами здравоохранения и экологии (а такого желания у «левых» активисток явно нет), имеет смысл не подменять смысл понятий, пытаясь искать конкретные, а не демагогические ответы на сложные вызовы, перед которыми стоит и израильское общество, и палестинское. В сфере безопасности нужно понять, как гарантировать израильтянам защиту от ракетных атак и взрывов в автобусах, а палестинским арабам – защиту от ракетно-бомбовых ударов израильских боевых самолетов и танковых обстрелов. Отсутствие ответов на эти вопросы не заменишь мыслями об улучшении медицинского обслуживания и качества питьевой воды; эти проблемы, несомненно, важны, но это – другие проблемы.

Деятельность «Коалиции женщин за мир» заключалась преимущественно в организации митингов. Несмотря на тот факт, что в рамках «Коалиции» объединились очень разные, умеренные и радикальные, крупные и малые группы, она сохранила единство и не допустила выстраивания иерархии внутри себя и подавления одних организаций другими. Вместе с тем в общественно-политической жизни в развитых демократических странах, к коим относится и Израиль, женщины давно уже не нуждаются в обособленных структурах для того, чтобы реализовать свои карьерные и идеологические устремления. В 2006–2009 годах женщины в Израиле занимали высшие должности в законодательной, исполнительной и судебной ветвях власти: Далия Ицик все эти годы была председателем Кнессета, Ципи Ливни – первым заместителем главы правительства и министром иностранных дел, Дорит Бейниш – главой Верховного суда (она остается на своем посту и по сей день). В 2008 году женщина – профессор Габриэла Шалев – была назначена послом Израиля в ООН. В этих условиях подавляющее большинство израильтян, как мужчин, так и женщин, не могут воспринимать всерьез тезис о том, будто проблемы в отношениях Израиля и палестинских арабов вызваны тем, что в израильском руководстве недостаточно представлены женщины, что же касается руководства палестинского (где женщин, действительно, почти нет), то его формирование явно не относится к прерогативам широких слоев израильского общества. Феминистская леворадикальная риторика была в определенной мере оправданной в начале 1970-х годов, когда ее впервые взяла на вооружение Шуламит Алони, но к настоящему времени ситуация изменилась разительным образом, и эта риторика больше не работает.

Вторая организация, о которой шла речь выше, – «*Махсом Watch*». Возникла она в январе 2001 года как ответ на многочисленные сообщения о нарушениях прав человека и злоупотреблениях полномочиями со стороны израильских солдат и офицеров на контрольно-пропускных пунктах на Западном берегу и в секторе Газа. «Мы боремся против “культуры КПП”, насквозь пронизанной брутальностью и унижением», – так формулировали *raison d'être* этой группы ее основатели. Конкретные же цели включали в себя прежде всего мониторинг действий израильских солдат на контрольно-пропускных пунктах, отслеживание нарушений прав палестинцев и,

наконец, максимально широкое распространение собранной информации.

По словам активисток организации, численность людей, участвующих в ее деятельности, составляет около пятисот человек (почти все они – женщины), организованных по территориальному принципу: каждый выезжает на контрольно-пропускные пункты, ближайšie к его дому или месту работы. Главное, и видимо единственное, в чем эта группа преуспела – это начало публичного обсуждения действий солдат на КПП, а также армейских инструкций, регулирующих эти действия. Организация выпустила десять отчетов (последний – в октябре 2009 года), а также почти ежедневно публикует на своем сайте отчеты, написанные ее активистами, наблюдающими за тем, как функционируют КПП. Ничего особенного они там, за редким исключением, не видят; контрольно-пропускные пункты работают так, как это предписано армейскими инструкциями, и во главу угла поставлены задачи обеспечения безопасности граждан Израиля в целом и самих солдат, служащих на КПП, в частности, а не обеспечения права на свободу передвижения палестинских жителей. При этом никаких сознательных действий, направленных на унижение достоинства палестинцев, как правило, тоже не предпринимается: имеет место каждодневный рутинный процесс реализации оккупационной властью взятых на себя полномочий, который никого в Израиле удивить не в состоянии. Поэтому никакого значимого резонанса отчеты «*Maxcom Watch*» не имеют. Важно отметить и то, что, как и материалы сайта «*Индимедиа*», отчеты и наблюдения активистов «*Maxcom Watch*» подписаны лишь инициалами, а на сайте организации не указаны ни чьи бы то ни было имена и фамилии, ни какие-либо адреса или контактные телефоны. Организация, которая отказывается что-либо рассказать о себе, очевидно, не может восприниматься всерьез обществом.

В апреле 2003 года возникла еще одна новая организация под названием «*Анархисты против стены*», которая намеревалась сообща с палестинскими активистами бороться против сооружения разделительной «стены безопасности», возводимой Израилем на Западном берегу. Группу анархистов отличали от других организаций как используемые средства протеста («Анархисты» считали, что «*Мир сейчас*» и похожие организации используют слишком мягкие формы протеста, что они не достаточно радикальны), так и взгляд на то, к какому будущему

стоит стремиться: в то время как практически все организации «борцов за мир» декларировали в качестве своей цели «два государства для двух народов», Израиль и независимую Палестину, живущие бок о бок друг с другом, то данная группа предпочитала продвигать модель единого еврейско-арабского двунационального государства. Оппозиция идее двух государств для двух народов проистекала не из неверия в возможность создания жизнеспособного Палестинского государства, а из постулата, что любое государство есть главный источник конфликтов и господства, а следовательно, необходимо сократить число государств и, по возможности, добиться их уничтожения вообще.

«Анархисты против стены» называют Государство Израиль «оккупационным режимом апартеида», и они готовы физически сопротивляться солдатам ЦАХАЛа, а также стоять живой цепью на пути машин, прибывающих для работ по возведению участков разделительной стены. Популярным среди них приемом было разбивание палаточного лагеря на том месте, где должна была пройти стена безопасности. Избранная «Анархистами» тактика борьбы далеко не всегда оправдывала себя. В декабре 2003 года один из активистов этой группы был серьезно ранен солдатами, что, однако, не привлекло ожидаемого внимания общественности. Как правило, созданные группой палаточные лагеря ликвидировались спецтехникой, а любые действия армии против демонстрантов оправдывались судами, которые, естественно, менее всего были склонны разделять мировоззрение анархистов. Поскольку данная группа с самого начала противопоставила себя государству и просионистски настроенному большинству населения, она не могла рассчитывать на сочувствие со стороны общественности. Несмотря на личное мужество активистов и их готовность биться за свои идеалы до конца, ничего конкретного в битве с системой им достичь не удалось.

Представленный выше краткий анализ деятельности пяти наиболее резонансных леворадикальных групп, возникших в 2000-е годы («Таайуш», «Индимедиа», «Коалиция женщин за мир», «Махсом Watch» и «Анархисты против стены»), ни одной из которых за десятилетие их существования не удалось добиться минимальной известности в широких слоях общества или же вырастить в своих рядах хоть кого-то, кто мог бы претендовать на место в политической или интеллектуальной эли-

те общества, отчетливо демонстрирует всю остроту проблемы: «левые» силы, прошедшие с 1970-х до 1990-х годов путь от периферии к центру социально-политической структуры общества, в первом десятилетии XXI века проделали обратную дорогу. Совершенно очевидно, что уровень напряженности в отношениях между евреями-израильтянами и палестинскими арабами в первом десятилетии XXI века значительно вырос, что, в принципе, могло существенно увеличить «спрос» на интеллектуальную и общественно-политическую продукцию новых организаций, выступающих за мирное урегулирование, и при этом не несущих на своих плечах ответственности за прошлые ошибки. Этого, однако, не случилось: в список десяти крупнейших леворадикальных организаций (если судить, например, по их суммарным бюджетам) современного Израиля вошла лишь одна, созданная в 2000-е годы – организация «*Ир амим*» [«Город народов»], продвигающая идею превращения Иерусалима в столицу двух государств, Израиля и арабской Палестины. «*Таайуш*», «*Индимедиа*», «*Коалиция женщин за мир*», «*Махсом Watch*» и другие не играют сколько-нибудь значительной роли не только в обществе или политической системе в целом, но даже и в самом «левом» лагере. Приход к власти в 1977 году первого в истории Израиля «правого» правительства через год отозвался «письмом офицеров» и возникновением организации «*Мир сейчас*», имевшей немалое влияние и существующей до сих пор. Начало Первой Ливанской войны в 1982 году привело к созданию организации «отказников» «*Ешь гвуль*» [«Есть предел»], ставшей существенной головной болью для израильского военно-политического истеблишмента. События последнего десятилетия – крах «процесса Осло», начало второй интифады, Вторая Ливанская война и ряд беспрецедентных по своему размаху операций израильской армии и других силовых структур на Западном берегу и в Газе, самой масштабной из которых была, конечно, операция «Литой свинец», – не привели к каким-либо существенным изменениям в общественно-политической конфигурации леворадикальных движений в Израиле. Ни одного реально значимого нового «левого» объединения за эти годы не появилось, как не появилось и ни одного харизматичного лидера, программа и риторика которого позволяли бы отнести его к «левому» флангу политического спектра. *Становясь всё более радикальными, новые «левые» движения сами выталкивали себя на обочину обще-*

ственно-политической жизни. Израилю в сложных условиях перманентной террористической войны и противостояния ей нужна была «левая» организация, которая могла бы представить внятную альтернативу курсу политического и военного руководства страны. Эта альтернатива не могла заключаться ни в реализации доктрины анархизма, ни в ведении наблюдений за тем, как на КПП реализуются те или иные армейские инструкции, ни в переформулировании понятия «безопасность» в направлении качества питьевой воды, ни в борьбе с т.н. «фашизацией» законно избранного многопартийного парламента, ни в делегитимации еврейского присутствия в тех или иных районах столицы страны – Иерусалима. В обстановке резкого ухудшения состояния палестино-израильских отношений новые «левые» организации за десять лет не смогли предложить обществу никаких практически реализуемых конструктивных альтернатив.

Каналы финансирования ведущих «левых» организаций

Любым общественно-политическим организациям нужно как-то финансировать свою деятельность, и израильские лево-радикальные движения – не исключение. Например, в Центре информации о состоянии прав человека на контролируемых территориях «Бецелем» работает 41 человек, в Центре защиты прав личности «Ха'мокед» – 39, не считая пяти добровольцев, в Центре за стабильность, равенство и общее будущее евреев и арабов в Иерусалиме «Ир амим» – 9 (во всех трех случаях – не считая членов правления), и всем им ежемесячно нужно платить зарплату²⁵⁸. Какими бы ни были идеологические устремления, и насколько бы субъективно ни были те или иные организации правы в отстаиваемых ими ценностях и идеалах, любой коллектив профессиональных сотрудников надо на что-то содержать. Учитывая, что коммерческой деятельности никакая из этих организаций не ведет, их зависимость от получения благотворительных пожертвований является тотальной.

²⁵⁸ Данные о численности персонала этих организаций предоставлены ими, они верны по состоянию на август 2010 г.

Израиль – не самая богатая, но отнюдь и не бедная страна, ее ВВП на душу населения составляет, по данным Международного валютного фонда за 2009 год, 28 081 долл. (31-е место в мире). В Израиле, как и в других западных странах, существует огромное количество всевозможных филантропических организаций и фондов. Едва ли не еще большее количество еврейских организаций и фондов поддерживают всевозможную деятельность в Израиле извне, причем отнюдь не только в сферах здравоохранения или образования. Еврейские организации стран диаспоры переводят в Израиль миллиарды долларов ежегодно.

В этом контексте нельзя не отметить весьма трагичный для израильских «левых» движений факт: им не удается существовать на средства израильских или международных еврейских организаций, на сегодняшний день ни одно из них не в состоянии функционировать без финансовой поддержки извне еврейского мира. Если в прошлом либеральная часть еврейских общин США и стран Западной Европы в целом была склонна поддерживать израильских «левых» в их стремлении к мирному урегулированию путем политического диалога с арабами в целом и палестинцами, в частности, то после террористических актов 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке палестино-израильский конфликт стал рассматриваться (справедливо или нет), причем не только еврейскими общинами западных стран, но и широкой общественностью, в контексте глобальной борьбы с терроризмом. Интифада все чаще стала восприниматься в массовом сознании как проявление «столкновения цивилизаций», в котором исламская цивилизация неизменно имела образ врага, и посему многие еврейские организации США сократили или вообще прекратили ассигнования «левым» движениям в Израиле.

Проблема состояла в том, что израильские «левые» радикалы, справедливо критикуя власти за использование sobоружений «безопасности» в политических целях, отказывались признать, что проблема антиеврейского террора действительно существует, и это не проблема тех или иных экстремистов-одиночек и «врагов мира» среди палестинцев, а часть тактики и стратегии всех основных палестинских организаций: ФАТХа, ХАМАСа, Народного и Демократического фронтов освобождения Палестины, «Исламского джихада» и других. В 2002 году лидер «*Гуш шалом*» [«Блока мира»] Ури Авнери говорил: «Реальная цель операции “Защитная стена”

состояла не в том, чтобы “уничтожить инфраструктуру терроризма”. Это был просто удобный лозунг для объединения народа Израиля, который разгневан и боится террористов-самоубийц. Это также удобный политический ход, позволяющий Шарону проехаться на подножке поезда “войны против международного терроризма” президента Буша. Под прикрытием “разрушения инфраструктуры терроризма” можно делать фактически все». Действительно, это и «удобный политический ход, позволявший проехаться на подножке поезда “войны против международного терроризма” президента Буша», и «удобный лозунг для объединения народа Израиля», но это и реальная потребность что-то сделать с беспрецедентным ростом палестинского террора, число жертв которого среди населения Израиля в 2001 году было самым большим за всю историю страны! Начата операция «Защитная стена» была не по случаю, например, празднования дня рождения президента Дж. Буша, а после того, как 27 марта 2002 года палестинские боевики расстреляли участников пасхального ужина в гостинице «Парк» в Нетании; тридцать ни в чем не повинных израильтян погибли. Справедливо обвиняя власти в использовании проблем безопасности для упрочения своих внутри- и внешнеполитических позиций, «левые» радикалы оказывались в еще большей ловушке, в угоду своему политическому мировоззрению закрывая глаза на отнюдь не иллюзорные проблемы с отсутствием чувства безопасности, с которыми реально столкнулось большинство израильтян. Отрицая очевидное, закрывая глаза на то, на что закрывать глаза было совершенно невозможно, «левые» радикалы ставили себя вне какого-либо формата конструктивного диалога с еврейским социумом, что, естественно, отражалось и в том, что этот социум не был готов этих радикалов более поддерживать финансово.

Ни одна – подчеркнем это – ни одна из сколько-нибудь значительных израильских «левых» организаций не имеет достаточной степени поддержки в самом Израиле или среди еврейства диаспоры, которая позволяла бы ей «свести концы с концами» без бюджетного дефицита. Данные о бюджетах десяти самых крупных «левых» организаций (годовой бюджет каждой из них за 2007 год превысил три миллиона шекелей, бюджет наиболее богатой – «Ассоциации по защите гражданских прав» – составил почти десять миллионов шекелей) показывают, что от 23% до 73% их финансирования получено от зарубежных пра-

вительственных и неправительственных фондов. Три из этих израильских политических организаций – Центр защиты прав личности, Центр за стабильность, равенство и общее будущее евреев и арабов в Иерусалиме «*Ир амим*» и т.н. «Общественный комитет по борьбе с пытками в Израиле» – финансируются зарубежными спонсорами более чем на 60%, не имея почти никаких источников поступления денежных средств в самом Израиле.

Таблица 12

Крупнейшие политические и правозащитные организации гражданского «левого» лагеря и источники их финансирования²⁵⁹ (организации систематизированы по размерам их бюджетов)

Организация и ее профиль деятельности (в скобках – год основания)	Название на иврите	Годовой бюджет 2007 г. (в шекелях)	Процент финансирования, получаемого из нееврейских иностранных источников, в годовом бюджете организации
1. «Ассоциация по защите гражданских прав» (1972)	« <i>Ха'агуда ле'зхуйот ха'эзрах бэ'Исраэль</i> »	9.958.467	23%
2. «Бецелем». Центр информации о состоянии прав человека на контролируемых территориях (1989)	« <i>Бэ'цэлем. Мерказ ха'мейда ха'исраэли ле'зхуйот ха'адам бе'штахим</i> »	7.884.516	27%
3. «Ха'мокед». Центр защиты прав личности (1988)	« <i>Ха'мокед ле'хаганат ха'прат</i> »	5.805.567	73%

²⁵⁹ Данные, представленные в таблице, были получены в Управлении по регистрации общественных организаций при Министерстве юстиции Израиля при помощи и содействии организаций «NGO Monitor» и иерусалимского Института сионистской стратегии.

...окончание таблицы 12

Организация и ее профиль деятельности (в скобках – год основания)	Название на иврите	Годовой бюджет 2007 г. (в шекелях)	Процент финансирования, получаемого из нееврейских иностранных источников, в годовом бюджете организации
4. «Мир сейчас» (1978)	«Шалом ахшав»	5.445.655	40%
5. «Адалла». Юридический центр по защите прав арабского меньшинства в Израиле (1996)	«Адалла. Ха'мерказ ха'мешпати ле'зхуйот ха'меут ха'арави бэ'Израэль»	4.874.754	22%
6. «Врачи за права человека» (1988)	«Рофим лемаан зхуйот адам»	4.615.000	30%
7. «Город народов». Центр за стабильность, равенство и общее будущее евреев и арабов в Иерусалиме (2004)	«Ир амим. Ле'яцивут, шивьон ве'атид медини мускам бе'Иерушалаим»	4.030.436	67%
8. «Моссауа». Центр по защите прав арабских граждан в Израиле	«Мерказ моссауа ле'зхуйот ха'эзрахим ха'аравим бэ'Израэль»	3.347.367	Большая часть, не удалось получить точные данные
9. «Общественный комитет по борьбе с пытками в Израиле» (1990)	«Ха'ваад ха'цибури негед инуйим бэ'Израэль»	3.329.006	63%
10. «Бимком». Градостроители за равные права в области планирования (1999)	«Бимком. Метакнетим ле'маан зхуйот тихнун»	3.240.976	47%

Таким образом, представляется очевидным, что на сегодняшний день никакая из политических и правозащитных организаций «новых левых» не является в полной мере израильской. Будучи зависимыми от источников финансирования извне, в том числе и непосредственно от правительств иностранных государств, они являются, скорее, частью системы международных отношений Государства Израиль, а не компонентом его гражданского общества. Так, организация «Бимком» (*Градостроители за равные права в области планирования*), занимающаяся защитой интересов арабов в области землепользования, получала в 2007 году прямую денежную поддержку от посольств Великобритании, Голландии, Дании и Европейского союза; «Бецелем» (*Центр информации о состоянии прав человека на контролируемых территориях*), публикующий материалы о нарушениях солдатами и офицерами ЦАХАЛа тех или иных норм международного права, применимых к оккупированным территориям, существует при поддержке официальных властей Великобритании, Голландии и Норвегии; «Ассоциация по защите гражданских прав» действует при поддержке Великобритании, Бельгии и Европейского союза; «Общественный комитет по борьбе с пытками в Израиле» – при содействии официальных органов власти Великобритании и Норвегии, а также структур Европейского союза и специального фонда ООН, созданного для помощи жертвам пыток; «Ха'мокед» (*Центр защиты прав личности*) получает ассигнования от посольств Великобритании, Норвегии, Финляндии, органов государственной власти Швеции и Голландии, а также от структур Европейского союза; «Адалла» (*Юридический центр по защите прав арабского меньшинства в Израиле*) получает деньги от Министерства иностранных дел Швейцарии и структур Евросоюза и т.д.

Движение «Шалом ашав» [«Мир сейчас»] получило в 2007 году следующее финансирование:

- От посольства Норвегии – 944.056 шекелей,
- От Министерства иностранных дел Великобритании – 751.687 шекелей,
- От Министерства иностранных дел Германии – 341.958 шекелей,
- От Министерства иностранных дел Голландии – 121.014 шекелей.

Итого – 2.158.715 шекелей, т.е. более полумиллиона долларов.

Все эти организации получают значительные ассигнования и от многочисленных частных фондов, но когда имеет место

прямое субсидирование их деятельности правительствами иностранных государств, уместно спросить, правомерно ли продолжать считать эти организации «израильскими».

Из неправительственных организаций ведущими каналами финансирования леворадикальных организаций являются Фонд Форда (Ford Foundation) и Новый израильский фонд (New Israel Fund), в настоящее время тесно взаимодействующие друг с другом. Фонд Форда был основан в 1936 году Эдселом Брайантом Фордом – единственным сыном Генри Форда-старшего, сегодня куда более известного не достижениями в автомобилестроении, а финансированием Национал-социалистической партии Германии и своим редким для США крайним антисемитизмом (переведенная на разные языки книга Г. Форда «Международное еврейство» и сегодня представляет собой неотъемлемую часть библиотеки любого юдофоба). Понятно, что с 1930-х годов утекло очень много воды, но, в общем, Фонд Форда – не самое естественное место в мире, куда еврейские и израильские организации могли бы обращаться за поддержкой. Насколько известно, в настоящее время (по данным за 2010 год) Фонд Форда не поддерживает напрямую никакие израильские организации, однако переводит десять миллионов долларов в год Новому израильскому фонду²⁶⁰ для их последующего распределения между теми структурами, которые Новый израильский фонд решит поддержать. Однако данные за 2007 год дают достаточно ясную картину политической направленности тех проектов, которые Фонд Форда поддерживает в Израиле. Из десяти крупнейших леворадикальных организаций, список которых был представлен выше, Фонд Форда спонсировал семь, а также некоторые другие, менее «раскрученные». Самыми крупными получателями грантов Фонда Форда были организации, занимающиеся защитой арабов от евреев: Юридический центр по защите прав арабского меньшинства в Израиле «Адалла» и Центр информации о состоянии прав человека на контролируемых территориях «Бецелем» (подробнее о нем см. ниже).

²⁶⁰ Данные были получены в Фонде Форда (Нью-Йорк) и перепроверены по отчету ближневосточного отделения Фонда, расположенного в Каире.

Таблица 13

**Субсидии Фонда Форда организациям
гражданского «левого» лагеря, 2007 год²⁶¹**
(организации систематизированы
по размерам полученных средств)

Название организации	Полученные суммы в шекелях
«Адалла». Юридический центр по защите прав арабского меньшинства в Израиле	824.410
«Бецелем». Центр информации о состоянии прав человека на контролируемых территориях	± 720.000 (USD 180.000)
«Город народов». Центр за стабильность, равенство и общее будущее евреев и арабов в Иерусалиме	513.200
«Врачи за права человека»	479.629
«Ассоциация по защите гражданских прав»	423.500
«Агудат ха Галиль» [«Ассоциация Галилеи»]	421.500
«Ха'мокед». Центр защиты прав личности	421.300
«Бимком». Градостроители за равные права в области планирования	316.125
«Арабский центр альтернативного планирования»	100.000

Как указывалось выше, в настоящее время Фонд Форда переводит средства израильским леворадикальным организациям через Новый израильский фонд, созданный в 1979 году. За тридцать лет своей работы Новый израильский фонд мобилизовал и распределил более двухсот миллионов долларов. Эта структура, несмотря на ее название, имеет в Израиле лишь один из своих одиннадцати офисов (семь, включая центральный, располагаются в США, один – в Канаде, один – в Англии и один – в Швейцарии), глава которого Рахель Лиэль

²⁶¹ Данные, представленные в таблице, были собраны при помощи и содействии организаций «NGO Monitor» и иерусалимского Института сионистской стратегии.

занимает сравнительно скромное место в иерархии сотрудников Фонда в целом. Президентом Нового израильского фонда является Наоми Хазан, уроженка Иерусалима, в прошлом – профессор политологии Еврейского университета и член Кнессета от блока МЕРЕЦ (она работала в парламенте в 1992–2003 гг.). Наоми Хазан принадлежит к политической элите Государства Израиль: ее отец Авраам Харман на протяжении девяти лет был послом Израиля в США (после него этот пост занял будущий премьер Ицхак Рабин), а затем на протяжении пятнадцати лет являлся президентом Еврейского университета в Иеурусалиме, ее мать Зина Харман была в 1969–1974 гг. членом Кнессета от Партии Труда. Однако в Совете директоров Фонда из 27 человек израильянами являются лишь 10, включая двух арабов, большинство же принадлежит гражданам США.

Список организаций, поддерживаемых Новым израильским фондом, дает исчерпывающее представление о его уникальном статусе: на сегодняшний день он является ведущим спонсором всех оппозиционных «левых» организаций, как ориентированных на прекращение израильского контроля над территориями Западного берега, так и на достижение равенства между различными группами населения в Израиле, поддерживая, в частности, восемь из десяти крупнейших леворадикальных организаций. Фактически это – единственный фонд, на котором держится вся инфраструктура оппозиционных властям гражданского общества. В этой связи совершенно очевидна та огромная ответственность, которая лежит на плечах Наоми Хазан, однако не менее очевидно и то, что подобная монополизация сферы гражданской филантропии одним фондом едва ли может вселять оптимизм.

Повторим, в настоящее время Новый израильский фонд распределяет и деньги Фонда Форда, причем этот десятиmillionный грант составляет более четверти суммарного бюджета организации, возглавляемой Наоми Хазан. *Представляется крайне желательным добиваться появления альтернативных структур, которые бы взяли на себя работу в области поддержки гражданских инициатив в Израиле: вся оппозиционная общественно-политическая деятельность не может держаться на одном фонде, который при этом располагается в США и неподотчетен никакому контрольному органу в самом Израиле.*

Таблица 14

**Субсидии Нового израильского фонда организациям
гражданского «левого» лагеря, 2007 год²⁶²**
(организации систематизированы
по размерам полученных средств)

Название организации	Полученные суммы в шекелях
«Ассоциация по защите гражданских прав»	1.907.846
«Коалиция женщин за мир»	1.018.183
«Арабский центр альтернативного планирования»	523.783
«Адалла». Юридический центр по защите прав арабского меньшинства в Израиле	285.702
«Прекращаем молчать»	279.949
«Бимком». Градостроители за равные права в области планирования	222.232
«Махсом Watch»	± 171.100 (USD 42.775)
«Арабская ассоциация за права человека»	± 160.000 (USD 40.000)
«Врачи за права человека»	129.000
«Ха'мокед». Центр защиты прав личности	104.379
«Общественный комитет по борьбе с пытками в Израиле»	40.164
«Город народов». Центр за стабильность, равенство и общее будущее евреев и арабов в Иерусалиме	22.573
«Моссауа». Центр по защите прав арабских граждан в Израиле	Организация получает финансирование от Фонда, точные данные получить не удалось

Кроме Нового израильского фонда обращаться леворадикальным организациям практически некуда. Рассмотрим эту проблему подробнее на примере одной из ведущих из них – т.н. Центра ин-

²⁶² Данные, представленные в таблице, были собраны при помощи и содействии организаций «NGO Monitor» и иерусалимского Института сионистской стратегии.

формации о состоянии прав человека на контролируемых территориях «Бецелем» (как было показано выше, «Бецелем» по своему бюджету – вторая среди израильских леворадикальных организаций, в ней на постоянной основе работают около сорока человек). Сопредседателями «Бецелем» являются в настоящее время бывший директор израильского отделения Нового израильского фонда, активистка движения «Женщины в черном» Гила Свирски и профессор политической географии Университета им. Бен-Гуриона Орен Ифтахиэль, известный своей концепцией, согласно которой Израиль является не демократическим, а этнократическим государством²⁶³. Организация была основана в 1989 году группой врачей, юристов, журналистов, членов Кнессета и представителей творческой интеллигенции. Основные задачи «Бецелем», как это формулирует сама организация, – «борьба с нарушениями прав человека на оккупированных территориях путем документирования подобных случаев и передачи информации об этих нарушениях широкой общественности, а также лицам, способным повлиять на политику государства; борьба с явлениями замалчивания и отрицания фактов нарушения прав человека, существующими в израильском обществе; содействие созданию в израильском обществе культуры соблюдения прав человека»²⁶⁴. При этом, несмотря на эту риторику общего характера, на практике руководство «Бецелема» приняло решение сконцентрироваться исключительно на вопросах, связанных с соблюдением прав арабских жителей на контролируемых территориях. Таким образом, речь идет о формально израильской организации, занятой исключительно защитой арабских жителей, не имеющих израильского гражданства: «Бецелем» не защищает ни еврейских граждан Израиля и членов их семей, ни евреев и членов их семей, живущих в Иудее, Самарии и в Иорданской долине, ни арабских граждан Израиля, а только и исключительно палестинских арабов – жителей Западного берега и Газы. Более того: «Бецелем», позиционирующий себя как правозащитный «центр информации», в качестве своей основной задачи «видит изменение политики израильского правительства на оккупированных территориях». Таким об-

²⁶³ См. программный текст О. Ифтахиэля: Oren Yiftachel. *Ethnocracy: Land and Identity Politics in Israel/Palestine*. – University of Pennsylvania Press, 2006.

²⁶⁴ Здесь и далее цитируется пресс-релиз организации «Бецелем».

разом, речь идет не об информационном центре, содействующем «созданию в израильском обществе культуры соблюдения прав человека», а об организации, стремящейся повлиять на формирование политического курса правительства страны.

Вопрос о том, насколько организация, пытающаяся повлиять на политику правительства своей страны, должна при этом существовать исключительно на местные деньги, не является очевидным: в принципе, в современном глобальном мире порой крайне непросто понять, что является, а что не является «местным». Кроме того, неясно, какая доля иностранных пожертвований может считаться «нормальной», и с чьей точки зрения. Однако с точки зрения здравого смысла все же сложно признать нормальной ситуацию, при которой израильская организация ведет деятельность, направленную на изменение политики израильского правительства, но практически вся эта деятельность финансируется правительствами и фондами извне. Все же принято различать сферу международных связей страны с другими суверенными государствами и сферу отношений власти и гражданского общества внутри страны. Из девятнадцати же фондов, поддерживавших и поддерживающих деятельность «Бецелем», израильским (и то с оговорками) является лишь один – финансирующий почти все израильские «левые» инициативы Новый израильский фонд, и еще один создан семьей еврейских филантропов из Мериленда (США) – Наоми и Нехемией Коэн (Naomi & Nehemiah Cohen Foundation). Все остальные спонсоры «Бецелем» к Израилю прямого отношения не имеют, а ряд из них просто представляет правительства иностранных государств. Список иностранных спонсоров «Бецелем» в 2009 году выглядел следующим образом:

- Посольство Норвегии в Израиле перечислило 178.071 шекель;
- Европейский союз перечислил 642.421 шекель;
- Европейский фонд поддержки НКО (*NGO Development Center, NDC*), финансируемый совместно правительствами Швеции, Швейцарии, Дании и Голландии, перечислил 1.013.196 шекелей;
- Правительство Голландии перечислило 280.000 шекелей;
- Посольство Швейцарии в Израиле перечислило 34.900 шекелей²⁶⁵.

²⁶⁵ Цитируется по подлиннику отчета (приложение «Б»), поданного организацией «Бецелем» Уполномоченному по регистрации товариществ при Министерстве юстиции.

В прошлые годы «Бецелем» также получал финансирование от Министерства иностранных дел Великобритании, Министерства иностранных дел Швейцарии, британского и датского отделений международной христианской организации «Christian Aid», а также шведских, немецких, голландских, ирландских и других организаций.

«Бецелем» ведет важную и нужную работу в выбранной им сфере деятельности, тщательно проверяя свои данные и всегда посылая черновики отчетов (на сегодняшний день их уже опубликовано более ста) в пресс-службу израильской армии для получения ответной реакции «противоположной стороны». Проблема состоит в том, что, кроме единственного отчета, посвященного беспределу силовых структур Палестинской администрации, выпущенного еще в 1995 году, во всех остальных изданиях, опубликованных «Бецелем», «противоположной стороной» всегда, что бы ни происходило, оказываются правительство и армия Государства Израиль. Выходит, что организация, позиционирующая себя как израильская, действуя на средства иностранных правительств, религиозных и общественных структур, на протяжении многих лет противопоставляет себя политическому курсу руководства своей страны (правительства при этом сменились многократно) и стремится на этот курс повлиять. Эту ситуацию не все считают нормальной.

«Правые» критики уверены, что получение «Бецелем» и другими организациями иностранного финансирования свидетельствует о том, что речь идет о «троянском коне» или «пятой колонне». Эти утверждения могут быть приняты, а могут быть оспорены. Государство Израиль должно прилагать все возможные усилия, дабы искать себе стратегических партнеров – как это было в эпоху Д. Бен-Гуриона, который выиграл Войну за независимость благодаря оружию, полученному через Чехословакию из Советского Союза (где в том же 1948 году был убит Соломон Михоэлс – один из виднейших еврейских общинных лидеров); который подписал с Германией соглашение о репарациях спустя семь лет после Холокоста; который пошел на Синайскую кампанию при дипломатической и военной поддержке Великобритании (а также Франции) не далее как десять лет спустя после операции «Сезон», когда британцы бросали в тюрьмы и даже вешали борцов за независимость будущего Государства Израиль. Израиль не должен изолировать себя от остального мира, и правительства развитых европейских демократических стран – его естественные партнеры для диалога и сотрудничества. Хотя значительная часть бюджетов организаций

«левого» лагеря поступает извне, нет причин считать, что прекращение зарубежного финансирования заставит (или побудит) эти структуры принципиальным образом изменить свой политический курс. Все эти организации были созданы израильцами – евреями и арабами, придерживающимися тех взглядов, которых они придерживаются, и они не были подсказаны ни из Брюсселя, ни из Маастрихта, ни из Женевы. Нет никаких доказательств, что внешние силы руководят этими организациями.

Глобализационные процессы в мире создают бесчисленное множество международных и наднациональных структур, к которым переходят те или иные функции национальных государств. Организация объединенных наций, по воле которой было создано Государство Израиль, Всемирный банк, Международный валютный фонд, Европейский союз, Европарламент, Еврокомиссия, Европейский суд по правам человека, НАТО – всё это наднациональные организации, которые вмешиваются в дела суверенных государств во всех возможных сферах. Географическая удаленность Израиля от Европы, с одной стороны, и враждебность, с которой он сталкивается в регионе Ближнего Востока, с другой, сокращают масштаб участия Израиля в процессах глобализации, хотя отнюдь и не во всех. Так, Израиль ратифицировал несколько важных международных конвенций по гражданским, политическим и социальным правам, а в мае 2010 года вступил в Организацию экономического сотрудничества и развития. При этом значимость «народной дипломатии» базируется на том, что чем больше те или иные организации способствуют усилению связей между странами и государствами, тем больше выигрывают все стороны и тем меньше становится вероятность войн и конфликтов.

Вместе с тем, и это – другая сторона медали, необходимость всех без исключения «левых» организаций обращаться за помощью к зарубежным правительственным и частным фондам доказывает, что «левые» потеряли свою страну: Израиль – отнюдь не самое бедное государство на земле, и *если ни одна из «левых» организаций не может собрать необходимые ей средства среди своих сторонников в той стране, где эти организации действуют, значит, в этой стране они практически никому не нужны, и существуют они почти исключительно ради сохранения рабочих мест тех, кто в них трудится.*

Едва ли те, кто создавал израильские «левые» организации, могли предвидеть подобное развитие событий.

Глава IX.

ОТ КОНТРОЛЯ НАД ПРАВОСУДИЕМ – К ОВЛАДЕНИЮ ВСЕЙ ПОЛНОТОЙ ВЛАСТИ

Битва против репрезентативной демократии: от власти избираемой – к власти профессиональных элит

Элита, теряющая контроль над страной в силу своей неспособности выиграть выборы, оказывается в непростой ситуации. Собственно, перед ней открыты два основных пути, кроме признания своего поражения. Можно пытаться воздействовать на общественное мнение (прежде всего через средства массовой информации) с целью добиться изменения вектора электоральных тенденций. В случае, если эта стратегия окажется успешной, следующие выборы будут выиграны, что позволит элите вновь стать правящей, при этом демократическим процедурам и избираемым институтам власти не будет нанесен урон. Есть, однако, и другая возможность, которая может быть как следствием элитистского мировоззрения, не считающего большинство граждан страны компетентными в достаточной мере, чтобы принимать адекватные решения о том, кто может, а кто не может управлять страной, так и проистекать из простого осознания факта невозможности добиться своих целей «конвенциональными» средствами, принятыми в демократическом обществе. В этом случае элита делает выбор в пользу борьбы за сохранение реальной власти путем фактической трансформации основ политического режима. Прикладываются значительные усилия для того, чтобы структуры, в которых представители этой элиты оказываются в меньшинстве – избираемый парламент и формируемое им правительство, – лишились существенной части своих полномочий в пользу других органов власти, менее зависимых от волеизъявления избирателей.

В результате ослабления парламента и правительства могут усилиться разные структуры: армия и органы безопасности, полиция, прокуратура, Центральный банк, профсоюзы, круп-

нейшие частные финансово-промышленные группы, Верховный суд. Собственно, именно этот процесс и происходит в Израиле на протяжении полутора последних десятилетий. Статус и полномочия главы Центрального банка выросли беспрецедентно, и ни один из министров финансов не имел того влияния, какое имели главы Центробанка Яаков Френкель (занимал этот пост в 1991–2000 гг.) и Стенли Фишер (занимает этот пост, начиная с 2005 года). Заметно выросло и влияние руководства Федерации профсоюзов, глава которой – Амир Перец – сумел добиться своего избрания на пост председателя Партии Труда (чего не удавалось никому из глав профсоюзов со времен Давида Бен-Гуриона); расчетливый и жесткий Офер Эйни, возглавивший профсоюзы в январе 2006 года, сумел стать одним из самых влиятельных людей в социально-экономической сфере, при этом в значительной мере контролируя и ЦК Партии Труда. Главы силовых структур добились положения, при котором они фактически не зависят ни от кого: проходят выборы, меняются правительства, но они остаются на своих постах. Назначенный Ариэлем Шароном в январе 2002 года главой внешней разведки «Моссад» генерал в отставке Меир Даган остался на своем посту на протяжении двух каденций А. Шарона, затем всей каденции Э. Ольмерта и был переназначен вновь Б. Нетаньяху. Назначенный А. Шароном же в мае 2005 года глава Общей службы безопасности Юваль Дискин сохранил свой пост в течение всей каденции Э. Ольмерта и был назначен вновь Б. Нетаньяху.

Однако Центробанк, профсоюзы или спецслужбы могут, расширяя сферы своих полномочий и ответственности, сокращать, таким образом, сферу, подконтрольную кабинету министров и парламенту, не более того: *ни одна из этих структур не может отменять решения Кнессета и правительства. Единственная структура, добившаяся того, что она может отменять решения любых других органов власти, включая и правительство, а также объявлять не имеющими силы законы, принятые Кнессетом, – Верховный суд Израиля.* Судебная власть на протяжении долгого времени вела курс на существенное расширение своих полномочий, фактически отбирая эти полномочия у парламента и правительства. В середине 1990-х годов Аарон Барак, сторонник и проводник политики «судебного активизма», возглавив Верховный суд, сумел добиться его главенствующего положения над другими структурами государственной

власти. Учитывая, что Верховный суд в Израиле де-факто выполняет и роль суда конституционного, очевидно, что его глава является одной из самых влиятельных фигур в стране. Решения правительства и даже законы, принимаемые Кнессетом, могут быть обжалованы в Верховном суде, в то время как вердикты последнего не могут быть пересмотрены нигде, кроме как в повторном судебном же заседании с участием большего числа судей. При таком положении дел позиция и взгляды председателя Верховного суда имеют огромное влияние на функционирование государственного механизма в целом.

С точки зрения руководителей Верховного суда Израиля, их право на конституционный контроль в отсутствие конституции базируется на изменениях, внесенных в законодательство в 1992 году. Нужно отметить в этой связи как совершенно очевидный факт, что когда в 1992 году депутаты Кнессета принимали Основной закон о свободе и достоинстве человека и Основной закон о свободе деятельности, ни о какой «конституционной революции» они не помышляли. Эти правовые акты принимались по тому же принципу, что и прежде: шаг за шагом, глава за главой постепенно принимались законы, которые в будущем должны составить конституцию страны²⁶⁶. Именно такой путь был выбран в 1950 году, и именно в рамках этого подхода были приняты и два вышеназванных правовых акта. Эти два закона добавились к уже девяти принятым (начиная с 1958 года) основным законам, свод которых должен – согласно решению, принятому в 1950 году и известному как «компромисс Харари», – составить в будущем конституцию страны. Когда Аарон Барак постановил, что новые основные законы якобы устанавливают «супралегалистские» (приоритетные) права, стоящие во главе конституционной пирамиды и направляющие логику политического режима, что дает легитимацию судебной системе осуществлять юридическую проверку законодательства – то есть пересматривать и объявлять недействительными любые законодательные акты, отрицающие (или нарушающие) указанные права либо противоречащие им – многие депутаты Кнессета (прежде всего от религиозных партий) почувствовали себя обманутыми. Особое негодование многих парламентариев вызва-

²⁶⁶ Подробнее см.: Бениамин Нойбергер. *Проблема конституции в Израиле*. – Тель-Авив: Открытый университет, 1997, с. 64–69.

ло решение судьи А. Барака о том, что положения новых основных законов якобы дают Верховному суду конституционные полномочия отменять законы Кнессета и объявлять их недействительными (хотя в самих законах не сказано ни слова об этом). Так, например, нынешний председатель Кнессета Руби Ривлин говорил: «В 1992 году я был членом комиссии Кнессета по вопросам конституции, права и судопроизводства, которая сформулировала и провела Основной закон о достоинстве и свободе человека. Так что я знаю, что за идея стояла за этим законом. Идея заключалась в том, чтобы укрепить права людей как людей и права меньшинств как меньшинств. Ни под каким видом не предполагалась передача законодательной власти Кнессета иному органу. Никто даже и не говорил об изменении баланса власти между Кнессетом и судом»²⁶⁷. Руби Ривлин заявил тогда, что «по мере того, как время шло и суд двигался вперед, весьма намеренно путем ползучей аннексии захватывая все большую власть, я понял, что не только произошла конституционная революция, но произошел переворот». По его словам, этот «переворот» «происходит вопреки духу демократии». «На основании фальшивых претензий на конституционную революцию здесь была создана новая реальность. Было создано новое правительство, которое стоит над всеми: выше Кнессета и выше правительства, и выше закона тоже. Суд поставил себя над законом. Он потерял трепет перед законом. ... Это превращение суда во власть, не подверженную никакому надзору»²⁶⁸. Переноса центр тяжести государственной власти из Кнессета и правительства в Верховный суд, судья А. Барак фактически способствовал изменению системы координат, в которой происходит социально-политическая жизнь общества. Поскольку решения парламента и правительства почти автоматически подлежат конституционному контролю со стороны Верховного суда, воля народа, выраженная путем всеобщего равного голосования, после «конституционной революции» имеет фактически лишь право совещательного голоса²⁶⁹.

²⁶⁷ Ари Шавит. Я разрываюсь на части» (интервью с председателем Кнессета Руби Ривлиным) // *Ха'арец* [Страна], 05.06.2003 [на иврите].

²⁶⁸ Там же.

²⁶⁹ Алек Д. Эпштейн. Социально-политические последствия укрепления статуса Верховного суда как главенствующей структуры в политиче-

Профессор права Рут Габизон, являвшаяся в 1970-х годах единомышленницей Аарона Барака и ставшая с течением времени его самым серьезным и последовательным критиком²⁷⁰, раз за разом напоминала: для принятия конституции необходимо максимально широкое общественное согласие²⁷¹, основной закон страны невозможно навязать социуму, пусть даже и в форме судебных вердиктов. Верховный суд не должен ввязываться в политические и теоретические споры, – отмечала Рут Габизон, требуя проявлять максимальную осторожность, не вмешиваясь в принимаемые Кнессетом законодательные акты без чрезвычайно существенного повода для этого²⁷². А. Барак категорически отверг такой подход, начав и личную войну против профессора Р. Габизон: вопреки намерению бывшего министра юстиции Ципи Ливни требовать ее избрания в состав Верховного суда, А. Бараку удалось добиться того, что кандидатура Р. Габизон так и не была поставлена на голосование в комиссии по выборам судей.

Как справедливо отметил Дов Конторер, «декларируемый председателем Верховного суда Аароном Бараком “юридический активизм” оказался возможен как норма поведения судебных инстанций в Израиле именно потому, что намерение законодателя было решено считать несущественным. На этом основывалась де-факто вся “конституционная революция” 1990-х годов, превратившая два основных закона – о достоинстве и свободе человека и о свободе предпринимательства – в средство ниспровержения действовавшего в стране правового порядка»²⁷³. Сложная система сдержек и противовесов, сложившаяся в стране, оказалась нарушена. Глава Верховного суда

ской жизни Израиля // *Ближний Восток и современность*. Вып. 8. – М., 1999, с. 241.

²⁷⁰ Эта критика в наиболее полной форме выражена в большой статье Рут Габизон «Общественная активность Верховного суда: критический взгляд // *Судебный активизм: за и против*. – Иерусалим: Издательство им. Магнеса, 2000, с. 69–164 [на иврите].

²⁷¹ См., например: Рут Габизон. *Конституционная революция*. – Иерусалим: Израильский институт демократии, 1998, с. 53–54, 104 и далее [на иврите].

²⁷² См. там же, с. 117.

²⁷³ Конторер Д. Намерение законодателя // *Вести*, 11.03.2004.

фактически наделил себя ограниченными только им самим же полномочиями, согласившись рассматривать иски против любых органов государственной власти по максимально широкому кругу вопросов.

Борьба за Министерство юстиции и контроль за избранием судей

Этот «судебный активизм», базирующийся на профессиональном кредо Аарона Барака, согласно которому суд может принимать решения практически по любому вопросу, еще можно было, пусть и с оговорками, принять, когда во главе Верховного суда стоял столь выдающийся человек, профессионализм и человеческая порядочность которого ни у кого не вызывали сомнений. Однако, как справедливо заметил известный израильский адвокат Рам Каспи, назвавший Аарона Барака «гением», «гений – это штучный товар». Профессор А. Барак – переживший Холокост уроженец Каунаса, прибывший в Израиль в 1947 году, бывший декан юридического факультета Иерусалимского университета и юридический советник правительства, автор ряда книг, переведенных на многие языки, лауреат Государственной премии Израиля, член Национальной Академии наук, получивший 14 мая 1999 года высшую премию Всемирного судейского союза²⁷⁴. Аарон Барак, которого эксперты называли «дирижером оркестра ветвей власти», в целом понимал, что баланс между ветвями власти нужно так или иначе соблюдать, ибо в противном случае можно столкнуться с реакцией бумеранга. Однако в семидесятилетнем возрасте он, как и все судьи в Израиле, должен был уйти – и ушел – в отставку; встал вопрос, кто придет ему на смену и как будут проходить выборы того единственного государственного служащего в Израиле, решения которого нигде не могут быть обжалованы.

Хотя это не прописано ни в одном законе, в Израиле сложилась практика, согласно которой стаж пребывания в должно-

²⁷⁴ См. единственную изданную на сегодняшний день книгу о нем: Наоми Левицки. *Ваша честь. Биография Аарона Барака*. – Иерусалим: Издательство «Кетер», 2001 [на иврите].

сти члена Верховного суда является ультимативным критерием при избрании председателя этого суда. Таким образом, в момент ухода судьи А. Барака на пенсию «естественным» кандидатом на его место оказалась (и это было известно с момента ее избрания судьей Верховного суда в декабре 1995 года) 64-летняя Дорит Бейниш: никто другой не имел столь значительного стажа.

Возник, однако, вопрос, насколько сам по себе стаж в должности члена Верховного суда достаточен для того, чтобы служить причиной для избрания кандидата на едва ли не высший пост в структуре власти страны. Послужной список Дорит Бейниш выглядел достаточно скромно: окончив в 1968 году Иерусалимский университет, она начала службу в Государственной прокуратуре. После двадцати одного года работы на разных должностях в этом учреждении она в 1989 году была назначена генеральным прокурором, а в 1995 году со второй попытки была избрана в Верховный суд (в 1993 году комиссия по выбору судей отклонила ее кандидатуру пятью голосами против четырех). Д. Бейниш никогда не работала частнопрактикующим адвокатом, у нее нет докторской степени и уж тем более профессорского звания, она не написала ни одной книги и ее имя никогда не фигурировало в списке кандидатов в Академию наук. Достоин ли человек, почти всю жизнь проработавший на одном месте (в Государственной прокуратуре) и не завоевавший личный авторитет как крупный ученый-правовед или как государственный деятель, возглавить высшую судебную инстанцию страны, учитывая, что решения Верховного суда, являющегося одновременно и судом конституционным, в Израиле нигде не могут быть обжалованы? Может ли израильское общество доверить судебной системе, во главе которой оказалась столь непримечательная личность, как Д. Бейниш, функции надзора и контроля над решениями парламента и правительства?

Против утверждения Дорит Бейниш председателем Верховного суда резко выступил, в частности, бывший министр науки и образования и член комиссии по выбору судей, крупнейший в стране специалист по конституционному праву, профессор и бывший декан юрфака Тель-Авивского университета, лауреат Государственной премии Израиля Амнон Рубинштейн. Отметив, что Д. Бейниш абсолютно не подходит на роль главы высшей судебной инстанции страны, он предложил – ни много

ни мало – вернуть на пост главы Верховного суда «на временную чрезвычайную каденцию сроком два года» 81-летнего Меира Шамгара, ушедшего в отставку еще в 1995 году²⁷⁵. Против утверждения Д. Бейниш главой Верховного суда выступал и министр юстиции Израиля Хаим Рамон, объявивший о том, что планирует пересмотреть практику, согласно которой главой Верховного суда автоматически становится тот из судей, кто имеет наибольший опыт работы в суде данной инстанции к моменту ухода на пенсию действующего председателя суда.

56-летний Хаим Рамон – популистский политик, взлетевший на гребень удачи в 1994 году, выиграв профсоюзные выборы. В Федерации профсоюзов ему, однако, довольно быстро наскучило, и убийство в ноябре 1995 года Ицхака Рабина стало для него отличным поводом «вернуться в отчий дом [Партию Труда] в момент величайшего кризиса, угрожавшего израильской демократии». Х. Рамон покинул Федерацию профсоюзов и был назначен Шимоном Пересом министром внутренних дел (в Израиле это министерство не относится к силовому блоку, занимаясь вопросами муниципальной политики). После поражения Ш. Переса на выборах 1996 года Х. Рамон, как и все деятели Партии Труда, остался вне правительства, однако в 1999 году в команде Эхуда Барака вернулся на руководящие посты; 11 октября 2000 года Х. Рамон вновь возглавил МВД Израиля. Приход к власти Ариэля Шарона вновь выбил Х. Рамона из седла, но 10 января 2005 года он все же был введен в состав правительства; правда, лишь на должность министра без портфеля. После создания А. Шароном партии «Кадима» Х. Рамон сразу же присоединился к ней, получив в итоге седьмое место в ее предвыборном списке. После выборов, которые прошли в отсутствие тяжело заболевшего А. Шарона, новый премьер-министр Э. Ольмерт назначил Х. Рамона, с которым у него были достаточно близкие личные отношения, министром юстиции.

Министр юстиции Израиля – председатель комиссии по выбору судей, но в самой комиссии он единственный, кто представляет это министерство; большинство членов комиссии – либо судьи, либо представители Коллегии адвокатов, причем

²⁷⁵ См.: Ицхак Кляйн. Так не назначают судей // *Магор ришон* [Первоисточник], 27.07.2006 [на иврите].

ни те, ни другие ему, естественно, не подчиняются. Однако, несмотря на это, новый министр объявил в конце мая 2006 года о стремлении провести реформу в избрании главы высшей судебной инстанции страны. Х. Рамон не хотел утверждать Д. Бейниш главой Верховного суда, и многие видные правове-ды его в этом активно поддерживали.

Никакой реформы, однако, не случилось. Против Х. Рамо-на была инспирирована гнусная история, вынудившая его 20 августа 2006 года подать в отставку. Детали этой кафкиан-ской истории уже стали предметом расследования комиссией во главе с судьей Шаломом Бренером (он представил свой от-чет юридическому советнику правительства 12 июля 2007 го-да), еще одной комиссией во главе с судьей Варди Зайлером (его отчет был подан юридическому советнику правительства в начале февраля 2008 года), а затем и государственным кон-тролером Израиля Михой Линденштраусом, который пришел к выводу, что полиция и прокуратура в этом деле грубо нару-шали закон, призвав принять меры против их четырех высоко-поставленных работников, в том числе тогдашнего начальника Следственного управления полиции Мири Голан и прокурора Тель-Авивского округа Рут Давид²⁷⁶. Однако отчет госконтро-лера появился лишь в июне 2010 года, спустя четыре года по-сле того, как министр юстиции был вынужден подать в отстав-ку, а его сменщик немедленно дал Дорит Бейниш возможность занять пост, к которому она так стремилась.

Вкратце дело обстояло следующим образом: солдатка, за-канчивавшая службу в офисе премьер-министра в комплексе зданий Министерства обороны в Тель-Авиве, рассказала своим сослуживцам о том, что 12 июля, в день начала Второй изра-

²⁷⁶ См.: Авиад Гликман. Госконтролер передал юридическому совет-нику правительства отчет о прослушиваниях по делу Рамона // *Еди-от ахронот* [Последние известия], 23.06.2010 [на иврите]; Томер Зархин, Лиэль Кайзер. Госконтролер: личные провалы ответствен-ных сотрудников полиции и прокуратуры в прослушиваниях по делу Рамона // *Ха'арец*, 28.06.2010 [на иврите]. Адвокаты Х. Рамона счита-ли, что полиция прослушивала и разговоры из канцелярии главы пра-вительства; см.: Юваль Йоаз. Адвокаты Рамона подозревают: полиция подключалась к разговорам канцелярии премьер-министра // *Ха'арец*, 26.10.2006 [на иврите]. Это подозрение так и не было опровергнуто.

ильско-ливанской войны, один из членов правительства, приглашенный для участия в чрезвычайном заседании кабинета, якобы навалился на нее из-за шкафа и насильно поцеловал. Как уже упоминалось, срок службы этой девушки заканчивался, она демобилизовалась и 23 июля уехала – как это принято среди израильской молодежи – в «дембельский» тур в Латинскую Америку. Неясно, каким образом детали ее рассказа стали известны в полиции, после чего с девушкой встретила (в неформальной обстановке – в кафе) едва ли не самая высокопоставленная в то время женщина в израильской полиции – бригадный генерал Мири Голан, возглавлявшая Следственное управление по борьбе с коррупцией. Лишь после разговора с ней девушка подала жалобу на якобы «развратные действия» со стороны министра юстиции. Более того: информированный корреспондент второго канала израильского телевидения Амон Абрамович (именно он в свое время первым сообщил о том, что Авишай Равив – ближайший друг убийцы премьер-министра И. Рабина Игаля Амира – был платным агентом израильских спецслужб) сообщил также, что Мири Голан обращалась к советнику премьер-министра по военным вопросам, бригадному генералу Гади Шамни с просьбой убедить девушку в том, что она должна подать жалобу в полицию на сексуальные домогательства со стороны министра юстиции.

Как справедливо отметил обозреватель газеты «*Маарив*» Бен-Дрор Ямини, «тогда и решилась судьба Хаима Рамона. Еще до того, как было начато расследование. И даже до того, как была подана жалоба в полицию. В то утро, когда Рамона на протяжении семи часов допрашивали из-за старой истории, занявшей несколько минут, радиостанция «*Галей ЦАХАЛ*» сообщила, что уже готовится подача обвинительного заключения: то есть, цель была объявлена заранее. А источником утечки информации было то самое Следственное управление по борьбе с коррупцией»²⁷⁷.

Только не относящимися к делу соображениями можно объяснить тот факт, что следователями и прокуратурой было решено действовать в авральном режиме и не дожидаться возвращения девушки в Израиль. Показательно, что полиция не запретила ее выезд из страны до выяснения обстоятельств

²⁷⁷ Бен-Дрор Ямини. Власть закона // *Маарив*, 08.09.2006 [на иврите].

дела, а затем не потребовала от нее вернуться. Более того: двое офицеров полиции были отправлены в далекую Гватемалу, чтобы снять показания у отдыхающей там «потерпевшей» и провести дистанционную «очную» ставку между ней и министром в режиме видео-конференции (по принятому в Израиле в этой деликатной сфере положению вещей, без очной ставки между истцом и обвиняемым дело не может быть передано в суд). Вопрос о назначении главы Верховного суда должен был решиться до отставки Аарона Барака (7 сентября), и сторонники Дорит Бейниш не теряли времени зря.

Уже 31 июля 2006 года – не только до окончания и начала суда, но и до окончания следствия и подачи обвинительного заключения – юридический советник правительства (название его должности не должно вводить в заблуждение: фактически, это глава Государственной прокуратуры²⁷⁸) Менахем Мазуз сообщил министру юстиции об ограничениях на его деятельность в связи с ведущимся против него расследованием. М. Мазуз уведомил министра, что в настоящее время он не может заниматься вопросами, связанными с назначением судей, амнистиями и работой прокуратуры и полиции. С этого момента Х. Рамон лишь номинально оставался главой Министерства юстиции.

20 августа М. Мазуз объявил, что предъявляет обвинение Х. Рамону, которому пришлось объявить об уходе из правительства. (Согласно прецедентным решениям Верховного суда Израиля по делам бывших министров от партии ШАС Арье Дери и Рафаэля Пинхасси, лица, против которых Государственной прокуратурой поданы в суд обвинительные заключения, не могут оставаться членами кабинета). Вскоре после этого М. Мазуз опубликовал и само обвинительное заключение. Согласно тексту этого документа, 12 июля Хаим Рамон прибыл вечером в канцелярию главы правительства в комплексе «Кирья» в Тель-Авиве, где служила потерпевшая. Девушка, которая вскоре должна была демобилизоваться с военной службы,

²⁷⁸ Подробный анализ изменившегося статуса и круга полномочий человека, занимающего эту должность, представлен в статье Рут Габизон «Юридический советник правительства: критическое переосмысление новых тенденций // *Плилим. Израильский журнал по уголовному праву*», 1996, том 5, № 2, с. 27–120 [на иврите].

попросила министра сфотографироваться с ней на память. После того, как другой солдат сфотографировал их и вышел из кабинета, Хаим Рамон продолжил обнимать военнослужащую и поцеловал девушку против ее согласия. «Обвиняемый совершил развратные действия без согласия потерпевшей», – говорится в обвинительном заключении. Это сомнительное обвинение – единственное, никаких других в адрес министра юстиции выдвинуто не было, но и этого оказалось достаточно, чтобы вынудить его подать в отставку.

Хаим Рамон, со своей стороны, утверждал, что не знал девушки ранее и встретил ее совершенно случайно. По его словам, она зашла в комнату, где он смотрел телевизор в присутствии других людей. Девушка попросила Х. Рамона сфотографироваться с ней и заключила в объятия. Она рассказала министру, что собирается за границу со своими подругами, но была бы рада, если бы Х. Рамон согласился поехать с ней; якобы тогда она поехала бы только с ним, без подруг. По словам Х. Рамона, девушка сфотографировалась с ним и стала показывать присутствующим фотографии, сделанные цифровой камерой, а Х. Рамону дала свой телефон. Вскоре все покинули комнату, в которой находился Х. Рамон, а девушка вернулась туда через некоторое время. По словам Х. Рамона, девушка говорила ему комплименты и выглядела очень призывно и соблазнительно. Х. Рамон сказал, что, склонившись к нему, девушка сама поцеловала его в губы. 11 сентября – на первом заседании суда по этому делу – Хаим Рамон вновь представил свою версию событий, утверждая, что истица сама обнимала его, флиртовала с ним и даже предложила ему совместную поездку за границу. По его словам, она сказала ему: «Ты же знаешь, что я не могу устоять перед тобой». Всё это уже не имело значения. «Ершистый» министр юстиции был выведен из игры. Путь Дорит Бейниш к высшему посту в израильской судебной иерархии оказался открыт.

23 августа временно исполняющим обязанности министра юстиции был назначен Меир Шитрит (уже руководивший министерством в 2001–2003 гг.), который буквально на завтра объявил о том, что Дорит Бейниш будет 7 сентября утверждена председателем Верховного суда страны. Ее каденция закончится только в 2012 году, по достижении ею 70-летнего возраста.

Нужно сказать, что данный прецедент был не первым, судебная система страны уже имела успешный опыт борьбы

с негодными ей министрами юстиции. Первым отправленным в отставку министром был представитель религиозных сионистов Яков Неэман, назначенный в 1996 году Биньямином Нетанияху, выигравшим первые в истории Израиля прямые выборы главы правительства. За несколько часов до того, как его назначение вступило в силу, журналист Йоав Ицхак обратился в Верховный суд с иском против назначения Я. Неэмана, утверждая, что тот якобы некогда подал в качестве адвоката ложную декларацию в суд. Уже на следующий день тогдашний юридический советник правительства Михаэль Бен-Яир, который был очевидным политическим назначением «левого» правительства И. Рабина – Ш. Переса, распорядился о проведении полицейской проверки по выдвинутым Й. Ицхаком обвинениям против Я. Неэмана. 8 августа 1996 года М. Бен-Яир санкционировал начало официального расследования, и Я. Неэман был вынужден покинуть свой пост; затем дело было передано в суд. 15 мая 1997 года он был полностью оправдан, но вернуться в Министерство юстиции ему довелось только в 2009 году, когда Б. Нетанияху вновь сумел стать главой правительства. Известно и о том, что в 2001 году, после избрания А. Шарона главой правительства, главой Министерства юстиции должен был стать Руби Ривлин, но его назначение было сразу же торпедировано начатым прокуратурой расследованием, которое закончилось ничем три года спустя. Министром юстиции Р. Ривлин так и не стал²⁷⁹. *Отставка Х. Рамона стала, таким образом, третьим случаем за десять лет, когда суды и прокуратура без всякой на то причины добились смещения неугодного им политика с поста министра юстиции.*

«Левые» круги часто аргументируют те или иные свои шаги заботой о демократии, и порой эти соображения, действительно, имеют место быть. Однако в данном случае усилия, очевидным образом, имеют обратный результат. *Борьба судей и руководителей прокуратуры за право стоять над правительством и Кнессетом не только наносит серьезный урон основополагающему демократическому принципу разделения властей, но и размывает общественное доверие к самой судебной власти, что само по себе имеет крайне негативное влияние на состояние*

²⁷⁹ См. интервью Ари Шавита с Руби Ривлиным // Еженедельное приложение к газете «Ха'арец», 5 апреля 2007 г. [на иврите].

израильской демократии, для которой как раз доверие граждан к судам – важнейшая ценность. Согласно данным опроса, проведенного в 1990 году, судам доверяли 83% израильтян²⁸⁰. В ходе серии опросов, проведенных в 1991–1995 гг., были получены похожие результаты: Верховному суду доверяли 85% граждан страны²⁸¹. Данные опроса, проведенного в 2004 году, свидетельствовали о некотором снижении доверия к Верховному суду – 79%²⁸². Данные опроса за февраль 2006 года свидетельствовали о том, что ситуация продолжала ухудшаться: доля граждан, доверявших Верховному суду их собственной страны, снизилась до 68%²⁸³. В ходе опроса, проведенного в конце августа 2006 года, только 43% опрошенных назвали Верховный суд «эффективно работающим органом государственной власти», в то время как 37% сочли его неэффективным, а 20% не имели ясного мнения по этому вопросу²⁸⁴. По данным опроса, проведенного в феврале 2009 года, Верховному суду доверяли 53% еврейских и 57% арабских граждан Израиля, при том что доля доверяющих судебной системе в целом в обоих секторах населения составила всего 36%²⁸⁵. Проф. Эран Вигода-Гадот из Хайфского университета и проф. Шломо Мизрахи из Университета им. Бен-Гуриона в Негеве начали в 2001 году исследование отношения общества к судебной системе. Опубликованные ими в ноябре 2009 года данные свидетельствуют о постоянном снижении доверия общества к судам на протяжении всех девяти лет исследования²⁸⁶.

²⁸⁰ См.: Peres Y., Yuchtman-Yaar E. *Trends in Israeli Democracy. The Public's View.* – London, 1992, с. 21.

²⁸¹ См.: Yuchtman-Yaar E., Peres Y. *Between Consent and Dissent: Democracy and Peace in the Israeli Mind.* – Lanham, 2000, с. 39.

²⁸² См.: Arian A., Barnea S., Ben-Nun P. *The 2004 Israeli Democracy Index.* – Jerusalem, 2004, с. 42.

²⁸³ См.: Ариан А. и др. *Индекс израильской демократии – 2006.* – Иерусалим: Израильский институт демократии, 2006, с. 38 [на иврите].

²⁸⁴ См.: Яар Э., Герман Т. *Индекс мира – август 2006 г.* – Тель-Авивский университет: Центр им. Т. Штейнмец, 2006 (ответы респондентов на вопрос 30) [на иврите].

²⁸⁵ См.: Зархин Т. 63% населения: в судах нет справедливости // *Ха'арец*, 08.03.2009 [на иврите].

²⁸⁶ См.: Шарбит Н. Доверие общества к судьям и судебной системе – самое низкое за девять лет // *Глобс*, 19.11.2009 [на иврите].

В сравнительном отчете, который составила в июле 2010 года организация «*Regavim*», собраны данные, свидетельствующие о том, что решения Верховного суда Израиля в период руководства Дорит Бейниш очевидным образом склоняются в определенную – «левую» – политическую сторону. Отчет анализирует похожие («зеркальные») случаи: иски, которые были поданы арабами и леворадикальными организациями против незаконного строительства поселенцев – и иски, которые были поданы «правыми» организациями против незаконного арабского строительства. Разумеется, следует проверить каждый случай в отдельности, они далеко не идентичны. Именно поэтому составителями отчета были проанализированы процедуральные параметры судебного процесса, которые являются постоянными и поддаются сравнению: например, сроки, отведенные для ответа на исковое заявление; количество заседаний по тому или иному иску; временные промежутки между заседаниями; состав судебной коллегии, которая была назначена для обсуждения исков. Большая часть этих параметров присутствует в ходе судебного процесса еще до того, как начинается подробное изучение заявленной в иске проблемы. Таким образом, эти параметры довольно точно отражают исходные позиции, на которых стоят судьи. Поэтому невозможно объяснить колоссальные различия в подходе к двум категориям исковых заявлений (как это видно из предлагаемого отчета) разного рода юридическими тонкостями, уровнем адвокатов и сиюминутным настроением конкретного судьи. Речь идет не об одном иске, а о всех исковых заявлениях, поданных за последние пять лет по обсуждаемому вопросу. Ясно прослеживается дискриминация одной из двух исследуемых групп. И, похоже, никто из судей не считает нужным это скрывать.

Сравним, например, сколько времени отводит БАГАЦ ответчику на предварительную реакцию на исковое заявление. Если иск подан «левыми» организациями, речь идет в среднем о 25 днях. Однако если иск поступает от «правых», ответчики могут не торопиться – им предоставляется в среднем в три с половиной раза больше времени, 88 дней. Еще большая разница видна в количестве дней, которое проходит с момента подачи иска до первого судебного заседания: 389 дней, когда речь идет об исках «правых»; 177 дней, когда иски подают «левые» и арабы. В ходе процесса суд быстро выносит приговор, когда речь идет об исках, поданных правыми. Среднее

число судебных заседаний таково: 0,5 по искам «правых» и 1,9 (почти в четыре раза больше) по искам «левых».

Еще до того, как будут заслушаны обе стороны, суд может издать промежуточное постановление. Здесь мы имеем, пожалуй, наиболее грубый пример неравенства: по 90% исков, которые были поданы «левыми» и арабами, БАГАЦ издал промежуточные постановления. Что касается исков, поданных «правыми», эта цифра сводится к нулю: по данным, собранным организацией «Регавим», в этих случаях промежуточные постановления не были изданы ни единого раза!²⁸⁷

Работавший больше десяти лет главой Верховного суда Израиля Шимон Агранат в одном из своих решений написал: «Нет ничего более разрушительного для общества, чем ощущение неравенства перед законом. Это одно тяжелейших человеческих чувств». Именно такие чувства испытывает значительная часть израильтян по отношению к судебной системе, которая призвана, напротив, защищать граждан от неравенства.

Язык иврит, как и любой другой живой язык, чутко улавливающий и отражающий общественные процессы, пополнился новым выражением: «банда властителей закона» [*«кнущият шильтон ха'хок»*]. В частности, 9 февраля 2007 года оно появилось и в леволиберальной газете «Ха'арец»²⁸⁸, страницы которой традиционно служат рупором тех, кто выступает именно за сохранение независимости и широких полномочий прокуратуры и Верховного суда. Однако беспрецедентное решение суда по делу бывшего министра юстиции Хаима Рамона не оставило равнодушным и тех, кто израильскую правовую систему привык защищать. Х. Рамон был признан виновным в непристойных действиях, выразившихся в том, что (см. выше) поцеловал девушку, которая вначале попросила его сфотографироваться с ним, затем в ходе беседы предложила ему присоединиться к ней во время поездки в Коста-Рику, после чего передала министру номер своего телефона – вероятно, чтобы он не забыл о ней. Министр и девушка сфотографировались трижды: дважды до злополучного поцелуя, и один раз – после. «На третьем снимке потерпевшая

²⁸⁷ См.: Карни Эльдад. За кого Верховный суд? // *Ха'арец*, 11.07.2010 [на иврите].

²⁸⁸ См.: Кармель Бен-Цур. Страх Б. Окуня // *Ха'арец* (приложение «Marker Week»), 09.02.2007, с. 12 [на иврите].

выглядит улыбающейся и радостной, – отметили судьи в своем вердикте, – что, по словам подсудимого [экс-министра Х. Рамона], противоречит заявлениям о том, что она была потрясена и шокирована. После третьего снимка потерпевшая написала на листе бумаги номер своего телефона с именем и дала его подсудимому – поведение, не соответствующее утверждению о том, что он совершил по отношению к ней развратное действие»²⁸⁹. Казалось бы, всё ясно. Израильские судьи полагают иначе: «Трудно определить, каково рациональное или нерациональное поведение после травматического переживания. У каждого своя реакция, у каждого своя культура. Сколько было травматических случаев, столько было и разных, порой необычных, реакций. Пострадавшая объяснила, что, как уже говорилось, во время третьего снимка она была словно заморожена, в шоке и со слезами на глазах. Утверждалось, что на снимке слез не видно, и поэтому потерпевшая говорит неправду. Эти утверждения несущественны. Выражение “слезы на глазах” описывает определенное душевное состояние, а не обязательно льющиеся слезы»²⁹⁰. Судьи не остановились на этом абсурде, пойдя еще дальше: «Две фразы: “я не могу перед вами устоять” и “министр, может, поедете со мной в Коста-Рику” вырваны из контекста. По совокупности разговора мы не нашли, что этих оборотов достаточно для намека на попытку заигрывания потерпевшей с подсудимым»²⁹¹.

Как справедливо отметил в своем радиоинтервью известный адвокат Алекс Шмерлинг, «многие, кто следил за ходом процесса, не ожидали такого решения. Хаим Рамон не просто министр юстиции. Он министр, который себе позволил замахнуться на ряд “священных коров” в израильской правоохранительной системе. В частности, позволил себе говорить о необходимости изменить порядок назначения судей. Он начал высказывать идеи о необходимости протоколировать заседания комиссии о назначении судей [заметим, что в январе 2007 года решение об этом все же удалось протолкнуть, несмотря на яростное сопротивление главы Верховного суда, которая почему-то

²⁸⁹ См. решение Тель-Авивского мирового суда по уголовному делу 5461/06 Государство Израиль против Х. Рамона, с. 14, пункт 11а (цитируется по тексту оригинального документа в переводе с иврита).

²⁹⁰ См. там же, пункт 11б.

²⁹¹ См. там же, с. 17, пункт 13.

страшно боится протоколов заседаний, в которых участвует]. Он предложил отменить систему назначения председателя Верховного суда по стажу, когда уже сегодня можно предвидеть, кто будет председателем на долгие годы вперед. Он предложил внести кардинальные изменения во все, что касается судебной власти в Израиле. Она на сегодняшний день продолжает оставаться закрытой элитарной зоной, которая управляется сама собой и практически не подчиняется никому. Она, в том числе, закрыта и для прессы. В этих условиях понятно, что Хаим Рамон был “помечен” как “плохой парень”. Вот в данных обстоятельствах и всплывает это дело. При этом полиция и, в частности, начальник отдела расследований полиции Мири Голан совершают немыслимые усилия, чтобы добиться и убедить потерпевшую подать жалобу... Полиция совершила немыслимые суперусилия, чтобы довести это дело до обвинительного заключения. Вплоть до того, что посылала следователей в Южную Америку специально для того, что бы взять показания у потерпевшей. И все это вокруг пусть и не очень хорошего поступка, даже если принимать сегодня на веру версию потерпевшей о таком страшном преступлении, как “французский поцелуй” со стороны Хаима Рамона». «Я не говорю о ситуации, при которой кто-то сговаривался специально, согласовывал действия для того чтобы утопить Хаима Рамона, – заметил адвокат А. Шмерлинг. – Вместе с тем в ту секунду, когда появились даже минимальные основания для того, чтобы привлечь его к суду, были использованы все возможности, какие есть, начиная от следствия и кончая, как мы видим, судом, для того чтобы обрушиться на министра юстиции всей колесницей израильского правосудия»²⁹².

Слова Алекса Шмерлинга отражают, пожалуй, мнение большинства израильтян. «Приговор бывшему министру непонятный и избилующий вопросительными знаками», – отмечал в газете «*Маарив*» один из самых влиятельных публицистов и телеведущих Дан Маргалит,²⁹³ дополняя: «Поведение полиции

²⁹² Интервью адвоката А. Шмерлинга радиостанции РЭКА, опубликовано 1 февраля 2007 г. под названием «Хаим Рамон был помечен как “плохой парень”» на израильском Интернет-сайте «*Мнения*», см.: <http://mnenia.zahav.ru/ArticlePage.aspx?articleID=1727&categoryID=15>.

²⁹³ См.: Дан Маргалит. Верховный суд и правительство по разные стороны баррикад // *Маарив*, 09.02.2007 [на иврите].

в ходе расследования и ложь о тайных прослушиваниях [как выяснилось впоследствии, полиция прослушивала телефонные разговоры бывшего министра] – отдельный скандал»²⁹⁴. Согласно данным опроса, проведенного по заказу «*Едиот ахронот*» – наиболее тиражной газеты страны, после оглашения приговора по делу Рамона, лишь 34% опрошенных отметили, что в этом деле восторжествовала справедливость. 72% выразили мнение, что это дело вообще не должно было рассматриваться в суде (только 18% считают иначе). На вопрос о том, считают ли они полицию «чистой от коррупции», лишь 25% респондентов ответили положительно; 59% опрошенных сочли полицию коррумпированной. 32% опрошенных сочли коррумпированной и Государственную прокуратуру²⁹⁵. Среди русскоязычных граждан страны отношение к полиции и судебной системе еще хуже – среди участников Интернет-опроса, проведенного сайтом «*Newsru.co.il*» и каналом RTVI, лишь 17% и 12% респондентов, соответственно, выразили им доверие²⁹⁶. При всей методологической проблематичности подобного рода опросов, общая тенденция, нашедшая свое выражение в полученных результатах, сомнению не подлежит. «В подобном негативном отношении к органам власти репатрианты не одиноки, – отмечает в газете «*Ха'арец*» обозреватель Лили Галили. – Недоверие к полиции и государственным органам размыло “разделительную черту” между новыми репатриантами и старожилами»²⁹⁷. Представляется, что даже самые ярые поборники идеологии «плавильного кот-

²⁹⁴ См.: Дан Маргалит. Рамона могли и не судить // *Маарив*, 02.02.2007 [на иврите].

²⁹⁵ См.: Сима Кадмон. Половинчатая месть // *Едиот ахронот* – еженедельное приложение, 09.02.2007, с. 4 [на иврите].

²⁹⁶ В опросе о степени доверия полиции приняли участие 4 538 человек, он проходил со 2 по 9 декабря 2006 г.; в опросе о степени доверия судебной системе приняли участие 5 071 человек, он проводился с 3 по 10 февраля 2007 г. Анализ отношения русскоязычных израильтян к армии и полиции см.: Лили Галили. Когда все серо, правят черные силы // *Ха'арец*, 09.02.2007 [на иврите].

²⁹⁷ См.: Лили Галили. Вспоминая “царицу доказательств” // *Ха'арец*, 04.01.2007 [на иврите]; статья была переведена на русский язык сайтом «*Cursorinfo.co.il*» с измененным названием: «“Русские” тотально не верят полиции», см.: <http://cursorinfo.co.il/news/prensa/2007/01/03/lk-2/>.

ла» не придут в восторг от модели интеграции, основанной на нигилизме по отношению к органам правопорядка и правосудия.

Однако битва за контроль над Министерством юстиции и процедурой избрания судей была лишь промежуточным этапом основной борьбы – борьбы за высшую власть в стране.

Президент и премьер-министр на скамье подсудимых

Как отмечалось выше, существующий в Израиле баланс сил между различными органами власти оказался в последние годы очевидным образом нарушен. После того, как судьи Верховного суда объявили, что в стране якобы произошла «конституционная революция», и решили, что отныне могут отменять законы, принимаемые Кнессетом, идущие вразрез не только с буквой, но и субъективно понимаемым ими «духом» тех или иных законов, иски в Верховный суд подавались заинтересованными общественными деятелями и организациями буквально по любому поводу, в результате чего именно *Верховный суд подмял под себя и парламент, и правительство: любые сколько-нибудь важные решения законодательных и исполнительных органов власти стали восприниматься как проект, утверждение или отклонение которого зависит исключительно от воли судейской коллегии, которая будет рассматривать иск, который будет непременно подан той или иной заинтересованной стороной.* Ситуация дошла до предельного абсурда: именно судьи, не имеющие релевантного военно-политического образования и опыта и проводящие все свое рабочее время в здании Верховного суда в Иерусалиме, принимали обязывающие решения по таким вопросам, как возможность ликвидации боевиков в ходе контртеррористических операций и точные контуры «разделительной стены безопасности» на Западном берегу (об абсурдности такого положения вещей говорят многие израильские правоведы и политологи, самые известные из которых – профессора Иерусалимского университета Рут Габизон и Шломо Авинери)²⁹⁸. Юри-

²⁹⁸ См.: Рут Габизон. *Общественная активность Верховного суда: критический взгляд*; Шломо Авинери. *Соображения по поводу властных процедур в Израиле*. – Хайфа: Институт им. Ш. Неэмана, 2006 [на иврите].

дический советник правительства, на практике являющийся не столько советником, сколько прокурором кабинета министров²⁹⁹, последовательно распорядился о начале полицейских расследований и допросе под присягой президента и премьер-министра страны. В результате усилий прокуратуры и судов, и президент, и премьер-министр вынуждены были уйти в отставку, а в настоящее время оба находятся на скамье подсудимых. Таким образом, фактически в стране был совершен конституционный переворот. Рассмотрение хронологии преследований обоих высших руководителей Израиля помогает понять, как именно этот переворот произошел.

Эхуд Ольмерт стал премьер-министром Израиля 5 января 2006 года – в связи с обширным инсультом, перенесенным главой правительства страны Ариэлем Шароном (он впал в кому, из которой так и не вышел). На тот момент Э. Ольмерт не был подозреваемым ни по одному уголовному делу. Однако такое положение дел сохранялось недолго.

24 октября 2006 года, выступая на заседании Комиссии Кнессета по госконтролю, государственный контролер Миха Линденштраус заявил о том, что подозревает Эхуда Ольмерта в том, что, будучи министром финансов, он нарушил условия тендера по продаже банка «Леуми», содействуя победе одного из кандидатов в обмен на крупную взятку³⁰⁰. Спустя два дня отставной судья М. Линденштраус передал собранные им материалы (о деталях которых не сообщалось) юридическому советнику правительства Мени Мазузу с рекомендацией начать следствие против главы правительства. 16 января 2007 года Министерство юстиции объявило о начале уголовного расследования³⁰¹, которое, однако, закончилось ничем, но об этом стало известно лишь два года спустя: сначала в ноябре 2007 года полиция объявила, что не нашла материалов, свидетельствующих о совершении каких-либо про-

²⁹⁹ См.: Evelyn Gordon. How the Government's Attorney Became Its General // *Azure. Ideas for the Jewish Nation*, 1998, no. 4, с. 75–116.

³⁰⁰ См.: Банк Леуми. Госконтролер рекомендует: начать уголовное следствие против Ольмерта // сообщение портала «Курсор» от 26 октября 2006 года.

³⁰¹ См.: Рут Авраам. Уголовное расследование против Ольмерта // сообщение портала «Седьмой канал» от 16 января 2007 года [на иврите].

тивоправных деяний, а затем, спустя еще почти год, генеральный прокурор принял решение о закрытии дела³⁰². За это время, однако, против премьер-министра был открыт целый «букет» уголовных дел.

24 сентября 2007 года, после того, как была опубликована большая статья журналиста Йоава Ицхака, юридический советник правительства Мени Мазуз отдал распоряжение полиции начать уголовное расследование дела о приобретении Эхудом Ольмертом квартиры в доме номер 8 по улице Кремье в Иерусалиме. Э. Ольмерт, бывший мэр Иерусалима (он занимал этот пост с 1993 по 2003 гг., дважды выиграв прямые выборы мэра столицы), подозревался в том, что получил существенную скидку при покупке квартиры. Квартиру на улице Кремье в престижном иерусалимском квартале Мошава Германит Э. Ольмерт приобрел за 1 миллион 200 тысяч долларов, что, по некоторым оценкам, на 320 тыс. долларов меньше ее тогдашней рыночной стоимости. Таким образом, возникли подозрения в получении незаконных льгот в обмен на предоставление определенной помощи строительным подрядчикам (квартира была приобретена у компании «Алумот»). В обмен на скидку Э. Ольмерт якобы должен был использовать свое положение для того, чтобы строительный проект на улице Кремье был утвержден комиссией по охране архитектурных памятников и комиссией по планированию в обход действующего законодательства. После длительного расследования, в рамках которого была допрошена и супруга премьер-министра, полиция, однако, не нашла в действиях Э. Ольмерта, связанных с покупкой этой квартиры, каких-либо противоправных действий. 26 марта 2009 года Отдел полиции по борьбе с мошенничеством рекомендовал прокуратуре прекратить расследование в отношении Эхуда Ольмерта по этому делу, указав, что «отсутствуют улики, необходимые для предъявления обвинительного заключения». В июле 2009 года юридический советник правительства принял решение о закрытии этого дела³⁰³.

³⁰² См.: Томер Зархин, Офра Идельман. Моше Ладор закрыл дело против Ольмерта о банке “*Леуми*” // *Ха’арец*, 04.12.2008 [на иврите].

³⁰³ См.: С Ольмерта сняты обвинения по делу о покупке квартиры в Иерусалиме // сообщение портала «*Курсор*» от 20 июля 2009 года.

14 октября 2007 года против Э. Ольмерта было начато сразу два новых уголовных расследования³⁰⁴. Первое из них касалось практики назначения Эхудом Ольмертом сотрудников в министерствах и компаниях, которые находились в сфере его влияния. Э. Ольмерт обвинялся в протекционизме и политических назначениях своих приближенных на ответственные государственные должности в бытность его министром промышленности, торговли и связи и первым заместителем главы правительства; утверждалось, что он добился назначения 115 своих креатур на различные должности (не указывалось, за какой срок)³⁰⁵. Второе расследование касалось предоставления адвокату Ури Месеру, бывшему деловому партнеру и личному юристу Э. Ольмерта, финансовых льгот для реализации коммерческого проекта через Инвестиционный центр Министерства промышленности. Сотрудники Ведомства государственного контролера утверждали, что, принимая участие в рассмотрении этого запроса, Э. Ольмерт проигнорировал конфликт интересов, который идет вразрез с законом. Компания «Т.С. силикатная промышленность Ltd.» при помощи адвоката У. Месера обратилась в Инвестиционный центр с просьбой о выделении финансирования в размере десяти миллионов долларов. Несмотря на серьезные замечания экспертов, Инвестиционный центр предоставил компании запрошенные ею средства. По мнению госконтролера, это стало возможно в результате прямого вмешательства Эхуда Ольмерта, лоббировавшего интересы своего протеже. Генерал полиции в отставке Яков Боровский, возглавлявший в Ведомстве государственного контролера отдел расследования злоупотреблений на почве коррупции, заявил, выступая 24 октября на 2006 года на заседании в Кнессете, что в его распоряжение поступили данные, свидетельствующие «о прямой причастности Ольмерта к совершению уголовных преступлений в Управлении поддержки малого и среднего бизнеса». По словам Я. Боровского, эти материалы были переданы на рассмотрение юридическому советнику правитель-

³⁰⁴ См.: Авирам Зино. Мазуз: начать еще два расследования против Ольмерта // *Едиот ахронот*, 14.10.2007 [на иврите].

³⁰⁵ См.: Политический скандал: Ольмерт подозревается в совершении уголовных преступлений // сообщение портала «*Курсор*» от 24 октября 2006 года.

ства Мени Мазузу, который и постановил начать расследование. 5 марта 2009 года полиция рекомендовала отдать Э. Ольмерта под суд по этому делу³⁰⁶, который, однако, по состоянию на сентябрь 2010 года так и не начался.

Все эти расследования, заканчивающиеся ничем, имели, однако, огромное значение. Они позволили аппарату полиции и прокуратуры активнейшим образом собирать всю возможную информацию о жизни и работе премьер-министра и о его окружении на всех постах, которые он занимал до этого. Полиция собрала огромную документальную базу, проанализировав, среди прочего, его служебные дневники³⁰⁷, а также допросила под присягой десятки свидетелей, в том числе в США, Австралии³⁰⁸ и других странах, в надежде найти какую-то информацию, которая бы позволила скомпрометировать главу правительства.

Наконец, в мае 2008 года эти усилия принесли некоторые плоды: было объявлено, что против Эхуда Ольмерта ведется еще одно расследование, на этот раз по подозрению в получении конвертов с наличными деньгами от его друга, американского бизнесмена еврейского происхождения Моше (Мориса) Талански³⁰⁹. В конце мая 2008 года прокуратура добилась вызова М. Талански для досрочной дачи свидетельских показаний еще до того, как был начат судебный процесс как таковой. При этом все материалы, включая протоколы допросов главы правительства, «сливались» в прессу³¹⁰, создавая общественную атмосферу, в которой премьер-министру было чрезвычайно трудно работать. После того, как 27 мая 2008 года в Иерусалимском окружном суде были заслушаны (и тотчас опубликованы) свидетельские показания Моше Таланского, коалиция Эхуда Ольмерта рухнула: лидер Партии Труда министр оборо-

³⁰⁶ См.: Полиция рекомендует отдать Ольмерта под суд // сообщение портала «Курсор» от 5 марта 2009 года.

³⁰⁷ См.: Дневники Эхуда Ольмерта рассказали правду о его прошлом // сообщение портала «Курсор» от 2 апреля 2008 года.

³⁰⁸ См.: Следователи полиции допросят заграничных друзей Ольмерта // сообщение портала «Курсор» от 12 апреля 2007 года.

³⁰⁹ См.: Денежным мешком Ольмерта оказался Моше Талански // сообщение портала «Курсор» от 8 мая 2008 года.

³¹⁰ См.: Дорит Габай. Глава правительства на допросе: полный протокол // *Маарив*, 20.07.2008 [на иврите].

ны Эхуд Барак заявил, что если избранный премьер-министр не уйдет в отставку, то социал-демократы выйдут из правительства³¹¹, вследствие чего оно неминуемо падет на голосовании вотума недоверия в Кнессете.

Угроза Э. Барака не сработала: Э. Ольмерт отказался уходить в отставку, утверждая, что в его действиях, пусть некоторые из них и выглядят несколько проблематично, не было состава преступления. Тогда полиция «взорвала» новую «бомбу»: 11 июля было объявлено о новом расследовании; будто бы Эхуд Ольмерт на протяжении нескольких лет получал через туристическую компанию «*Ришон турс*» ассигнования на заграничные поездки от нескольких организаций одновременно. «Остаток», достигавший десятков тысяч шекелей, ложился на банковский счет Э. Ольмерта, который управлялся компанией «*Ришон Турс*», – сообщили следователи. В итоге, кстати, именно это – хронологически шестое! – начатое против Эхуда Ольмерта за время его премьерской каденции дело оказалось первым, доведенным до суда.

За время его премьерской каденции следователи полиции не менее восьми раз допрашивали Эхуда Ольмерта под присягой, а руководительница его канцелярии Шула Закен, будучи подозреваемой по тем же делам, что и ее босс, а также по некоторым другим, была решением руководства прокуратуры на полгода отстранена от работы. Нормальное функционирование высшего должностного лица в органах исполнительной власти страны стало практически невозможным.

Премьер-министр не выдержал давления и 30 июля 2008 года объявил о том, что больше не будет баллотироваться ни на пост председателя партии «*Кадима*», ни на пост главы правительства, и уйдет в отставку после того, как будет сформировано новое правительство. *На тот момент не только никакой суд не признал его виновным, но даже и ни по одному из дел против него не было подано обвинительное заключение! Совместными усилиями прокуратуры и полиции избранный премьер-министр страны, до этого дважды выигрывавший выборы мэра ее столицы, был с позором отстранен от власти.*

Здесь маккиавелизм лидера социал-демократов проявился во всей своей неприглядной красе. Воспользовавшись плодами

³¹¹ См.: Эхуд Барак: Или отставка Ольмерта, или досрочные выборы // сообщение портала «*Newsru.co.il*» от 28 мая 2008 года.

деятельности полиции и прокуратуры с целью делигитимации главы правительства и потребовав его отставки, Эхуд Барак потряс общественно-политическую систему страны, отказавшись поддержать избранную главой «Кадимы» Ципи Ливни в ее попытках сформировать правительство. Эхуд Барак не мог не знать, что, согласно принятой в 2001 году третьей редакции Основного закона о правительстве, не будучи на тот момент депутатом Кнессета, он не мог вновь претендовать на пост премьер-министра, не говоря уже о том, что фракция Партии Труда насчитывала всего девятнадцать парламентариев. Несмотря на это, он требовал от депутатов, представлявших Партию Труда, рекомендовать президенту его кандидатуру на пост премьер-министра; когда же они напоминали ему об Основном законе, не допускающем такой возможности, Э. Барак по-солдатски инструктировал их изменить по такому случаю Основной закон. Такой опыт – авральное изменение имеющего конституционный статус Основного закона о правительстве во имя сиюминутных политических целей – у Эхуда Барака уже был: став премьер-министром в 1999 году, он за считанные дни провел через Кнессет отмену статьи Основного закона, регламентирующую общее число министров (положение о том, что их не может быть больше восемнадцати, было отменено). Эхуд Барак надеялся девять лет спустя повторить этот опыт, совершенно не желая помочь Ципи Ливни в формировании правительственной коалиции. В этих условиях 26 октября 2008 года Ципи Ливни сообщила президенту, что не сумела заручиться поддержкой большинства депутатов Кнессета и сформировать новое правительство. На 10 февраля 2009 года были назначены новые всеобщие выборы.

Полиция и прокуратура содействовали Эхуду Бараку в формировании очень удобных условий электорального противостояния: победитель прошлых выборов был исключен из гонки и деморализован, что, с точки зрения министра обороны, выводило его один на один с лидером «Ликуда» Беньямином Нетанияху. Его Э. Барак уже победил на прямых выборах 1999 года, и десять лет спустя он планировал повторить этот успех, не отдавая себе отчета в том, что настроения избирателей с тех пор существенно изменились, в результате чего Партия Труда получила менее половины от того числа мандатов, которое получил «Ликуд». Впрочем, лично Э. Барак от этого фиаско никак не пострадал, получив в правительстве Б. Нетанияху те же по-

сты, что он имел в правительстве Э. Ольмерта: одного из вице-премьеров и министра обороны.

В этой связи чрезвычайно важно сравнить, как полиция и прокуратура расследовали те или иные подозрения против Эхуда Ольмерта, с тем, как они расследовали различные подозрения против Эхуда Барака. Подобное сравнение дает богатую пищу для раздумий: ни (1) вызвавшая резкую критику государственного контролера деятельность Э. Барака и брата его бывшей жены Дорона Козна по созданию сети фиктивных НКО, служивших каналами мобилизации средств в ходе электоральной кампании 1999 года³¹²; ни (2) сведения о получении Э. Баракком странного пожертвования в пятьсот тысяч долларов перед выборами 1999 года от скандально известного австрийского бизнесмена Мартина Шлафа³¹³; ни (3) данные расследования, опубликованные в газете «*Ха'арец*» о том, что в полном противоречии с действующим законодательством в течение 2007–2009 годов, когда Э. Барак был министром обороны (согласно закону, министр обязан прекратить частную коммерческую деятельность, чтобы избежать столкновения интересов), на счета принадлежащих ему фирм поступило более шести миллионов шекелей³¹⁴ (это вдесятеро больше, чем все конверты, переданные Э. Ольмерту М. Таланским, вместе взятые); ни (4) факт передачи Э. Баракком прав на владение созданными им фирмами на миллионы шекелей своим дочерям от первого брака (согласно закону, передача прав на владение частными фирмами родственникам министров возможна только в тех случаях, когда последние работали или занимали должности в фирме в течение года до передачи им прав на владение), никогда в его фирмах не работавшим (сам министр обороны заявил, что подарил компанию своим дочерям, а его действия нельзя квалифицировать как передачу акций)³¹⁵;

³¹² См.: Уполномоченный по регистрации НКО: НКО Барака – фиктивные, они должны вернуть миллионы шекелей // *Едиот ахронот*, 09.09.2003 [на иврите].

³¹³ См.: Гиди Вайц. Мартин Шлаф и израильская политика // *Ха'арец – еженедельное приложение*, 08.09.2010 [на иврите].

³¹⁴ См.: Ури Блау. Миллионы шекелей были переведены компаниям, принадлежащим дочерям Эхуда Барака // *Ха'арец – еженедельное приложение*, 09.10.2009 [на иврите].

³¹⁵ Там же.

ни (5) факт открытия второй женой Э. Барака, Нили Приэль, консалтинговой компании «Таурус», управлявшейся непосредственно из квартиры супругов и специализировавшейся на оказании помощи владельцам крупного бизнеса в налаживании знакомств и деловых контактов с ведущими фигурами в израильской политике (услуги фирма оказывала на абонементной основе за тридцать тысяч долларов в год, если же налаженные связи начинали приносить доход, то «Таурус» имела право потребовать от фирм, которых она «знакомила» с клиентами, заказчиками и посредниками, определенный процент от доходов)³¹⁶; ни (6) нанятие «неимущим» Э. Бараком и его супругой в целях экономии работницы по уборке их квартиры - нелегальной трудовой мигрантки из Филиппин, вопреки действующему трудовому и миграционному законодательству³¹⁷ – ни одно из этих тяжелых подозрений не было расследовано полицией и прокуратурой до конца, все эти дела были «спущены на тормозах». *В этой связи невозможно не прийти к выводу о политической ангажированности полиции и прокуратуры при расследовании подозрений в адрес Эхуда Ольмерта (активнейшие следственные действия в Израиле и за пределами страны, многочисленные допросы, «слив» информации в прессу, подача обвинительных заключений в суд) и Эхуда Барака (ограниченные следственные действия, вследствие чего ни одно из дел не было доведено до конца): структуры, призванные стоять на страже закона, гарантируя реализацию конституционно-правовых основ демократического строя, подменили собой эти основы, оказывая решающее влияние на политический процесс в самых высших эшелонах политической власти страны.*

Параллельно с атакой на премьер-министра под следствием, а затем и под судом оказался президент Израиля Моше Кацав, на протяжении многих лет, как и Эхуд Ольмерт, бывший одним из лидеров «Ликуда» (оба они в разное время баллотировались на пост лидера этой партии). Интересно, что дело

³¹⁶ См.: Ицик Вулф. Жалоба государственному контролеру: расследовать бизнес Нили Приэль, жены Эхуда Барака // *Ха'арец – приложение «The Marker»*, 18.08.2008 [на иврите].

³¹⁷ См.: Новые данные о “деле домработницы” Эхуда Барака // Сообщение Амнона Абрамовича на 2 канале израильского ТВ 13 декабря 2009 г. [на иврите].

по обвинению в сексуальных домогательствах по отношению к нескольким женщинам, работавшим под его началом в разных учреждениях, в результате которого каденция избранного Кнессетом президента страны закончилась на полгода раньше срока, началось с жалобы, поданной в июле 2006 года самим президентом юридическому советнику правительства на шантаж со стороны одной из сотрудниц его аппарата, с которой М. Кацав, по всей видимости, поддерживал весьма неформальные отношения. Президент, попросивший главу Государственной прокуратуры о защите от шантажа, мгновенно стал объектом расследования, в ходе которого в СМИ «сливалась» информация, касавшаяся наиболее интимных сторон жизни главы государства. Из человека, просящего защиты от вымогательства, президент усилиями полиции, прокуратуры и прессы был превращен в сексуального маньяка, причем имя женщины, на шантаж со стороны которой жаловался М. Кацав, было запрещено к публикации, тогда как она сама проводила широко освещавшиеся всеми печатными и электронными СМИ пресс-конференции, в ходе которых детально излагала свою версию отношений, сложившихся у нее с президентом. Как и в случае с Э. Ольмертом, шумная публичная кампания сделала свое дело: на М. Кацава подала жалобу еще одна женщина, работавшая в Министерстве туризма, с которой он, по ее словам, будучи министром, дважды имел интимные отношения против ее воли более десяти лет назад, что позволило прокуратуре обвинить президента в изнасиловании. Он был также обвинен в том, что в день своего 60-летия поцеловал, не поинтересовавшись ее согласием, одну из девушек, работавших в его канцелярии (сама девушка никакой жалобы против М. Кацава в этой связи не подавала). В итоге никаких обвинений в сексуальном насилии или домогательствах в отношении сотрудницы его канцелярии, с которой, собственно, и началось всё дело, М. Кацаву предъявлено не было вообще, однако в создавшейся общественной атмосфере удалось найти другую, казавшуюся более надежной потерпевшую, молчавшую более десяти лет, но в 2007 году давшую возможность правоохранительным органам досрочно отстранить президента страны от должности. После этого исполняющей обязанности президента на полгода стала спикер Кнессета Далия Ицик, многолетний депутат от Партии Труда, за год до этого перешедшая в «Кадиму», после чего этот пост занял Шимон Перес – ветеран Партии Труда, также

перешедший в «Кадиму» после поражения на внутрипартийных выборах Амиру Перецу. Интересно, что в ходе президентских выборов 2000 года выдвинутый тогда Партией Труда Шимон Перес кандидату от «Ликуда» Моше Кацаву проиграл. Вполне вероятно, что это было большой ошибкой Кнессета, выбравшего на президентский пост политика, не имеющего желаемых для человека на такой должности авторитета и заслуг (каденция М. Кацава не запомнилась ничем особенным), однако *в парламентской демократии, коей является Израиль, президента страны выбирает Кнессет, а не полиция и прокуратура.* В Израиле сложилась другая картина: полиция и прокуратура существенно «подыграли» Шимону Пересу, позволив ему со второй попытки занять президентский пост. Избрание Ш. Переса стало первым случаем в истории страны, когда президент занял свой пост со второй попытки. Представляется, что Ш. Перес прекрасно справляется с президентскими обязанностями, однако процедура отстранения его предшественника и его избрания тяжкой тенью легли на статус института президента страны как таковой.

В последние же годы судебная система и пользующиеся ее поддержкой прокуратура и полиция сломали все существовавшие прежде принципы разделения властей: они не только стали определять, кто может, а кто не может входить в состав правительства, не только добились отставок неудобных им министров юстиции и внутренней безопасности, но и – впервые в истории Израиля – посадили на скамью подсудимых законно избранных премьер-министра и президента страны. Оказалось, что выигрывать выборы необязательно: любого неугодного политика, какой бы пост он ни занимал, включая самый высший, можно сместить, используя для этой цели тот арсенал полномочий и средств, который «отвоевали» себе полиция, прокуратура и суды.

Понятно, что в таких условиях адекватно руководить страной невозможно: избранные руководители органов законодательной и исполнительной власти фактически являются заложниками узкой касты «властителей закона»: подобно кукловодам, прокуроры и судьи могут умелыми руками «дергать за ниточки», продлевая политическую жизнь или низвергая законно избранных руководителей страны. Среди тех, чья общественная карьера была в последние годы разрушена «бандой властителей закона», можно вспомнить также имена бывшего

министра обороны Израиля генерала запаса Ицхака Мордехая (обвиненного в сексуальных домогательствах), сына бывшего премьер-министра, депутата Кнессета прошлого созыва Омри Шарона (обвиненного в нарушении закона о финансировании партий в ходе одной из электоральных кампаний, триумфально выигранных его отцом) и других.

Юридическая система умеет проявлять «гибкость», когда политики действуют в соответствии с мировоззрением леволиберального правового сообщества. В мае 2006 года в интервью, опубликованном газетой «Ха'арец», завершавшему свою каденцию судьи в должности заместителя председателя Верховного суда М. Хешину задали вопрос об апелляции, поданной против прекращения юридическим советником правительства М. Мазузом расследования «по делу о греческом острове», по которому обвиняемыми в получении закамouflированных взяток проходили дети премьер-министра А. Шарона. М. Хешин, который оказался тогда в меньшинстве – один против шести – выступил за продолжение выяснения причин закрытия дела против Гилада Шарона и его отца. Вот что ответил М. Хешин журналисту «Ха'арец»: «Когда выясняется, что лишь за поиски в Интернете человеку платят 600 тысяч долларов и обещают еще два миллиона, нужно быть идиотом, чтобы поверить в версию об оплате труда! Я не предполагал, что буду в меньшинстве. Но весь народ тогда хотел, чтобы Шарона не отдали под суд и он смог осуществить свой план одностороннего отступления из сектора Газы и Северной Самарии. Если бы его судили, – продолжил судья М. Хешин, – “размежевания” [одностороннего вывода израильских сил и поселений из Газы и Северной Самарии] не было бы. Но я, Боже упаси, не утверждаю, что подобными мотивами руководствовались большинство судей БАГАЦа»³¹⁸. Какими мотивами руководствовались судьи, поверившие в то, во что, по словам их коллеги, поверить могут только «идиоты», М. Хешин не объяснил. Как справедливо отмечал журналист У. Шавит в газете «Макор ришон», «несмотря на оговорку (М. Хешин, видимо, снова слишком поздно хватился, когда наговорил лишнего), смысл сказанного предельно ясен. При-

³¹⁸ См.: Юваль Йоаз. Я буду стоять на своем (интервью с М. Хешиным) // *Ха'арец* – еженедельное приложение, 26.05.2006 [на иврите].

верженность верховных судей программе «размежевания» сыграла не последнюю роль при вынесении ими решения не отдавать Ариэля Шарона под суд. Таким образом, именно Верховный суд решил судьбу еврейских поселений Газы и Северной Самарии»³¹⁹ (они, как известно, были разрушены, а их жители – принудительно эвакуированы). Трудно не согласиться с обозревателем Н. Авнери: «Как же так произошло, что столько уважаемых людей поддерживали и изображали чуть ли не “отцом нации” политика, попиравшего демократические нормы и замешанного в коррупции? Ответ на поверхности: дело в том, что его планы соответствовали устремлениям тех, кто отвечает у нас за формирование “общественного мнения”! Как выразился [обозреватель второго канала израильского ТВ] Амнон Абрамович, “пообещав осуществить программу «размежевания», Шарон в одночасье превратился из «гнилого яблока» в «драгоценный этрог»”. Если бы Шарон не совершил сей акробатический трюк со своими политическими взглядами, сторожевые псы демократии потребовали бы от Мазуза разорвать его на части сразу после выступления тогдашней главы госпрокуратуры Эдны Арбель [рекомендовавшей передать дело Шарона в суд]. Корруптированный Шарон действовал под угрозой выдвижения обвинительного заключения. Если бы его совесть была чиста, сторонники демонтажа кусали бы локти, дожидаясь победы [тогдашнего лидера Партии Труда] Мицны [обещавшего эвакуировать лишь одно поселение Нецарим в Газе] на следующих выборах. И долго бы им пришлось дожидаться! Сейчас сторожевые псы ждут от Ольмерта продолжения политического наследия его предшественника, другим словами – демонтажа поселений. Если он повернет направо – ему тут же свернут шею. Формула выглядит так: сторонникам одностороннего отступления нужен правый корруптированный политик во главе правительства. Чем он более корруптированный – тем легче поддается давлению»³²⁰. Впрочем, чтобы подвергаться давлению со стороны

³¹⁹ См.: Урия Шавит. Несмываемый позор израильской юридической системы // *Макор ришон* [«Первоисточник»], 30.05.2006 [на иврите].

³²⁰ См.: Нери Авнери. Корруптированные марионетки у власти // Интернет-портал «*News First Class*», 14.06.2006 [на иврите]; статья была переведена на русский язык сайтом «*Cursorinfo.co.il*», см.:

юридической системы, политическим лидерам не обязательно иметь детей, получающих необъяснимо высокие гонорары: как показывает израильский опыт, им достаточно просто не разучиться целоваться...

Так уж сложилось, что *на сегодняшний день «левые» либералы не в состоянии выиграть в Израиле всеобщие выборы, причем их неминуемое и предсказуемое фиаско практически не зависит от того, кто именно стоит во главе Партии Труда и леворадикального блока МЕРЕЦ*³²¹. В этих условиях наследники старой элиты действуют через альтернативные механизмы власти, используя судебную систему для того, чтобы навязать свое мировоззрение и ценности обществу и политическому руководству страны. Пытаясь вырваться из западни «банды властителей закона», Э. Ольмерт 7 февраля 2007 года назначил (а Кнессет большинством голосов утвердил) министром юстиции известного правоведа академика Даниэля Фридмана, лауреата Государственной премии Израиля в области права, не принадлежащего к ныне правящей в Верховном суде клике. В тот же день в радиоинтервью М. Хешин пригрозил – ни больше ни меньше – «отрубить руку тому, кто посмеет поднять ее на Верховный суд», аргументируя это тем, что и его отец, и он долгие годы были судьями Верховного суда, и для него это – «дом родной». Подобная претензия на «приватизацию» высшей судебной инстанции страны и неприкрытые угрозы в адрес новоназначенного министра юстиции (которого глава Верховного суда даже не поздравил с назначением хотя бы минимальным протокольным пресс-релизом) со стороны клики, почувствовавшей угрозу своему статусу, сами по себе являются зримыми индикаторами необходимости срочных реформ в сфере взаимодействия органов власти в Израиле.

Глава правительства, возмущенный тем, как «банда властителей закона» добилась смещения близкого ему министра

<http://cursorinfo.co.il/news/pressa/2006/06/14/lk-2/> .

³²¹ См., в частности: Эпштейн А., Марченко В. Необратимое поражение или временный кризис? Фиаско израильских левых на выборах 2001 года в сравнительно-исторической перспективе // *Ближний Восток и современность*. Вып. 13 – М., 2002, с. 190–208, а также некоторые другие мои публикации последних лет.

Хаима Рамона, был заинтересован назначить министра юстиции, наименее всего с этой «бандой» связанного, и при этом имеющего высочайший личный авторитет в профессиональных кругах. В этой связи выбор Эхуда Ольмерта был чрезвычайно удачным. Никто не мог поставить под сомнение профессионализм Даниэля Фридмана, одного из четырех израильских юристов-членов Национальной академии наук страны, и при этом он не нуждается в том, чтобы «набрать очки» в глазах этой клики для успеха своей дальнейшей политической карьеры: никаких политических амбиций у перешагнувшего семидесятилетний рубеж министра не было, он отлично понимал, что никакой пост, кроме поста министра юстиции, ему никем и никогда предложен не будет. Соответственно, действовать он мог без оглядки на позицию руководства Верховного суда и Государственной прокуратуры, хотя, конечно, их неприкрытое противодействие очень мешало ему реализовать свои планы.

Напрашивается вопрос, не было ли преследование Эхуда Ольмерта мстью за то, что, не смирившись с утерей контроля над Министерством юстиции, он назначил министром отнюдь не человека, которого хотела видеть на этом посту судебно-прокурорско-полицейская гильдия. Эту гильдию вполне устраивали назначенный вместо в авральном порядке смещенного Х. Рамона Меир Шитрит и сменившая его 29 ноября 2006 года Ципи Ливни, ни с какой стороны не являющиеся специалистами в сфере права и потому дававшие Верховному суду, прокуратуре и полиции практически ничем не ограниченную свободу действий, в том числе и в кадровой сфере. Академик Даниэль Фридман, будучи одним из самых компетентных и уважаемых юристов в стране, занял по отношению к Верховному суду, Генеральной прокуратуре и Следственному управлению полиции совершенно другое положение, и это многих в руководстве данных учреждений совсем не устраивало. Безупречная репутация и высокий профессионализм Д. Фридмана не позволяли ни объявить его некомпетентным, ни сместить, найдя и раздув какое-либо минимально приемлемое с общественной точки зрения обвинение. Чтобы сместить министра юстиции, нужно было отправить в отставку всё правительство. В итоге юридическая система страны добилась именно этого результата, хотя невозможно доказать, что она к нему стремилась именно по этой причине.

Едва успев вступить в должность министра юстиции, Даниэль Фридман заявил о намерении реформировать израильскую судебную систему. Он, в частности, предложил принять Основной закон о законодательной деятельности, который должен четко разграничить полномочия Кнессета и Верховного суда; ввести в суды всех уровней частных адвокатов (на данный момент подавляющее большинство судей приходят из государственной прокуратуры, следственных отделов полиции и академических кругов); «разгрузить» окружные и мировые суды, занимающиеся в основном гражданскими исками, для чего планировалось шире использовать институт арбитража; создать специальный суд, который будет рассматривать дела, возбужденные против общественных деятелей; снизить с трех до одного число представителей Верховного суда в Комиссии по выбору судей и т.д. Интересно отметить, что эти идеи Д. Фридман изложил в статье под названием «Будущему министру юстиции на заметку», опубликованной в газете *«Едиот ахронот»* 21 апреля 2006 года, как раз когда в должность вступал Хаим Рамон. Зигзаги политической судьбы привели к тому, что задачи, список которых был сформулирован Д. Фридманом, предстояло попытаться решать ему самому. Кое-что изменить удалось: во-первых, Д. Фридману удалось впервые в израильской истории «пробить» кандидатуры двух частнопрактикующих юристов, не являвшихся частью прокурорско-судейской гильдии, в состав Верховного суда страны. 24 июня 2007 года Ханан Мельцер стал первым в истории Израиля адвокатом из частного сектора, избранным судьей Верховного суда, спустя месяц был избран второй судьей – Йорам Данцигер. Оба раза заседания Комиссии заканчивались скандалами, и хотя заполнить нужно было каждый раз три – четыре вакансии, избрать удавалось лишь по одному человеку. Хотя число представителей Верховного суда в Комиссии по выбору судей осталось неизменным, было законодательно установлено, что необходим минимум из семи членов Комиссии для утверждения кандидатов в члены Верховного суда, что лишило юридическое сообщество монополии на воспроизводство собственной элиты. Был также принят закон, ограничивающий срок пребывания в должности глав окружных судов семилетним сроком. Основной закон о законодательной деятельности, однако, принят не был; не были скорректированы и постепенно ставшие

практически безграничными полномочия юридического советника правительства.

В последние пятнадцать лет юридическая система страны сумела сместить трех министров юстиции (проф. Якова Неэмана, незазначенного Руби Ривлина и Хаима Рамона) и двух министров внутренней безопасности, отвечающих за деятельность полиции (Авигдора Кахалани и Авигдора Либермана, на планируемое назначение которого юридическим советником правительства было наложено вето). Под судом оказался и бывший министр юстиции Цахи Ханегби. И все же даже на этом фоне «дело Рамона» нельзя не признать по-своему исключительным: это был огонь «по своему», по представителю той же леволиберальной элиты, к которой принадлежит и большинство судейского корпуса, «вина» которого состояла в том, что он принял сторону «не той» группировки в дрызгах внутри самой юридической элиты. Ни известнейший адвокат профессор Яков Неэман, ни экс-министр обороны Ицхак Мордехай, ни президент Моше Кацав, ни премьер-министр Эхуд Ольмерт, сделавшие карьеры в правоцентристском «*Ликуде*», к этой леволиберальной группировке во властной элите не принадлежали и не принадлежат.

Когда 24 января 2007 года президент Израиля Моше Кацав в ходе выступления, специально посвященного расследованию его дела, заявил о том, что юридический советник правительства, прокуратура и полиция организовали сговор с целью его смещения, главным мотивом в котором является месть старой элиты, которая «считала и считает его чужаком», ведущие израильские газеты выступили с резким осуждением президента³²². «Меня облили грязью и ложью, и эту ложь повторяют сегодня в каждом израильском доме. У прессы, которая поливает меня грязью, нет ни единого доказательства моей вины. ... Пресса буквально пьет мою кровь, а полиция ей в этом помогает. Полиция поставила своей целью обвинить меня. То что происходит сегодня, я могу назвать лишь судом Линча, проведенным средствами массовой информации», – возмущался М. Кацав³²³, но его

³²² См., например: Сима Кадмон. Позор // *Едиот ахронот*, 24.01.2007, с. 1 и 5 [на иврите].

³²³ Обвиняет всех; Президент теряет самоконтроль // *Едиот ахронот*, 25.01.2007, с. 1–3 [на иврите].

крик оставался гласом вопиющего в пустыне – на мой взгляд, во многом потому, что когда подобный же заговор ломал карьеры Ицхака Мордехая, Якова Неэмана, Авиغدора Кахалани, Авиغدора Либермана и других, сам М. Кацав молчал, не видя вокруг ничего, что требовало бы президентского участия. «Дело Рамона» – едва ли не первый случай фронтального столкновения СМИ, принявших сторону обвиненного министра юстиции, и судебной верхушки (трое судей единогласно приняли решение осудить бывшего министра). Обычно леволиберальные СМИ и судебно-прокурорско-полицейская гильдия действуют слаженно, как единый механизм, и этим достигается практически стопроцентный результат. Однако в «деле Рамона» межличностные дразги оказались сильнее корпоративной солидарности, и внутри самой леволиберальной олигархии так называемого «первого Израиля» начались беспрецедентные распри, продолжающиеся и поныне.

В демократической стране едва ли есть место всевластию судебно-прокурорско-полицейской олигархии, компенсирующей неспособность представляемой ею группы выиграть выборы возможностью навязать руководителям страны удобную ей политическую линию. Израильский опыт 2000-х годов является зримым и наглядным примером опасности перерождения демократии в режим, в котором результаты демократического волеизъявления граждан имеют лишь второстепенное значение, при этом всякая критика данного перерождения парадоксальнейшим образом объявлялась угрозой демократии в стране. Вопреки тому, что принято механически повторять повсеместно, очень может быть, что демократия – далеко не самая оптимальная форма правления, но если юридическая элита хочет бороться с ней, ратуя за то, чтобы руководители Государственной прокуратуры имели возможность смещать президента, премьер-министра, членов правительства, избранных мэров городов и т.д., причем последнее слово в этом оставалось не за избирателями, а за никому не подотчетным и никому не подконтрольным Верховным судом, стоит прямо сказать об этом. Если же Израиль остается парламентской демократией, то необходимо помнить о том, что источником легитимации органов власти являются выражаемые на выборах предпочтения граждан страны, с которыми нельзя не считаться.

Глава X.

ВЛАСТИТЕЛИ ДУМ: КРАХ «ПРОЦЕССА ОСЛО» И ПРОБЛЕМА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ

В марте 2010 года в газете «Ха'арец», являющейся площадкой для обсуждения вопросов, волнующих преимущественно леволиберально ориентированных представителей «среднего класса», была опубликована потрясающая по своей точности и при этом лаконичности статья обозревателя Ари Шавита, посвященная израильским «левым».

В этой статье, в частности, говорилось:

«А был ли левый лагерь? Был. С лета 1967 года по лето 2000 года в Израиле были левые сионистские партии и движения, смелые, решительные, выступающие за мир. Левый лагерь сформировался на седьмой день Шестидневной войны, когда узкий круг дальновидных людей очень быстро пришел к осознанию моральной и государственной сути оккупации. В те дни, когда израильское общество было опьянено победой и пребывало в полной эйфории, узкий круг интеллектуалов с авангардными, как казалось тогда, взглядами понял, что победа может обернуться катастрофой. ... Узкий круг постоянно расширялся: в 1992 году партия МЕРЕЦ получила 12 мест в парламенте, а в 1993 году, в Осло, правительство Ицхака Рабина фактически приняло государственно-политическую программу этой партии. Из узкого богемного круга политиков и интеллектуалов, имевших ограниченное влияние, левые сионисты превратились в одно из центральных политических движений, формирующих национальную повестку дня.

1990-е годы были очень проблематичными: именно тогда, когда политическая программа левых была реализована, выяснилось, что существует колоссальная разница между системой идеологических воззрений левого лагеря и реальностью. Вопреки обещаниям, Ясир Арафат не стал вторым Нельсоном Манделой. Вопреки надеждам, поведенческий код палестинского национального движения существенно отличался от политических принципов Махатмы Ганди. И тем не менее: миролюбивый левый

лагерь твердо стоял на своем и не позволял фактам портить красивую теорию. С упрямством, достойным лучшего применения, левые сионисты отказывались видеть кардинальное различие между своей правотой, касающейся опасности оккупации для еврейского государства, и своими ошибочными представлениями о возможности скорого достижения мира с палестинцами. Левые продолжали настаивать на своем ошибочном уравнении: если оккупация недолговечна, то мир неизбежен.

Горькая правда обрушилась на них летом 2000 года: Эхуд Барак предложил создать палестинское государство и провести раздел Иерусалима – палестинцы с порога отвергли это предложение. Второй удар был нанесен в декабре 2000 года: Билл Клинтон предложил палестинцам такой вариант мирного урегулирования, от которого, казалось бы, было невозможно отказаться – палестинцы отвергли и это. Третий удар был нанесен в январе 2001 года: Йоси Бейлин на переговорах в Табе предложил палестинцам почти всё – палестинцы сказали «нет». Четвертый удар был нанесен в сентябре 2008 года: Эхуд Ольмерт предложил палестинцам не «почти всё», а абсолютно всё – палестинцы просто проигнорировали предложение и исчезли с переговорного горизонта. В течение восьми лет четыре попытки завершить оккупацию мирными договоренностями потерпели провал. Четырежды левая сионистская идеология была проэкзаменована и не выдержала проверки реальностью. ...

Левые, не сумевшие справиться с ударами, полученными в последние десять лет, потеряли веру в свою правоту, и это заметно всем. Левый лагерь не признал свою историческую ошибку, не покаялся. В отличие от интеллектуальной смелости, которую левый лагерь проявил в 1970-е годы, в 2000-е он продемонстрировал интеллектуальную трусость. Неспособность левых признать, что они завели Израиль в тупик, привела к тому, что они сами оказались в политическом тупике»³²⁴.

В этой статье сказано куда больше, чем, как казалось, можно сказать в двух страничках текста. Главный тезис Ари Шавита о том, что в «левых» кругах оказались постепенно забыты принципы интеллектуальной смелости и интеллектуальной честности, казалось бы, вызывает удивление: ведь «левыми» является значительное большинство израильских интеллектуалов, как в уни-

³²⁴ Ари Шавит. Новые сионистские левые // *Ха'арец*, 04.03.2010 [на иврите].

верситетах, так и среди деятелей культуры. Вопрос о том, как интеллектуалы стали испытывать столь серьезные проблемы с такими жизненно необходимыми для них качествами, как интеллектуальная смелость и интеллектуальная честность, требует вдумчивого анализа. Этого произойти в принципе не могло и не должно было, но это, однако, произошло.

Когда стало очевидно, что «процесс Осло» потерпел неудачу и не принес желаемых плодов, а именно – мирного урегулирования, – в политическом мировоззрении большинства еврейского населения Израиля произошли кардинальные сдвиги. Изменились представления о самих палестинцах, о том, какими путями можно и должно пытаться разрешить конфликт с ними. В 1990-е годы представление, существовавшее в израильском обществе со времен Голды Меир (непризнание палестинцев как отдельного народа), окончательно ушло: израильтяне, независимо от того, поддерживают ли они мирные переговоры с палестинцами или нет, признали, что палестинские арабы – это отдельный народ. В общественном дискурсе укоренились идеи о «жизнеспособном Палестинском государстве», «территориальном компромиссе», «мире в обмен на территории», в то время как идеи «неделимой Эрец-Исраэль» практически исчезли. Более того, претерпели серьезные изменения глубоко укорененные прежде табу на крупномасштабные территориальные уступки и на создание независимого Палестинского государства. Невозможно утверждать, что именно деятельность движения «борцов за мир» стала решающим фактором в этом существенном сдвиге, однако определенную роль оно определенно сыграло.

«Новые левые» впервые поставили под сомнение релевантность концепции национальной безопасности, которая ставит во главу угла военный аспект. В Израиле принято рассматривать именно подавляющее военное превосходство как гарантию безопасности Израиля. Однако с начала 1990-х годов в этой концепции стали происходить определенные перемены. «Новые левые» обращали внимание широкой общественности на чрезмерно раздутый военный бюджет государства, который не позволял проводить более эффективную социальную политику. Хотя им и не удалось убедить большую часть общества в том, что необходимо радикально сократить военные расходы, они преуспели в том, что тема экономической «цены оккупации» стала достаточно часто обсуждаться в СМИ. «Постоянное затрагивание движением за мир тех проблем, которые еще двадцать лет назад были абсо-

лютно маргинальными, привело в итоге к тому, что подавляющее большинство израильтян изменили свое мнение, стали готовыми к взаимному признанию и компромиссам. Осознание того, что контроль над территориями есть не что иное как политическое, финансовое и моральное бремя, приходит ко все большему числу людей», – писал в середине 1990-х годов один из основателей «Шалом ахшав» Мордехай Бар-Он³²⁵.

В академических учреждениях концептуальной парадигмой «новых левых» на долгие годы стала доктрина «пост-сионизма»³²⁶. Хайфский политолог Илан Паппе, бывший в свое время одним из ведущих постсионистских историков, дошедший на этом пути вначале до призывов академического бойкота Израиля, а затем – и до эмиграции из страны, в своей опубликованной девять лет назад статье отмечал:

«Постсионизм восстает против исходных пунктов сионизма. Впервые он нашел выражение в научных исследованиях историков, критиковавших теорию и практику сионизма начиная с 1882 и особенно с 1948 года. Подобный критицизм привел этих историков к согласию со многими оценками палестинцев в отношении прошлого этой земли. Критика вышла за рамки академических кругов, она была воспринята многими представителями кино, литературы и СМИ. Их слова были впервые услышаны в начале 1980-х, а после подписания соглашений Осло критика достигла апогея. Это была позиция сравнительно молодых израильтян, родившихся в первые годы существования государства, перенесших в качестве солдат травму Войны Судного дня. В политическом плане на них очень повлиял приход Менахема Бегина к власти в 1977 году, визит президента Садата в Иерусалим в том же году, война в Ливане и интифада 1987 года. Все это время они протестовали вместе с палестинцами, живущими внутри зеленой черты и за ее пределами. Они заметили тесную связь между изначальным сионизмом с присущими ему признаками колониалистской идеологии и его практикой в 1948 году – с насильственным захватом земли и изгнанием коренного населения страны. Исторические исследования также нашли связь между сионистской

³²⁵ Mordechai Bar-On. *In Pursuit of Peace: A History of the Israeli Peace Movement*. – Washington: US Institute of Peace, 1996, с. 323–324.

³²⁶ См.: Алек Д. Эпштейн. *Израиль в эпоху “пост-сионизма”: наука, идеология и политика*. – М.: Институт Ближнего Востока, 2006.

программой и ее выполнением с начала XX века, и кризисами в израильском обществе начиная с 1967 года, в особенности с израильско-палестинским конфликтом. Группа этих представителей культурной и интеллектуальной элиты повлияла – пока еще не ясно, в какой именно степени, – на израильскую систему просвещения и СМИ. Эти системы восприняли часть выводов постсионистов и внесли соответствующие коррективы в представления широкой публики о прошлом и, в определенной степени, настоящем еврейского и сионистского бытия в Израиле.

На политическом уровне постсионисты восстали против центрального течения сионизма, его восприятия прошлого, интерпретации настоящего и мечты о будущем. Постсионистский вывод из исторического анализа, проведенного новыми исследователями, таков: лучшим решением наших внутренних и внешних проблем является создание в Израиле гражданского нееврейского государства»³²⁷.

Опыт, накопленный в 1990-е – начале 2000-х гг. привел «новых левых» в тупик: они во многом смогли убедить израильское общество в том, что считавшиеся прежде незыблемыми идейные установки, касавшиеся центральных аспектов арабо-израильского и в особенности – палестино-израильского конфликта, не соответствуют историческим реалиям (при этом нередко «левые» интеллектуалы «перехлестывали через край» в другую сторону), однако подавляющее большинство населения категорически отвергало тезис, согласно которому «лучшим решением наших внутренних и внешних проблем является создание в Израиле гражданского нееврейского государства». Вместе с тем пусть и не большинство, но достаточно значительная часть израильтян согласилась на то, что два главных табу многих десятилетий – вопрос (далеко не бесспорный) об ответственности Израиля за возникновение проблемы палестинских беженцев и статус Иерусалима как вечной, единой и неделимой столицы Израиля – что оба они могут стать предметом переговоров, в которых израильские представители могут выразить готовность пойти на существенные уступки. От повсеместно разделяемой в Израиле идеи о том, что палестинская проблема может быть решена либо в рамках «иорданского варианта»

³²⁷ См.: Илан Папе. Израильское общество между пост-сионизмом и неосионизмом // *Время искать*. – Иерусалим, 2001, № 4, с. 77–78.

(«правые» десятилетиями повторяли, что Палестинское государство существует, и это Иордания), либо в форме автономии, находящейся под тем или иным контролем Израиля, большинство израильского политического истеблишмента приняло идею создания независимого Палестинского государства на территории Западного берега и сектора Газа. С этой точки зрения можно уверенно сказать, что *«новым левым» удалось добиться создания такой атмосферы в обществе и политической элите, в которой позиция Израиля не могла быть препятствием для успеха мирных переговоров.*

Увы, выше их сил было повлиять на настроения палестинского или южноливанского социума и руководства. Да, израильская политика не всегда была последовательной, иногда шаг на пути к миру сопровождался двумя шагами в противоположную сторону. Эхуд Барак, а за ним и Ариэль Шарон метались от идеи переговоров к, как им казалось, реализуемой идее одностороннего размежевания, но Ари Шавит безусловно прав, отмечая: «В течение восьми лет четыре попытки завершить оккупацию мирными договоренностями потерпели провал. Четырежды левая сионистская идеология была проэкзаменована и не выдержала проверки реальностью». Ответами на израильские мирные предложения, вывод войск и ликвидацию поселений были рост исламистских настроений (как на Западном берегу и в Газе, так и в Южном Ливане) и эскалация антиизраильского насилия, которые вызывали беспрецедентно жестокую ответную реакцию, существенным образом еще больше ухудшавшую ситуацию. Вместо «мира на расстоянии вытянутой руки», Израиль, покинув Газу, Южный Ливан и основные города Западного берега, получил череду терактов, взорванных автобусов, многие сотни ракетных обстрелов.

Ответами на всё это, как считали в Израиле, – ответами совершенно вынужденными, были военные операции: «Гроздь гнева» в Южном Ливане в апреле 1996 года, «Защитная стена» на Западном берегу в марте–мае 2002 года, «Радуга в облаках» в мае и «Дни воздаяния» в сентябре–октябре 2004 года в Газе, Вторая Ливанская война в июле–августе 2006 года, «Летние дожди» в июне–ноябре 2006 года, «Горячая зима» в феврале–марте 2008 года и «Литой свинец» в декабре 2008 – январе 2009 года в Газе... Все эти операции, проводимые при участии танковых и артиллерийских соединений, военной авиации, а порой и военно-морского флота, были для арабских жителей Западного берега,

сектора Газы и Южного Ливана куда более зримыми свидетельствами израильских планов и намерений, чем те или иные предложения, которые делались израильскими «переговорщиками» Махмуду Аббасу, Ясеру Абед-Рабо, Набилю Шаату, Саибу Арикату и другим функционерам ООП и ПНА в европейских и американских отелях и на дипломатических раутах. «Новые левые» в статусе израильских официальных представителей не осознавали, как мало значения имели все их казавшиеся им самим такими замечательно щедрыми предложения в глазах рядовых палестинцев и ливанцев, которые десятилетиями воспитывались на ненависти к «сионистскому образованию» и видели не тот или иной черновик мирного договора на незнакомом английском языке, а израильские танки и боевые самолеты. *«Новые левые» оказались удивительно нечувствительными к настроениям среди того общества, с которым они планировали заключить мир. «Логика Осло», как и логика «Дорожной карты» десятилетие спустя, странным образом не предполагали возможности того, что переговорный процесс не приведет к миру.*

И когда вместо оливковых ветвей палестинцы взяли в руки Кораны и оружие, ответив массовой поддержкой ХАМАСа, а жители Южного Ливана – «Хезбаллы», интеллектуальная честность отказала израильским «борцам за мир». Они так и не нашли в себе силы потребовать от палестинцев или ливанцев чего бы то ни было, например, прекращения террора и разнузданной антиизраильской пропаганды, делегитимизирующей само существование еврейского государства. Более того, за все годы переговоров под лозунгом «два государства для двух народов» они так и не смогли добиться от палестинской стороны элементарного признания Израиля в качестве еврейского государства – собственно, именно в том единственном качестве, в котором это государство было создано по решению Генеральной Ассамблеи ООН. Однако 8 сентября 2010 года, после семнадцати лет переговоров и сразу после столь долго готовившейся встречи премьер-министра Израиля Б. Нетанияху и главы ПНА М. Аббаса под патронажем президента США Б. Обамы, член ЦК ФАТХа, бывший премьер-министр и министр иностранных дел ПНА Набиль Шаат заявил, что «ПНА никогда не признает Израиль государством еврейского народа», ибо «подобное признание станет непосредственной угрозой для живущих в Израиле мусульман и христиан и воспрепятствует возвращению палестинских беженцев, которые оставили свои дома и деревни несколько десятилетий

назад»³²⁸. 22 сентября 2010 года на рабочей встрече в Нью-Йорке премьера правительства ПНА Салама Файяда и заместителя министра иностранных дел Израиля депутата Кнессета Дани Аялона при участии представителей ближневосточного «квартета» (Россия, США, Евросоюз и ООН), где обсуждались рутинные вопросы, касающиеся механизма работы стран-доноров, на взносы которых фактически существует Палестинская администрация, произошел крайне показательный скандал. По итогам встречи предполагалось подписание протокола, и он-то и стал причиной скандала.

Дани Аялон обратил внимание на то, что в тексте документа не было зафиксировано, что Израиль является еврейским государством. Речь шла лишь «о договоренности сторон на базе двух государств». Д. Аялон предложил внести в протокол соответствующее дополнение – «двух государств для двух народов». Однако этот тезис, за который «левые» боролись десятилетиями, как раз и вызвал крайнее возмущение у считающегося наиболее «миротворчески» настроенным в палестинском руководстве Салама Файяда, который высказался категорически против внесения подобной поправки. Когда же Д. Аялон попытался выяснить причины столь резкого неприятия известной формулы, палестинский премьер демонстративно покинул зал заседаний, проигнорировав намеченную по окончании переговоров совместную пресс-конференцию³²⁹. *«Новые левые», так или иначе, но убедили в оправданности концепции «двух государств для двух народов» и значительную часть израильского общества, и большинство политической элиты страны (Дани Аялон, например, – депутат от «правой» партии «Наш дом – Израиль»). Однако они не смогли убедить в ней не только исламистов, но и своих многолетних партнеров по переговорам с палестинской стороны – лидеров ФАТХа и ООП, которые сегодня, как и десятилетия назад, мечтают о том, что массовое возвращение палестинцев, покинувших страну в 1948 году, разрушит еврейский характер Государства Израиль. Но еще хуже то, что они отказались признаться в этом, по-прежнему обвиняя в том,*

³²⁸ ПНА: Проведем референдум, не признаем еврейское государство // Едиот *ахроно*t, 08.09.2010 [на иврите].

³²⁹ Реутов А. Второй народ оказался лишним // *Коммерсант*, 23.09.2010, с. 8.

что мир не достигнут, только и исключительно свою собственную страну. Гражданская зрелость, разумеется, не состоит в том, чтобы механически поддерживать свою страну и ее правительство в любых действиях, однако, механические обвинения своей страны и ее правительства во всех смертных грехах безотносительно общего контекста и конкретных обстоятельств, никак не служат делу созидания лучшего будущего.

Сами Самуха, в то время – заведующий кафедрой социологии Хайфского университета, был отнюдь не единственным «левым» интеллектуалом, который в 1999 году декларировал: «Арабо-израильский конфликт заканчивается. Ослабление остроты конфликта продолжается на протяжении двух последних десятилетий. Завершение конфликта представляет собой необратимый процесс, развивающийся поэтапно при поддержке международного сообщества и общественного мнения – как еврейского, так и палестинского»³³⁰. Однако уже в начале 2000-х стало ясно, что никакой «необратимый процесс» «завершение конфликта» не представляет, и что никакой поддержки в палестинском общественном мнении у этого процесса нет. К сожалению, из всей плеяды резонансных «левых» интеллектуалов профессор-историк Бенни Моррис стал единственным, кто признал, что надежды, связанные с мирным процессом, оказались иллюзиями. Ни Сами Самуха, получивший в 2008 году Государственную премию Израиля в области социологии и избранный президентом Израильской ассоциации социологов, ни кто-либо другой из высказывавшихся аналогичным образом его коллег, не выступил с анализом своих несбывшихся надежд и прежних заблуждений. Значительная часть авторов просто несколько скорректировала свою позицию, как будто она таковой была всегда, однако, некоторые стали отстаивать совсем радикальные антиизраильские позиции.

ХАМАС, декларированная цель которого – установить исламскую теократию не только на Западном берегу и в Газе, но также и на территории Израиля (что означало бы, естественно, его полный конец в качестве еврейского государства), является организацией, безусловно враждебной по отношению к Израилю, отказываясь признать его право на существование в каких-

³³⁰ Сами Самуха. Изменения в израильском обществе: пятьдесят лет спустя // *Альпайм* [«Две тысячи»], 1999, № 17, с. 249 [на иврите].

либо границах. ХАМАС включен Евросоюзом, США и Канадой в списки террористических организаций. Боевики ХАМАСа, в особенности из бригад, носящих имя мятежного шейха Азз ад-Дина аль-Кассама (1882–1935), критиковавшего пронацистского муфтия Иерусалима Хадж Амина аль-Хусейни за его якобы чрезмерно «умеренный» подход к англичанам, организовали многочисленные террористические акты против гражданского населения Израиля, в которых погибли сотни израильтян. Так, в гостинице в Нетании в марте 2002 года боевиками было убито тридцать человек, принимавших участие в пасхальном ужине; при взрыве на перекрестке в иерусалимском районе Пат погибли девятнадцать человек; при взрыве в иерусалимском автобусе двадцатого маршрута в ноябре 2002 года погибли одиннадцать человек; при взрыве в автобусе №37 в Хайфе погибли 17 человек; в августе 2004 года шестнадцать человек погибли при взрыве в Безр-Шеве и т.д. Все эти террористические акты были совершены боевиками ХАМАСа – организации, создателем и непререкаемым лидером которой был шейх Ахмед Ясин. ХАМАС также использовал в качестве «живых бомб» женщин, имеющих детей³³¹.

22 марта 2004 года шейх Ахмед Ясин, которого даже отнюдь не произраильская газета «*Guardian*» охарактеризовала как «духовного лидера террористической группы ХАМАС»³³², погиб в своей машине в результате ракетного удара израильского вертолета при выезде из мечети в северной части сектора Газа. Британская телестанция ВВС, также не являющаяся «рупором сионистской пропаганды», охарактеризовала его как «основателя и духовного лидера ХАМАСа, ... одной из крупнейших и наиболее воинственных из всех палестинских группировок, ...которая уничтожила сотни израильтян во взрывах, совершенных террористами-самоубийцами»³³³. А. Ясин был основателем и вождем ХАМАСа; он направлял все террористические нападения, совершенные боевиками этой организации как из Западного берега, так и из сектора Газа.

³³¹ См.: Алек Д. Эпштейн, «*ХАМАС в региональной политике*» (Москва: Институт Ближнего Востока, 2006).

³³² David Hirst. Sheikh Ahmed Yassin // *The Guardian*, 23.03.2004.

³³³ Sheikh Yassin: Spiritual Figurehead // *BBC News*, 22.03.2004; see http://news.bbc.co.uk/1/hi/world/middle_east/1695470.stm.

После убийства Израилем шейха А. Ясина Лев Гринберг, доцент кафедры социологии и бывший директор Института социальных исследований им. Хамфри при Университете им. Бен-Гуриона в Негеве, опубликовал статью в журнале «*La Libre Belgique*», в которой обвинял израильское правительство в проведении «символического геноцида» палестинцев. По словам Л. Гринберга, «убийство шейха Ахмеда Ясина правительством Израиля является частью крупной операции, реализуемой правительством Израиля, которую можно охарактеризовать как символический геноцид»³³⁴. Лев Гринберг отметил, что «поскольку мир не допустит полного уничтожения, вместо этого совершается символическое уничтожение [палестинцев]». Т.е. если верить доценту Л. Гринбергу, Израиль не совершает геноцида палестинских арабов исключительно опасаясь реакции извне; никакие другие причины роли не играют.

Абсурд достигает кульминации в утверждении Л. Гринберга, что «вся эта болтовня насчет “мирного процесса” и “права на защиту” есть не что иное как обман, направленный на сокрытие символического геноцида, совершаемого правительством Израиля. Сначала оно уничтожило власть, институты и инфраструктуру Палестинской администрации, а теперь оно уничтожает ее последнюю надежду, убивая ее руководителей и обычных людей, мужчин и женщин, детей и стариков». Что касается вышеупомянутого утверждения, единственный достоверный факт – это то, что шейх Ахмед Ясин был пожилым человеком, хотя его точный возраст неизвестен (в палестинском паспорте Ахмеда Ясина дата рождения была указана как 1 января 1929 года, но другие палестинские источники указывали год его рождения как 1937, тогда как в некоторых западных источниках назывался 1938 год). Однако никто, кроме израильского ученого, специализирующегося в области политической социологии, не утверждал, что убийство Ахмеда Ясина следует понимать как намерение израильского правительства убивать обычных палестинских граждан, мужчин, женщин, детей и стариков. Имеет смысл повторить знаменитое изречение Джорджа Оруэлла: «Некоторые идеи столь абсурдны, что в них может поверить только интеллеktуал». Израильский опыт,

³³⁴ Lev Grinberg. Symbolic Genocide // *La Libre* (Belgium), 29.03.2004 [на франц. яз.].

к сожалению, представляет яркие примеры для подтверждения этого тезиса.

Несмотря на очевидные факты³³⁵, Лев Гринберг убежден, что палестинское руководство не имеет ничего общего с терроризмом; по его мнению, «террористические акты совершались людьми, доведенными до отчаяния, обычно против желания Арафата». Он заходит еще дальше: в статье, озаглавленной «Государственный терроризм Израиля», он осуждает руководство Израиля, называя его террористическим³³⁶. Ади Офир, профессор философии Тель-Авивского университета, утверждает то же самое в отношении властей своей страны: по его мнению, «израильский режим превращается на наших глазах из апартеида де факто в апартеид де юре»³³⁷. Нив Гордон, коллега Л. Гринберга из Университета им. Бен-Гуриона, нашел свой собственный синоним: по его словам, «самая большая опасность для Израиля сегодня – не Палестинская администрация и даже не ХАМАС или “Исламский джихад”, а опасность, угрожающая изнутри: фашизм»³³⁸.

Интересно, что в самое последнее время и Ади Офир, и Нив Гордон выпустили масштабные книги, посвященные «израильской оккупации палестинских территорий». Начав двадцать лет назад с монографии, посвященной философии Платона³³⁹ и получив ставку лектора (а с 2001 года – профессора) в Институте истории и философии науки в Тель-Авивском университете, Ади Офир в последние годы выпустил два фолианта и ряд статей об

³³⁵ См., например, подробный анализ, представленный в книге: Efraim Karsh. *Arafat's War: The Man and His Battle for Israeli Conquest*. New York: Grove Press, 2003.

³³⁶ Lev Grinberg. Israel's State Terrorism // *Tikkun. A Bimonthly Jewish and Interfaith Critique of Politics, Culture and Society*. April 2002; <http://www.democracymeansyou.com/mideast/state-terrorism.htm>.

³³⁷ Adi Ophir. A Time of Occupation / in Roane Carey and Jonathan Shainin (eds.) // *The Other Israel. Voices of Refusal and Dissent*. – New York: The New Press, 2002, с. 65.

³³⁸ Neve Gordon. The Fascisization of Israel // *Information Brief*, No. 86, 04.02.2002; see

<http://www.palestinecenter.org/cpap/pubs/20020204ib.html>.

³³⁹ Adi Ophir. *Plato's Invisible Cities: Discourse and Power in the 'Republic'* – London: Routledge, 1991.

особенностях израильского режима контроля над территориями Западного берега. Вместе со своей супругой, д-ром Ариэлой Азулай, он в 2008 году опубликовал пятисотстраничную монографию «Режим, не являющийся единым: демократия и оккупация между морем и рекой» (речь, понятно, о Средиземном море и реке Иордан). Книга вышла в леворадикальном тель-авивском издательстве «*Рислинг*»; среди прочих книг, оно недавно переиздало на иврите сочинение И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» с портретом автора на обложке. В 2009 году в Нью-Йорке вышел подготовленный Ади Офиром с израильскими «левыми» и палестинскими коллегами масштабный том статей и документов, озаглавленный «Анатомия израильского правления на оккупированных палестинских территориях»³⁴⁰. Названия отдельных глав этой книги говорят сами за себя: «Порядок насилия» (авторы – Ади Офир и Ариэла Азулай) «(Без)человечные пространственные условия» (автор – Ариэла Азулай), «Введение в географию бедствия» (автор – ученик проф. А. Офира Ариэль Гендель), «Режим разделения: Израиль/Палестина и тень апартеида» (автор – Гила Даян из организации «Врачи за права человека»), «От доминирования – к разрушению: палестинская экономика под израильской оккупацией» (автор – Лейла Фарсах – палестинка, работающая в Бостоне) и т.д. Ни одной статьи, посвященной каким-либо проблемам в функционировании существующей на Западном берегу уже более пятнадцати лет ПНА, в книге нет: источником всех бед и проблем ультимативно объявляется только и исключительно израильский оккупационный режим.

Книга профессора Нива Гордона «Израильская оккупация», вышедшая в издательстве Калифорнийского университета в 2008 году³⁴¹, формально несколько больше соответствует критериям научной монографии, хотя, скажем, все до единой карты, приводимые автором, были получены им либо в леворадикальных организациях «*Шалом ахшав*» и «*Бецелем*», либо в учреждениях Палестинской администрации, но только ни в израильских министерствах и ведомствах. Нет сомнений, что существующий уже

³⁴⁰ Adi Ophir, Michal Givoni, Sari Hanafi (eds.). *The Power of Inclusive Exclusion: Anatomy of Israeli Rule in the Occupied Palestinian Territories*. – New York: Zones Books, 2009.

³⁴¹ Neve Gordon. *Israel's Occupation*. – Berkeley: University of California Press, 2008.

более сорока лет режим израильского контроля над территориями Западного берега заслуживает пристального исследовательского внимания (я и сам посвятил этой теме одну из своих монографий³⁴²), однако едва ли проблема может быть решена путем подмены научной работы политизированным подходом, при котором монографии отражают прежде всего мировоззрение их авторов. Портал, посвященный научной, как утверждается, книге (<http://www.israelsoccupation.info/>), не имеет ссылок ни на один университетский сайт или исследовательский материал (кроме работ самого автора), но включает многочисленные отчеты израильских леворадикальных и палестинских организаций, озаглавленные «Этническая чистка в израильском Негеве», «Захват земель», «Хеврон – город призраков» и т.д. Нив Гордон может надеяться на приход «лидера, которому хватит смелости предложить настоящее мирное соглашение, основанное на полном отступлении к границам 1967 года, включая отказ от Восточного Иерусалима»³⁴³, это его право. Нив Гордон имеет, разумеется, полное право быть активистом леворадикальной организации «Таайуш» (он им и является), но трудно не признать весьма проблематичной ситуацию, при которой, занимая пост заведующего кафедрой политологии и государственного управления финансируемого преимущественно государством Университета им. Бен-Гуриона в Негеве, он выступает в иностранной печати с призывами к бойкоту Государства Израиль³⁴⁴. Ситуация, при которой получающий заработную плату от государства заведующий кафедрой государственного управления выступает с призывом бойкотировать и наложить санкции на это самое государство, выглядит немыслимым абсурдом. Заведующий кафедрой социологии и антропологии того же университета, профессор Ури Рам, сказал, что хотя он лично против бойкота, но он гордится тем, что работает рядом с человеком, «обладающим высоким гражданским мужеством, таким как Нив Гордон»³⁴⁵. Подобная политическая ангажированность «левых» радикалов, естествен-

³⁴² Алек Д. Эпштейн. *Израиль и (не)контролируемые территории: уйти нельзя остаться.*

³⁴³ Нив Гордон. Поколение интифады // *Ха'арец*, 06.06.2008 [на иврите].

³⁴⁴ Neve Gordon. Boycott Israel // *Los Angeles Times*, 20.08.2009.

³⁴⁵ Нива Гордона просят уйти “по собственному желанию” // *Седьмой канал*, 28.08.2009.

но, допустима в НКО, но от научных учреждений и их сотрудников можно ожидать иного подхода, ставящего во главу угла попытку понять и проанализировать проблему во всем ее комплексном многообразии, а не использовать университет как арену для продвижения своих политических программ. Профессора университетов имеют полное право быть активистами общественно-политических организаций, но университетские кафедры не могут быть превращены в филиал «Шалом ахшав» или «Бецелем», как они не могут становиться отделениями, скажем, религиозно-сионистского движения «Гуш эмуним». У активистских гражданских политических организаций и у научных учреждений – по определению разные задачи, возможности и обязанности перед обществом.

Уехавшие из Израиля и работающие ныне в западных университетах обществоведы идут порой еще дальше. «Израиль стал страной-разбойником, во главе которой стоит группа лидеров, не гнушающихся никакими средствами. Страна-разбойник беспрестанно нарушает нормы международного права, обладает оружием массового уничтожения и осуществляет террор, используя насилие против гражданского населения в политических целях», – пишет профессор международных отношений Оксфордского университета, в прошлом – житель Израиля Ави Шлаим в статье в британской газете, озаглавленной «Как Израиль привел Газу на грань гуманитарной катастрофы»³⁴⁶. Другой уехавший в Британию бывший израильтянин, Илан Паппе, сообщил, что «израильская политика в последние шестьдесят лет органично вытекает из расистской гегемонистской идеологии под названием сионизм. «...Некоторые из нас, борцов за справедливость и мир в Палестине, ошибочно избегают такой постановки вопроса, фокусируя основное внимание на положении на оккупированных территориях Западного Берега и Сектора Газы. Борьба с преступной политикой Израиля на этих землях является важной и насущной. Но эта борьба не должна оставлять впечатление, что палестинская проблема ограничивается лишь этими территориями... Связывая идеологию сионизма с его преступной практикой, как в прошлом, так и в настоящем, мы сумеем обосновать и обеспечить легитимацией кампанию бойкота и экономических

³⁴⁶ Avi Shlaim. How Israel brought Gaza to the brink of humanitarian catastrophe // *The Guardian*, 07.01.2009.

санкций против Израиля»³⁴⁷. Совершенно очевидно, что эти высказывания исходят из парадигмы тотального отрицания права Государства Израиль на существование в качестве еврейского государства в каких угодно границах, не поможет уже даже полное отступление к т.н. «зеленой черте». Воспринимаясь окружающим миром как евреи и как израильтяне, отдельные интеллектуалы выступают с жестко антиизраильских позиций.

Каждый раз, когда звучат выступления, подобные процитированным выше, вызывающие, как несложно догадаться, бурю общественного негодования, в ход идет аргумент о «святом праве» на академическую свободу. В ответ на критику абсурдных утверждений Л. Гринберга со стороны общественности газета «Ха'арец» поместила редакционную статью под названием «Академическая свобода», в которой утверждается: «Академический мир полон людей всех политических убеждений с радикальными, дурацкими и деструктивными взглядами. Их можно критиковать, устраивать против них демонстрации и не ходить на их лекции. И все же принцип академической свободы требует, чтобы им была дана возможность действовать и выражать свои мнения без помех»³⁴⁸.

Злоупотребление принципом академической свободы со стороны политизированных интеллектуалов и их самопровозглашенных защитников, борющихся за право выражать «дурацкие и деструктивные мнения», является странным феноменом. Принято считать, что принцип академической свободы гарантируется как раз для того, чтобы защитить роль университетов как «хранителей истины», невзирая на какое бы то ни было политическое или правительственное давление. Однако кажется весьма странным защищать этот принцип ради «дурацких и деструктивных взглядов»; почему право на них должно быть гарантировано именно университетским преподавателям?!

В важной книге под названием «Отрицание истории. Кто говорит, что Холокоста не было, и почему они так говорят?» ее авторы Майкл Шермер и Алекс Гробман вдумчиво рассматривают принцип свободы слова. Их позиция в отношении свободы слова для кого угодно на любую тему состоит в том, что «тогда как пра-

³⁴⁷ Ilan Pappé. Israel's righteous fury and its victims in Gaza // *Electronic Intifada*, 02.01.2009.

³⁴⁸ Редакционная статья «Академическая свобода» // *Ха'арец*, 25.04.2004 [на иврите].

вительство не должно заниматься ограничением свободы слова, любое учреждение должно иметь возможность в любое время ограничить слово любого человека, который использует ресурсы в пределах юрисдикции своего собственного учреждения (например, школьная газета, помещение класса или лекционная аудитория)». Авторы доказывают, что «мы не должны путать свободу выражения с обязательством создавать максимально комфортные условия для этого выражения»³⁴⁹. Если израильские (как и любые другие) университеты хотят сохранить статус независимых «храмов науки», они должны найти соответствующие средства противостоять «дурацким и деструктивным взглядам», имеющим политическую подоплеку, вместо того чтобы их поддерживать и защищать. Социально-политическая ситуация в Израиле в условиях продолжающегося конфликта с палестинцами, «Хезбаллой», Сирией и Ираном – действительно сложная, и общество и органы государственной власти нуждаются в профессиональном анализе, который могут сделать профессиональные обществоведы. «Дурацкие и деструктивные взгляды» не могут помочь ни обществу, ни руководству страны принимать взвешенные решения, которые позволят обеспечить израильским гражданам безопасность, минимально ставя под угрозу ценности свободы.

Государство финансирует университеты, рассчитывая, что их сотрудники смогут помочь в выработке адекватных рекомендаций в сфере своей компетенции; если же в ответ оно будет видеть и слышать «дурацкие и деструктивные мнения», то вопрос об оправданности государственного финансирования системы высшего образования неминуемо окажется на повестке дня. Хочется верить, что те, кто такие мнения высказывают, а также руководители университетов, где эти люди работают, это понимают. Будет чрезвычайно горько, если вопиющая безответственность некоторых леворадикальных научных сотрудников приведет к реакции бумеранга со стороны государства и общества. При этом действительная исследовательская и преподавательская свобода в университетах должна гарантироваться, ибо она является необходимым условием для понимания весьма противоречивых процессов, которые происходят в стране, в регионе и в мире в целом.

³⁴⁹ Michael Shermer, Alex Grobman. *Denying History. Who Says the Holocaust Never Happened and Why Do they Say It?*. – Berkeley: University of California Press, 2000, с. 13.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Столетняя история израильских «левых», по всей видимости, подошла к концу. Те организации и группировки, которые еще остаются «на плаву», лишены какого бы то ни было реального влияния. Основным аргументом «левых» политиков на протяжении многих лет оставалось утверждение о том, что программа «правых», предусматривавшая отказ от согласия на создание Палестинского государства и болезненные территориальные уступки, заведомо невыполнима, ибо является принципиально неприемлемой для палестинцев – партнеров Израиля по переговорам. Провал переговоров в Кэмп-Дэвиде и в Табе отчетливо продемонстрировал, что и та высокая готовность к тяжелейшим для Израиля уступкам, которую продемонстрировали лидеры «левых» сил, также не способна привести к достижению мирного урегулирования. Иными словами, получив возможность реализовать на практике свою миротворческую программу, лидеры «левых» обнаружили (и продемонстрировали израильскому обществу), что и их программа не способна привести к желанной цели, а готовность на признание права палестинцев на возвращение на территорию Израиля приведет к скорому превращению Израиля в палестинское государство с еврейским меньшинством. Лишившись в 1970-е годы собственной экономической программы (сегодняшняя экономическая линия социал-демократов практически ничем не отличается от той, что исповедуется правыми партиями на протяжении нескольких десятилетий), социал-демократы лишились в начале XXI века и внятной позиции по вопросам путей арабо-израильского урегулирования. В этой ситуации кризис «левых» партий представляется крайне глубоким, а возможный путь выхода из него не просматривается.

В 1948–1973 годах доминирование социал-демократических партий в политической системе Израиля представлялось явлением очевидным. Преобладание партий «левого» лагеря выразилось в солидном отрыве от ближайшего соперника, в их продолжительном пребывании у власти и в отсутствии подлин-

ных альтернатив этим партиям. Преобладание этих партий было заметно в их ведущей роли во всех сформированных в те годы правительствах. В 1950-е годы партии МАПАМ и «Ахдут ха'авода» ратовали за марксистский социализм и диктатуру пролетариата, в то время как МАПАИ/Рабочая партия в большей степени склонялась к прагматичному социал-демократическому пути. На сегодняшний день релевантность социалистической идеологии для Израиля представляется крайне сомнительной. Во внешней политике просоветская ориентация «левых» социалистических партий также доказала свою ошибочность.

Проблема эта – весьма глубокая, и как показали последние годы, она не сводится к проблемам персонального характера. Лидеры Партии Труда и блока МЕРЕЦ менялись многократно: социал-демократов в последние десять лет возглавляли Эхуд Барак, Шимон Перес, Авраам Бург, Биньямин Бен-Элизер, Амрам Мицна, Амир Перец, причем первые двое – более чем один раз, а во главе левого блока стояли Йосси Сарид, Йосси Бейлин и Хаим Орон, но ни с одним из этих руководителей электоральные показатели этих партий не улучшались; напротив, число получаемых ими мандатов сокращалось от выборов к выборам. В Партию Труда в последние годы вступило немало ярких общественных деятелей: бывший командующий ВМФ и глава Общей службы безопасности Ами Аялон, многолетний президент Университета им. Бен-Гуриона в Негеве Авишай Браверман, известные журналисты Шели Яхимович и Даниэль Бен-Симон; все они были избраны в Кнессет. Но, как верно отметила Нива Ланир в газете «Ха'арец» 20 декабря 2010 года, «несмотря на все это, Партия Труда по-прежнему погружается на дно», ибо это «партия, лишенная какой-либо государственной и социальной программы»³⁵⁰.

Многим избирателям Партии Труда было непросто принять факт ее вступления в правительственную коалицию с «Ликудом», НДИ и ШАС, где социал-демократов из тридцати министров представляют лишь пятеро, а в т.н. «узком» кабинете по оборонно-политическим вопросам среди семи членов Партию Труда представляет лишь один – ее председатель Эхуд Барак. Складывалось ощущение, что Партия Труда будет лишь без-

³⁵⁰ Ланир Н. Партия Труда срочно ищет себе спасителя // *Ха'арец*, 20.12.2010 [на иврите].

вольным фиговым листком на теле «правого» правительства, сформированного и руководимого партиями национального и религиозного лагерей. Руководители Партии Труда многократно повторяли, будто только их присоединение к правительству способно привести к возобновлению мирного процесса с палестинцами, будто именно они являются гарантами того, что этот процесс не будет окончательно похоронен. Однако будучи в правительстве небольшой фракцией из пяти человек, социал-демократы не могут оказывать существенное влияние на его курс, ибо суммарное число министров от идейно близких между собой «Ликуда» и НДИ – 17, в «узком» кабинете их пять из семи, и именно они, естественно, и задают тон. Еще важнее, пожалуй, то, что процесс, крах которого стал очевиден как раз тогда, когда Эхуд Барак был премьер-министром, не мог возобновиться сам по себе просто потому, что Эхуд Барак вернулся в правительство на пост министра обороны. Израильские социал-демократы не в состоянии ни помирить ФАТХ и ХАМАС, ни добиться от ХАМАСа признания легитимности существования Государства Израиль, ни побудить палестинское руководство отказаться от требования возвращения на территорию Израиля палестинских беженцев 1948 года и иммиграции в Израиль их потомков во втором, третьем и четвертом поколениях. Покуда эти проблемы не решены, надеяться на прогресс в мирном урегулировании не приходится. Оставаясь в правительстве во главе с Б.Нетанияху, которое отвергло настоятельную просьбу администрации США о продолжении введенного в конце 2009 года моратория на строительство еврейских поселений в Иудее, Самарии и Иорданской долине, вследствие чего ПНА отказалась от продолжения прямых переговоров с Израилем, лидеры Партии Труда фактически признали, что их стремление оставаться во власти никак не связано ни с каким мирным процессом, в который – нужно уже назвать вещи своими именами – практически никто из них не верит.

27 декабря 2010 года в интервью корреспонденту Десятого телеканала Б. Нетанияху сказал, наконец, то, что думает: «Восемнадцать лет мы ведем переговоры, сменились семь премьер-министров, десять министров иностранных дел. ... Палестинцам делали разнообразнейшие предложения, шли на огромные уступки, но они не идут на соглашение. Они не готовы признать Израиль еврейским государством и не готовы отказаться от возвращения палестинских беженцев. ... Соглашение

в течение года возможно, если они готовы на переговоры. Но они не готовы, и в этих условиях нельзя говорить о каком-либо временном промежутке». Фактически Б. Нетанияху принял концепцию о формировании Израилем в одностороннем порядке неких форм промежуточного статус-кво с палестинцами, который сохранится на достаточно долгий срок. Оставаясь в этих условиях в правительстве Б. Нетанияху – А. Либермана, лидеры Партии Труда превращаются в пятое колесо в телеге государственной власти. Опрос, проведенный Институтом «*Маагар мохот*» в начале октября 2010 года, показал, что Партия Труда может рассчитывать на выборах лишь на 9 мандатов, а блок МЕРЕЦ – на два³⁵¹. Другой опрос, данные которого были обнародованы по 33-му каналу израильского ТВ 14 октября 2010 года, предрекает Партии Труда шесть мандатов, блоку МЕРЕЦ – четыре. Согласно данным опроса общественного мнения, обнародованным Вторым каналом израильского телевидения 22 декабря 2010 года, Партия Труда может рассчитывать на выборах лишь на 7 мандатов. Показательно, что когда задавался вопрос о том, что будет, если во главе Партии Труда Эхуда Барака вновь сменит Амрам Мицна, численность тех, кто готов поддержать эту партию, существенно увеличивалась, однако и в этом случае Партии Труда не «светит» и половина мандатов «*Ликуда*»; не удается ей догнать и НДИ. Иными словами, даже если считать, что с электоральной точки зрения Эхуд Барак как лидер представляет собой сегодня скорее балласт, чем ценность, его замена все равно не способна существенным образом спасти положение.

В этих условиях *шансы «левых» сил вернуться к власти в Израиле представляются призрачными, борьба за власть идет сегодня между двумя партиями, созданными внутри блока «Ликуд»: самим «Ликудом» и возникшей из него «Кадимой»*. Очень показательно, что в качестве ведущей левоцентристской силы в Израиле воспринимается партия, почти всё руководство которой, включая трех ее председателей (Ариэля Шарона, Эхуда Ольмерта и Ципи Ливни) сделало карьеру в «*Ликуде*», причем Эхуд Ольмерт и Ципи Ливни – потомственные «*ликудники*», эту партию в Кнессете представляли еще их

³⁵¹ Опрос общественного мнения по актуальным темам // Институт «*Маагар мохот*», 6 октября 2010 г. [на иврите].

отцы. Постепенно в Израиле сложилась ситуация, при которой «левые» силы – как социалистически ориентированные, так и представители «гражданских кругов» городского среднего класса, почти полностью лишились широкой общественной поддержки. Крах концепции «левых» в вопросе о путях арабо-израильского мирного урегулирования привел израильских социал-демократов к потере основополагающего *modus vivendi* их существования. Результаты выборов, на которых израильские «левые» раз за разом показывают всё худшие результаты, чутко фиксируют этот процесс. В итоге общество, привычное к тому, что в политической жизни должны быть как «правые», так и «левые», стало считать «левыми» тех, кто, вообще говоря, к «левым» имеет самое отдаленное отношение.

Пока жители Западного берега и Газы будут выбирать переживший все «Летние дожди» и «Литые свинцы» ХАМАС, а жители Южного Ливана – вышедшую практически без потерь из Второй Ливанской войны «Хизбаллу», а это, по всей видимости, будет еще очень и очень долго, израильским «левым» надеяться не на что. Это трагедия и для них, и для израильского общества в целом, но эти тенденции не изменить никакими заклинаниями; политическая история «левого» Израиля, как ни горько писать об этом автору настоящей книги, вероятно, закончилась.

ПОСТСКРИПТУМ

17 января 2011 года израильская политика пережила серьезное потрясение, подобного которому не было несколько лет: председатель Партии Труда министр обороны Эхуд Барак вместе с еще четырьмя депутатами покинул собственную партию. Эхуд Барак объявил, что выходит на новый путь, создавая «центристскую, сионистскую, демократическую партию», которую он назвал «Независимость». Данная инициатива была предварительно согласована Эхудом Бараком с премьер-министром Биньямином Нетаньяху, но не с большинством депутатов от возглавляемой им самим фракции, что не может не вызвать удивления: Б. Нетаньяху все же стоит во главе конкурирующего блока «Ликуд», а в 1999 году два политика соперничали между собой на прямых выборах главы правительства, закончившихся победой Э. Барака. При этом ни один из парламентариев от Партии Труда, кроме самих «раскольников», никакой информации о грядущем уходе из партии ее председателя не имел.

Изначально объявление об уходе из партии, которую он дважды возглавлял (с 1997 по 2001 гг. и с 2007 года), Эхуд Барак планировал сделать в среду, 12 января. По разным причинам, одна из которых – траур по скоростно скончавшемуся в Харькове отцу, профессору Б.С. Элькину, из-за чего председатель парламентской коалиции и фракции «Ликуда» Зеэв Элькин, бывший одним из очень немногих, кто знал о готовящейся «спецоперации», отсутствовал 12 января в Кнессете, публичное объявление было отложено. Редчайший в израильской политике случай: на протяжении около двух недель примерно десять политиков владели чрезвычайно значимой информацией, и ни один из них ничего не «слил» в прессу, которая узнала о произошедшем только тогда, когда Эхуд Барак и Биньямин Нетаньяху решили, что ей пора об этом узнать.

В тот же день, когда Эхуд Барак провел свою пресс-конференцию, Комиссия Кнессета по регламенту во главе с «ликудником» Яривом Левиным утвердила раскол Партии

Труда на две фракции. 11 членов Комиссии голосовали «за» (все представители «Ликуда», НДИ, ШАС и «Еврейства Торы», а также Эйнат Вильф, одна из «пятерки Барака»), трое (все – от «Кадимы») – против, Ницан Хоровиц из МЕРЕЦа воздержался, а ошарашенный Даниэль Бен-Симон голосовать не стал вообще.

В этой ситуации министры Ицхак Херцог и Авишай Браверман, депутат Кнессета Шели Яхимович и многочисленные активисты, всё последнее время атаковавшие Э. Барака за то, что Партия Труда остается в неподходящей ей правительственной коалиции с «правыми» партиями – «Ликудом», НДИ и ШАС, оказались в положении, когда их больше никто насильно в правительстве не держит. «Ненавистный» Э. Барак больше преградой не является. Застигнутые врасплох, министры социального обеспечения (он занимал этот пост с 2007 года, и в правительстве Э.Ольмерта, и в правительстве Б. Нетаньяху) адвокат Ицхак Херцог (сын бывшего президента страны Хаима Херцога) и по делам национальных меньшинств профессор Авишай Браверман (он работал в правительстве меньше двух лет), как и Биньямин Бен-Элиэзер, в правительстве Б. Нетаньяху занимавший пост министра промышленности, торговли и занятости, а в прошлом – самые разные посты, включая должность министра обороны в кабинете Ариэля Шарона, потеряли возможность выбора и немедленно объявили об уходе из правительства. Авишай Браверман предложил избрать временным главой партии ее бывшего председателя Биньямина Бен-Элиэзера, однако из депутатов Кнессета эту идею не поддержал более никто. В результате непонятных интриг на пост временного председателя Партии Труда 23 января был утвержден 74-летний Миха Хариш, бывший генсек партии и министр промышленности и торговли в 1992–1996 гг., который последние пятнадцать лет в «большой политике» не присутствовал ни в каком качестве.

Места покинувших правительство министров были тут же поделены между «раскольниками». Шалом Симхон стал министром промышленности, торговли и занятости вместо Биньямина Бен-Элиэзера, а Матан Вильнаи стал министром в Министерстве обороны, ответственным за службу тыла (этой проблематикой он занимался и до того, но в ранге замминистра), а также за вопросы, касающиеся национальных меньшинств, заняв, таким образом, и место Авишая Бравермана. Министром

сельского хозяйства вместо Шалом Симхона стала Орит Нокед. Уже 19 января эти назначения были утверждены большинством депутатов Кнессета.

Правительство, в итоге, опирается на коалицию из 66 депутатов (из 120), и его стабильности не угрожает ничего, кроме возможного предъявления прокуратурой обвинения главе НДИ А. Либерману, что вынудит его покинуть правительство. Эта проблема, однако, никак не зависит от того, сколько депутатов, избранных по списку Партии Труда, входят в коалицию – тринадцать, как было еще утром 17 января, или пять, как стало после этого. Пост министра социального обеспечения остался вакантным, что позволяет Б. Нетаньяху, например, предложить войти в коалицию праворадикальной партии «Национальное единство», имеющей четыре мандата. Хотя парламентская база коалиции сузилась, она, пожалуй, стала стабильнее, чем была прежде: ежедневные угрозы развалить ее больше не звучат.

Оставшиеся без председателя деятели Партии Труда уже начали драку между собой, обливая друг друга помоями; явного лидера, как был Б. Нетаньяху в «Ликуде» после ухода А. Шарона, в Партии Труда нет. Учитывая, что бывший председатель Партии Труда Амир Перец и ее бывший генсек Эйтан Кабель вообще вели в последнее время переговоры о своем переходе из Партии Труда в правоцентристскую «Кадиму» и только утром 19 января объявили, что остаются (на радостях Э. Кабеля тут же избрали председателем парламентской фракции), непонятно, насколько долго оставшиеся восемь представителей некогда ведущей партии страны проработают как единая группа. Из этих восьми четверо претендуют на первенство – Авишай Браверман, Ицхак Херцог, Амир Перец и, скорее всего, Шели Яхимович, вследствие чего речь уже не может идти ни о каких лагерях, а о тотальной борьбе «всех против всех» с очень проблематичными электоральными перспективами на следующих парламентских выборах, состоятся они в 2013 году или досрочно.

Обвинив Партию Труда в движении «влево, и еще левее» в направлении постсионизма, ее председатель отметил, что парламентская фракция партии давно раскололась де-факто, и половина депутатов отказывалась подчиняться общим решениям. Эхуд Барак добавил, что в свое время Давид Бен-Гурион, Ариэль Шарон и Шимон Перес так же покидали партии,

которые в прошлом возглавляли, и он решил пойти тем же путем. Эйнат Вильф прямо заявила о разрыве новой фракции «Независимость» с «левыми». Отвечая на вопрос «Вы по-прежнему считаете себя частью левого лагеря?», она ответила: «Нет. Поэтому мы и пошли на разделение. Как мы и заявили, в Кнессете действовали две фракции [Партии Труда]. Одна – левая, ее члены выступали против правительства, возлагали на него всю ответственность за отсутствие прогресса на мирных переговорах. Они освобождали от нее палестинцев. А мы считаем себя центристами. Партией центра был и исторический МАПАЙ [название Партии Труда в 1930–1968 гг.]. Мы взаимодействуем с умеренными представителями правительства и «Ликуда» и не считаем, что во всем виноват Израиль». Таким образом, «левых» из неарабского сектора в Кнессете осталось аж целых одиннадцать человек: восемь от Партии Труда (включая, в частности, бывших министров обороны Б. Бен-Элиззера и А. Переца, «левизна» которых по военно-политическим вопросам крайне сомнительна) и трое – от МЕРЕЦ, всё. Ничего подобного в израильской истории не было никогда.

В условиях фактического краха переговорного процесса с палестинцами *modus vivendi* существования израильского «левого» лагеря в последнее десятилетие просматривался с большим трудом. Э. Барак при поддержке и участии Б. Нетаньяху и З. Элькина организационно оформил этот факт, сведя две единственные неарабские «левые» фракции в Кнессете до положения практически нерелевантного меньшинства, опирающегося менее чем на 10% парламентского корпуса. Так или иначе, но Израиль, построенный «левыми» сионистами, начал новый этап своей политической истории, в которой «левым» не осталось практически никакого места.

Что из этого выйдет – знать пока не дано.

Иерусалим, 24 января 2011 г.

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ ИЗУЧЕНИЯ
ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА *

1995 г.

1. **А.З.Егорин:** "Война за мир на Ближнем Востоке".
2. **А.В.Федорченко:** "Сельское хозяйство Израиля".
3. "Арабские страны: проблемы социально-экономического и общественно-политического развития" (совместно с ИВ РАН).
4. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 1.

1996 г.

5. **Абу Мазен (Махмуд Аббас):** "Путь в Осло".
6. **С.М.Гасратян:** "Религиозные партии Государства Израиль".
7. **А.З.Егорин:** "Современная Ливия".
8. **Л.Н.Руденко:** "Регулирование внешнеэкономической деятельности в странах Персидского Залива".
9. **А.В.Федорченко:** "Израиль накануне XXI века".
10. **А.О.Филоник, В.А.Исаев, А.В.Федорченко:** "Финансовые структуры Ближнего Востока".
11. **А.О.Филоник, Н.Г.Рогожина:** "Юго-Западная и Юго-Восточная Азия: проблемы водных ресурсов".
12. "Арабский мир в конце XX века". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
13. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 2.

1997 г.

14. **А.З.Егорин, В.А.Исаев:** "Объединенные Арабские Эмираты".

* Примечание: Институт переименован в 2005 г.

15. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
16. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 3.
17. **Н.М.Мамедова**: "Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии".
18. "Турция: современные проблемы экономики и политики". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
19. Коллектив авторов "Сирийская Арабская Республика".
20. **А.О.Филоник, В.М.Ахмедов, Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева, Н.Ю.Ульченко**: "Рынки Ближнего Востока".
21. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 4.

1998 г.

22. **А.Г.Ковтунов**: "Проблемы интеграции стран Магриба".
23. "Страны Ближнего Востока" Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
24. **А.В.Федорченко**: "Экономика переселенческого общества (совместно с ИВ РАН)".
25. **С.Б.Багдасаров и А.Н.Чавушьян**: "Военный и военно-экономический потенциал стран Ближнего и Среднего Востока" (информационно-аналитический справочник, совместно с ИВ РАН).
26. **Л.И.Данилов**: "Кто есть кто в Иорданском Хашимитском Королевстве".
27. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 5.
28. "Актуальные проблемы Ближнего Востока". Сборник.
29. **К.А.Капитонов**: "Ближний Восток в лицах".
30. "Современная Саудовская Аравия". Справочник.
31. **К.З.Хамзин**: "Водные ресурсы бассейна реки Иордан и арабо-израильский конфликт".
32. "Афганистан: Война и проблемы мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

33. **М.Г.Закария, А.И.Яковлев:** "Нефтяные монархии Аравии на пороге XXI в."
34. "Иран: Эволюция исламского правления". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

1999 г.

35. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей вып. 3 (совместно с ИВ РАН).
36. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 6.
37. **Г.И.Гучетль:** "Демократизация в Арабском мире: опыт Туниса и Сирии" (совместно с ИВ РАН).
38. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Государство Катар: проблемы развития".
39. "Национализм и фундаментализм на Ближнем Востоке". Материалы конференции. Москва, 04.02.99 г.
40. "Окружающая среда и развитие в Арабском мире ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
41. **В.А.Ушаков:** "Иран и Мусульманский мир".
42. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 7.
43. **Е.Я.Сатановский:** "Экономика Израиля в 90-е годы".
44. "Эволюция политических систем на Востоке" (Совместно с ИВ РАН).
45. **Е.С.Мелкумян:** "ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах".
46. **В.В.Кунаков:** "Турция и ЕС: проблемы экономической интеграции".
47. **А.И.Яковлев:** "Саудовская Аравия: пути эволюции" (совместно с ИВ РАН).
48. **М.А.Сапронова:** "Политика и конституционный процесс в Алжире (1989–1999)" (совместно с ИВ РАН).
49. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 8.
50. "Востоковедный сборник".

2000 г.

51. "Турецкая Республика". Справочник (совместно с ИВ РАН).
52. **М.Р.Арунова**: "Афганская политика США в 1945–1999 гг." (совместно с ИВ РАН).
53. "Политическая элита Ближнего Востока". Сборник.
54. "Ближний Восток: проблемы региональной безопасности". Сборник статей (совместно с РАЕН).
55. **С.Э.Бабкин**: "Движения политического ислама в Северной Африке" (совместно с ИВ РАН).
56. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 9.
57. "Арабский Восток: ислам и реформы". Сборник статей (Совместно с Институтом Африки РАН).
58. "Афганистан: проблемы войны и мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
59. **Аль-Харири Мухаммад**: "Налоговые системы Сирии и Египта".
60. **В.В.Азатян, А.А.Ткаченко**: "Интеграционные процессы в экономике стран Северной Африки" (совместно с Институтом Африки РАН).
61. **К.И.Поляков**: "Исламский фундаментализм в Судане".
62. "Миграционные процессы и их влияние на израильское общество". Сборник статей (Совместно с Иерусалимским университетом и Открытым университетом Израиля).

2001 г.

63. "Турция между Европой и Азией". Итоги европеизации на исходе XX века. Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
64. "Ислам и политика". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
65. **Е.Я.Сатановский**: "Израиль в современной мировой политике".
66. **В.А.Исаев, А.О.Филоник**: "Султанат Оман" (совместно с ИВ РАН).
67. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 10.

68. **А.Г.Виравов:** "Алжир: кризис власти" (Кризис общественного строя Алжира и перспективы его либерализации) (совместно с ИВ РАН).
69. "Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке". Сборник статей (совместно с Академией геополитики и безопасности).
70. **К.И.Поляков, А.Ж.Хасянов:** "Палестинская национальная автономия: опыт государственного строительства".
71. **К.И.Поляков:** "Арабские страны и ислам в России (90-е годы XX века)".
72. **Зеэв Гейзель:** "Политические структуры Государства Израиль"
73. "Востоковедный сборник". Выпуск второй.
74. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 11.
75. "Россия на Ближнем Востоке". Материалы конференции.
76. **С.Э.Бабкин:** "Религиозный экстремизм в Алжире".
77. "Мусульманские страны у границ СНГ". Сборник статей, (совместно с ИВ РАН).
78. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 12.

2002 г.

79. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 13.
80. **Н.Ю.Ульченко:** "Экономика Турции в условиях либерализации (80–90-е годы)" (совместно с ИВ РАН).
81. "Мусульмане на Западе". Сборник статей (Совместно с РАЕН).
82. "Востоковедный сборник". Выпуск третий.
83. "Афганистан на переходном этапе (сентябрь 2001 – июнь 2002 г.)". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
84. **М.Ф.Видясова, М.Ш.Умеров:** "Египет в последней трети XX века (Опыт либерализации экономики и политической системы)" (совместно с ИСАА, МГУ).
85. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 14.

86. **Р.Р.Сикоев:** "Талибы (религиозно-политический портрет)" (совместно с ИВ РАН).
87. "Востоковедный сборник". Выпуск четвертый.
88. "Армия и власть на Ближнем Востоке". Сборник статей.
89. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 15.
90. **М.П.Гучанин:** "Турция и США: основные этапы торгово-экономического сотрудничества".
91. **С.М.Задонский:** "Ядерная программа Ирана и российско-американские отношения".
92. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 16.

2003 г.

93. **С.В.Бондаренко, А.А.Ткаченко:** "Нефть и газ Египта и Алжира на рубеже XX–XXI вв."
94. **Д.Полисар:** "Выбирая диктатуру. (Ясир Арафат и формирование органов власти палестинской администрации)". Перевод А.Д.Эпштейна.
95. "Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы". Сборник статей (совместно с ИВ РАН, ИСАА).
96. **Алек Д.Эпштейн:** "Бесконечное противостояние. (Израиль и арабский мир: войны и дипломатия, история и современность)".
97. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Кувейт: Контуры экономических перемен" (совместно с ИВ РАН).
98. **О.В.Плешов:** "Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане" (совместно с ИВ РАН).
99. "Ирак: первые итоги, выводы, уроки". Сборник.
100. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 17.
101. **М.З.Ражбадинов:** "Радикальный исламизм в Египте" (совместно с ИВ РАН).

102. "Иракский кризис. Международный и региональный контекст".
Материалы "круглого стола" ИСАА. Апрель 2003 г.
103. "Иран и СНГ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
104. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 18.
105. "Саудовская Аравия: эволюция режима и пределы возможного в политическом развитии" Сборник статей.
106. **Г.Г.Косач, Е.С.Мелкумян:** "Внешняя политика Саудовской Аравии". Приоритеты, направления, процесс принятия решения".
107. "Афганистан и сопредельные страны". Сборник статей (совместно с РАЕН).
108. **В.М. Ахмедов:** "Сирия на рубеже столетий. Власть и политика" (совместно с ИВ РАН).
109. **В.П.Юрченко:** "Египет: проблемы национальной безопасности".
110. "Востоковедный сборник". Выпуск пятый.
111. "Российско-саудовские отношения: проблемы и перспективы" (по материалам круглого стола).
112. "Ирак под американским управлением: демократизация или вьетнамизация» (по материалам круглого стола).
113. "Арабо-израильский конфликт: старые проблемы и новые планы". Сборник статей.
- 114 **Е.И.Уразова:** "Экономическое сотрудничество Турции и тюркских государств СНГ" (совместно с ИВ РАН).
115. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 19.
116. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 20.
117. **М.С.Сергеев:** "Берберы Северной Африки: прошлое и настоящее"
118. **А.Р.Аганин, З.А.Соловьева:** "Современная Иордания".

2004 г.

119. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "«Русские» и власть в современном Израиле".

120. "Программы урегулирования палестино-израильского конфликта: три года после переговоров в Кемп-Дэвиде и Табе". Сборник статей и документов под редакцией **Алека Д.Эпштейна**.
121. **А.О.Филоник, А.И.Вавилов:** "Саудовская Аравия: поиски внутренней гармонии" (совместно с ИВ РАН).
122. **Е.И.Миронова:** "Алжир: смена приоритетов развития" (совместно с Институтом Африки).
123. "Иракский кризис". Аналитические записки.
124. "Терроризм". Сборник статей.
125. "Ислам на современном Востоке. Регион стран Ближнего и Среднего Востока, Южной и Центральной Азии". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
126. **И.А. Новиков:** "Оружие массового поражения на Ближнем Востоке" (совместно с информационно-аналитическим центром "Акцент").
127. "Иран и Россия". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
128. "Офицерский корпус ближневосточных государств". Сборник.
129. "Россия и США на Ближнем Востоке". Аналитические записки.
130. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 21.
131. "Армия, ВТС, ОМП на Ближнем Востоке". Аналитические записки.
132. "Проблемы Ближнего Востока. Аналитические записки".
133. "Курдский вопрос на рубеже тысячелетий" (круглый стол 19.02.2004).
134. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 22.
135. "Турция в новых геополитических условиях". Материалы круглого стола, март 2004 г. (совместно с ИВ РАН).
136. "Израиль и арабо-израильский конфликт. Аналитические записки".
137. "Иран. Аналитические записки".

138. **А.В.Федорченко, О.А.Зайцева, Д.А.Марьясис:** "Израиль в начале XXI века".
139. **И.А.Матвеев:** "Национальная и общеарабская слагаемые политики Сирии на Ближнем Востоке".
140. "Современный Исламский Восток и страны Запада". Сборник статей.
- 141 **А.В.Гасратян:** "Проблемы социально-экономического развития Ливана (1970–2000 гг.)".
142. **В.П.Юрченко:** "Сирия: проблемы национальной безопасности. (Военная политика и военное строительство в период правления ПАСВ 1963–2004 гг.)"
143. "Палестино-израильский конфликт в зеркале общественного мнения и международной дипломатии". (Сборник статей и документов) под редакцией **Алека Д. Эпштейна**.
144. «Афганистан в начале XXI века». Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
145. **М.З.Ражбадинов:** "Египетское движение «Братьев-мусульман»" (совместно с ИВ РАН).
146. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 23.
147. «Сирия. Проблемы внутривластной стабильности и внешней безопасности» (материалы круглого стола, 21 сентября 2004 г.).
148. «Ирак: 100 дней переходного правительства».
149. "Востоковедный сборник". Выпуск шестой.
150. "Иран после парламентских выборов" (Круглый стол 27.04.2004 г.). Сборник статей.
151. **Б.В.Долгов:** "Исламистский вызов и алжирское общество" (совместно с ИВ РАН).
152. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 24.

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА*

2005 г.

153. **М.К.Занбуа, А.О.Филоник:** "Формирование производственной инфраструктуры в Сирии (1946–2004)"
154. **Р.Г.Ланда:** "Политический ислам: предварительные итоги".
155. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль и проблема палестинских беженцев: история и политика".
156. **О.В.Плешов:** "Ислам и политическая культура в Пакистане" (Совместно с ИВ РАН).
157. "Ислам и общественное развитие в начале XXI века" (Совместно с ИВ РАН).
158. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 25.
159. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 26.
160. **А.В.Рясов:** "«Левые» на Арабском Востоке: ливийский опыт".
161. **И.М.Мохова:** "Западное Средиземноморье: проблемы интеграции".
162. **Н.З.Мосаки:** "Курдистан: ресурсы и политика". Часть 1, Часть 2 (Совместно с ИВ РАН).

2006 г.

163. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль в эпоху «пост-сионизма»: наука, идеология и политика".
164. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "Вокруг размежевания: общество и политика Израиля в 2005 году".
165. "Афганистан, Иран, Пакистан: время выборов и перемен". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
166. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 27.
167. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 28.

* Примечание: Институт переименован в 2005 г.

168. **Л.Н.Руденко:** "Проблемы привлечения иностранных инвестиций в арабские страны в условиях глобализации" (Совместно с ИВ РАН).
169. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Королевство Бахрейн" (Совместно с ИВ РАН).
170. "Востоковедный сборник". Выпуск седьмой.
171. **А.Г.Бакланов:** "Ближний Восток: «Дорожная карта» региональной безопасности".
172. **Алек Д. Эпштейн:** "Почему провалилась «Дорожная карта»?".
173. **Д.А.Нечитайло:** "Международный исламизм на Северном Кавказе".
174. **М.А.Сапронова:** "Иракская конституция в прошлом и настоящем" (Из истории конституционального развития Ирака).
175. **Алек Д. Эпштейн:** "Израильская война против «Хезболлы» и формирование новых контуров ближневосточной политики".
176. "Курдский вопрос в Западной Азии в начале XXI века". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
177. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 29.
178. "Современная Турция: проблемы и решения". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
179. **С.Ю.Серёгичев:** "Судан: исламо-традиционализм и армия".

2007 г.

180. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 30.
181. "Государство Израиль: политика, экономика общества". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
182. **К.В.Вертяев:** "Курдский вопрос в политике Турции (конец XX – начало XXI века)" (Совместно с ИВ РАН).
183. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 31.
184. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 32.
185. **М.Н.Гусев:** "Исламский фактор в Юго-Восточной Азии. Роль внешних сил".

186. "Востоковедный сборник". Выпуск восьмой.
187. **Г.Г.Косач:** "Саудовская Аравия: внутривосточные процессы «этапа реформ» (конец 1990–2006 гг.).
188. **Д.А.Марьясис:** "Израиль в системе международных экономических отношений (1985–2005 гг.)" (Совместно с ИВ РАН).
189. **Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева:** "Лига арабских государств и интеграционные процессы в арабском мире" (Совместно с ИВ РАН).
190. **Алек Д. Эпштейн:** "ХАМАС в региональной политике".
191. **С.Н.Саруханян:** "Ядерный фактор в российско-иранских отношениях".
192. **В.П.Юрченко:** "Военная политика и военное строительство в странах Арабского Востока (конец XX – начало XXI века)".
Справочно-аналитическое издание. Часть 1 и часть 2.
193. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 33.

2008 г.

194. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 34
(Совместно с ИВ РАН).
195. **Г.А.Меламедов, Алек Д. Эпштейн:** "Дипломатическая битва за Иерусалим. Закулисная история" (Совместно с МГУ, ИСАА, Ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
196. **В.В.Куделев:** "«Аль-Каида»: структуры, союзники и покровители".
197. **Г.Г.Косач:** "Саудовский дипломатический корпус: этапы эволюции и источники формирования".
198. **М.А.Сапронова:** "Правительство и парламент в арабских странах (правовой статус и политическая практика)".
199. **Е.С.Мелкумян:** "Регион залива: конфликты, компромиссы, сотрудничество" (Совместно с ИВ РАН).
200. **Е.А.Кудров:** "Конфликт в Дарфуре: основные причины и тенденции".

201. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль и (не)контролируемые территории: уйти нельзя остаться" (Совместно с Ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
202. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 35 (Совместно с ИВ РАН).
203. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 36 (Совместно с ИВ РАН).
204. "Турция накануне и после парламентских и президентских выборов 2007 г." Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
205. **И.А.Свистунова:** "Иракский фактор во внешней политике турецкой республики (1990–2007 г.).
206. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 37 (Совместно с ИВ РАН).

2009 г.

207. **Алек Д. Эпштейн:** "Антитеррористический террор".
208. **В.В.Евсеев, В.И.Сажин:** "Иран, уран и ракеты".
209. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 38 (Совместно с ИВ РАН).
210. **А.Б.Подцероб:** "Ислам во внутренней и внешней политике стран Магриба".
211. **В.В.Куделев:** "Аль-Каида" и война в Ираке".
212. "Ближний Восток: вызовы XXI века". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
213. **Алек Д. Эпштейн:** "Израильяне и палестинцы: от конфронтации – к переговорам и обратно" (Совместно с ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
214. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 39 (Совместно с ИВ РАН).
215. **В.И.Месамед:** "Иран-Израиль: от партнерства к конфликту".
216. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 39 (Совместно с ИВ РАН).

2010 г.

217. **Ю.С.Кудряшова:** "Турция и Европейский Союз: история, проблемы и перспективы взаимодействия".
218. **И.И.Стародубцев:** "Топливо-энергетический комплекс Турции и энергетический фактор в российско-турецких отношениях". (Совместно с МГИМО)
219. "Турция в условиях новых внутренних реалий". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
220. **Ю.В.Зинькина:** "Коптская община современного Египта: Проблемы и перспективы".
221. **В.Чернин:** "Ближневосточный фронтир. Израильское поселенчество: история и современность". (Совместно с ассоциацией «Гишрей Тарбут»).

Адрес в Интернете: www.iimes.ru

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF ISRAELI
AND MIDDLE EASTERN STUDIES

1995

1. "War for peace in the Middle East" by **A.Egorin**
2. "Agriculture in Israel" by **A.Fedorchenko**
3. "The socio–economic and political development in the Arab World".
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian
Academy of Sciences
4. "The Contemporary Middle East" (collection of essays)

1996

5. "The road to Oslo" by **Abu Mazen (Mahmud Abbas)**
6. "Religious parties in the State of Israel" by **S.Gasratian**
7. "Contemporary Libya" by **A.Egorin**
8. "Regulation of external economic activity in the Persian Gulf
countries" by **L.Rudenko**
9. "Israel on the eve of the XXI-th century" by **A.Fedorchenko**
10. "Financial Institutions in the Middle East" by **A.Filonik, V.Isaev and
A.Fedorchenko**
11. "Water resources in the South West and South East Asia" by
A.Filonik and N.Rogozhina
12. "The Arab World in the end of the XX-th century" (collection
of essays). In association with the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences
13. "The Contemporary Middle East" № 2 (collection of essays)

1997

14. "United Arab Emirates" by **A.Egorin and V.Isaev**
15. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
16. "The Contemporary Middle East" № 3 (collection of essays)
17. "Iran in the XX-th Century. The Role of State in Economic Development" by **N.Mamedova**
18. "Turkey: Problems of modern Economy and Policy" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
19. "The Syrian Arab Republic"
20. "Markets in the Middle East" by **A.Filonik, V.Ahmedov, L.Rudenko, Z.Solovieva, N.Uitchenko**
21. "The Contemporary Middle East" № 4 (collection of essays)

1998

22. "Problems of integration among the Arab Magrib countries" by **A.Kovtunov**
23. "Countries of the Middle East" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
24. "Settler Society Economy: Israeli Model" by **A.Fedorchenko**
25. "Military and military – economic Potential of the Middle Eastern Countries" by **S.Bagdasarov and A.Chavushian** In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
26. "Who is Who in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **L.Danilov**
27. "The Contemporary Middle East" № 5 (collection of essays)
28. "Actual Problems of the Middle East"

29. " Political Portraits of the Middle East" by **K.Kapitonov**
30. "The contemporary Saudi Arabia"
31. "Water Resources of the Jordan River Basin and the Arab–Israeli Conflict" by **K.Khamzin**
32. "Afghanistan: War and Problems of Peace" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
33. "Oil Monarchies of Arabian peninsula on the edge of XXI century" by **M.Zakaria and A.Yakovlev**
34. "Iran: Evolution of Islamic Rule" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

1999

35. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" № 3, (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
36. "The Contemporary Middle East" № 6 (collection of essays)
37. "Democratization in the Arab World: the case of Tunisia and Syria" by **G.Guchetl**
38. "The State of Qatar: problems of development" by **A.Filonik and V.Isaev**
39. "Nationalism and Fundamentalism in the Middle East". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
40. "The Environment and Development in the Arab World" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
41. "Iran and the Muslim World" by **V.Ushakov**
42. "The Contemporary Middle East" № 7 (collection of essays)
43. "Israeli Economy in the 90's" by **Eu.Satanovsky**

44. "Evolution of political Systems in the East". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
45. "GCC in global and regional processes" by **E.Melkumian**
46. "Turkey: Problems of economic integration" by **V.Kunakov**
47. "Saudi Arabia in Evolution" by **A.Yakovlev**
48. "Policy and constitutional Process in Algeria (1989-1999)" by **M.Sapronova**
49. "The Contemporary Middle East" № 8 (collection of essays)
50. "Oriental Records" (collection of essays)

2000

51. "Republic of Turkey"
52. "U.S. Policy in Afghanistan in 1945-1999" by **M.Arunova**
53. "Political Elite in the Middle East"
54. "The Middle East: Problems of regional Security" (collection of essays).
In association with the Russian Academy of Natural Sciences
55. "The Movements of Political Islam in Northern Africa" by **S.Babkin**
56. "The Contemporary Middle East" № 9 (collection of essays)
57. "The Arab World: Islam and Reforms" (collection of essays)
58. "The Afghanistan: Problems of War and Piece" (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
59. "Tax Systems in Syria and Egypt" by **Al-Hariri Muhammad**
60. "Processes of Integration in the Economy of Northern Africa States"
by **V.Azatian and A.Tkachenko**
61. "Islamic Fundamentalism in the Sudan" by **K.Polyakov**
62. "Mass Migration and its Impact on the Israeli Society" (collection of essays)

2001

63. "Turkey between Europe and Asia" In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
64. "Islam and Policy" (collection of essays)
65. "Israel in the Contemporary World Policy" by **Eu.Satanovsky**
66. "The Sultanate of Oman" by **A.Filonik and V.Isaev**
67. "The Contemporary Middle East" № 10 (collection of essays)
68. "Algeria: crisis of power" by **A.Virabov**
69. "Islamism and Extremism in the Middle East" (collection of essays) In association with the Academy of Geopolitics and Security
70. "The Palestinian National Autonomy: the Experience of the State Creation" by K.Polyakov and A.Hasyanov
71. "Arab Countries and Islam in Russia" by **K.Polyakov**
72. "Political Structures in the State of Israel" by **Ze'ev Geyzel**
73. "Oriental Records" № 2 (collection of essays)
74. "The Contemporary Middle East" № 11 (collection of essays)
75. "Russia in the Middle East" (conference papers)
76. "Religious Extremism in Algeria" by **S.Babkin**
77. "Muslim Countries at the Borders of the CIS" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
78. "The Contemporary Middle East" № 12 (collection of essays)

2002

79. "The Contemporary Middle East" № 13 (collection of essays)
80. "Turkish Economy under liberalization" by **N.Uitchenko**

81. "Muslims in the West" (collection of essays). In association with the Russian Academy of Natural Sciences
82. "Oriental Records" № 3 (collection of essays)
83. "Afghanistan in a Transition" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
84. "Egypt in the last third of the 20th Century" by **M.Vidiassova and M.Umerov**
85. "The Contemporary Middle East" № 14 (collection of essays)
86. "Taliban (the Religious and Political Profile)" by **R.Sikoev**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
87. "Oriental Records" № 4 (collection of essays)
88. "Army and Power in the Middle East" (collection of essays)
89. "The Contemporary Middle East" № 15 (collection of essays)
90. "Turkey and USA: main Stages in Trade and Economic Cooperation" by **M.Guchanin**
91. "The Nuclear Program of Iran and Russian-American Relations" by **M.Zadonsky**
92. "The Contemporary Middle East" № 16 (collection of essays)

2003

93. "Oil and Gas in Egypt and Algeria on the Verge of Two Centuries." by **S.Bondarenko and A.Tkachenko**
94. "Electing Dictatorship: Why Palestinian Democratization Failed" by **D.Polisar**
95. "Russia-Turkey Relations: History, present State and Perspectives" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa

96. "An Everlasting Confrontation. Israel and the Arab World: Wars and Diplomacy" by **A.D.Epstein**
97. "Kuwait: Contours of Economic Changes" by **A.Filonik and V.Isaev**
98. "Islam, Islamism and nominal Democracy in Pakistan" by **O.Pleshov**.
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa
99. "Iraq: First Results, Conclusions, Lessons" (collection of essays).
100. "The Contemporary Middle East" № 17 (collection of essays)
101. "Radical Islamism in Egypt" by **M.Rajbadinov**
102. "Crisis in Iraq. International and Regional Context"
103. "Iran and CIS" (collection of essays)
104. "The Contemporary Middle East" № 18 (collection of essays)
105. "Saudi Arabia: Evolution of Regime and Possible Limits in Political Development" (collection of essays)
106. "Saudi Arabia External Policy" by **G.Kosach and E.Melkumyan**
107. "Syria at the Turn of the Centuries. Power and Politics" by **V.Ahmedov**
108. "Afghanistan and Neighboring Countries" (collection of essays)
109. "Egypt: Problems of National Security (1952–2002.)" by **V.Yurchenko**
110. "Oriental Records" № 5 (collection of essays)
111. "Russian-Saudi Relations: Problems and Perspectives" (collection of essays)
112. "Iraq under the American Administration: democratization or «vietnamization»"
113. "Arab-Israeli Conflict: Old Problems and New Plans" (collection of essays)

- 114. "The Economic Co-operation between Turkey and the Turkic States of the CIS" by **E.Urazova**
- 115. "The Contemporary Middle East" № 19 (collection of essays)
- 116. "The Contemporary Middle East" № 20 (collection of essays)
- 117. "Berbers of North Africa: Past and Present" by **M. Sergeev**
- 118. "Contemporary Jordan" by **A.Aganin and Z.Solovieva**

2004

- 119. "The «Russians» and Power in the State of Israel" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**
- 120. "Peaceful Settlement of the Palestine–Israeli Conflict: Three Years after Camp David and Taba Talks"(essays and documents) Edited by **Alek D. Epstein**
- 121. " Saudi Arabia: Search for Inner Harmony" by **A.Filonik and A.Vavilov**
- 122. "Algeria: Change of Priorities in Development" by **E.Mironova**
- 123. Analytical records. "Iraqi Crisis"
- 124. Analytical records. "Terrorism"
- 125. "Islam in Contemporary Orient. Region of Middle and Near East, South and Central Asia". (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 126. "Weapon of Mass destruction in the Middle East" by **I.Novikov**
- 127. "Iran and Russia" (collections of essays)
- 128. "Officer Corps in the Middle Eastern States" (collections of essays)
- 129 Analytical records. "Russia and USA in the Middle East"
- 130. "The Contemporary Middle East" № 21 (collection of essays)

131. Analytical records. "Army, Weapon of Mass Destruction, Military and Technical Cooperation in the Middle East"
132. Analytical records. "Problems of the Middle East"
133. "Kurdish Question at the turn of the Millennia"
134. "The Contemporary Middle East" № 22 (collection of essays)
135. "Turkey in the New Geopolitical Conditions (documents of the Round Table, March 2004)"
136. Analytical records. "Israel and Arab-Israeli Conflict"
137. Analytical records. "Iran"
138. "Israel in the beginning of the XXI-th Century" by **A.Fedorchenko, O.Zaitzeva, D.Mariyasis**
139. "Contemporary Islamic East and European Countries" (collection of essays)
140. "National and Pan-Arab Components of the Syrian Policy in the Middle East (1946–2003)" by **I.Matveev**
141. "Problems of Social-economic Development of Lebanon (1970–2000)" by **A.Gasratian**
142. "Syria: problems of national security" by **V.Yurchenko**
143. "Palestine-Israeli conflict in the mirror of public opinion and international diplomacy" (collection of essays) Edited by **Alek D. Epstein**
144. "Afghanistan in the beginning of XXI-th Century" (collection of essays)
145. "Egyptian movement of «Muslim brothers»" by **M.Rajbadinov**
146. "The Contemporary Middle East" № 23 (collection of essays)
147. "Syria. Problems of Internal Political Stability and External Security" (documents of the Round Table, 21 September 2004)"
148. "Iraq: 100 days of transition"

149. "Oriental Records" № 6 (collection of essays)
150. "Iran after Elections" (documents of the Round Table, April 2004)
151. "Islamic challenge and the Algerian society" by **B.Dolgov**.
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
152. "The Contemporary Middle East" № 24 (collection of essays)

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF MIDDLE EASTERN
STUDIES

2005

153. "Creating of productional infrastructure in Syria" by **M.Zanbua and A.Filonik**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
154. "Political Islam: preliminary results" by **R.Landa**
155. "Israel and the problem of Palestinian refugees: history and policy" by **Alek D. Epstein**
156. "Islam and political culture in Pakistan" by **O.Pleshov**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
157. "Islam and social development in the beginning of XXI-th Century". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
158. "The Contemporary Middle East" № 25 (collection of essays)
159. "The Contemporary Middle East" № 26 (collection of essays)
160. "«Leftists» in the Middle East: Libyan experience" by **A.Rjasov**
161. "Western Mediterranean: problems of integration" by **I.Mokhova**
162. "Kurdistan: resources and policy" Part 1, Part 2 by **N.Mosaki**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2006

163. "Israel in the era of post-zionism: science, ideology and policy" by **Alek D. Epstein**
164. "On the situation with delimitation: society and policy in Israel in 2005" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**
165. "Afghanistan, Iran, Pakistan: time of elections and changes" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

166. "The Contemporary Middle East" № 27 (collection of essays)
167. "The Contemporary Middle East" № 28 (collection of essays)
168. "Globalization and capital investments process in the Arab World" by **L.Rudenko**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
169. "Kingdom of Bahrain" by **V.Isaev, A.Filonik**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
170. "Oriental Records" № 7 (collection of essays)
171. "The Middle East: «The Road Map» and regional security" by **A.Baklanov**
172. "Why did «The Road Map» fail?" by **Alek D. Epstein**
173. "International Islamism in the Northern Caucasus" by **D.Nechitailo**
174. "The Iraqi Constitution in the past and in the present" by **M.Sapronova**
175. "The War of Israel against «Hesbollah» and creation of new contour of the Middle Eastern policy" by **Alek D. Epstein**
176. "The Kurdish problem in the Western Asia in the beginning of XXI-th Century" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
177. "The Contemporary Middle East" № 29 (collection of essays)
178. "The Modern Turkey: problems and solutions" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
179. "The Sudan: the Islamic traditionalism and army" by **S.Seregichev**

2007

180. "The Contemporary Middle East" № 30 (collection of essays)
181. "The state of Israel: policy, economy, society" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

182. "The Kurdish problem in Turkish policy (the end of XX – the beginning of XXI centuries)" by **K.Vertiaev**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
183. "The Contemporary Middle East" № 31 (collection of essays)
184. "The Contemporary Middle East" № 32 (collection of essays)
187. "The Islamic factor in South-East Asia. The role of external forces" by **M.Gusev**
186. "Oriental Records" № 8 (collection of essays)
187. "Saudi Arabia: political processes and "Stages of Reform" (the end 1990–2006)" by **G.Kosach**
188. "Israel inside the world economic relations" by **D.Mariyasis**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 189 "The League of the Arab states and international process in the Arab world" by **L.Rudenko, Z.Solovieva**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
190. "HAMAS in the regional policy" by **Alek D. Epstein**
191. "The nuclear factor in Russian-Iranian relations" by **S.Sarukhanjan**
192. "The military policy and force development in the Middle East (the end of XX – the beginning of XXI centuries)" by **V.Yurchenko**
193. "The Contemporary Middle East" № 33 (collection of essays)

2008

194. "The Contemporary Middle East" № 34 (collection of essays)
195. "The diplomatic battle for Jerusalem. Behind-the-scene story" by **G.Melamed and Alek D. Epstein**. In association with the Institute of Asian and African Studies, Moscow State University and Gishrey Tarbut Association
196. "Al-Qaeda: the structure, the allians and the sponsors" by **V.Kudelev**

197. "Saudi Arabian diplomatic corps: stages of evolution and sources of formation" by **G.Kosach**
198. "Government and parliament in the arab countries (legal status and political practice)" by **M.Sapronova**
199. "The Persian Region: conflicts, compromises, cooperation" by **E.Melkumyan**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
200. "The conflict in the Darfur Province: main reasons and tendencies" by **E.Kudrov**
201. "Israel and (un)controlled territories: to leave or stay" by **Alek D. Epstein**. In association with the Gishrey Tarbut Association
202. "The Contemporary Middle East" № 35 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
203. "The Contemporary Middle East" № 36 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
204. "Turkey before and after 2007 parliamentary and presidential elections" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
205. "The Iraqi Factor in the foreign policy of the Republic of Turkey (1990–2007)" by **I.Svistunova**
206. "The Contemporary Middle East" № 37 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2009

207. "Antiterroristic terror" by **Alek D. Epstein**
208. "Iran, uranium and rockets" by **V.Evseev, V.Sazhin**

209. "The Contemporary Middle East" № 38 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
210. "Islam in internal and external policy of Magrib" by **A.Podcerob**.
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
211. "Al-Qaeda and the war in Iraq" by **V.Kudelev**
212. "The Middle East: challenges of the XXI-st century" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
213. "Israelites and Palestinians: from confrontation to negotiations and back to the point" by **Alek D. Epstein**. In association with the Gishrey Tarbut Association
214. "The Contemporary Middle East" № 39 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
215. Iran-Israel. From partnership to conflict
216. "The Contemporary Middle East" № 40 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2010

217. "Turkey and EU: history, problems and prospects for cooperation" by **U.S.Kudrjashova**
218. "Turkey's fuel and energy complex and oil and gas industries in Russian-Turkish relations" by **I.I.Starodubtcev**
219. "Turkey in the context of new internal circumstances" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
220. "Coptic community in contemporary Egypt: problems and prospects" by **U.V.Zinkina**
221. "Middle Eastern frontier. Israeli settlement: history and modernity" by **V.Chernin**

Internet: www.iimes.ru

Научное издание

Алек Д. Эпштейн

**ГЕНЕЗИС И ЗАКАТ
«ЛЕВОГО» ИЗРАИЛЯ**

Подписано в печать 18.03.2011 г.

Формат 60х90/16.

Печать офсетная

Бумага офсетная №1

Объем 23,75 уч. изд. л.

Тираж 800 экз. Тип. Зак. № 64

Типография «Вишневый пирог»
115114, Москва, 2-й Кожевнический пер., 12